

ПРИРОДНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛА

**Материалы XVII Всероссийской
научно-практической
конференции
(с международным участием)**

Челябинск, 5 июня 2026 г.

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный институт культуры»

ПРИРОДНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛА

Материалы
XVII Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)

Челябинск, 5 июня 2026 г.

Челябинск
Челябинский государственный институт культуры
2026

УДК 008:502(470.5)(06)

ББК 26.89(235.55)я43

П77

Редакционная коллегия:

Синецкий Сергей Борисович (*председатель*), доктор культурологии, ректор; Челябинский государственный институт культуры;

Штолер Андрей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе; Челябинский государственный институт культуры;

Вашкау Нина Эмильевна, доктор исторических наук, профессор; Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского;

Рассказова Надежда Степановна – доктор географических наук, профессор; Аланийский университет Х. Эмина Паши;

Тищенко Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, музеологии и документоведения; Челябинский государственный институт культуры;

Лушникова Алла Вячеславовна (*составитель, научный редактор*), кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения; Челябинский государственный институт культуры

П77

Природное и культурное наследие Урала : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Челябинск, 5 июня 2026 г. / редкол.: С. Б. Синецкий (предс.), А. В. Лушникова (сост., науч. ред.); ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры». — Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2026. – 494 с.: цв. вкл.

ISBN 978-5-94839-913-3

В центре внимания исследователей – вопросы исторической памяти как обязательного критерия в оценке смысла цивилизационного развития. Акцент сделан на изучении Уральского региона. Материалы носят комплексный характер (история, хранители памяти, особенности социокультурного пространства региона, брендинг территории, вопросы сохранения историко-культурных и природных объектов), что определяется названием конференции. Традиционно в числе ключевых рассматриваются вопросы образования и воспитания в социокультурном пространстве. Среди авторов статей как признанные ученые, так и молодые исследователи.

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЧГИК

Научное издание

Составитель Алла Вячеславовна **Лушникова**, канд. пед. наук, доцент

ПРИРОДНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛА
Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)

Челябинск, 5 июня 2026 г.

Статьи печатаются в авторской редакции
Подготовка к изданию В. А. Макарычевой

Формат 60×84/16. Объем 29,17 у. п. л. Тираж 150 экз.

Сдано 21.05.2025. Подписано в печать 01.06.2026

Отпечатано в Челябинском государственном институте культуры. Ризограф
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

ISBN 978-5-94839-913-3

© Челябинский государственный
институт культуры, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. А. В. Лушникова.....	7
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ОТ ПОЗНАНИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ МОДУСА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ (ИССЛЕДОВАНИЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ, ПРЕЗЕНТАЦИИ)	
<i>Muratbekov M. B., Bozhbanbaev B. M. Conceptualizing Humanism in the Ethical and Social Philosophy of al-Farabi and Abai: Parallels and Divergences [Муратбеков М. Б., Божбанбаев Б. М. Концептуализация гуманизма в этической и социальной философии аль-Фараби и Абая: параллели и расхождения (на англ. яз.)].....</i>	10
Гейль В. В. Электронный ресурс «Монументально-декоративное искусство Челябинска»: сохранение и актуализация культурного наследия через цифровые форматы.....	21
Бубенищikov А. В. Актуализация историко-культурного наследия в ретроспективе музейного дела на Урале.....	27
Бурматова А. А. Событийность и личность в исторических реалиях...	35
Гордеев А. С. Проект нового человека: богостроительство А. В. Луначарского и голос протеста	44
Демаков В. Г. «Незабвенному родителю от благодарных детей»: наследие челябинских мещан Волковых	54
Заднепровский А. П. Образ горнозаводского рабочего как эталон советского труженика: уральские корни национальной идентичности 1930-х годов.....	61
Захаров Н. А. Музеефикация оренбургского пухового платка: исторический опыт и современные практики	71
Захарова П. В. Образы заводов Челябинской области в станковой живописи XX века	76
Ивашкевич Д. О. Алое поле Челябинска: пространство памятных дат в исторической памяти Урала	83
Клевляник В. О. Роль храмов, мечетей и иных культовых сооружений в сохранении духовного наследия и общинных традиций на Урале.....	88
Климаков С. А. Об уточнении даты рождения челябинского краеведа И. В. Дегтярева.....	95
Крупа М. В. Роль музеев, архивов и культурных центров Урала в сохранении и популяризации исторического и культурного наследия	99
Крыгина Е. Д. История орской яшмы: от природных истоков до музейной коллекции	106
Морозова И. Н. Впечатления и открытия. Художники Южного Урала о времени и жизни, о себе (заметки о выставках изобразительного искусства в Челябинске в 2024–2026 гг.)	113
Рассказова Н. С. Культурное наследие Урала: «нетипичная» кладка на р. Чусовой.....	120

Соковилов С. С. Типы памяти и культурное беспамятство в коммеморативном пространстве.....	127
Солнышкина Д. Р., Лешуков А. Г. Деиндустриализация и советская ностальгия: трансформация идентичности в краеведческих сообществах Челябинска	139
Шушарина Н. П. Короткая история беломестного казачества на Исети	148
Кваснина А. Д., Кутепова О. Е. Медиапространство региона: как СМИ и социальные сети влияют на восприятие культурных традиций....	159
Устьянцева М. А. Влияние традиций и инноваций на развитие театрального и зрелищного искусства в Уральском регионе	163
Харькова О. Ю., Долдо Н. В. Зритель как соавтор: опыт партисипаторных проектов в публичных пространствах Урала	171
Густоварова А. В., Кутепова О. Е. Социальные традиции и современные анимационные решения для детей с ОВЗ.....	177
Семенова Е. В. Оценка учебных результатов в вузе: актуальные проблемы	182
Уварова К. В. Образ ребенка и семьи в южноуральских СМИ и рекламе.....	187

Годы мужества и славы

Королев Н. С., Порошина А. И. Продолжение традиции уральской фронтальной поэзии в творчестве Геннадия Григорьева	194
Бортников М. П. Урал — арсенал Победы: цена трудового подвига и современные подходы к изучению промышленной мобилизации 1941–1945 гг.	200
Вагапова В. С. Эвакуация промышленности на Урал в 1941–1942 гг....	210
Невзоров С. Г. Культурологический анализ сущностных характеристик феномена коллективного героизма	217
Овчинникова З. А. Гладышев Иван Васильевич — полный кавалер Ордена Славы.....	224
Титов Н. Н. Забвению не подлежит.....	229
Фадеева Д. С. Вклад Урала в Победу: трудовой и военный подвиг региона ...	238

На книжной полке:

для любителей словесности и не только...

Казакова Г. М. Современная библиотека: как Южный Урал глядит в будущее?.....	242
Дёмин П. В. Тема культуры в региональных учебных пособиях.....	249
Качалова К. А. «Библионочь» в детской библиотеке: типология и структурная организация праздничного проекта».....	251
Качалова К. А. Режиссура детского библиотечного праздника: методиче- ские рекомендации по подготовке и проведению «Библионочи»	258

<i>Подшумляк В. И.</i> Борис Степанович Рябинин — писатель, публицист, общественный деятель	264
<i>Рушанин В. Я., Подшумляк В. И.</i> Библиотека свердловского писателя Бориса Степановича Рябина	272
<i>Харитонова Е. А.</i> Культурное посредничество как назначение современной библиотеки в ситуации «невероятности» коммуникации	280

ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ — ДУША НАРОДА

<i>Богдан С. В., Царьков А. В.</i> Национальные культурные проекты как маркеры организации современной культурно-досуговой деятельности.....	287
<i>Аксентьева Ю. С.</i> Уральская песня: характерные черты и региональные особенности.....	294
<i>Галимова Д. М.</i> Обряд как форма сохранения культурного наследия: структура, функции и звуковые элементы	301
<i>Гушнянская А. И.</i> Кузьминки на Урале: мифологическое обоснование праздника	303
<i>Ершова Д. О.</i> Жанровое своеобразие и исполнительские приемы казачьих припевов и скорых песен (на материале Урала и сопредельных регионов)	309
<i>Иваныш А. Е.</i> Материнский фольклор: специфика бытования и трансформация в современной культуре	313
<i>Инчина Ю. К.</i> Народный женский костюм: единство формы, функции и сакральный смысл.....	319
<i>Ишимова О. А.</i> Сохранение культурных традиций нагайбакского народа. Деятельность творческой мастерской «Монисто нагайбачки»	323
<i>Лазарева Л. Н.</i> Еда (пища) как медиатор между повседневностью и праздничностью: соотношение витальности и символичности....	327
<i>Нурмагамбетова А. Ш.</i> Социокультурный статус девушки в традиционной культуре казахского народа.....	333
<i>Черепанова А. Д.</i> Региональное своеобразие свадебного обряда Зауралья: традиции и локальные особенности (на примере Курганской области)	339
<i>Шагина С. В.</i> Фестивали картофеля на Урале как культурный код: переход еды из профанного в сакральное пространство.....	346

УРАЛЬСКИЙ ХОРОВОД

<i>Бурматнова А. А.</i> Реконструкция народной бытовой и танцевальной культуры: роль личности в сохранении канонических форм (на материале творческой деятельности К. С. Стрежнева).....	352
<i>Глухова А. О.</i> Современные тенденции в сохранении и развитии традиций русского народного танца	355
<i>Дубских Т. М.</i> Казачество и его влияние на хореографию: танцы казаков как культурное наследие Урала	362

Лукина К. В. Танец как элемент ритуально-обрядовой традиции: греческие и уральские этнокультурные параллели	368
Мухаметдинова Л. А. Любительский хореографический коллектив как ресурс гражданско-патриотического воспитания: инновационные методы и педагогические практики	378
Пильзак М. В. Русский народный костюм Урала в современной хореографической практике: сохранение традиций и сценическая интерпретация	382
Степанова А. П. Народный танец как живая летопись: хореографическое наследие Урала в системе гражданско-патриотического воспитания молодежи	388

Территория вдохновения. Туризм в Уральском регионе: трудности и перспективы развития

Безносова Е. В., Долдо Н. В. Трудности развития туризма в малых городах и стратегии их преодоления (на примере Челябинской области)	395
Зарипова Л. Р. Брендинг как современная технология актуализации наследия (на примере конкурса «Урал гузале» в Челябинской области)	402
Верестюк И. Ю. Кыштым и «красная зона». Культурная репрезентация экологического бедствия на Южном Урале: между травмой и туристическим аттракционом	412
Камалова И. И. Памятные сюжетные места Урала с музыкальным воспроизведением: синтез истории, ландшафта и звука	421
Москаленко П. Я. Специфика уральской городской легенды	428
Усольцева А. В. Зброшенныа архитектурные объекты Южного Урала: возможности ревитализации	435
Чумак А. А. Родник как локус культурного ландшафта и место памяти: пример Николаевского ключа	440
Хлебалова К. И. Устиновский каньон: вопрос сохранения уникального природного объекта Челябинской области	449
Юрин В. И. Пещерные комплексы Катав-Ивановского муниципального округа (по материалам работы Сикияз-Тамакской археологической экспедиции и Сикияз-Тамакской научно-краеведческой экспедиции в 1996–2020 гг.)	453

Юбилейные даты

Шульга А. А. С. Т. Аксаков: 235 лет со дня рождения русского писателя и певца уральской природы	463
Лушникова А. В. Следопыт нашего времени. Итоги работы за 1995–2025 гг. В. И. Юрина (к 70-летию со дня рождения)	469
Сведения об авторах	488

Предисловие

С чего начинается Родина? Этот вопрос рано или поздно задает себе каждый думающий человек. Цивилизация в своем развитии стирает определенные коммуникационные границы, привычные для эмоционально-личностного взаимодействия и передачи проверенных временем ценностей, которые зачастую именуются традиционными. Семейные, этнические, национальные ориентиры растворяются в современном стремительном ритме жизни. Но в определенные временные срезы, когда ставится вопрос об истинных ценностях, направленных на сохранение жизни как главной ценности земной цивилизации, человек ищет критерии для ранжирования личных целей (или даже своей миссии, которая дается ему по праву рождения) и соотношения их с социокультурными стратами. Ученые предлагают сегодня различные терминологические основания для выбора ценностей — исторические ценности, историческая культура, историческая память... Но при всем дефинициальном разночтении базис един — реалии современности есть результат исторического развития, результат выработки социально значимых ориентиров. Меняются технологические приемы передачи ценностных ориентиров, в приоритете — инновационные режимы коммуникации. Но стоит ли доверять не проверенным еще временем коммуникационным технологиям, вправе ли мы отказываться от взаимодействия традиционного межличностного и социального, выработанного тысячами столетиями становления цивилизации?

Семнадцатый раз на коммуникационной площадке Челябинского государственного института культуры ученые и практики ставят вопрос о том, что нужно сохранить, о чем нужно не забыть, когда формируются заветы будущим поколениям. Исследования XX – начала XXI в. показывают, что определенные утраты коммуникационных практик по передачи ценностей, выработанных историческим развитием, уже произошли. Но что-то еще можно и необходимо спасти и сберечь. Собственно

об этом и нарратив выступлений и публикаций участников конференции. Палитра материалов столь же разнообразна, как и само многообразие жизненных реалий и исторических ценностей: от вариативности культуры этнической до художественных практик современных творцов, от представления исторического портрета городов до описания реконструкционных практик архитектурного облика мегаполисов, от презентации мифосакрального поиска истины до презентации творческого потенциала современных исполнителей и др. В нынешних политических реалиях невозможно забыть и о ценностях, которые формируют Человека с большой буквы (собственно, один автор так и назвал материалы своего исследования «Забвению не подлежит») — защитника Родины, защитника своей идентичности, защитника совести поколений.

Единственное ограничение, предлагаемое участникам конференции, — это историко-географическая локация. Однако и в исторических, и в современных реалиях Урал играет огромную роль в судьбе страны в целом, поэтому представлен не только наш регион. Статистика говорит сама за себя. В материалах конференции — публикации авторов из стран ближнего и дальнего зарубежья: Казахстан (Алматы, Костанай, Петропавловск), Турция (Аланья).

Российская Федерация представлена Республикой Башкортостан (Межгорье, Стерлитамак), Республикой Крым (Ялта), областями — Липецкой (Липецк), Оренбургской (Оренбург), Свердловской (Асбест, Екатеринбург, Полевской, п. Глинское Режевского муниципального округа), Челябинской (Карталы, Копейск, Коркино, Миасс, Снежинск, Чебаркуль, Челябинск, с. Фершампенуаз Нагайбакского муниципального округа, п. Увельский Увельского муниципального округа).

Традиционно на площадке Челябинского государственного института культуры включаются в дискурс ученые и практики, неравнодушные к судьбе страны и уральского региона.

Участники конференции представляют организации. Учебные учреждения: Аланийский университет Х. Эмина Паши, Казахская национальная академия искусств им. Темирбека Жургенова, Казахский национальный педагогический универ-

ситет им. Абая, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Оренбургский государственный университет, Уральский государственный университет физической культуры, Челябинский государственный университет, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Челябинский государственный институт культуры. Музеи, библиотеки, культурные центры, дома творчества: Государственный исторический музей Южного Урала, Детский дом творчества (Екатеринбург), Детская школа искусств (Челябинск), Детская школа искусств (Межгорье), Детская школа искусства (Чебаркуль), Дом творчества (Нагайбакский муниципальный округ), Краеведческий музей им. М. А. Тренина (п. Увельский), Областная библиотека для детей и юношества им. И. Алтынсарина (Костанай), Областная филармония им. Аканы Серы (Петропавловск), Общероссийская общественно-государственная организация «Ассамблея народов России» (Челябинская область), Орский краеведческий музей, Свердловский академический театр музыкальной комедии (Екатеринбург), Студия современного танца (Стерлитамак), Центр культуры и народного творчества (Полевской), Управление культуры (Петропавловск), Центр детского творчества «Гармония» (Челябинск), Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, Южно-уральский центр комплексного изучения пещер «Следопыт» (Челябинск).

Значимость конференции заключается и в возможности познакомиться наряду с работами титулованных ученых, профессионалов-практиков с материалами молодых исследователей. Среди участников — доктора наук (4), кандидаты наук (24), докторанты, аспиранты, директора и научные сотрудники музеев, библиотек и культурных центров, преподаватели, педагоги дополнительного образования, балетмейстеры, хореографы, артисты, краеведы, магистранты, студенты и др. Организаторы конференции надеются не только на конструктивный диалог офлайн, но и на полезность опубликованных материалов.

А. В. Лушикова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ОТ ПОЗНАНИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ МОДУСА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

(ИССЛЕДОВАНИЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ, ПРЕЗЕНТАЦИИ)

UDC 17:1(5) (091)

M. B. Muratbekov, B. M. Bozhbanbaev

CONCEPTUALIZING HUMANISM IN THE ETHICAL AND SOCIAL PHILOSOPHY OF AL-FARABI AND ABAI: PARALLELS AND DIVERGENCES

М. Б. Муратбеков, Б. М. Божбанбаев

Концептуализация гуманизма в этической и социальной философии аль-Фараби и Абая: параллели и расхождения

Аннотация. В статье предложен сравнительный философский анализ гуманизма в этической и социальной мысли аль-Фараби и Абая, их идеи рассмотрены в более широком дискурсе восточной интеллектуальной истории. В предыдущих исследованиях каждый мыслитель рассматривался отдельно, концептуальной преемственности и трансформации гуманистических принципов между ними уделялось недостаточное внимание. В статье устраняется этот пробел путем реконструкции их соответствующих представлений о человеке как о нравственном и автономном субъекте и рассмотрения роли образования в формировании этической и гражданской ответственности. В исследовании утверждается, что аль-Фараби формулирует модель гуманизма, основанную на идеале добродетельного города, где нравственное совершенство достигается посредством рационального знания, дисциплинированного воспитания и социально регулируемых норм. Абай, в свою очередь, переосмысливает эту концепцию, перенося акцент на внутренний нравственный мир личности, подчеркивая совесть, достоинство и саморефлексию как основы личного и социального обновления. Посредством концептуального и сравнительного анализа статья демонстрирует как преемственность, так и расхождение в их подходах, показывая, как Абай трансформирует классический исламский философский гуманизм в культурно

специфичный, но универсальный этический проект. Делается вывод о том, что гуманизация общества, по мнению обоих мыслителей, зависит от интеграции моральных категорий в образовательные и гражданские практики, тем самым связывая личное самосовершенствование с коллективным благополучием.

Ключевые слова: гуманизм, аль-Фараби, Абай, сравнительная философия, нравственное воспитание, гражданская этика, добродетельный город, внутреннее совершенство

Abstract. This article offers a comparative philosophical analysis of humanism in the ethical and social thought of al-Farabi and Abai, situating their ideas within the broader discourse of Eastern intellectual history. While previous studies have examined each thinker separately, insufficient attention has been paid to the conceptual continuity and transformation of humanistic principles between them. The paper addresses this gap by reconstructing their respective understandings of the human being as a moral and autonomous agent and by examining the role of education in the formation of ethical and civic responsibility. The study argues that al-Farabi articulates a model of humanism grounded in the ideal of the virtuous city, where moral perfection is achieved through rational knowledge, disciplined upbringing, and socially regulated norms. Abai, in turn, reinterprets this framework by shifting emphasis toward the inner moral world of the individual, highlighting conscience, dignity, and self-reflection as foundations of personal and social renewal. Through conceptual and comparative analysis, the article demonstrates both continuity and divergence in their approaches, showing how Abai transforms classical Islamic philosophical humanism into a culturally specific yet universal ethical project. It is concluded that the humanization of society, in both thinkers, depends on integrating moral categories into educational and civic practices, thereby linking personal self-perfection with collective well-being.

Keywords: humanism, al-Farabi, Abai, comparative philosophy, moral education, civic ethics, virtuous city, inner perfection

This article addresses that gap by undertaking a comparative philosophical reconstruction of their ethical frameworks. It argues that al-Farabi formulates a model of humanism grounded in the rational organization of the virtuous community, where moral excellence is cultivated through structured education and normative regulation. Abai, while inheriting this intellectual legacy, shifts the emphasis toward the inner moral world of the individual, interpreting human perfection primarily through conscience, dignity, and reflective self-cultivation.

By analyzing both convergence and divergence in their approaches, the study aims to demonstrate that the humanization of society, in their thought, presupposes a dynamic relationship between personal moral formation and collective cultural development. Such an interpretation allows us to reconsider the relevance of their humanistic ideals for contemporary discussions on civic responsibility, ethical education, and the foundations of social cohesion.

The problem of humanism has acquired renewed relevance in contemporary philosophical discourse due to global transformations and the internal development of socio-political systems. In present conditions, humanism functions not merely as an ethical ideal but as a structural principle of cultural and institutional organization. Its importance is intensified by the necessity of responding to global challenges that concern dignity, freedom, and responsibility.

Humanism affirms the intrinsic value of the individual. Yet its philosophical validity depends not only on normative declarations but on its realization within social practice. The historical significance of any doctrine lies in its consequences. In this respect, humanitarianization may be understood as the diffusion of human-centered values across political, educational, and cultural institutions. This process presupposes the formation of personal responsibility before conscience and society.

A structural analysis of humanism inevitably raises the question of subjectivity. Can humanism exist without a sovereign moral agent? The philosophical anthropology of Әбу Насыр әл-Фараби provides an early systematic response. In his doctrine of the virtuous city, the human being is defined as a rational and social entity whose perfection depends on intellectual and moral development (Al-Farabi, 1985).

Al-Farabi links social hierarchy not to inherited privilege but to degrees of virtue and knowledge. Individuals may possess comparable natural capacities, yet differences in upbringing and habituation generate ethical distinctions (Butterworth, Charles E. 2001). Moral excellence is therefore achievable through education and discipline, not predetermined by status.

The political dimension of education occupies a central place in al-Farabi's thought. The ruler of the virtuous city acts as both philosopher and educator, guiding citizens toward happiness understood as intellectual fulfillment (Mahdi, Muhsin. 2001). Although coercive mechanisms may exist within the political structure, they serve the preservation of communal order and the correction of destructive behavior rather than arbitrary domination (Leaman, Oliver. 2001).

Ignorance, for al-Farabi, represents not merely a cognitive deficiency but a moral limitation that obstructs the realization of happiness (Adamson, Peter. 2016). Humanization thus requires both institutional organization and personal cultivation. The perfection of society depends upon the ethical maturity of its members.

Comparable moral orientations appear in the reflections of Абай Құнанбайұлы, who emphasizes conscience, justice, and goodwill as indispensable categories of social harmony. For both thinkers, the humanization of society presupposes the integration of rational autonomy with cultural and ethical responsibility.

Thus, al-Farabi's humanism may be interpreted as a synthesis of rational subjectivity and social teleology. The autonomous individual is not isolated but embedded within a normative order directed toward the common good.

The main tenets of al-Farabi's humanist thought were adopted and developed by Abai. In Abai's work, the central issue is the problem of man. In examining this aspect of the question, two points should be noted. First, he did not construct systematic philosophical frameworks, but concentrated on the study of man, explored the meaning of human life, and interpreted virtues, good and evil, and aesthetic principles. A notable feature of Abai's humanism was its practical orientation: theory is not an end in itself but serves the practical interests of human life, answering the question of how a specific individual living in a secular context should act. Second, Abai formulated his conception of the perfect person, encompassing social-political, civic, pedagogical, moral, and practical dimensions of autonomous thought. As Abai posited, the essence of the perfect person is internal, comprehended through

rational reflection rather than sensory perception, representing the unity of moral integrity and aesthetic sensibility (Abai, Qunanbaily. 1995) — this demonstrates Abai's focus on the internal moral development of the individual.

In Abai's work, as well as in the ethical thought of al-Farabi, these questions are critically examined, revealing both convergences and divergences, with Abai deepening the best traditions of Arabic-speaking moral philosophy. He established a novel philosophical perspective and worldview that systematized his understanding of human nature (Akishev, K. 2000) — highlighting Abai's synthesis of Eastern and Peripatetic moral concepts.

The idea of continuity and humanism within Turkic culture requires a holistic philosophical understanding (Aitpaev, R. 2010) — emphasizing the cultural integration of universal humanistic values. There remains a tension between the degree of research into continuity, spiritual interconnection, and the absence of a conceptual framework adequately explaining this phenomenon (Aitpaev, R. 2010) — underlining the need for systematic philosophical analysis.

The humanistic ideals of al-Farabi and Abai, advocating justice, intercultural friendship, equality in intellectual and cultural development, and the pursuit of well-being and moral perfection, continue to resonate with the challenges facing modern Eastern societies. Al-Farabi approached the problem of humanism through the lens of Arab Peripateticism concerning the structure of the world. In contrast, Abai developed a coherent theory of humanism, articulating practical paths and methods for its realization, notably expressed in his work *Aadam bol* (Sarsenbayev, B. 2005) — illustrating the practical implementation of humanistic principles.

Abai's humanism is practically oriented, providing a pointed critique of societal and moral deficiencies and directly appealing to the moral responsibility of the individual (Iskakov, T. 2012) — reinforcing the active role of conscience and ethics in daily life.

The unifying principle connecting al-Farabi's vision of the virtuous city with Abai's ideal of the perfect person lies in their shared moral essence, emphasizing the continuity of ethical thought

across cultures. The triumph of critical reason and ethical reflection, whether in Socrates, al-Farabi, Pushkin, or Abai, manifests the unique cultural specificity of their societies while simultaneously enriching the broader human community, demonstrating the universality of ethical development.

A key component of Abai's philosophy is the cultivation of moral character, aimed at fostering humanistic education both individually and societally, highlighting the educational dimension of humanism. Humanism is a historically conditioned system of thought that recognizes humans as self-sufficient moral agents, whose development according to the laws of their own activity is essential for the progression of society, underscoring the systemic role of humanistic ethics.

Philosophically, humanism can be understood in both broad and narrow senses. In a broad sense, it is a historically evolving system of thought that affirms the value of the individual, their right to freedom, happiness, development, and the realization of potential; it evaluates social institutions based on human welfare and establishes equality, justice, and humanity as normative ideals. In a narrow sense, humanism refers to the Renaissance cultural movement. If humanism in the narrow sense is temporally and geographically localized to the Renaissance in Western Europe, in the broad sense it transcends time and place, indicating the universality of humanistic principles.

The question of the criteria of humanism becomes essential to distinguish it from general or superficial concerns about humanity. Humanism is inseparable from practice: it affirms the intrinsic value of each individual, recognizing autonomy, moral agency, and the capacity for self-improvement (MacIntyre, A. 1981). This foundational principle unites Eastern and Western conceptions of humanism, despite cultural and historical differences.

Self-improvement is central to humanism and involves striving toward ideals that are not yet fully realized. This aspirational dimension gives humanism openness and incompleteness, allowing growth while emphasizing ethical responsibility. However, if

disconnected from normative grounding, this pursuit may lead to subjectivist interpretations or even undermine the core principles of humanism.

In al-Farabi's philosophy, humanism is framed through rationality and social order. While all humans possess potential equality, natural and cultivated differences justify hierarchical organization within society (Mahdi, M. 2001). Justice is structured to promote the common good rather than enforce pure equality. Happiness, understood as intellectual and moral perfection, integrates individual development with societal well-being. In this framework, the cultivation of virtue is inseparable from the education and organization of the community.

Abai, while influenced by al-Farabi, reorients humanism toward the inner moral development of the individual. He does not build a formal philosophical system but focuses on the ethical and existential life of the person. For Abai, the perfect person is defined by internal harmony, conscience, and reflective self-awareness rather than by social status or external recognition. Philosophy serves practical ethical guidance: it addresses the question, "How should one live?" in concrete, everyday terms. The moral development of the individual is the foundation for social well-being and cultural renewal.

The comparison of al-Farabi and Abai highlights both continuity and divergence. Both agree that humanization of society requires integrating ethical principles into education and social life. However, while al-Farabi emphasizes institutional and political structures to cultivate virtue, Abai places the focus on personal moral responsibility and reflective self-cultivation. The shared concern for moral and ethical development reflects a continuous tradition, whereas the shift in focus from external social structures to interior moral formation represents a significant conceptual divergence.

Considering a person as a social value, al-Farabi viewed him as individual and unique, although he limited these qualities within the framework of a certain role assigned to him in a hierarchical society. For al-Farabi, a person represents a bodily-spiritual unity. The human mind interacts with other faculties of the soul and simultaneously constitutes the highest capacity of the soul, paving

the way toward happiness and social recognition. Reason, therefore, is both an individual attribute and a social value, as it allows a person to acquire knowledge, which is equated with the achievement of happiness. The attainment of happiness is the goal of human life, realized through understanding the surrounding world and adhering to ethical norms that guide life.

Al-Farabi emphasizes that true happiness consists in goods, virtuous actions, and morally excellent personalities, while everything contrary represents vices and corruption (Adamson, P. 2016). Happiness is attained through reason and morality and is oriented toward the welfare of others, extending beyond the life of the individual. The analysis of al-Farabi's model of a highly moral person suggests two complementary conclusions. On the one hand, the ideal of the perfect person reflects the traditional worldview of his society; on the other hand, it privileges universal moral truths, the pursuit of good, and the timeless significance of life, demonstrating that morality possesses universal demands.

The ideal of the perfect person coincides with the ideal ruler of the virtuous city, the sage. Only a perfect person, according to al-Farabi, can guide the fate of others: the rational teach reason, the virtuous cultivate virtue, and the happy bring happiness to others. The perfect person dedicates all capacities to the common good, exemplifying consistent humanism in which happiness represents the highest perfection and the ultimate good of life (Butterworth, C. E. 2001). Happiness is multifaceted, encompassing personal fulfillment, social contribution, and the development of intellectual and moral capacities. True human perfection is achieved not in isolation but within a community where individuals realize their abilities and collaborate for shared well-being.

Al-Farabi integrates ethics, politics, and epistemology to establish a coherent vision of human and social flourishing. A person's happiness is inseparable from social participation and fulfillment of the role prescribed by nature and society. Through moral education and civic engagement, individuals can cultivate virtue, contributing to a harmonious and well-ordered society. Humanism, understood

in this historically situated sense, affirms equality, justice, and humanity as normative ideals guiding relationships among individuals, the individual and the state, and society and power.

Abai, in his ethical philosophy, addresses similar questions, exploring the moral and social development of the individual. Comparative analysis reveals both convergence and divergence: while al-Farabi emphasizes rational and social structures for moral cultivation, Abai deepens these ideas by focusing on personal conscience, internal moral development, and reflective self-cultivation. Together, their thought demonstrates a continuity of ethical principles within Turkic and Islamic philosophical traditions, while also reflecting adaptation to specific cultural and historical contexts.

The humanization of society in Abai's ethical thought emphasizes creating conditions where individuals can recognize themselves as autonomous and responsible agents, fully integrated into cultural and social life. For Abai, humanization is inseparable from participation in the moral and value-based achievements of society. Goodwill, justice, and ethical behavior lose significance if not grounded in sincere concern for others. Acting justly requires overcoming selfish impulses and committing to moral action regardless of personal gain or external incentives. In this framework, ethical conduct is a social force as much as a personal commitment.

Abai bridges theoretical humanism with practical action. Compassion, kindness, and the recognition of the inherent dignity of every person form the foundation of ethical life. He asserts that humans are naturally inclined toward good, but societal conditions often obstruct the full expression of these virtues. Ignorance, distrust, and social hostility impede the development of a truly humanistic society. Abai's reflections extend al-Farabi's reasoning on the barriers created by "ignorant" cities, emphasizing that moral education and knowledge are essential paths to the realization of human potential.

Education and knowledge are central mechanisms for both thinkers in achieving human perfection. While al-Farabi emphasizes the axiological role of knowledge in distinguishing good from evil, Abai stresses the epistemological and ethical dimensions of learning: under-

standing cultural heritage and accumulated moral experience enables the development of the individual. Both philosophers recognize that ethical growth of the person is inseparable from social engagement, yet Abai places stronger emphasis on the internal cultivation of conscience and reflection as prerequisites for contributing to society.

Al-Farabi's conception of happiness integrates ethical, intellectual, and social dimensions, presenting a vision where individual perfection is realized through active participation in a community oriented toward the common good. His humanism envisions equitable access to education and moral development, while acknowledging social hierarchies imposed by historical conditions. True humanism, in this view, is realized when individuals cultivate virtue and reason, and use these capacities to contribute to society (MacIntyre, A. 1981).

Abai develops this humanistic framework further by highlighting the interdependence of personal ethical formation and societal well-being. Human perfection is not merely the attainment of internal virtue but involves the capacity to act for the benefit of others and the moral improvement of society. Knowledge, education, and moral discipline form the foundation of this process, allowing individuals to navigate life with conscience, reason, and compassion. In this sense, Abai's humanism is both personal and social, integrating ethical ideals with practical pathways for their realization (Nussbaum, M. C. 2000). In conclusion, the comparison of al-Farabi and Abai demonstrates a continuity of ethical thought across historical and cultural contexts. Both philosophers maintain that humanization of society depends on the ethical development of the individual, yet Abai's contribution lies in emphasizing internal moral cultivation as the primary condition for social harmony. Their combined insights present a model of humanism that balances individual perfection, moral responsibility, and collective well-being, illustrating a synthesis of rational, ethical, and cultural principles that remain relevant for contemporary ethical discourse.

The transmission of moral experience to younger generations constitutes a central concern in Abai's philosophy. Ethical development and the formation of a worthy way of life rely on instilling respect for

cultural heritage, social norms, and moral traditions. Education is conceived as the demonstration of exemplary behavior, providing youth with practical models for ethical conduct. Intellectual and moral faculties — including reason, science, will, and conscience — are fundamental to individual elevation and the establishment of a moral lifestyle.

Al-Farabi emphasizes the variability of moral and intellectual development as determined by education and upbringing. Individuals with equal natural abilities may achieve differing levels of ethical excellence depending on the guidance received. Education is both formative and hierarchical, requiring oversight by experienced mentors. It encompasses social and political dimensions, including corrective mechanisms for those resistant to moral and intellectual cultivation. Absence of education or moral development corresponds to inhumanity, as individuals lacking virtue cannot participate meaningfully in societal well-being.

Comparative analysis of Abai and al-Farabi indicates that humanistic education integrates individual moral formation with societal structure. Abai highlights practical mechanisms for ethical development, addressing cultural and social deficiencies, while al-Farabi situates moral cultivation within broader philosophical and political frameworks. Both recognize the human being as a supreme value, entitled to happiness and a meaningful life, grounded in equality, justice, and ethical responsibility. The synthesis of ethical education, moral agency, and social engagement emerges as central to a human-centered societal model.

References

1. Abai, Qunanbaiuly. 1995. *Selected Works*. Almaty: Kazakh State Publishing House — foundational texts of Abai's humanism emphasizing moral and aesthetic perfection.
2. Adamson, Peter. 2016. *Philosophy in the Islamic World*. Oxford: Oxford University Press.
3. Aitpaev, R. 2010. *Humanism and Cultural Continuity in Central Asia*. Astana: Eurasian University Press — study on the systemic and historical dimensions of humanism.
4. Akishev, K. 2000. *Philosophical Heritage of the Turkic Peoples*. Almaty: Institute of Philosophy, NAS Kazakhstan — analysis of continuity in Turkic philosophical thought.

5. Al-Farabi. 1985. Al-Farabi on the Perfect State (The Virtuous City). Translated by Richard Walzer. Chicago: University of Chicago Press.
6. Butterworth, Charles E. 2001. Alfarabi: The Political Writings. Ithaca: Cornell University Press.
7. Iskakov, T. 2012. Ethics and Society in Kazakh Philosophy. Astana: Kazakh Academy of Sciences — exploration of Abai's critique of social and moral vices
8. Leaman, Oliver. 2001. An Introduction to Classical Islamic Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press.
9. MacIntyre, A. 1981. After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
10. Mahdi, Muhsin. 2001. Alfarabi and the Foundation of Islamic Political Philosophy. Chicago: University of Chicago Press.
11. Nussbaum, M. C. 2000. Women and Human Development: The Capabilities Approach. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Sarsenbayev, B. 2005. Abai and the Realization of Humanistic Ideals. Almaty: Kazakh National University Press — discussion of practical application of Abai's philosophy.

УДК 008: 7.07

В. В. Гейль

**ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС «МОНУМЕНТАЛЬНО-ДЕКОРАТИВНОЕ
ИСКУССТВО ЧЕЛЯБИНСКА»: СОХРАНЕНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ЦИФРОВЫЕ ФОРМАТЫ**

Вопросы поиска новых, актуальных форм сохранения, популяризации и использования культурного, в том числе художественного, наследия являются актуальными на современном этапе развития общества. Важную роль в этом сегодня играют цифровые технологии [2–5].

Одной из особенностей архитектуры модернизма стало украшение фасадов домов различными видами монументально-декоративного искусства. Активное развитие данного явления приходится на 1960–1980-е гг. С целью придания индивидуальности лаконичному облику здания использовали различные виды монументально-декоративного искусства: мозаики, сграффито, художественный металл, декоративные панно. Художники-монументалисты становятся активными

участниками архитектурного творчества, внося акценты в знаковые объекты архитектуры, придавая индивидуальность типовым постройкам. Мозаики, сграффито, декоративные панно, изделия из художественного металла появляются в интерьерах и на фасадах зданий, становясь органической частью архитектурных сооружений. Период расцвета монументально-декоративного искусства 1960–1980-е гг. Именно в этот период в Челябинске, как и в других городах СССР, были созданы знаковые объекты монументально-декоративного искусства [1]. В 1990-е и в начале 2000-х гг. монументально-декоративное искусство, требовавшее на создание значительных финансовых вложений, практически не развивалось.

В настоящее время наблюдается интерес к данному виду искусства. Фасады зданий вновь начинают украшать различными декоративными композициями. В связи с этим актуальным становится изучение и сохранения советского наследия. За последние годы появились исследования, посвященные вопросам изучения и сохранения наследия монументально-декоративного искусства периода модернизма.

Появление и развитие данного явления связано с Постановлением ЦК КПСС «О борьбе с излишествами в архитектуре» 1955 г., а также с тенденциями в архитектуре и строительстве. С середины 1950-х гг. изменилась стилистика советской архитектуры — на смену советскому «неоклассицизму» пришел «советский модернизм». Использование архитектурного и скульптурного декора удорожало постройку, поэтому их использование оказался под запретом. Также доминирующим стал лаконизм архитектурного языка, геометризация формы зданий, простота в оформлении фасадов. В архитектуре общественных зданий, а затем и жилой застройки появляется тенденция к так называемому синтезу искусств, когда произведения живописи, скульптуры. Декоративно-прикладного искусства становятся частью архитектурного пространства. Монументально-декоративному искусству отводилась особая роль. Оно наполнялось новыми смыслами, выполняло не про-

сто декоративную функцию, а решало задачу разнообразия типовых архитектурных форм, создавало образ общественных зданий различного назначения как объектов культуры, науки, здравоохранения, промышленных зданий, учитывая пожелания заказчиков и исторические и национальные особенности регионов.

В Челябинске в 1960–1980-е гг. на фасадах и в интерьерах общественных зданий появляются мозаичные панно. Их авторами стали выпускники Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухомовой (в настоящее время Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица), приехавшие работать в конце 1960 — начале 1970-х гг. Это Константин Фокин, Людмила Костина, Владимир Мишин, Вячеслав Сорокин, Сергей Черкашин, Зайнулла Латфуллин, Александр Кудрявцев. Художники-монументалисты объединились в секцию монументального искусства при Челябинском отделении Союза художников СССР [6; 3; 4]. В 1970–1980 гг. — период расцвета их творческой деятельности, когда были созданы знаковые монументально-декоративные работы. Благодаря их деятельности в индустриальном городе складывается особый период развития монументальной живописи, оказавший сильное влияние на развитие станкового искусства и художественно-пространственной среды города.

Целью проекта стала разработка и создание электронного ресурса «Монументально-декоративное искусство Челябинска», который объединит ранее разрозненную информацию (текстовую и визуальную) о таких видах монументально-декоративного искусства Челябинска, как сграффито, мозаика и изделия из художественного металла.

Электронный ресурс — современная, актуальная форма сохранения и использования информации, позволяющая расширить круг заинтересованных темой лиц. Кроме того, данный формат издания позволит в дальнейшем его дополнить таким разделом, как монументальные росписи Челябинска.

Данное направление монументально-декоративного искусства получило активное развитие в 1970–1980 гг. в Челябинске, когда при строительстве общественных зданий интерьеры фойе, актовых зданий украшали росписями.

Электронный ресурс «Монументально-декоративное искусство Челябинска» размещен на сайте Челябинского государственного института культуры (<https://chgik.ru/exhibition/monumental-art/>). Временной период ресурса включает произведения монументально-декоративные работы в Челябинске, созданные в 1960-х по 1980-е гг. В ресурсе представлены такие виды данного искусства, как мозаика, сграффито, изделия из художественного металла и декоративные панно. Росписи и керамические панно, размещенные в интерьерах общественных зданий, будут исследованы в 2026 г.

Разработан уникальный дизайн для электронного раздела. Он создан студией «Умные разработки» (руководитель В. А. Помелов). В рамках создания проекта было применено системное использование ChatGPT при создании технической части. Для сохранения целостности контекста и внесения точечных доработок была выстроена работа с детализированными промтами: каждый из них описывал отдельную карточку проекта со всем содержимым в формате HTML. Всего в процессе разработки было использовано около 500 промтов, при этом объём первоначального запроса превышал 25 000 знаков. Благодаря пониманию технической архитектуры проекта, запросы включали чёткие указания по реализации — от применения адаптивной сетки до использования конкретных анимационных плагинов. Такой подход позволил добиться требуемого результата и значительно оптимизировать количество итераций.

В настоящее время ресурс состоит из четырех разделов. В текстовой части добавлены гиперссылки на биографии художников, скульпторов и архитекторов.

Первый раздел «Сграффито: итальянское искусство в Челябинске». На сегодняшний день нам известно о девяти произведениях монументально-декоративного искусства в Челя-

бинске, созданных в технике сграффито. В Челябинске Одним из первых примеров декорирования лаконичного фасада здания стало панно в технике сграффито художницы В. Челинцовой, украсившее механосборочных цех ЧТЗ в 1933 г. В дальнейшем техника сграффито в середине 1950-х гг. была использована для декорирования северного фасада жилого дома. В дальнейшем декорирование фасадов в данной технике приходится на кон. 1970–1980 гг. Тематика сюжетов расширяется. Изображения посвящены известным лицам, историческим моментам, использоваться будут сюжетные композиции. К сожалению, пока не найдено изображение одного панно (административный корпус ЖБИ №1).

Второй раздел «Мозаичные панно в пространстве челябинских улиц и интерьеров зданий». В 1960–1980 гг. наряду с техникой сграффито в монументальной живописи популярной становится мозаика. Именно в этот период искусство мозаики выходит из интерьера в экстерьер здания. Фасады домов, с глухими торцами фасадов, украшаются мозаичными панно. Лаконичность форм архитектуры требует дополнения ярким цветом, пятном, и для выделения общественно значимых зданий лучше всего подходит мозаика — не требующая частого обновления и являющаяся частью покрытия стены. В Челябинске в 1960–1980 гг. на фасадах общественных зданий появляются мозаичные панно, созданные местными мастерами, отразившее идеи процветания советского народа при социализме, они изображали рабочих, колхозниц, ученых и космонавтов. В ресурсе приведены фотографии и информация о девяти объектах, где встречаются мозаики.

Третий раздел «Изображения из художественного металла». Это направление монументально-декоративного искусства, связанное с созданием объемно-пространственных композиций из металла. Советские монументалисты применяли для работы почти все основные металлы: чугун, сталь, алюминий, медь, латунь, бронзу, использовали литье, ковку, штамповку, выколотку, сгибание и другие технологии обработки. В Челябинске нашли отражения композиции из каслинского и кусинского

литья, изделия из кованной меди. В ресурсе дана информация об одиннадцати объектах, где использованы в оформлении панно из различных видов художественного металла.

Четвертый раздел «Декоративные панно». Одним способом придания индивидуальности фасадам панельных домов стало создание декоративных панно с применением терразитовой штукатурки и цветных естественных или искусственных камней. Подобные панно создавались по эскизам и чертежам архитекторов, проектировавших здания, а непосредственными исполнителями становились рабочие и инженеры предприятий, изготавливавшие железобетонные изделия. На готовые плиты наносилось изображение, которые затем во время строительства монтировались. Сами изображения созданы символически, в обобщенной, лаконичной трактовке. По стилистике панно напоминают больше плакатное искусство. Темами стали популярные сюжеты, прославлявшие трудовые подвиги рабочих, сельских тружеников, строителей, покорения космоса. В ресурсе приведена информация о семи подобных декоративных панно.

Данный ресурс является актуальной формой сохранения и популяризации творчества художника. Потенциал подобных электронных ресурсов значительный. Он позволяет в дальнейшем добавлять новые разделы, обновлять имеющийся контент. Электронный формат предполагает использование не только со стационарного компьютера, разработан также мобильный вариант. Благодаря чему доступ к информации расширяется — она предназначена широкому кругу интересующихся искусством.

В 2025 г. проект был удостоен государственной стипендии Общероссийской общественной организации «Ассоциация искусствоведов».

Список литературы

1. Выставка монументального искусства Челябинской области. Каталог. Скульптура. Живопись. — Челябинск, 1984.
2. Горлова, И. И. Сохранение цифрового наследия в России: методология, опыт, правовые проблемы и перспективы: монография : монография / И. И. Горлова, А. В. Крюков, А. А. Гуцалов, А. Л. Зорин. — Москва : Институт Наследия, 2021. — 385 с.

3. Завьялова, Н. Б. Современные технологии в процессах сохранения объектов культурного наследия / Н. Б. Завьялова, Д. В. Завьялов, О. В. Сагинова // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — Т. 14, № 3. — С. 637–656. — DOI: 10.18334/epp.14.3.120595.
4. Малиш, М. А. Сохранение и популяризация объектов истории и культуры в современном обществе / М. А. Малиш, М. А. Решетова // Теория и история культуры. — 2021. — № 3 (82). — С. 121–128.
5. Наумов, В. Б. Методология сохранения культурного наследия на примере проекта «Сохраненная культура» / В. Б. Наумов // Ценности и смыслы. — 2023. — № 2 (84). — С. 6–23. — URL: <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2023-2-6-23>.
6. Трифонова, Г. С. «Минувшее проходит предо мною...». Живопись и графика Людмилы Костиной / Г. С. Трифонова. — Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2016. — 107 с.

УДК 069

А. В. Бубенщиков

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В РЕТРОСПЕКТИВЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ**

Музейное собрание и/или экспозиция каждого регионального краеведческого, или художественного музея складывается, прежде всего, в тесной смысловой и исторической связи с прошлым и настоящим края, области, города, в котором он расположен. Поэтому материал, на котором строится его выставочная концепция зарождается именно на местных коллекциях. При этом, как показывает опыт, артефакты, включенные в общую канву экспозиций региональных музеев, могут иметь мировую, или общенациональную ценность. Этот культурный аспект, касается не только изобразительного искусства, но и исторических и археологических памятников. Для жителей и гостей небольших городов, областных центров особенно интересны местные собрания, так как они несут в себе определенный культурный код региона, или местности, который представляют. Постоянные экспозиции и временные выставки местных музеев и выставочных центров, почти всегда обладают свойством актуальности, являясь по сути отражением

традиций и истории своих регионов, которые важны для людей всегда. Историко-культурное наследие не может существовать в отрыве от места, в котором зародилось и существует. Сегодня в российских регионах идет активная музеефикация культурного наследия, т. е. процесс активной актуализации и сохранения памятников материальной и нематериальной, истории, искусства и общественно значимых объектов. «Объектами музеефикации становятся памятники истории и культуры, природы, памятные места, культурно-историческая среда, элементы жизнедеятельности людей» [9, с. 92]. Урал в этом не является исключением.

Урал не только огромное географическое, но социокультурное пространство, значительной частью которого является и музейная сеть. Прежде всего, местные музеи Урала имеют муниципальный, получившие государственный статус в советское время, но, как показывает время они прекрасно существуют в едином контексте с частными выставочными проектами и рекреационными учреждениями. Но все же крупнейшими музейными собраниями уральского региона, были государственные, а позже муниципальные выставочные центры, сложившиеся в советское время, в качестве официальных. Безусловно, сохраняя и актуализируя память о прошлом своего региона, музейные работники опираются на местные культурные и историко-художественные традиции наследия своего края. М. А. Полякова подчеркивает: «Объекты культурного наследия остаются «вещью в себе», если они не задействованы в том регионе, где они расположены, не влияют на качество жизни его населения, не учитываются при разработке социальных стратегий» [7, с. 688]. Располагаясь, зачастую в старинных особняках, сохраняя, архитектурную доминанту быт и предметную среду бывших хозяев, время все же вносит свои коррективы. Разрушаются памятники архитектуры, не всегда удается сохранить исторические и художественные экспонаты, в надлежащем виде из-за нехватки необходимых специалистов и средств. Но то, что делается сегодня сотрудниками местных музеев и краеведческих центров можно назвать

в современных условиях, без преувеличения подвижнической работой. Екатеринбург в этом не исключение. Как центр Горнозаводского Урала в XIX в. здесь складываются крупнейшие культурные учреждения: музеи, библиотеки, театры, фотографии, музыкальные объединения. Немало этому способствовали частные коллекционеры и увлеченные наукой и искусством, купцы и горнозаводчики. Екатеринбург на рубеже XIX–XX вв. стал своеобразным центром притяжения уральских краеведов и хранителей музейных редкостей. Нужно отметить, что тенденция развития местной музейной сети была характерна не только для центральных городов региона, но для всех его территорий. «На рубеже XIX–XX веков передовая интеллигенция, как в большинстве регионов России, так и на Урале, весьма заметно активизировала движение за создание музеев при статистических комитетах, губернских земствах, научных обществах. Эти учреждения, организуя библиотеки и музеи, создавая научную базу для изучения края, акцентировали внимание на научно-просветительскую функцию музея» [6, с. 180]. На Урале работа по изучению историко-культурного наследия родного края учеными (в том числе приезжими) велась и ранее. Но первым просветительским центром в Екатеринбурге, начиная с 1870-х годов было Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ). Идею создания такого общества вместе с другими любителями истории воплотили в жизнь — преподаватель местной гимназии и одновременно организатор кружка любителей естествознания О. Е. Клер (1845–1920) и управляющий Уральским горным училищем Н. К. Чупин (1824–1882). «При обществе сразу же начал работать естественно-научный музей, основание которого состоялось 29 декабря 1870 г. Первые дары обществу стали первыми музейными экспонатами (книги, минералы, заспиртованная змея и др.)» [5, с. 132]. Нужно отметить, что Свердловский областной краеведческий музей имени О. Е. Клера отмечает в этом году большой юбилей — 155-летие со дня своего основания. К этому событию, приурочена проходящая в его залах масштабная

экспозиция. На ней представлены архивные документы, а также культурные и художественные раритеты из фондов музея, демонстрирующие современному зрителю обширную историческую панораму развития музея, а вместе с ней и всего горнозаводского края. Научным и организационным катализатором открытия музея УОЛЕ в Екатеринбурге, по мнению ученых-историков, стало проведение в 1887 г. Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки. В рамках этого мероприятия проходил большой художественный проект, а именно экспозиция картин из собрания музея Санкт-Петербургской Академии Художеств. Многие произведения из ее собрания, стали затем основой коллекции местного художественного музея. Безусловно УОЛЕ и другие научные организации, своей работой внесли колоссальный вклад в развитие регионального музейно-краеведческого движения в регионе. Но так сложилось исторически, что музей УОЛЕ не был на Урале первым. Одним из старейших выставочных учреждений в регионе стал музей Златоустовского горного округа (1825 г.), при чугунолитейном и железоделательном производстве. Музей в городе Златоусте был открыт при Оружейном Арсенале и именно знаменитая на весь мир гравюра на стали входила в число его основных экспонатов. Управляющий Златоустовской оружейной фабрикой П. П. Аносов (1796–1851) и основатель музея при ней не только внес огромный вклад в культурную историю Южного Урала, но проявил себя как талантливый инженер-металлург, руководитель, возглавивший промышленное производство стали в масштабах всей страны [6].

Характерной особенностью культуры Горнозаводского Урала в конце XIX века является разветвленная сеть заводских музеев. Как отмечают Е. К. Леденцова и Б. Б. Овчинникова: «В числе первых музеев, появившихся на Урале, были заводские музеи: в Златоусте, Нижнем Тагиле, Кыштыме, Туринских рудниках (современный Краснотурьинск) [4, с. 13]. В этом контексте, нельзя не упомянуть Нижнетагильский Горнозаводской музей, основанный известными промышленниками Де-

мидовыми в 1840 г. Интересным фактом является то, что еще до его открытия Нижний Тагил посещали во время своего путешествия по стране в 1837 г. будущий цесаревич Александр II вместе со своим учителем В. А. Жуковским, для ознакомления с коллекцией экспонатов [Там же]. Позже одним из шедевров собрания уже Нижнетагильского краеведческого и художественного музея, открытым его сотрудниками уже в советское время (в 1924 г.), стала знаменитая «Тагильская мадонна» (1509 г.) кисти Рафаэля.

Спад промышленности в начале XX в. приводит к закрытию таких учреждений в регионе. Горнозаводчики больше не имеют возможности выделять деньги на их содержание, в следствии всеобщего кризиса в стране и на Урале. Следующая значительная в истории музейного дела на Урале страница — советская эпоха. С началом Февральской революции 1917 г., в нашей стране происходили важные, но вместе с тем и трагические события. Культуру и искусство Урала не обошла стороной общественно-политическая ситуация того времени. Культурно-историческое наследие (в том числе драгоценности, антиквариат, иконы) зачастую вывозилось за границу, а помещицы усадьбы разграблялись и сжигались со всем их материальным достоянием. Ко всему прочему, в 1920-е гг. политика новой власти на Урале развернула кампанию по изъятию церковных ценностей. «При этом изъятые изделия, представлявшие собой высоко художественные ценности шли на переплавку и утрачивались» [1, с. 12]. Что было особенно болезненно для духовной и материальной культуры, учитывая не только бесценное художественное, но и религиозное значение этих предметов. Неожиданное продолжение и отражение иконописи, как древнейшее искусство получает в новом, нарождавшемся в начале XX в. художественной культуры — русском авангарде, наделяя его своеобразной образностью и самобытностью.

Феноменом отечественной художественной и музейной культуры 1910–1920-х гг. по праву можно считать искусство русского авангарда. Его произведения были воплощены почти

всеми известными видами творчества — от живописи и графики до театра и кинематографа. Казалось бы, все события художественной коллизии акций и выставок авангардистов проходили вдали от российской глубинки в столицах — Москве и Санкт-Петербурге. Но изыскания отечественных культурологов, искусствоведов и историков показывают иную картину. А. Д. Сарабьянов не только известный российский теоретик и историк изобразительного искусства, талантливый ученый, но и настоящий собиратель русского авангарда. В своей книге «Русский авангард. И не только» (2023 г.) искусствовед огромное внимание уделяет именно бытованию произведений русского авангарда в провинциальной России. В том числе и в Екатеринбурге. Как утверждает ученый, в столице Урала, по неподтвержденным данным должен был открыться Музей живописной культуры. Но, что совершенно очевидно, в мае 1920-х гг. в Екатеринбурге состоялась выставка живописного авангарда, которую не приняла местная критика. «В дальнейшем многие произведения с выставки вошли в состав авангардной коллекции Екатеринбургского музея изобразительных искусств» [8, с. 75]. Сегодня большинство картин из наследия русского авангарда доступно в его залах для обозрения зрителей. музея.

В привычном и любимом уголке старого Екатеринбурга — историческом сквере, на берегу р. Исеть располагается еще одно выставочно-экспозиционное учреждение: Музей архитектуры и дизайна УРГАХУ, который отметил в этом году 50 лет своей работы. Музей не только ведет архитектурно-историческую летопись города и своего университета, здесь проводятся выставки, мастер-классы и экскурсии. Он также является историко-культурным памятником прошлого и настоящего областного центра Среднего Урала. «Создание музея тесно связано с историей этого места и тех памятников промышленной архитектуры, в корпусах которых ныне размещены экспозиции и административная часть музея» [10, с. 322]. В фондах музея хранятся уникальные документы, рассказывающие об архитектуре и зодчих уральского региона.

Еще одним видом тематических музеев на Урале являются медицинские. В областном центре Южного Урала — Челябинске, в 1980-е гг. был открыт музей истории в ЮУГМУ. «В его фондах располагаются документы о создании и развитии университета, фотографии студентов, преподавателей, сотрудников, в том числе альбомы эвакуационного госпиталя времен Великой Отечественной войны, медицинские инструменты XIX–XX вв. и обучающие материалы вуза прошлых лет» [2, с. 108]. Краеведческие материалы и экспонаты, хранящиеся и экспонирующиеся в музеях естественно-научного и промышленно-исторического профиля не только расширяют культурную среду города, или области, в котором расположены, но позволяют как можно шире воссоздать картину прошлого и настоящего своего региона. Огромный вклад в эту непростую работу вносят краеведы и историки, постоянно работающие с «живым» наследием, обогащая фонды и экспозиции местных музеев новыми материалами. Немаловажным фактором является в этой деятельности, участие школьных учителей и заведующих пришкольными музеями, ведущих активную краеведческую работу, по сохранению историко-культурной памяти своих местностей. В своей статье Л. А. Дашкевич, подняла важную и актуальную для настоящего тему прошлого научную тему в рамках Пермского края, подчеркивая важность в местном музейном деле уже упоминавшееся Уральское общество любителей естествознания. В частности, исследователь отмечает: «Летом 1894 г. усилиями Пермской комиссии УОЛЕ и Пермской ученой архивной комиссии в губернском городе была организована специализированная археологическая выставка, на которой были представлены коллекции из Археологической комиссии, Екатеринбургского и Пермского музеев УОЛЕ, Нижнетагильского музея, Пермской ученой архивной комиссии, а также предметы и собрания 25 частных лиц» [3, с. 10].

Подводя итог вышесказанному, можно подчеркнуть, что настоящее музейного дела на Урале сегодня многообразно. При всем тематическом и видовом разнообразии выставочных

учреждений региона, они объединены одним общим профессиональным контекстом — сохранением историко-культурного наследия родного края. Будем надеяться, что это поступательное движение будет продолжено и поддержано на всех уровнях.

Список литературы

1. Ворошилин, С. И. Храмы Екатеринбурга / С. И. Ворошилин. — Екатеринбург : Уралмедиздат, 1995. — 100 с. ил. — (К 110-летию Екатеринбургской Епархии).
2. Ворощин, С. Д. Музеи Южно-Уральского медицинского университета: к истории возникновения и деятельности / С. Д. Ворощин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2016. — № Т. 16, № 2. — С. 106–110.
3. Дашкевич, Л. А. Участие учителей в работе научно-краеведческих организаций Пермской губернии / Л. А. Дашкевич // Педагогическое образование в России. Уральский государственный педагогический университет. — 2020. — № 2. — С. 8–13.
4. Леденцова, Е. К. Музеи Урала в истории России XX века / Е. К. Леденцова, Б. Б. Овчинникова. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный учитель, 2019. — 140 с.
5. Михайлова, Т. Б. Формирование собрания музея истории камнерезного и ювелирного искусства как форма сохранения историко-культурного наследия / Т. Б. Михайлова, М. А. Пупкова // Худояровские чтения : материалы XI Всероссийской науч.-практ. конф. — Нижний Тагил, 2023. — С. 131–135.
6. Овчинникова, Б. Б. Музеи Императорской России / Б. Б. Овчинникова, Л. В. Чижова. — Москва ; Екатеринбург: Кабинетный учитель, 2022. — 214 с.
7. Полякова, М. А. Наследия культурного актуализация / М. А. Полякова // Прикладная культурология. Энциклопедия / сост. и науч. ред. И. М. Быховская. — Москва : Сократ, 2019. — 846 с.
8. Сарабьянов, А. Д. Русский авангард не только / Андрей Сарабьянов / А. Д. Сарабьянов — Москва : АСТ, 2023 — 304 с.
9. Тельчаров, А. Д. Музееведение / А. Д. Тельчаров — Москва : Научный мир, 2021. — 184 с.
10. Штубова, Е. В. Музей архитектуры и дизайна УрГАХУ. 50 лет истории / Е. В. Штубова // Диалоги о защите культурных ценностей. Алферовские чтения : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург. — Екатеринбург : Урал. гос. архитектур.-худож. ун-т им. Н. С. Алфёрова, 2025. — С. 321–328.

А. А. Бурматнова

Науч. рук.: Н. Ю. Кособуцкая

Событийность и личность в исторических реалиях

Проблема взаимосвязи событийности и личности в истории остается одной из наиболее дискуссионных в современной историографии. С одной стороны, исторические события часто представляются как объективный процесс, обусловленный социально-экономическими и политическими факторами. С другой стороны, роль выдающихся личностей в формировании хода истории трудно переоценить. Целью данной статьи является исследование взаимодействий событийности и личностного фактора на примере исторических реалий Урала.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли личности в истории в контексте современных методологических подходов. В условиях растущего интереса к региональной истории и культурной идентичности изучение уральского опыта приобретает особую значимость.

Научная новизна заключается в применении концепции событийности к изучению региональной истории Урала с использованием междисциплинарного подхода, объединяющего методы исторической науки, культурологии и социологии.

Методологическая база исследования включает:

- историкогенетический метод для прослеживания эволюции событийности;
- биографический метод для анализа деятельности исторических личностей;
- сравнительноисторический метод для сопоставления различных периодов и деятелей;
- структурно-функциональный анализ для выявления механизмов взаимодействия личности и событий.

Хронологические рамки охватывают период с начала XVIII в. (начало индустриализации Урала) до середины XX в. (формирование культурного образа региона).

В исторической науке сложилось несколько подходов к пониманию событийности:

Классический позитивизм (XIX в.) рассматривал события как объективные факты, независимые от воли отдельных людей. Историкопозитивисты стремились к максимально точной фиксации событий, считая, что личность лишь отражает общие тенденции эпохи [2, с. 45].

Марксистская традиция подчеркивала определяющую роль социально-экономических факторов, отводя личности второстепенную роль. Согласно этому подходу, исторические деятели могут лишь ускорить или замедлить неизбежные процессы, но не изменить их направление [4, с. 78].

Школа «Анналов» (XX в.) предложила концепцию «долгого времени» (*la longue duree*), где события рассматриваются как проявления глубинных структур — экономических, демографических, культурных. Представители школы (М. Блок, Ф. Бродель) показали, что даже выдающиеся личности действуют в рамках заданных структур [3, с. 112].

Постмодернистские концепции (вторая половина XX века) подчеркивают роль нарратива и интерпретации в формировании исторического события. Согласно этим подходам, событие существует лишь в той форме, в какой оно описано историками или современниками [6, с. 203].

Персоналистический подход (современная историография) акцентирует внимание на творческой роли личности в истории. Исследователи этого направления доказывают, что в переломные моменты истории действия отдельных людей могут кардинально изменить ход событий.

Взаимодействие личности и исторических событий особенно ярко прослеживается на примере Урала, где деятельность выдающихся людей не просто отражала тенденции эпохи, а во многом определяла направление развития региона.

Ярким примером такого влияния служит деятельность Никиты Демидова (1656–1725), который сыграл ключевую роль в становлении уральской горнозаводской промышленно-

сти. Получив в 1702 г. от Петра I Невьянский завод, он превратил его в центр уральской металлургии и положил начало масштабной индустриализации региона. Демидов не ограничился управлением уже существующими предприятиями — он активно строил новые заводы, среди которых Невьянский, Верхнетагильский и Нижнетагильский. Благодаря его усилиям к началу XVIII в. Урал обеспечивал две трети всего производства металла в России. Демидов внедрял передовые технологии выплавки чугуна и железа, организовывал добычу полезных ископаемых и создавал систему взаимосвязанных заводов. Это не только изменило экономический ландшафт региона, но и сформировало уникальный индустриальный облик Урала, который сохраняется до сих пор.

Не менее значимой фигурой в истории Урала был Василий Татищев (1686–1750) — государственный деятель, историк и организатор горного дела. В разные годы (1720–1722 и 1734–1737) он управлял уральскими заводами и внёс огромный вклад в систематизацию знаний о природных ресурсах региона. Татищев разработал эффективную систему управления горнозаводской промышленностью, которая позволила оптимизировать производство и повысить его эффективность. Его деятельность привела к основанию новых городов — в том числе Екатеринбурга и Перми, которые стали важными административными и экономическими центрами. Кроме того, Татищев организовал первые геологические экспедиции по изучению уральских недр, что позволило более рационально использовать природные богатства региона. Благодаря его административным решениям и научным изысканиям Урал превратился в один из ключевых промышленных районов России, а заложенные им принципы управления производством оказали влияние на развитие всей отечественной металлургии [7, с. 92].

Особую роль в формировании культурного образа Урала сыграл писатель Павел Бажов (1879–1950). Его творчество не просто отразило фольклорные традиции региона, но и создало уникальный художественный мир, ставший неотъемлемой

частью уральской идентичности. В своих «Уральских сказах» Бажов объединил элементы народных преданий с литературным мастерством, создав мифопоэтический образ Урала как места, где реальность переплетается с волшебством. Произведения писателя, такие как «Малахитовая шкатулка» и «Хозяйка Медной горы», сформировали устойчивый культурный код, в котором уральские горы и рудники предстают не просто как природные объекты, а как носители особой духовной силы. Этот образ оказал значительное влияние на развитие культурного туризма в регионе: многие места, упомянутые в сказах, стали объектами паломничества туристов. Кроме того, творчество Бажова способствовало сохранению и популяризации уральского фольклора, который мог бы быть утрачен в условиях урбанизации и индустриализации XX в. [1, с. 155].

Взаимодействие событийности и личности в историческом процессе не сводится к простой причинноследственной связи — оно представляет собой сложную систему взаимовлияний, где личность и события постоянно модифицируют друг друга. На примере уральской истории отчётливо видны механизмы, посредством которых индивидуальные действия трансформируются в масштабные исторические процессы, а сложившиеся обстоятельства создают условия для проявления выдающихся качеств отдельных людей.

Инициатива и инновации, исходящие от конкретной личности, нередко становятся катализатором значимых событий. Так, Никита Демидов не просто управлял заводами — он внедрял передовые для своего времени металлургические технологии, адаптируя европейский опыт к уральским условиям. Его новаторский подход к организации производства запустил процесс индустриализации региона, который в свою очередь создал новые возможности для других предпринимателей и инженеров. Аналогично Василий Татищев, разрабатывая систему управления горнозаводской промышленностью, предложил нестандартные решения по координации работы предприятий, что позволило существенно повысить эффек-

тивность добычи и переработки полезных ископаемых. Павел Бажов, в свою очередь, совершил творческий прорыв, соединив фольклорные традиции с литературным мастерством: его «Уральские сказы» не просто зафиксировали устное народное творчество, но создали новый художественный язык для описания региональной идентичности.

Не менее важную роль играет организационная деятельность выдающихся личностей. Способность мобилизовать ресурсы, объединить людей вокруг общей цели и выстроить эффективную систему работы превращает личные замыслы в реальные исторические события. Н. Демидов создал целую сеть взаимосвязанных заводов, где каждый элемент дополнял другие, формируя целостную индустриальную систему. В. Н. Татищев организовал масштабные геологические экспедиции, привлёк ученых и инженеров к изучению уральских недр, а также инициировал строительство новых городов, которые стали центрами административного и культурного развития. Бажов, собирая и обрабатывая фольклорный материал, фактически организовал сохранение исчезающих традиций, придав им новую жизнь в литературной форме.

Символическое влияние исторических деятелей проявляется в том, что их образы со временем становятся знаками эпох и событий, формируя коллективную память общества. Никита Демидов превратился в символ уральского предпринимательства и промышленной мощи, его имя ассоциируется с зарождением металлургической отрасли региона. Василий Татищев воспринимается как просветитель и организатор, воплощающий идею научного подхода к освоению природных богатств. Павел Бажов стал хранителем уральской души, а его персонажи — Хозяйка Медной горы, Даниламастер и другие — превратились в культурные архетипы, узнаваемые далеко за пределами Урала. Эти образы не просто сохраняются в исторической памяти: они активно используются в современном дискурсе — в туризме, образовании, культурной политике — и продолжают влиять на восприятие региона.

Культурное наследие, созданное выдающимися личностями, формирует устойчивые коды, которые определяют развитие территории на протяжении долгого времени. Индустриальные начинания Демидова и Татищева заложили экономическую основу Урала, предопределив его роль как металлургического центра России на столетия вперед. Литературное творчество Бажова создало уникальный культурный ландшафт, где реальные географические объекты (горы, рудники, посёлки) обрели дополнительное символическое значение. Благодаря этому сформировался особый тип региональной идентичности, в котором промышленное и природное начала неразрывно связаны с мифопоэтическим образом Урала.

На Урале эти механизмы взаимодействия проявились особенно ярко из-за специфики региона. Пограничное положение между Европой и Азией, огромные запасы полезных ископаемых, многонациональный состав населения и динамичное промышленное развитие создали уникальную среду, где личные инициативы имели повышенный эффект. В таких условиях деятельность отдельных личностей не просто вписывалась в общий ход событий, а зачастую задавала его направление, формируя долгосрочные тенденции экономического и культурного развития региона. Это взаимодействие продолжает влиять на Урал и сегодня: историческое наследие Демидова, Татищева и Бажова остается важной частью современной региональной политики, туризма и образования.

Урал представляет собой уникальный исторический регион, где взаимодействие событийности и личности приобрело особые черты, обусловленные комплексом географических, экономических, социокультурных и геополитических факторов. Эта специфика во многом определила характер исторического развития края и роль выдающихся деятелей в нём.

Прежде всего, ключевое значение имело геополитическое положение Урала как естественной границы между Европой и Азией. Регион стал своеобразным мостом, через который проходили миграционные потоки, торговые пути и культур-

ные влияния. Это пограничное положение создавало условия для повышенной социальной динамики: здесь сталкивались различные традиции, мировоззрения и хозяйственные практики. В таких условиях личные инициативы выдающихся людей получали дополнительный резонанс — их действия не просто влияли на локальные процессы, но и становились частью общероссийского и даже евразийского исторического контекста.

Природные богатства Урала — огромные запасы полезных ископаемых, леса, водные ресурсы — сформировали особую экономическую специализацию региона. Уже в XVIII в. Урал стал центром горнодобывающей и металлургической промышленности России. Однако освоение этих богатств требовало не только технических знаний, но и выдающихся организаторских способностей. Личности, подобные Никите Демидову и Василию Татищеву, смогли реализовать масштабные проекты именно потому, что их личные качества соответствовали вызовам времени и места: они умели мобилизовать ресурсы, привлекать специалистов, выстраивать сложные производственные цепочки. Без таких лидеров промышленное освоение Урала могло бы пойти гораздо более медленными темпами или принять иную форму.

Индустриальная специфика региона также усиливала влияние отдельных личностей на исторические события. Развитие заводов и рудников создавало новые социальные группы — мастеровых, инженеров, управляющих, — и формировало особую трудовую культуру. Лидеры промышленности не просто руководили производством, но и задавали нормы поведения, ценности, модели взаимодействия [4]. Например, заводские династии Демидовых не только строили предприятия, но и создавали социальную инфраструктуру: школы, больницы, жилые кварталы. Их деятельность формировала особый тип уральского сообщества, где труд и мастерство ценились особенно высоко.

Культурное многообразие Урала стало еще одним фактором, усиливавшим роль личности в истории. На территории региона издавна проживали русские, башкиры, татары,

коми-пермяки и другие народы, каждый со своими традициями и хозяйственными навыками. Выдающиеся деятели, действовавшие в этом контексте, часто выступали посредниками между культурами. Они адаптировали технологии, заимствовали опыт, создавали новые формы взаимодействия. Так, инженеры и управляющие уральских заводов нередко использовали традиционные знания коренных народов о местных рудах и минералах, что повышало эффективность добычи.

Административно-территориальные преобразования также влияли на взаимодействие личности и событийности. Попытки централизовать управление уральскими заводами (например, инициатива В. Н. Татищева по созданию особой уральской губернии в 1735 г.) требовали от лидеров не только хозяйственных, но и политических навыков. Успех или неудача таких начинаний зависели от способности конкретных людей договариваться с властями, мобилизовать поддержку местного населения, находить компромиссы между интересами разных групп.

Особую роль сыграло формирование региональной идентичности. Урал постепенно осознавал себя как особый край со своей историей, экономикой и культурой. Этот процесс шёл как «сверху» — через деятельность государственных деятелей и промышленников, так и «снизу» — через фольклор, традиции мастеровых, местные обычаи. Личности, подобные Павлу Бажову, сыграли в этом ключевую роль: их творчество не просто фиксировало существующие традиции, но и создавало новые символы, объединявшие людей. «Уральские сказы» Бажова превратили реальные географические объекты в элементы мифопоэтического ландшафта, укрепив чувство принадлежности к региону.

Наконец, историческая динамика Урала усиливала эффект личных инициатив. Периоды бурного развития — индустриализация XVIII в., модернизация XIX в., индустриальный рывок XX в. — чередовались с кризисами и перестройками. В переломные моменты роль выдающихся личностей становилась особенно заметной: их решения могли определить траекторию развития региона на десятилетия вперед. Например,

выбор технологий, управленческих моделей или направлений добычи в ранний период индустриализации задавал рамки для последующих поколений.

Исследование показало, что событийность и личность в истории находятся в постоянном взаимодействии. Исторические события создают условия для проявления выдающихся личностей, а действия этих личностей, в свою очередь, формируют новые события и направления развития. На примере Урала видно, как индивидуальные усилия выдающихся деятелей способствовали формированию уникального природного и культурного наследия региона. Их деятельность не только изменила экономический ландшафт, но и создала устойчивые культурные коды, которые продолжают влиять на развитие Урала в XXI в.

Список литературы

1. Бажов, П. П. Уральские сказы / П. П. Бажов. — Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1952. — 288 с.
2. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. — Москва : Наука, 1986. — 256 с.
3. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. — Москва : Прогресс, 1986–1992. — Т. 1–3.
4. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955–1981. — Т. 1–50.
5. Павленко, Н. И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводоладельцы / Н. И. Павленко. — Москва : Издательство АН СССР, 1962. — 568 с.
6. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. — 528 с.
7. Татищев, В. Н. Избранные труды по географии России / В. Н. Татищева. — Москва : Географгиз, 1950. — 376 с.

А. С. Гордеев

Науч. рук.: Н. Э. Вашкау

**ПРОЕКТ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА: БОГОСТРОИТЕЛЬСТВО
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО И ГОЛОС ПРОТЕСТА**

*Статья подготовлена в рамках
научно-исследовательского гранта А. В. Голощапова*

Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — сложная фигура русской истории XX в. Образованный, эрудированный, он был ярким представителем западного просвещения в России. Луначарского больше интересовали культура и образование, а не политика. Он называл себя «поэтом или философом» Октябрьской революции. Владея несколькими европейскими языками и являясь плодовитым поэтом и драматургом, он был лучшим оратором среди большевиков после Л. Троцкого. Современники часто называли его интеллигентом среди большевиков и большевиком среди интеллигентов [12, с. 28]. Фигура А. В. Луначарского в контексте его увлечения «богостроительством» вызывает особый интерес, особенно философская идея, которая представляла собой проект создания новой, атеистической религии, обожествлявшей коллективное человечество. Ясное определение этому термину он дает в своей статье 1909 г. «Несколько слов о моем богостроительстве»: *«Под богостроительством (теургией), в мистической и метафизической литературе понимается следующий ход мысли: во вселенной нет бога, но сама вселенная представляет собою непрерывный процесс, ведущий от абсолютного несовершенства — хаоса, к абсолютному совершенству — богу. Человеческая история есть один из моментов этого процесса. Люди — часть строящегося бога, и, поскольку они сознательно стремятся содействовать совершенству вселенной, — богостроители. Взяв из рук мистиков и метафизиков их термин, я говорю: «Если в наше время существуют богостроители, т. е. люди, сознательно*

стремящиеся к торжеству разума над стихиями, то это, конечно, никто иной, как социалисты!» [7, с. 7–8].

Немаловажно будет отметить, что учение о «богостроительстве» было подвергнуто критике В. И. Лениным, долгое время рассматривалось в историографии как «ошибочное отклонение» от марксизма. Обвинения звучали так: *«Позорные вещи, до которых опустился Луначарский, — не исключение, а порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого»* [3, с. 27]. Оценка, данная В. И. Лениным, по сути надолго определила отношение к богостроительству, отодвинув его в разряд маргинальных идей в советской философии, и воспринималась как «ересь» внутри марксизма.

Еще в юношеском возрасте Луначарский руководил в Киве нелегальной организацией учащихся, насчитывающей около двухсот человек. В этой организации занимались изучением произведений социалистов-революционеров, распространялась запрещенная литература. После окончания гимназии Луначарский продолжил обучение, но не в Российской империи, а за границей, так как «четверка» по поведению и связи с запрещенными политическими организациями не позволяли ему получить образование на родине. В 1895–1898 гг. Луначарский учился в Цюрихском университете, и этот период стал временем интенсивного становления его как мыслителя. Здесь он увлекся творчеством видного представителя модных в то время идей — а именно философии эмпириокритицизма — Р. Авенариуса. Знакомится и сближается с группой «Освобождение труда», особенно тесно с русским марксистом Г. В. Плехановым.

Вернувшись из-за границы, А. В. Луначарский приступает к активной революционной деятельности, сразу же проявив незаурядные способности организатора и блестящие качества пропагандиста. Этот короткий, но насыщенный период его жизни заканчивается ссылкой в Вологодскую губернию в 1901–1903 гг. В ссылке А. В. Луначарский тесно сходитя с группой философов во главе с А. А. Богдановым, под влиянием которых его увлечение эмпириокритицизмом перерастает в систему

взглядов, известную как богостроительство. Отступничество А. А. Богданова от марксизма представляется чем-то новым, новаторским, примером творческого отношения к традициям революционной философии. Философские доктрины Э. Маха и затем Ф. Ницше все более и более занимают мысли Луначарского. Богостроительство было во многом сформировано под влиянием антропологической теории религии Людвига Фейербаха. А. В. Луначарский разделял основной тезис Фейербаха, утверждавшего, что «бог представляет собой отчужденную родовую сущность человека» [14, с. 13–14 Издание доступное НЭБ, цитату на указанных страницах не нашла: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003739811?page=12&rotate=0&the_me=white]. Однако, исходя из этого, Луначарский делал смелый вывод: если человек сотворил бога в прошлом, то он также способен осознанно создать нового бога в будущем [10, какой том? с. 30–31]. В 1908–1911 гг. А. В. Луначарский опубликовал двухтомный труд «Религия и социализм» и стал одним из главных теоретиков «богостроительства».

В эти годы в среде интеллигенции большое распространение получают философско-религиозные учения — богостроительство и богоискательство. Сторонники богостроительства отличаются от богоискателей тем, что не «ищут» Бога, а стремятся «построить» его из мощи коллектива. В качестве богоискателей выступили интеллигенты-индивидуалисты — Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Николай Бердяев, а богостроителями стали интеллигенты-социалисты: А. В. Луначарский, В. А. Базаров, М. Горький. А. В. Луначарский участвует в сборнике русских социал-демократов махистов «Очерки по философии марксизма» (1908). Он в своей статье утверждает, что жизнь — высшая ценность, поэтому идея прогресса, являясь безусловным жизнеутверждением, оказывается началом религии. Л. Фейербах поднял антропологию до теологии, а К. Маркс и Ф. Энгельс придали экономическому и социальному прогрессу «высокую идеалистическую ценность, можно сказать, религиозную ценность» [5]. Необходимо отметить, что все эти

богостроительские идеи нашего героя, попытка приравнивания марксизма к религии, к этому «ужасному» по мнению многих марксистов, социалистов термину, были встречены максимально негативно. Такие авторитеты как В. И. Ленин и Г. В. Плеханов безжалостно критиковали сторонников этих размышлений, в том числе и А. В. Луначарского.

Например, В. И. Ленин в письме М. Горькому писал: *«Богоискательство отличается от богостроительства, или богосознательства, или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего... Всякий человек, занимающийся строительством бога или даже только допускающий такое строительство, оплевывает себя худшим образом, занимаясь вместо “деяний” как раз самосозерцанием, самолюбованием, причем “созерцает”-то такой человек самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего “я”, обожествляемые богостроительством. С точки зрения не личной, а общественной, всякое богостроительство есть именно любовное самосозерцание тупого мещанства, хрупкой обывательщины, мечтательного самооплевывания филистеров и мелких буржуа, “отчаявшихся и уставших”»* [13, с. 19]. То есть богостроительство, провозглашающее нового «бога» в виде коллективной мощи человечества, стало крайним философским ревизионизмом и вызвало отторжение у ортодоксальных марксистов.

А. В. Луначарский считал, что религия — это не просто вера в сверхъестественное, а набор идей, которые помогают людям справляться с трудностями и находить баланс между мечтами и реальностью. Он говорил, что религия — это способ понять мир, который уменьшает противоречия между тем, как люди хотят жить, и тем, как устроен мир вокруг нас. А. В. Луначарский не связывал ее с какими-то конкретными традициями или верованиями и считал, что социализм может взять из религии всё хорошее. Чтобы люди могли свободно работать и жить счастливо, социализм должен использовать положительные стороны религии, отказаться от ненужных предположений и неправильных методов, и вознести ее на

новую высоту [10, с. 52]. В основе его «богостроительской» идеи лежит роль науки и коллектива, как то, что способно создать так называемого своего Бога-Творца. В работе «Религия и социализм» он приводит доводы о том, что вера в сверхъестественный мир, да и в целом суеверия исходят от физической и духовной слабости людей. Далее, пишет А. В. Луначарский, Бог «искусственно создан» людьми, но благодаря идеям социализма, коммунизма и сплоченности коллектива — люди могут создать Бога. Приведем слова А. В. Луначарского — «Дать миру Бога путем человеческого триумфа в природе». То есть это по сути, призыв не искать бога, а создать его с помощью, видимо, достижений человечества, коммунизма. развития науки и образования.

Любопытно, что под природой, А. В. Луначарский имел в виду не только всё то, что окружает нас, чем мы дышим, но также и человеческую жизнь, а именно преодоление смерти. Если в христианской традиции, как еще писал Августин Аврелий в «О граде Божьем», что в нашем мире умирает тело, но душа нет, и она, либо спасается, либо обречена на вечные муки. А. В. Луначарский же пытался в «богостроительство» записать концепцию победы над смертью. Он видел бессмертие коммунистического коллектива как результат безграничных возможностей человека к самосовершенствованию и уверенности в том, что каждое новое поколение будет жить лучше предыдущего. Рассматривая общественный прогресс как бесконечный путь культурного, интеллектуального и духовного развития, он верил в «моральное равенство всего человечества», оптимистично оценивал человеческую природу и был убежден в неизбежности нравственного прогресса. Конечно, А. В. Луначарский всё это воспринимал максимально абстрактно, и данная концепция как-то не смогла заменить христианские догмы о жизни и смерти. Но в образовании, в культуре и в целом в просвещении отразились его «богостроительские» идеи. А. В. Луначарский считал, что культура и образование играют ключевую роль в развитии прогресса в обществе. Он подчеркивал важность культуры и об-

разования, утверждая, что без их прогресса политическая победа большевиков и реализация экономических и социальных реформ окажутся тщетными. И отсюда начались его эксперименты по созданию «нового человека» [9, с. 24].

29 октября 1917 года, всего через три дня после образования Совнаркома, первый наркомпросвещения А. В. Луначарский в обращении ко всем гражданам России заявил о создании «единой для всех граждан, абсолютно светской школы» [11, с. 8]. Заявление, по сути, стало программой действий, которая последовательно реализовывалась через систему декретов и постановлений. Этот курс был подкреплён декретом СНК от 11 декабря 1917 года «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению». Все учебные заведения духовного ведомства передавались под управление Наркомпроса. Среди них: церковно-приходские и учительские семинарии, духовные и женские епархиальные училища, миссионерские школы, духовные академии и другие учреждения.

Ключевым документом, закрепившим светский характер образования, стал декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви от 20 января 1918 г. Этому предшествовало постановление Наркомпроса от 23 февраля 1918 года о передаче всех учебных заведений в его ведение. V Всероссийский съезд Советов 10 июля 1918 г. принял первую советскую конституцию, в которой во разделе 2 в статье 13 было указано: *«В целях обеспечения трудящимся действительной свободы совести церковь отделяется от государства, а школа от церкви, и каждому гражданину предоставляется свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды»* [2, с. 244]. На фундаменте этой законодательной базы Луначарский и будет заниматься реорганизацией образования, культуры и постройки абсолютно новой, радикальной системы на основе своих воззрениях относительно религии и мира.

Это были первые шаги к созданию «нового человека», как писал в статье Луначарский о воспитании новых людей,

проводя аналогию с персонажем из произведения Гёте — Фаустом. Луначарский пишет, что гомункул в этой трагедии постоянно стремится к познанию мира, к свету, дабы обрести человеческую форму, так и наблюдаем здесь [6, с. 7].

С первых шагов на посту наркома просвещения А. В. Луначарский встречается с учителями, преподавателями, читает им лекции, в которых присутствует его пропаганда богостроительских идей. Например, это видно в речи, произнесенной по поводу открытия курсов инструкторов по внешкольному образованию осенью 1918 г. Представляя слушателям программу действий в системе образования, оно говорит больше о религии, чем о внешкольном образовании. *«Образованный человек — человек, в котором доминирует образ человеческий. Вы знаете, что люди религиозные говорили, что человек создан по образу и подобию божьему, что в нем есть нечто божественное. Один из величайших наших учителей — Фейербах, который с научной точки зрения подошел к религиозным представлениям, совершенно правильно заметил, что не человек создан по образу божьему, а бог создан по образу человеческого»* [8, с. 8]. Он развивает мысль о том, что Бог — это по сути образ идеального человека, и человеку не составляет труда быть таким же идеальным, т. е. всеблагим, всемогущим, всеправедным, вездесущим. Самое интересное здесь, что он говорит об «общем храме» и о работе каждого над ним. *«Только в правильном обществе, где действительно каждый работает не для того, чтобы кто-то пользовался его трудом, а для того, чтобы дать свой взнос в общий капитал, в общий храм, в котором он сам живет...»* [Там же, с. 14]. И в конце формулирует цели образования, как стремление создать из человека, искаленного теперешним обществом, физического красавца, выполняющего решительно все то, что диктует ему наличие у него органов, клеток, каждая из которых будет работать для блага всех, в построение единого ощущения счастья. В этой речи можно так же увидеть предтечу к созданию единых трудовых школ. *«Школа должна приучать человека работать, закладывать*

определенные правильные методы подхода ко всей той тайне, какой является мир...» [8, с. 16].

В качестве примера можно привести отрывки из лекций Луначарского по краткой истории просвещения. Первую из этих лекций он прочитал в июле 1919 г. для инструкторов по физическому труду [Там же, с. 24]. Уделил внимание тому, что учитель непосредственно играет значительную роль в воспитании детей, как и родители, и углубился в тему влияния религии в школе и в вопросах воспитания. Предыдущее имперское образование, по его мнению, в основном формировало повиновение и страх перед господином, идеи о том, что все делается по воле божией. *«...Наука служила тому, чтобы убедить народ, что богом установлен такой порядок, чтобы был барин и мужик, и кто против этого, тот будет на том свете гореть....» [Там же, с. 36].* Интересны следующие его слова: *«Если бы человек действительно потом ознакомился со всем, что его окружает, то он сумел бы заставить природу служить себе, сумел бы овладеть природой. В этом заключается цель светской науки, и постепенно эти светские школы начинают отнимать у попа его педагогические права и вытеснять их из школы...» [Там же, с. 38].* То есть покорение природы через науку предстает не просто утилитарной задачей, а сакральным актом — тем самым «строительством Бога», которым должно заниматься коллективное человечество. Вытеснение попа из школы — это не просто секуляризация, а замена старой религии на новую, где жрецом становится учитель, ведущий детей к обожествлению могущества человеческого разума.

Таким образом, наука становится не просто системой знаний, а богослужением, а овладение природой — способом достижения коллективного бессмертия и божественного статуса. Луначарский ставит перед педагогами цель — кого они должны воспитать. *«Пока в человечестве продолжается борьба классов, наша школа не может ставить своей целью воспитание людей, предназначенных лишь для счастливой и гармоничной жизни. Мы обязаны воспитывать бойца,*

готового дать отпор любым нападкам эксплуататоров, человека, который, тоскуя по лучшей доле, осознает себя звеном в исторической цепи. Такой человек понимает, что ему, возможно, не суждено увидеть подлинную жизнь, но он ведёт борьбу ради того, чтобы эта жизнь стала реальностью для его потомков» [8, с. 37]. Задача школы — готовить не инженеров или ученых, а строителей будущего «бога» — идеального человечества. Учитель в такой системе становится старшим товарищем, ведущим ученика по пути жертвенного служения.

Сама идея «промежуточного момента» прямо вытекает из богостроительства: нынешнее поколение — это жрецы, возводящие храм, в котором будут жить их обожествленные потомки. Любопытно то, как сами учителя отреагировали на эту безбожную пропаганду и внедрения ее в школы. «...*Пожалейте же наших детей, не воспитывайте их в духе: безбожий, безверия, неуважения, безнравственности и хулиганства — ибо это позорно и весьма опасно...*» [1]. Данный отрывок — это крик души со стороны традиционного религиозного сознания, столкнувшегося с тотальной попыткой государства пересоздать человека и сформировать новую идентичность. Автор защищает не просто веру, а весь комплекс традиционной морали, культуры и семейного воспитания, необходимого для воспитания детей. И таких обращений было множество, например, письмо к Луначарскому от гражданки Волочковой. «...*Основание выработки совести у человека — религия; я тридцать лет работала в школе и вырабатывала совесть у детей при помощи религии. Она главный аргумент нравственной жизни человека; без религии нет нравственной жизни человека, потому что человек состоит из души и тела; питание тела жизнь животная; питание души — жизнь нравственная, основанная на религии. Без религии душа голая, без пищи...*» [4]. Мы видим, что некоторые учителя были недовольны тем, что ведется борьба с религией в школе, а вместо нее должны изучаться тексты К. Маркса и Ф. Энгельса, которые по сути стали заменять Евангелие, вместо любви к Богу и ближнему — преданность

делу и пролетариату, вместо крещения — Октябрины, а вместо Пасхи — день рождения Ленина.

Анатолий Васильевич Луначарский и его концепция «богостроительства» представляют собой противоречивое явление в истории раннесоветской культуры и просвещения. Луначарский стремился наполнить будущее атеистическое общество глубоким смыслом и эмоциональным содержанием, пытаясь создать «светскую религию», основанную на вере в коллективное человечество. Эта вера предполагала, что люди смогут своими усилиями преодолеть стихийные силы природы и построить идеальный мир. Вдохновленная идеями Фейербаха и пронизанная революционным романтизмом, эта философия стала основой его деятельности на посту народного комиссара просвещения.

Внедрение этих идей в образовательную систему оказалось сложным и противоречивым процессом. Луначарский видел в школе главный инструмент для создания «нового бога» — все-сторонне развитой личности будущего. Для этого он предложил отменить прежние программы, внедрить трудовой принцип, создать систему новых ритуалов (Октябрины, политические праздники) и организаций (пионерская организация). В этой системе учитель становился своего рода жрецом, наука — богослужением, а тексты марксизма — священным писанием. Однако реализация проекта столкнулась с серьёзными трудностями. Ортодоксальные марксисты во главе с Лениным резко критиковали «богостроительство», считая его идеалистической ересью и отступлением от материализма. Значительная часть учительства и родителей также выступала против, видя в новой «вере» угрозу традиционным моральным устоям и опасаясь, что она приведет к внутреннему конфликту между семьёй и государством.

Список источников

1. Анонимное письмо («Верующий христианин»). 3 апр. 1929 г. // Линькова В. В. Письма от недовольных наркому Луначарскому // Родина. — 2015. — № 9. — С. 121–123.
2. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским

- съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. — 261 с. — URL : <http://hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения 02.04.2026)
3. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 18. — 5 изд., Москва : Издательство политической литературы, 1968. — С. 7–384.
 4. Линькова, В. В. Письма от недовольных наркому Луначарскому // Родина. — 2015. — № 9. — С. 123–126.
 5. Луначарский, А. В. Атеизм / А. В. Луначарский // Очерки по философии марксизма. — Санкт-Петербург, 1908. — С. 107–161.
 6. Луначарский, А. В. Воспитание нового человека / А. В. Луначарский. — Ленинград : Прибой, 1928. — 48 с.
 7. Луначарский, А. В. Несколько слов о моем «богостроительстве» / А. В. Луначарский // Ко всем товарищам. — Париж, 1909. — С. 5–9.
 8. Луначарский, А. В. Проблемы народного образования / А. В. Луначарский. — Москва : Работник просвещения, 1925. — 201 с.
 9. Луначарский, А. В. Просвещение и революция / А. В. Луначарский. — Москва : Красная новь, 1924. — 71 с.
 10. Луначарский, А. В. Религия и социализм : в 2 т. / А. В. Луначарский. — Санкт-Петербург : Шиповник, 1908.
 11. Обращение Народного комиссара по просвещению от 29 октября 1917 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов. — Москва, 1974. — С. 8.
 12. О'Коннор, Т. Анатолий Васильевич Луначарский / Т. О'Коннор // Вопросы истории. — 1993. — № 10. — С. 28–46.
 13. Письма В. И. Ленина к Максиму Горькому 1908–1913 гг. — Ленинград : Госиздат, 1924.
 14. Фейербах, Л. Сущность Христианства / Л. Фейербах / пер. с нем. изд. — Москва : Мысль, 1906. — XXX, [2], 348, [2] с.

УДК 908(470.55)

В. Г. Демаков

«НЕЗАБВЕННОМУ РОДИТЕЛЮ ОТ БЛАГОДАРНЫХ ДЕТЕЙ»:

НАСЛЕДИЕ ЧЕЛЯБИНСКИХ МЕЩАН ВОЛКОВЫХ

Продолжая тему отдельных исторических захоронений и обнаруженных в последние годы в Челябинске разрозненных надгробий, когда-то размещавшихся на дореволюционных некрополях [2–6], в данной статье расскажем об очередной интересной находке.

10 апреля 2026 г. автору публикации поступило сообщение от краеведа-экскурсовода Алексея Кондратьева о том, что на Успенском кладбище в Курчатовском районе города им выявлен мраморный надгробный памятник конца XIX столетия. По приложенным фотографиям нам удалось прочесть надписи на камне. На западной стороне есть следующий текст: *«Здѣсь покоится / Владиміръ Аникіевичъ / Волковъ / 1840 * 7 апрѣля 1890»*. И на противоположной: *«Незабвенному / родителю / отъ благодар- / ныхъ дѣтей»*.

Пытаясь ответить на закономерный вопрос, как это надгробие оказалось в столь удаленном от исторического центра города районе, да и к тому же на кладбище, которое возникло значительно позже, мы обратились к архивным документам, в надежде найти запись с указанием на место первоначального захоронения усопшего. И результат не заставил себя долго ждать.

В метрической книге Свято-Троицкой церкви Челябинска за 1890 г. под № 24 значится скончавшийся 6 апреля и погребенный 9-го числа челябинский мещанин Владимир Аникиевич Волков, умерший в возрасте 49 лет от воспаления легких [16, л. 363об.-364]. Исповедовал его известный и уважаемый в городе священник Иоанн Днепровский. Тело предали земле на приходском кладбище, устроенном во второй половине 1870-х гг. и приписанном к упомянутому храму. Располагалось оно на северной окраине города, в районе пересечения нынешнего проспекта Победы и ул. Каслинской.

Далее возникает следующий вопрос: как же погребение, поначалу размещавшееся совершенно в другом месте, оказалось там, где находится теперь? Ответ на него достаточно прост. В 1920-е гг. практически все старые кладбища в Челябинске были закрыты, в связи с чем власти города через объявления в газетах обращались к жителям с предложением забирать останки родственников для перезахоронения на новых отведенных для этого участках за счет собственных средств [8; 19], но в те годы мало кто имел такую возможность.

Кроме того, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Челябинске развернулось большое строительство: возводились промышленные предприятия, а вслед за ними и жилье для рабочих. В этих условиях ощущалась острая нехватка стройматериалов, городские власти использовали любые способы их добычи. Часть надгробий с ликвидированных старых некрополей пошла на сооружение фундаментов домов, что-то предприимчивые граждане разобрали для собственных утилитарных нужд. Некоторые камни были вторично использованы при оформлении новых захоронений в годы советской власти, несколько таких памятников со сбитыми прежними надписями сегодня можно увидеть на Успенском и Митрофановском кладбищах.

По всей видимости, в данном случае мы имеем дело как раз с таким переносом потомками захоронения и надгробия. В одной ограде рядом с ним размещаются могилы Борисовых Анны Ивановны (1870–1968) и Филиппа Стефановича (1871–1944), Агалцова Юрия Ивановича (1932–1953), а также Чистяковой Натальи Федоровны (1914–2002). Неизвестно, в какой родственной связи эти люди состояли между собой, а главное с В. А. Волковым (1840–1890). Возможно, в будущем удастся внести ясность.

В документах 1870-х гг. нам не удалось обнаружить упоминаний о семье Волковых в Челябинске. Зато в 1881 г. на ул. Знаменской в Заречье уже фигурируют дом с флигелем мещанина Владимира Волкова, спустя пять лет перешедшие во владение его жены Анастасии Ивановны [20, л. 250об.–251; 21, л. 209об.–210]. К этому времени у них было трое сыновей — Алексей, Иван и Петр. Сам Владимир Аникиевич в августе 1884 г. баллотировался в гласные городской думы [25, л. 111, 115об.].

Достаточно заметным в Челябинске человеком стал старший сын Волковых Алексей. Известно, что 23 июля 1880 г. он в 18-летнем возрасте женился на крестьянке Пелагее Николаевне Абросимовой [13, л. 98об.–99]. 2 февраля 1882 г. у

пары родился сын Георгий, умерший 9 июня того же года, а 12 октября 1883 г. на свет появился Александр, доживший до преклонных лет, о чем говорит соответствующая приписка в метрической книге: «Свид[етельство] по запросу высл[ано] в г. Магнитогорск 12/IX-40 г.» [14, л. 310об.-311, 430об.-431; 15, л. 357об.-358].

В 1894 г. Алексей Владимирович Волков приобрел собственный дом на углу Екатеринбургской и Семеновской улиц (ныне Кирова и Работниц соответственно) [23, л. 283]. Много лет был прихожанином Свято-Троицкой церкви, 18 февраля 1899 г. за пожертвования в этот храм получил архипастырское благословение епископа Оренбургского и Уральского Владимира [24, с. 51].

Алексей Волков занимал различные общественные должности, в том числе гласного городской думы и члена управы. Так, по сведениям справочника В. А. Весновского, он состоял в школьной и земельной комиссиях при думе, в Обществе взаимного от огня страхования, в Городском по квартирному налогу присутствии [1, с. 54, 57, 81]. С 1910 г. был почетным блюстителем 5-го Челябинского мужского городского начального училища (ныне ул. Кирова, 8).

Дважды упоминает Алексея Владимировича в своих мемуарах и акцизный чиновник Константин Теплоухов. В записях за 1910 г. он называет его «крупным ломовиком» (извозчиком, занимающимся транспортировкой тяжелых грузов), а в 1915 г. описывает как члена городской управы, заведующего выдачей пособий семьям мобилизованных, характеризуя так: «...плотный, с брюшком, рыжей бородой, — мой хороший знакомый, веселый человек» [27, с. 130, 182].

В 1911 г. Томская городская управа заключила договор по мощению улиц с подрядчиками — челябинскими мещанами Волковым и Кедровым. Им были предоставлены следующие улицы: Ефремовский взвоз, Солдатская, Миллионная, Магистратская и Никольская, всего 5790 квадратных саженой, работы удалось закончить осенью [9; 17]. Полагаем, что речь здесь

идет опять же об Алексее Владимировиче, поскольку именно о нем на страницах справочных изданий того времени сохранились упоминания в разделе «Подряды и содержание рабочих артелей» [28, с. 302].

Как член Челябинской городской управы, А. В. Волков был уполномочен принять участие в публичных торгах 27 апреля 1913 г. за недвижимое имение наследников Д. Ф. Хованова по ул. Оренбургской (ныне Васенко, 25) для его приобретения в собственность самоуправления города и последующего размещения в доме 4-го женского училища [7, л. 5].

О двух младших братьях Алексея Волкова известно значительно меньше. Петр Владимирович с 1900 г. фиксируется в Верхнеуральске, здесь у него родились дети Сергей (12.03.1901), Зоя (13.12.1902) и Юлия (06.05.1904), а сам он работал на казенном винном складе [10, л. 9об.–10; 11, л. 130об.–131; 12, л. 12об.–13]. Иван Владимирович упоминается в списке лиц, имеющих право участвовать в избрании гласных Челябинской городской думы на четырехлетие 1914–1917 гг. В том же документе фигурирует и получивший доверенность отца Александр Алексеевич Волков [26, л. 2об., 12].

Согласно копии духовного завещания, утвержденной 29 ноября 1910 г. Троицким окружным судом, недвижимое имущество Анастасии Ивановны Волковой на Знаменской улице перешло к наследникам и было разделено между ее сыновьями Иваном и Петром [22, л. 715об.–716]. Во владении их старшего брата Алексея остался собственный дом на углу Екатеринбургской и Семеновской улиц. После революции домовладения муниципализировали, после чего они превратились в коммунальное жилье.

На этом можно было бы и закончить рассказ, ведь с момента обнаружения памятника прошел всего месяц, и провести за такой короткий срок полноценное исследование темы невозможно. Но неожиданно возник еще один эпизод, связанный с семьей Волковых, точнее, с домом Алексея Владимировича. В одной из книг челябинских ученых Игоря и Натальи Нарских

есть рассказ о том, как в начале 1970-х гг. дедушка и бабушка Натальи Васильевны решили выкупить шедшее под снос здание по ул. Кирова, 48а, разобрать его, перевезти на новое место и начать там обживать [18, с. 91–103]. Каково же было наше удивление, когда, сверив с архивными документами местоположение, выяснилось, что под этим адресом к тому времени значилась как раз усадьба Волкова! Зимой 1972–1973 гг. дом «сменил прописку» с челябинской на поселок Полетаево, ул. Восточная, 26. Здесь он и получил второе рождение, причем в своем первоначальном виде, просуществовав так до XXI в.

Цитата, вынесенная в заголовок статьи, оказалась во многом пророческой: памятник, установленный, как сообщалось, «благодарными детьми», не только чудом уцелел в лихолетье XX столетия, но и был сохранен потомками до нашего времени, став своего рода семейной реликвией. История с домом на сегодняшний день тоже не имеет задокументированных аналогов в Челябинске: оказавшись на грани исчезновения, он попал в надежные руки неравнодушных людей, которые дали ему вторую жизнь, хоть уже и вдали от родных мест.

Список источников и литературы

1. Весновский, В. А. Весь Челябинск и его окрестности : карм. справ. / В. А. Весновский. — Челябинск : Тип. Л. Б. Бреслиной, 1909. — 138 с.
2. Демаков, В. Г. История одной находки / В. Г. Демаков // Природное и культурное наследие Урала : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. / сост.: Ю. В. Гушул, А. В. Лушникова. — Челябинск : ЧГИК, 2020. — С. 231–235.
3. Демаков, В. Г. История рода Комольцевых в архивных документах / В. Г. Демаков // Генеалогия и архивы : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. — Челябинск : [б. и.], 2020. — С. 95–104.
4. Демаков, В. Г. Купец или священник? Загадки погребения в центре Челябинска / В. Г. Демаков, Е. М. Шумская. — Челябинск : [б. и.], 2026. — 36 с.
5. Демаков, В. Г. Трагедия при строительстве РВ-72: загадка гибели радиоинженера / В. Г. Демаков, П. А. Петровых // Гороховские чтения : материалы пятнадцатой Всерос. науч. конф. / ред.-сост.: В. Г. Демаков, И. Н. Козырева. — Челябинск : [б. и.], 2024. — С. 31–42.
6. Демаков, В. Г. Челябинский след шадринских купцов Хохловых / В. Г. Демаков // Генеалогия и архивы : материалы третьей Всерос.

- науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. — Челябинск : [б. и.], 2021. — С. 120–127.
7. Журнальные определения городской думы и приложения к ним за январь 1912 — октябрь 1913 года // ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1102.
 8. Закрытие кладбища // Советская правда. — 1922. — 11 авг. — С. 2.
 9. К мощению города // Сибирская жизнь. — 1911. — 22 янв. — С. 3.
 10. Метрическая книга, данная из Оренбургской духовной консистории причту градо-верхнеуральской Благовещенской церкви, для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1901 год // ОГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 2250.
 11. Метрическая книга, данная из Оренбургской духовной консистории причту градо-верхнеуральской Благовещенской церкви, для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1902 год // ОГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 2265.
 12. Метрическая книга, данная из Оренбургской духовной консистории причту градо-верхнеуральской Благовещенской церкви, для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1904 год // ОГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 2293.
 13. Метрическая книга, данная из Оренбургской духовной консистории причту градо-челябинской Свято-Троицкой церкви, для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1880 год // ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 101.
 14. Метрическая книга, данная из Оренбургской духовной консистории причту градо-челябинской Свято-Троицкой церкви, для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1882 год // ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 118.
 15. Метрическая книга, данная из Оренбургской духовной консистории причту градо-челябинской Свято-Троицкой церкви, для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1883 год // ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 127.
 16. Метрическая книга, данная из Оренбургской духовной консистории причту градо-челябинской Свято-Троицкой церкви, для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1890 год // ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 203.
 17. Мощение улиц // Сибирская жизнь. — 1911. — 11 марта. — С. 3.
 18. Нарский, И. В. Незаметные истории, или Путешествие на блошинный рынок / И. В. Нарский, Н. В. Нарская. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 848 с.
 19. Объявление // Челябинский рабочий. — 1926. — 28 мая. — С. 3.
 20. Оценочная ведомость недвижимым имуществам г. Челябинска на 1886 год // ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 204.
 21. Раскладочная ведомость налога с недвижимых имуществ города Челябинска Оренбургской губернии на 1881 год // ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 152.

22. Раскладочная ведомость по налогу с недвижимых имуществ г. Челябинска на 1911 год // ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1096.
23. Сведения о переходе недвижимого имущества к новым владельцам, о сооружении новых и уничтожении старых строений, заявления и прошения лиц разных сословий о выдаче удостоверений, справок за 1894 год // ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 302.
24. Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. — 1899. — 15 апр. — С. 51–53.
25. Списки избирателей, гласных и лиц, изъявивших желание баллотироваться кандидатами в состав городской думы на период 1884–1888 годов // ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 166.
26. Списки избирателей города Челябинска по выборам гласных городской думы на 1914–1917 годы // ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1173.
27. Теплоухов, К. Н. Мемуары: 1899–1934 / К. Н. Теплоухов; сост. А. Б. Гуськова, науч. ред. В. С. Боже. — Москва : Лист Нью, 2011. — 720 с.
28. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1913 год. — Пермь : Типо-лит. губ. правл., 1912. — 568 с.

УДК 908(470.5)

А. П. Заднепровский

**ОБРАЗ ГОРНОЗАВОДСКОГО РАБОЧЕГО КАК ЭТАЛОН
СОВЕТСКОГО ТРУЖЕНИКА: УРАЛЬСКИЕ КОРНИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 1930-х ГОДОВ**

Статья рассматривает формирование образа уральского горнозаводского рабочего как ключевого эталона советской трудовой идентичности в период первой пятилетки. На основе анализа региональных архивных материалов, публикаций в периодической печати и визуальных источников показано, что пропагандистский канон «нового советского человека» во многом базировался на особенностях производственной культуры, социальной структуры и повседневных практик рабочих горнозаводского Урала. Исследование выявляет противоречие между романтизированным образом пролетария-энтузиаста в официальном дискурсе и реальными условиями труда и быта рабочих индустриальных гигантов эпохи индустриализации. Автор демонстрирует, каким образом специфика уральской промышленной культуры — потомственный характер рабочего

класса, владение собственным жильем и наделами, цеховая солидарность — была адаптирована пропагандой для конструирования универсального типа советского труженика, сочетающего пролетарское происхождение с энтузиазмом строительства социализма. Материалы свидетельствуют о том, что образ горнозаводского рабочего Урала играл определяющую роль в создании национальной идентичности советского общества 1930-х годов, становясь символом индустриальной мощи и воплощением социалистического идеала.

Специфика формирования рабочего класса горнозаводского Урала. Горнозаводской Урал представлял собой уникальный индустриальный регион, металлургическая культура которого формировалась с петровских времен. К началу XX в. здесь сложился особый тип рабочего — потомственный мастеровой, владеющий собственным жильем и земельным наделом. По данным переписи 1926 г., среднедушевая норма жилой площади у рабочих Уральской области составляла 4,86 кв.м, превышая общероссийский показатель (4,65 м²) [16]. При этом около 60 % уральских рабочих проживали в собственных домах — показатель, вдвое превышавший общесоюзный [1].

Эта особенность имела глубокие исторические корни. После отмены крепостного права горнозаводское население Урала, сформировавшееся из приписных крестьян, «вечноотданных» и посессионных работников, получило статус свободных тружеников, но сохранило традиционные формы хозяйствования. Как отмечает Коробков, «наличие собственного домашнего хозяйства, лошадей и земельных наделов внеэкономически привязывало работников к заводам» [2].

Однако к концу 1920-х гг. эта земельная привязка приобрела иной смысл — она стала восприниматься властью как препятствие для формирования «настоящего пролетария». В докладе И.Г. Топузиса (1927) рабочие-владельцы домов характеризовались как «отсталые элементы» с «ненастоящим пролетарским происхождением» [15]. Парадоксальным образом именно те группы рабочих, которые составляли квалифи-

цированное ядро уральской промышленности, оказывались подозрительны с точки зрения классовой чистоты.

«Новые» рабочие против «старых»: социальная дифференциация в период индустриализации. Форсированная индустриализация кон. 1920 — нач. 1930 гг. радикально изменила состав рабочего класса Урала. С 1926 по 1939 г. из села в город переселилось 18,5 млн человек [13]. На уральских гигантах индустрии — Магнитострое, Челябинском тракторном, Уралмаше — до 2/3 рабочих составляли недавние крестьяне, лишенные производственного опыта и квалификации.

Исследование, проведенное Свердловским облстатуправлением в 1935 г., показало: среди 202,5 тыс. обследованных рабочих крупной промышленности к квалифицированным относилось только 36,9 %, к полуквалифицированным — 44 %, к неквалифицированным — 19,1 % [21]. При этом «новые» рабочие из деревни составляли основную массу неквалифицированного труда. Они поступали на заводы чернорабочими, получали низкую зарплату и плохо адаптировались к фабричным порядкам. Журнал «Охрана труда» констатировал в 1925 г.: «современные условия промышленного труда сильно осложнились — усовершенствованная техника вызвала скученность работающих на небольшой площади» [12].

«Старые» кадровые рабочие встречали новичков настороженно. На Орехово-Зуевской конференции 1926 г. отмечалось, что «рабочий низшей категории должен ждать десятки лет, облизываясь на получающих высшую категорию» [3]. Цеховая культура воспроизводила иерархию, в которой выходцы из деревни оказывались аутсайдерами. Вместе с тем именно «новые» рабочие, как ни парадоксально, демонстрировали большую лояльность к режиму — они боялись сокращений, реже прогуливали, старались «держаться за производство» [10].

К концу 1920-х гг. ситуация радикально изменилась: теперь уже «старые» рабочие стали восприниматься как тормоз модернизации. Их обвиняли в «рваческих тенденциях», прогулах, нежелании участвовать в социалистическом соревнова-

нии. Власть сделала ставку на молодежь и бывших крестьян как на более управляемую и идеологически податливую массу.

Индустриальная героика: визуальное конструирование образа рабочего. Визуальная пропаганда 1930 гг. создала канонический образ советского рабочего, во многом основанный на уральском «материале». Фотоальбом «Ударники» (1931), подготовленный «Пресс-клише», содержал более 400 снимков передовиков производства. Большинство героев запечатлены в процессе труда — за станком, у мартена, на шахте. Однако, как справедливо замечает исследователь, «рабочие словно не могут ни на минуту оторваться от процесса производства» [22]. Их орудия труда становятся полноправными участниками кадра, формируя визуальный код: рабочий немислим вне производства.

К середине 1930-х гг. фотография окончательно переходит от документирования к мифологизации. Серия М. Альперта и А. Смоляна «Гигант и строитель» (1932) вводит метод «игрового фото»: события из жизни передовика Виктора Калмыкова реконструировались постфактум, включая его приезд из деревни на завод [17]. Неотъемлемым атрибутом героя становится улыбка — «индикатор оптимизма», съемка с нижнего ракурса, придающая фигуре монументальность, волевой разворот лица с устремленным вдаль взглядом.

Стахановское движение 1935–1936 гг. превратило отдельных рабочих в подлинных «звезд». Алексей Стаханов, шахтер из Донбасса, за короткий срок проделал головокружительную карьеру: от бывшего деревенского бедняка до «знатного человека страны», депутата Верховного Совета. Его образ тиражировался в газетах, журналах, на плакатах — воплощение сталинской формулы о «жизни, ставшей лучше, веселее».

Впрочем, уральские рабочие — металлурги, машиностроители — часто изображались с особой эстетикой: они представляли не просто энтузиастами, но мастерами сложного производства, наследниками славных традиций.

Пропаганда использовала мотив преемственности: от кузнецов-оружейников демидовской эпохи к строителям танков и самолетов.

Жилищная проблема и барачный быт: разрыв между пропагандой и реальностью. Несмотря на пропагандистскую героикку, реальные условия жизни рабочих оставались тяжелейшими. В 1929–1934 гг. жилищные программы промышленных трестов Урала предусматривали преимущественное строительство бараков [11]. Если до конца 1920-х гг. барачные поселки были характерны для отдаленных рудников, то к концу первой пятилетки бараки стали основой жилых массивов даже крупных городов. В Свердловске, Перми, Челябинске они составляли половину городского жилья [19].

Государство ограничило индивидуальное жилищное строительство, опасаясь роста «мелкобуржуазных настроений». С 1930 по 1937 г. доля частного жилья в городах Свердловской и Пермской областей сократилась с 69,5 до 31 % [4]. Жилищно-строительные кооперативы, созданные для рабочих, оказались им не по карману: при зарплате 40–60 руб. платить по 14–15 руб. в месяц за двухкомнатную квартиру было невозможно. К 1937 г. ЖСК были ликвидированы, их имущество национализировано [14].

В результате 2/3 рабочих промышленности Урала к концу первой пятилетки проживали в бараках [5]. Жизнь в таких условиях порождала текучесть кадров, пьянство, конфликты. Рабочие писали жалобы во власть, но жилищный кризис продолжал углубляться.

Профессиональная подготовка и проблема квалификации.

К 1935 г. стало очевидно, что форсированная индустриализация столкнулась с острейшей проблемой квалификации. Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г. принял программу технической учебы рабочих, предусматривавшую обязательное обучение по 500 профессиям, создание курсов мастеров социалистического труда (КМСТ), централизованную систему управления профподготовкой [9].

Однако реализация этих планов шла крайне неравномерно. На предприятиях тяжелой промышленности Свердловской и Пермской областей к 1937 г. техничкой были охвачены:

50 тыс. человек на курсах техминимума (49,5 %), 33 тыс. на стахановских курсах (32,7 %), 10 тыс. на КМСТ (9,9 %), 8 тыс. в школах ФЗУ (7,9 %) [6]. Большинство обучавшихся составляли «новые» рабочие — бывшие крестьяне, стремившиеся повысить квалификацию ради роста заработка.

«Старые» кадровые рабочие нередко саботировали техучебу, считая ее излишней формальностью. Их опыт, накопленный десятилетиями, не укладывался в рамки стандартизированных программ. Между тем именно «новые» рабочие, несмотря на низкую исходную квалификацию, демонстрировали большую адаптивность к интенсивному режиму труда. Они разрушали традиционную цеховую культуру, основанную на неспешном ремесленном темпе и взаимовыручке, заменяя ее индивидуалистической гонкой за выработкой.

Образ горнозаводского рабочего в литературе и публицистике. Литература и публицистика 1930 гг. активно эксплуатировали тему уральского рабочего. Роман Ф. Гладкова «Энергия» (1932–1938), посвященный строительству Челябинского тракторного завода, создал романтизированный образ рабочего-энтузиаста, преодолевающего бытовые тяготы ради великой цели. Герои Гладкова — не просто пролетарии, но строители нового мира, носители революционного сознания.

Журнал «СССР на стройке» регулярно публиковал фотоочерки об уральской индустрии. Номер, посвященный Магнитострою (1932), создавал эпический нарратив: рабочие разных национальностей, объединенные общей целью, возводят гигант металлургии в степи. Текст сопровождался фотографиями, на которых труд представал как творчество, а рабочий — как демиург индустриального ландшафта.

М. Горький, активно участвовавший в создании пропагандистских изданий, сформулировал ключевой тезис: «основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда» [7]. Эта формула легла в основу соцреалистической эстетики, где рабочий становился не объектом изображения, а субъектом исторического действия.

Противоречия социальной политики и рабочий протест. Несмотря на пропагандистскую героизацию, реальные отношения между властью и рабочими были напряженными. Забастовка на Верх-Исетском заводе в Свердловске 12 мая 1927 г. стала показательным эпизодом. Рабочие металлургии протестовали против снижения расценок и увеличения норм выработки. Докладная записка И.Г. Топузиса характеризовала забастовщиков как «отсталых элементов», связанных с «мелкобуржуазной оппозицией» [8].

Власть использовала проверенную риторику: социальный протест квалифицированных рабочих списывался на «происки врагов», а сами протестующие объявлялись «нетипичными» представителями класса. Между тем забастовку поддерживали профсоюзная и партийная организации цеха, рабочие других цехов завода, т. е. значительная часть заводского сообщества [20].

Этот эпизод выявил ключевое противоречие: рабочие, объявленные «хозяевами производства», на деле имели крайне ограниченные возможности влиять на условия труда. Формальные институты — месткомы, производственные совещания, рабочие собрания — не давали реальных рычагов воздействия на администрацию. Диапазон самостоятельности партийных комитетов определялся политическими причинами, стремлением «не выносить сор из избы», запретом на перерасход фонда заработной платы [18].

Уральский рабочий как символ национальной идентичности. К концу 1930 гг. образ уральского рабочего стал одним из ключевых символов советской идентичности. Это был собирательный тип, сочетавший несколько идеологически значимых черт:

Пролетарское происхождение, освященное многими поколениями заводского труда. Потомственность воспринималась как гарантия классовой надежности.

Индустриальное мастерство, связанное с освоением сложной техники. Металлургия и машиностроение требовали высокой квалификации, что позволяло представлять рабочего

не просто как физического труженика, но как носителя технического знания.

Территориальная идентичность: Урал как «кузница оружия», «опорный край державы». Региональная специфика работала на конструирование образа рабочего-патриота, защитника страны.

Интернациональная солидарность: на уральских стройках трудились представители разных национальностей СССР, что позволяло демонстрировать «дружбу народов».

Энтузиазм строительства социализма, якобы преодолевающий бытовые тяготы и экономические трудности. Этот канонический образ транслировался через все доступные каналы: газеты, журналы, радио, кино, литературу, изобразительное искусство. Он стал частью массового сознания, формируя представления о «правильном» советском человеке. Интересно, что пропаганда использовала как реальные биографии (Стаханов, другие ударники), так и вымышленные или сконструированные нарративы (фотоочерки типа «24 часа из жизни семьи Филипповых»).

Образ горнозаводского рабочего Урала в 1930 гг. стал фундаментом для конструирования универсального типа советского труженика. Пропаганда использовала реальные особенности уральской индустриальной культуры — потомственность, квалификацию, владение жильем и землей — переосмысливая их в идеологически выгодном ключе. При этом те черты, которые не вписывались в канон (земельные наделы, частное жилье, цеховая солидарность), либо замалчивались, либо представлялись как «пережитки прошлого».

Реальность горнозаводского Урала эпохи индустриализации разительно отличалась от пропагандистских образов. Жилищный кризис, низкая зарплата, тяжелейшие условия труда, нехватка квалификации, текучесть кадров — все это плохо сочеталось с романтизированным образом рабочего-энтузиаста. Власть решала эти противоречия через подмену реальности символическими формами: вместо реального улучшения условий труда и быта рабочие получали ордена, грамоты, портреты в газетах.

Тем не менее образ уральского рабочего сыграл важнейшую роль в формировании советской национальной идентичности. Он воплощал идею социальной мобильности («из грязи в князи»), технического прогресса, патриотизма. В годы Великой Отечественной войны эта символическая конструкция обрела новый смысл: уральские заводы стали «кузницей Победы», а рабочие — героями тыла. Так пропагандистский образ, созданный в 1930-е гг., получил историческое подтверждение, закрепившись в коллективной памяти.

Список литературы

1. Баканов, С. А. Факторы роста добычи каменного угля на Урале на рубеже 1920–1930-х годов / С. А. Баканов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. — 2012. — № 4 (108). — С. 6–18.
2. Валова, Т. В. Материально-бытовое положение рабочих крупной промышленности Урала в конце 1920-х — 1930-е годы / Т. В. Валова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 25. — № 2. — С. 112–127. — URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/6845>.
3. Гагарин, А. В. Промышленные рабочие Урала в 1918–1941 гг.: численность, состав, социальный облик / А. В. Гагарин. — Екатеринбург: УрО РАН, 2008. — 316 с.
4. Голикова, С. В. Повседневная жизнь горнозаводского населения дореволюционного Урала / С. В. Голикова: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Екатеринбург, 2003. — 52 с.
5. Горлов, В. Н. Ведомственное жилье в СССР / В. Н. Горлов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2013. — № 1. — С. 51–56.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 82. Д. 45. Л. 145–147.
7. Журавлева, В. А. Становление коммунального хозяйства Урала и его влияние на естественное воспроизводство городского населения края в 20–30-е годы XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. А. Журавлева. — Екатеринбург, 2007. — 48 с.
8. Коробков, Ю. Д. Социальный портрет рабочих пореформенного Урала / Ю. Д. Коробков // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2003. — № 13. — С. 198–212.
9. Коробкова, С. С. «Индустрия социализма»: иконография рабочего в советской репортажной фотографии 30-х годов / С. С. Коробкова // Труды СанктПетербургского государственного института культуры. — 2008. — Т. 181. — С. 77–91.

10. Картунов, С. В. Национальная идентичность: Постижение смысла / С. В. Картунов. — Москва: Аспект Пресс, 2009. — 589 с.
11. Леднев, В. П. Профтехобразование Урала в 1940–1980 гг. / В. П. Леднев: дис. ... д-ра ист. наук. — Екатеринбург, 2003. — 448 с.
12. Макаров, А. Н. Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг. (по материалам Магнитогорска) / А. Н. Макаров // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 24 (239). — История. — Вып. 47. — С. 129–135.
13. Первый Всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет. — Москва : Худож. лит., 1934. — 718 с.
14. Разуваева, Н. Н. Старые концепции и новые подходы: рабочий класс СССР в исторической литературе / Н. Н. Разуваева // Вестник Челябинского государственного университета. — 1992. — № 1. — С. 49–56.
15. Тюрин, А. О. Жилищный вопрос в городах Советской провинции во второй половине 20-х — 30-е гг. XX в. (на материале Нижнего Поволжья) / А. О. Тюрин : дис. ... канд. ист. наук. — Астрахань, 2006. — 257 с.
16. Ульянова, С. Б. Трудовые ресурсы советского индустриального проекта (вторая половина 1920-х — начало 1930-х гг.) / С. Б. Ульянова // Terra Linguistica. — 2016. — № 4. — С. 81–92.
17. Федосов, Е. А. Советский человек: пропаганда или реальность? / Е. А. Федосов // Русин. — 2014. — № 4 (38). — С. 139–153.
18. Фельдман, М. А. Материально-бытовое положение рабочих Урала в 1929–1941 годах / М. А. Фельдман // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2002. — № 15. — С. 139–152.
19. Фельдман, М. А. Советское государство и уральские рабочие: проблемы технической учебы на производстве в 1935–1940 годах / М. А. Фельдман // Вестник Челябинского государственного университета. — 2005. — № 1. — С. 79–88.
20. Фельдман, М. А. Трудовые конфликты на промышленных предприятиях Уральской области в юбилейный год советской власти: проблема взаимоотношений власти и рабочих в 1927 году / М. А. Фельдман // Русин. — 2017. — № 2 (48). — С. 139–158. — DOI: 10.17223/18572685/48/10.
21. Центр документации новейшей истории Свердловской области (ЦДНИ СО). Ф. 4. Оп. 8. Д. 127. Л. 6–8.
22. Чолахян, В. А. Подготовка рабочих кадров в промышленности Нижнего Поволжья в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) / В. А. Чолахян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. — 2013. — Т. 13. — Вып. 4. — С. 82–87.

Н. А. Захаров

**МУЗЕЕФИКАЦИЯ ОРЕНБУРГСКОГО ПУХОВОГО ПЛАТКА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ**

Оренбургский пуховый платок является не только всемирно известным брендом России, но и сложным культурно-историческим феноменом, в котором переплелись многовековые традиции кочевых и оседлых народов Урала, уникальные природные данные и филигранное мастерство рукодельниц. Возникнув как утилитарный предмет быта в XVIII в., промысел к началу XXI столетия обрел статус одного из ключевых символов национальной идентичности. Однако передача знаний о промысле долгое время осуществлялась исключительно устно, «из рук в руки», что создавало риски утраты аутентичных техник и орнаментов.

Ключевую роль в сохранении и репрезентации этого наследия играет процесс музеефикации. Под музеефикацией в данном контексте понимается не просто помещение артефактов в запасники, а комплексная деятельность по выявлению, изучению, сохранению и введению в современный культурный оборот как материальных носителей (платков, инструментов), так и нематериальных компонентов (технологий, орнаментики, семантики узоров) [4].

Цель данной статьи — проанализировать эволюцию процесса музеефикации оренбургского пухового платка: от первых попыток сохранения раритетов до современных мультимедийных и межмузейных проектов, а также оценить роль музейных институций в поддержании жизнеспособности промысла.

Систематическая работа по собиранию и изучению оренбургского пухового платка началась относительно поздно. Как отмечает ведущий искусствовед И. Бушухина, самые ранние экспонаты в музейных собраниях датируются концом XIX — началом XX в. [1, с. 14]. Более древние экземпляры, вероятно, не сохранились в силу утилитарного характера использования —

платки носились до полного износа. Долгое время отсутствовала сама институция, целенаправленно занимавшаяся сбором платков; они попадали в музеи эпизодически, как этнографический материал или образцы народного творчества.

Важным этапом доинституциональной музеефикации можно считать признание промысла на всемирных выставках. Первая презентация ажурной шали на Всемирной выставке в Лондоне в 1851 г. и последующие награды на выставках в 1862 и 1958 гг. (серебряная медаль в Лейпциге) фактически зафиксировали «музейный статус» изделия как высокохудожественного произведения, достойного экспонирования в одном ряду с шедеврами мирового искусства [2].

Особую страницу в истории промысла занимает деятельность женских монастырей. Успенский женский монастырь в Оренбурге располагал одной из крупнейших пуховых мастерских. Монастырское пуховязание, получившее в 1904 г. большую серебряную медаль на Первой всероссийской выставке монастырских работ в Санкт-Петербурге, задавало высокие эстетические и технологические стандарты. Монахини и послушницы не только создавали изделия, но и, по сути, консервировали и транслировали традицию в период ее наивысшего расцвета [3].

Переломным моментом стало создание специализированной музейной структуры. В 2012 г. в Оренбурге открылась галерея «Оренбургский пуховый платок» как структурное подразделение Областного музея изобразительных искусств. Это событие ознаменовало переход от эпизодического экспонирования к системной музеефикации. Впервые была создана площадка, целью которой стало «раскрытие темы оренбургского пуховязания во всем его разнообразии». Открытие сопровождалось не только выставочной деятельностью, но и научной работой — изданием книги И. Бушухиной, где впервые были систематизированы варианты носки платков и представлены схемы основных узоров [1].

Современная коллекция Оренбургского музея изобразительных искусств позволяет проследить эволюцию промыс-

ла на протяжении более чем ста лет. Согласно данным музея, собрание репрезентативно отражает развитие пуховязания со второй половины XX в. (60–90-е гг.). Однако первая половина XX в. представлена лишь единичными работами, причем авторство большинства из них установить не удастся — это отражает «народный», безличный характер промысла того времени.

Изучение коллекции дает искусствоведам материал для серьезных выводов об эволюции художественного языка промысла. Как отмечается в материалах музея, на ранних этапах ажурные элементы существовали на плотном фоне. Во второй половине XX в. происходит качественный скачок: платок становится «подчеркнуто декоративным», ажурные формы вяжутся на ажурном же фоне, что меняет всю художественную структуру изделия. Коллекция позволяет не только фиксировать эти общие закономерности, но и изучать индивидуальные авторские манеры ведущих мастериц.

Одной из важных функций музея становится экспертиза и борьба с контрафактом. Распространение суррогатной продукции, выдаваемой за оренбургский платок, актуализирует просветительскую миссию музея — демонстрацию эталонных образцов, обладающих подлинными свойствами (легкость, способность проходить через кольцо) [2].

Современный этап музеефикации характеризуется выходом за пределы классического экспонирования. Галерея становится площадкой для экспериментов и междисциплинарных проектов.

Ярким примером такого рода тренда стала выставка в честь 85-летия Фабрики Оренбургских пуховых платков (2024 г.), где была представлена коллекция «20 великих людей России». Платки с портретами Петра I, Льва Толстого, Валерия Харламова и других выдающихся личностей, выполненные с использованием цифрового проектирования и ручной каймы, демонстрируют технические возможности промысла и его готовность к диалогу с актуальной культурой. Передача этой коллекции в дар галерее свидетельствует о симбиозе промышленного производства и музейного хранения.

Музей активно участвует в репрезентации промысла за рубежом. Выставка *The Orenburg downy shawl* в Брюсселе (2023 г.) знакомила европейскую публику с работами лучших вязальщиц. Масштабный проект «Переpletения Истории. Оренбургские платки от Прато до Урала» (Италия) стал уникальным примером межкультурного диалога. Оренбургский платок экспонировался одновременно в восьми музеях города Прато — второго по величине центра текстильной промышленности Италии. Примечательно, что каждый музей интерпретировал тему по-своему: Музей ткацких станков — через историю нити, Археологический музей — через инструментарий, Центр естественных наук — через аналогию с паутиной. Такой подход обогащает восприятие промысла, вписывая его в мировой контекст истории технологий и ремесел.

В 2025 г. Оренбургский музей ИЗО выступил партнером Государственного музейно-выставочного центра «РОСИЗО» в рамках национального проекта «Народные художественные промыслы». Выставка «Смыслы и промыслы» интегрировала оренбургский платок в панораму народных промыслов России, от якутской резьбы по кости до дагестанской ювелирки. Это позволило представить локальную традицию как неотъемлемую часть общероссийского культурного кода.

Важнейшим трендом последних лет является цифровизация наследия. На фабрике пуховых платков создана одна из крупнейших цифровых баз данных традиционных узоров и элементов промысла. Оцифровка позволяет не только сохранить историческое наследие оренбургских казачек (узоры «мышинный след», «снежинка», «кошачья лапка» и др.), но и создавать на их основе новые современные продукты. Использование компьютерных технологий для переноса изображения в схему вязки открывает новые горизонты для сохранения и развития промысла.

Галерея «Оренбургский пуховый платок» стала ключевой точкой нового туристического автомобильного маршрута «Узоры Оренбургской зимы» [5], разработанного при участии компании «Роснефть». Маршрут предполагает не только осмотр экспозиции, но и участие в творческих мастер-классах и лекциях. Это

превращает музей из пассивного хранилища в активного участника экономики впечатлений и брендирования территории.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что музеефикация оренбургского пухового платка прошла сложный путь от стихийного сохранения единичных артефактов до создания высокотехнологичного музейно-выставочного комплекса, активно взаимодействующего с современным искусством, промышленностью и туристической отраслью. Опыт Галереи «Оренбургский пуховый платок» демонстрирует эффективность модели «живого музея», где коллекция является не только предметом гордости, но и рабочим инструментом для художников, дизайнеров и исследователей.

Современные практики, включая цифровые базы данных и международные коллаборации, позволяют решать двудединую задачу: сохранить аутентичность традиции (борьба с контрафактом, изучение орнаментики) и обеспечить ее актуальность для новых поколений (экспериментальные коллекции, интерактивность). Оренбургский пуховый платок благодаря усилиям музейного сообщества перестал быть только сувениром или предметом одежды, утвердившись в статусе полноценного культурного и художественного феномена, требующего постоянного научного осмысления и бережной музеефикации.

Список литературы

1. Бушухина, И. В. Оренбургский пуховый платок / И. В. Бушухина. — Оренбург : Оренбургская книга, 2012. — 184 с.
2. В Оренбурге открылся музей знаменитого пухового платка // Российская газета. — 2012. — 16 мая. — URL: <https://rg.ru/>.
3. Монастырским традициям пуховязания и шитья посвящена выставка в Музее истории религии // Санкт-Петербургская митрополия Русской Православной Церкви. — URL: <https://mitropolia.spb.ru/news/culture/?id=60883&ysclid=mmv1gdaxty540195599>. — Дата публикации: 31.10.2014 (дата обращения: 18.03.2026).
4. Суворова, А. В. Роль музея в сохранении культурного наследия / А. В. Суворова // Культура и цивилизация. — 2016. — №. 6. — Вып. 5А. — С. 390–396.
5. Узоры Оренбургской зимы: туристический маршрут // Известия. — 2025. — 5 дек. — URL: <https://iz.ru/>.

П. В. Захарова

Науч. рук.: С. С. Соколов

ОБРАЗЫ ЗАВОДОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В СТАНКОВОЙ ЖИВОПИСИ XX ВЕКА

В статье на материале произведений уральских художников XX в. рассматривается эволюция визуальных образов индустриального Урала. Опираясь на концепцию «горнозаводской цивилизации» и семиотику локального текста, автор выделяет четыре регистра репрезентации завода: Завод-Храм, Завод-Среда, Завод-Процесс и Завод-Монстр. Особое внимание уделяется границам советского изобразительного канона: показано, что первые три регистра были идеологически легитимны и активно тиражировались, тогда как четвёртый возник лишь на периферии высказывания.

Челябинская область — один из классических центров того, что в современной культурологии называют «горнозаводской цивилизацией» [2]. Завод здесь выступает не просто хозяйственным объектом, а смысловым ядром, вокруг которого с середины XVIII в. формировались городская среда, социальная структура и локальная идентичность. В эпоху постиндустриального перехода, когда многие гиганты советской индустрии остановлены или радикально перепрофилированы, живопись XX в. превращается в уникальное «место памяти» (по П. Нора) [4]: для локального сообщества она фиксирует ускользающие смыслы и коллективные эмоции, связанные с заводским прошлым.

В исследовательской литературе долгое время доминировало представление о советском индустриальном пейзаже как о монолитном по своей идеологии. В работах В. С. Манина и других историков советского искусства индустриальная тема рассматривалась преимущественно как одно из направлений соцреализма, в котором завод устойчиво выполнял функцию либо храма прогресса, либо арены героического труда [3]. Эта

схема, продуктивная для общего обзора, оставляет без внимания внутреннюю неоднородность образа — особенно на локальном материале, где соцреалистический канон неизбежно взаимодействовал с региональной оптикой.

Челябинский материал это представление проблематизирует [5]: на примере станковой живописи мы обнаруживаем сосуществование четырёх различных образных регистров — от сакрализации до обытовления, от героизации до осторожной критики. Эти регистры не сменяли друг друга в линейной эволюции, а сосуществовали в рамках одного культурного пространства.

Исследовательская проблема статьи формулируется следующим образом: как и почему в этих условиях сосуществовали столь разные образы одного и того же объекта — и что оставалось за границей допустимого? Для ответа на вопрос мы обратимся к произведениям уральских художников.

1. Завод-Храм. Наиболее узнаваемый образ завода в советской живописи — это образ Храма. Индустриальный гигант предстает очищенным от грязи и копоти, вознесенным ввысь; композиционно он часто решен по аналогии с сакральной архитектурой — через подчеркнутую вертикальность, низкую линию горизонта. Человек в этой системе координат — не участник производства, а почтительный свидетель величественного зрелища.

Примером служит картина А. В. Пантелеева «Горно-обогатительный комбинат» (1976). Полотно строится на контрасте между геометрической чёткостью промышленных корпусов и мягким, почти акварельным небом. Завод занимает практически всю центральную часть композиции, его вертикали поддержаны трубами. Из труб идёт дым, однако он лишен какой-либо токсичности: написанный в той же бело-голубой гамме, что и облака, дым визуально сливается с ними, и завод словно прорастает сквозь небесную сферу, оказываясь выше облаков. Индустрия здесь не часть природы и не ее антагонист, а новый, рукотворный небосвод.

Другим примером предстает картина В. Ф. Подгорнова «Рассвет над Уралом» (1953). Колорит полотна строится на сдержанной гамме: преобладают песочные, охристые, сероватые тона. Завод визуально напоминает образ египетской пирамиды — монолитный, геометрически завершенный объем, всем своим силуэтом утверждающий идею незыблемости. У входа, в нижней части полотна, едва различимы человеческие фигуры — они даны настолько малыми, что не соотносятся с заводским массивом. Завод предстает как нечто непреходящее, стоящее вне времени.

Эту логику продолжает В. В. Бубнов в работе «Подъездные пути к мартену» (1966). Заводской корпус занимает практически всю плоскость холста. Однако монументальность смягчена здесь колористическим решением: художник избегает монохромной серости, завод написан живо — в переключке оливковых, охристых и голубых тонов. Светлое небо отражается в стенах корпуса, и завод словно вбирает в себя небесную сферу, вместо того чтобы ей противостоять. Завод здесь — сияющее, почти праздничное сооружение. Индустрия у В. В. Бубнова не требует оправдания через героизацию труда, она прекрасна сама по себе.

Культурологически код Завода-Храма восходит к эстетике соцреализма, унаследовавшей от авангарда утопию завода как сакрального места, где куётся будущее, но переведшей эту утопию в подчеркнуто статичную, фигуративную, «вечную» форму. Образ имел прямую идеологическую функцию: он работал на легитимацию индустриализации как священнодействия, исключая пространство для какой-либо рефлексии о ее цене — человеческой или экологической.

2. Завод-Среда. Совершенно иная оптика возникает у художников, для которых завод — естественная, обжитая среда обитания. Многие из них сами работали на этих предприятиях; их взгляд — это взгляд человека, вписанного в заводскую повседневность, для которого дымящие трубы являются чем-то привычным. Этот регистр показывает: завод не героизируется, но и не демонизируется — он просто есть.

Хорошо этот тип образа представлен у Николая Черкасова — художника, работавшего в литейном цехе Челябинского тракторного завода. Для Черкасова завод был не «темой», а непосредственным жизненным опытом. В «Гончарном заводике» (1974) перед нами камерное, почти идиллическое произведение: заводские постройки невелики, уютно расположены среди деревьев. Здесь нет ни величия, ни угрозы — есть обжитой человеческий масштаб, в котором заводская архитектура уравнена в правах с другими элементами ландшафта.

Близкое решение, но с более выраженным лирическим началом, дает А. Ф. Буран в картине «Мартены Уралмаша» (1975). Главное в полотне — колористическое решение. Стоит осень: деревья написаны жёлтым, вспыхивает красным рябина. Из заводских труб идёт дым, но художник лишает его какой-либо мрачности: один поток решен в жёлтых, осенних тонах — и визуально напоминает листву; два других — синие — перекликаются с цветом неба. Дым встраивается в пейзаж; завод не противостоит природе, а колористически «присваивается» ей. Трубы и деревья, выбросы и листва существуют в единой цветовой гамме — А. Ф. Буран показывает: индустрия и природа могут быть не антагонистами, а частями одного визуального мира.

Такой образ заводской повседневности снимал потенциальную травматичность промышленной среды, делал ее привычной и естественной — и именно поэтому не требующей критического пересмотра. Если завод — это просто «дом», то вопросы о выбросах, усталости или профессиональном риске лишаются основания.

3. Завод-Процесс. Третий образный регистр фокусируется не на архитектуре и не на среде, а на действии — на моменте производства как встрече человека и заводской стихии. Завод предстает здесь не зданием, а процессом, визуализированным через контраст между раскаленным металлом и собранной человеческой фигурой. Если Храм требовал созерцания, а Среда — привыкания, то Процесс требовал соучастия.

К. А. Соколов в «Трубном цехе завода „Магнезит“» (1930-е) показывает слаженную работу троих мастеров: их движения уверенны, а огонь, вырывающийся из печи, становится не источником опасности, а партнёром для них — подчиненным, но требующим уважения.

В картине В. А. Неясова «Новаторы» (1955) показан другой ракурс. Прямого взаимодействия с заводской стихией здесь нет: передний план занят группой людей, окруживших стол и обсуждающих какой-то лист бумаги — возможно, график, план или техническую документацию. Позади, на втором плане, другие рабочие заняты своим делом — но это спокойная, размеренная работа, без огня и драматизма. Таким образом, героическим здесь оказывается не физическое противостояние пламени, а интеллектуальное усилие — расчет, планирование, инженерная мысль. Завод предстает как пространство, управляемое из этого штабного центра; стихия укрощается не мускулами, а чертежом. Участник заводского процесса — не только тот, кто выдерживает жар печи, но и тот, кто этот жар рассчитывает и направляет.

Идеологическая функция этого образа заключалась в переводе коллективного труда в регистр индивидуального героизма. Зритель-рабочий получал образ для идентификации, в котором мог увидеть собственное достоинство, не выходя за рамки промышленного сюжета. Завод-Процесс был самым демократичным из трех легитимных регистров: он апеллировал непосредственно к опыту труда — и именно потому был, вероятно, наиболее востребованным.

4. Завод-Монстр. Образ завода-монстра — редкость в советском официальном искусстве, и именно эта редкость делает его исключительно значимым для анализа. Если первые три регистра укладывались в соцреалистический канон, пусть и с разной степенью соответствия ему, то четвёртый находился за его границами.

Челябинский график Николай Третьяков в гравюре «Весна» (1973) создает визуальный намек на экологическое небла-

гополучие. Композиция строится на открытом конфликте двух планов: на переднем — цветущие деревья, хрупкая, уязвимая красота пробуждающейся природы; на заднем — завод, решенный мрачно, почти зловеще, с подчеркнуто грубой фактурой промышленных конструкций. Завод не просто присутствует в ландшафте — он нависает над ним, вторгается, угрожает. Третьяков фиксирует дискомфортное, тревожное соседство, предоставляя зрителю самому сделать вывод.

Таким образом, Завод-Монстр в челябинской живописи XX в. возникает не как однозначный визуальный регистр, а именно как что-то, что не может не проявиться, но вынуждено варьировать визуальную образность, включая своего рода недосказанность. Сегодня, в контексте постиндустриальной культуры и концепции культурной травмы [1], произведение Третьякова читается как раннее предчувствие того амбивалентного, разорванного отношения к индустриальному наследию, которое станет доминирующим на рубеже XX–XXI вв.

Станковая живопись Челябинской области XX в. демонстрирует не один, а четыре различающихся образных регистра завода. Их сосуществование не было ни случайным, ни полностью свободным: советский изобразительный канон, вопреки распространенному представлению о его монолитности, оставлял внутри себя значительное пространство для вариаций, но при этом жёстко отсекал один-единственный тип высказывания — прямое критическое суждение об индустриальном проекте [5; 6].

Первый регистр — Завод-Храм — работал на легитимацию индустриализации, придавая ей сакральный статус. Второй — Завод-Среда — «приручал» потенциально травматичный ландшафт, делая его естественным, привычным и за счёт этого не подлежащим критическому осмыслению. Третий — Завод-Процесс — решал ту же идеологическую задачу иначе: через фигуру героя-укротителя, в которой зритель-рабочий мог увидеть собственную значительность. И наконец, четвёртый — Завод-Монстр — оставался за границей допустимого высказывания, возникая лишь на периферии.

Ключевой вывод статьи заключается в том, что жёсткость канона проявлялась не в единообразии — внутри дозволенного существовал целый веер репрезентационных стратегий, — а в последовательном отсечении одного, критического регистра. Эта асимметрия позволяет увидеть идеологическую механику соцреализма точнее, чем взгляд, фиксирующий только то, что было разрешено.

Изучение этих образов дает ключ к пониманию того, как региональная идентичность формировалась внутри идеологического давления. Когда сегодня остановленные заводы становятся объектами ностальгического переживания — в краеведческих музеях, в публицистике, в новейшей живописи, — необходимо осознавать: советская живопись сохранила для нас не прямую фиксацию реальности, а систему дозволенных способов ее видеть. Именно этот зазор — между реальным опытом и канонической репрезентацией, между храмом, средой, процессом и монстром, — делает челябинский индустриальный пейзаж продуктивным объектом для культурологического анализа.

Список литературы

1. Волков, Ю. Г. Социокультурные травмы современного российского общества/Ю.Г.Волков//Социологические исследования. — 2022. — Т. 48. — № 3. — С. 13–23. — DOI: 10.31857/S013216250017543-0.
2. Иванов, А. В. Горнозаводская цивилизация : монография / А. В. Иванов [и др.] ; под общ. ред. И. В. Побережникова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. — 379 с. — ISBN 978-5-7996-2210-2.
3. Манин, В. С. Русская живопись XX века : в 3 т. / В. С. Манин. — Санкт-Петербург : Аврора, 2007. — ISBN 978-5-7300-0850-2.
4. Нора, П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — 325 с. — (Новая петербургская библиотека. Коллекция «Память века»). — ISBN 5-288-02318-2.
5. Шабалина, Н. М. Уральское промышленное искусство в контексте развития материальной и духовной культуры России XX века / Н. М. Шабалина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 12 (38). — Ч. 2. — С. 190–193.

6. Шипицына, О. А. Исторически сложившиеся индустриальные культурные центры Урала в контексте современной реиндустриализации / О. А. Шипицына, Н. С. Солонина // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIII Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 18–19 окт. 2018 г.). — Екатеринбург : УрО РАН, 2018. — Т. 2. — С. 399–413.

УДК 908 (470.5)

Д. О. Ивашкевич

**АЛОЕ ПОЛЕ ЧЕЛЯБИНСКА: ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТНЫХ ДАТ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ УРАЛА**

В статье на примере одного из центральных парков Челябинска рассматривается феномен «памяти места» и его роль в конструировании культурной идентичности Уральского региона. Анализируется история Алого поля как пространства, где в материальной форме нашли отражение ключевые события отечественной истории — от имперского периода до современности, причём каждое из этих событий получило уникальное *уральское измерение*. Особое внимание уделено мемориалам и памятным датам, которые превращают парк в региональный историко-культурный текст.

В современном гуманитарном знании категория «память места» занимает центральное место в исследованиях исторической памяти. Пьер Нора и его последователи убедительно показали, что пространство способно не только хранить события прошлого, но и активно участвовать в их репрезентации, конструируя коллективную идентичность сообщества [6]. Парк «Алое поле» в Челябинске представляет собой наглядный пример такого мнемонического ландшафта [7]. За относительно небольшой исторический срок — менее полутора веков — эта территория неоднократно меняла не только облик, но и функции, оставаясь при этом постоянным местом ритуальных практик и пространством трансляции памяти. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления культурно-исторического потенциала региональ-

ных объектов, что особенно важно в контексте формирования локальной идентичности и патриотического воспитания подрастающих поколений на Урале.

Говоря о культуре исторической памяти, мы чаще всего имеем в виду даты, закрепленные в календарях: 1 мая, 9 мая, 29 октября, 14 сентября... Но для каждого человека существует и другой ряд памятных чисел — тех, что не отмечены государственными церемониями, но не менее значимы. Алое поле для тысяч челябинцев — место не только траурных митингов и торжественных линеек. Это любимый парк для прогулок, катания на велосипедах, чтения на скамейке. И у каждого здесь своя маленькая памятная дата. Позволю себе привести пример из собственной биографии, чтобы показать, как общезначимый мемориальный ландшафт становится частью частной жизни.

Для автора данной статьи Алое поле — это место первого свидания с моим будущим мужем. Тот день теперь не отмечен в официальных календарях Челябинска, но он навсегда остался в моем сердце как одна из главных памятных дат моей жизни.

Эволюция названий как отражение политического контекста. История топонима «Алое поле» демонстрирует, как смена политических эпох фиксируется в смысловом значении городского пространства. Первоначально (1880-е) — эта территория на западной окраине Челябинска носила название Ярмарочной площади: здесь действовали мясные и рыбные ряды, велась бойкая торговля [5]. В 1881 г. на площади была возведена Александровская часовня в память об убитом императоре Александре II, после чего она получила наименование Александровской. В 1907–1911 гг. на месте часовни по проекту академика А. Н. Померанцева (автора проекта московского ГУМа) построили Александро-Невскую церковь [7].

Революционные события принесли новое переименование. 1 мая 1920 г. Александровская площадь стала Алым полем — в память о разгоне казаками стачки рабочих в 1905 г., когда несколько демонстрантов были ранены [3]. В 1924 году, после смерти В. И. Ленина и закладки на поле мемориала вождю, площадь была

переименована в площадь им. В. И. Ленина. В 1942 г. она стала площадью 30-летия ВЛКСМ и одновременно детским парком. И лишь в 1960 гг. — как бы осуществляя своеобразный «возврат к истокам» — парку было возвращено современное название — «Алое поле» [4].

Этот калейдоскоп переименований (исследователи Государственного исторического музея Южного Урала насчитывают шесть официальных названий [9]) представляет собой не просто административную историю, но полную драматизма хронику трансформации общественного сознания, причем каждое переименование имело региональную специфику: оно было откликом на локальные события (стачка 1905 г. в Челябинске) либо на календарные даты, значимые именно для уральского сообщества (освобождение Челябинска от колчаковцев) [7].

Мемориальный ряд Алого поля: хронология памяти. На небольшой по площади территории Алого поля сконцентрировано несколько мемориальных объектов, каждый из которых связан с определенной исторической эпохой и памятной датой. Эти объекты образуют своеобразный «хронологический срез» российской истории, однако каждый из них наполнен уральским содержанием [4].

Объекты на территории Алого поля

Объект	Дата	Исторический контекст	Уральская специфика
Александроневская церковь	1907-1911	Религиозная память имперского периода	Единственный храм-памятник на Урале, возведенный в честь спасения императорской семьи при крушении поезда [7]
Памятник-мавзолей В.И. Ленину	1924-1925	Увековечение памяти вождя, создание «ленинской библиотеки» внутри памятника	Открыт 15 июля 1925 г. — в 6-ю годовщину освобождения Челябинска от колчаковцев (сугубо региональная дата) [7]

Объект	Дата	Исторический контекст	Уральская специфика
Памятник «Орлёнок»	29 октября 1958	40-летие ВЛКСМ, объект федерального значения	Символ уральских комсомольцев — строителей Магнитки, ЧТЗ и Уральского добровольческого танкового корпуса [1]
Аллея пионеров-героев	14 сентября 1986	250-летие Челябинска	Подарок городу к юбилею; среди пионеров — фигуры, чьи судьбы связаны с Уралом (эвакуация из Керчи) [2]
Памятник разведчику Исхаку Ахмерову	2015	Увековечение памяти выдающегося земляка	Уроженец Троицка Челябинской области — первый памятник такому разведчику в России [4]

Региональное измерение памятных дат: как общероссийские события обретают уральский смысл. На первый взгляд, события, запечатленные в мемориальном ландшафте Алого поля (революция 1905 г., смерть В. И. Ленина, юбилей ВЛКСМ, Великая Отечественная война), относятся к общенациональной истории России. Однако историческая память никогда не существует в «чистом», обезличенном виде — она всегда локальна, привязана к конкретному месту и сообществу. В случае с Алым полем мы видим, как общефедеральные памятные даты приобретают уникальное уральское звучание, а само пространство парка становится «местом памяти» именно Южного Урала [7]

Даты, рожденные на Урале. Кроме «общероссийских» дат, Алое поле хранит и исключительно региональные памятные события:

14 сентября 1986 г. — 250-летие Челябинска. К этой дате была открыта Аллея пионеров-героев, ставшая подарком городу [1; 2].

2015 г. — установка памятника разведчику Исхаку Ахмерову, уроженцу города Троицка Челябинской области. Дата не круглая, но сам факт увековечения — результат работы уральской общечественности, добившейся признания забытого земляка [4].

Таким образом, Алое поле демонстрирует классический механизм региональной исторической памяти: одни и те же ка-

лендарные даты наполняются разным содержанием в зависимости от локального опыта. Для Урала 1 мая — это не просто весенний праздник, а напоминание о кровавом разгоне стачки в центре Челябинска. 40-летие ВЛКСМ — не абстрактный юбилей, а повод вспомнить уральских комсомольцев-строителей. День Победы — еще и чествование «Танкограда». Памятники Алого поля служат материальными якорями, которые фиксируют эти региональные смыслы.

Проблемы сохранения и актуальность мемориального значения. Память — это не только чествование, но и сохранение. История Алого поля сталкивается с вызовами, характерными для многих мемориальных объектов постсоветского пространства. Общественные организации неоднократно обращали внимание на проблемы сохранения памятников. Так, в 2017 г. коммунисты Челябинска организовали субботник по наведению порядка на Аллее пионеров-героев и у памятника-мавзолея В. И. Ленину, указывая на то, что мемориалы находятся в запущенном состоянии и подвергаются вандализму [8].

Список источников

1. Историко-мемориальный комплекс «Площадь пионеров-героев» (г. Челябинск, парк «Алое поле») // Муниципальный проект «Памятники истории и культуры Челябинской области». — URL: <https://www.pik174.ru/catalog/pamyatniki-posvyashchennye-velikoy-otechestvennoy-voynе-istoriko-memorialnyy-kompleks-ploshchad-pionerov-geroev-g-chelyabinsk-park-aloe-pole/> (дата обращения: 09.05.2026)
2. Коммунисты Челябинска выйдут на масштабную уборку Алого Поля // Челябинское областное отделение КПРФ. — URL: <https://kprf-chel.ru/2017/08/24/kommunisty-chelyabinska-vyjdut-na-masshtabnuyu-uborku-alogo-polya/> — Дата публикации: 24.08.2017 (дата обращения: 09.05.2026).
3. Микушин, А. Восемь точек на Алом поле, которые показывают историю Челябинска / А. Микушин // Комсомольская правда — Челябинск. — URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/26828.5/3867865/>. — Дата публикации: 12.05.2018.
4. Памятник «Орленок», г. Челябинск, парк Алое поле // Муниципальный проект «Памятники истории и культуры Челябинской области». — URL: <https://www.pik174.ru/catalog/pamyatniki-posvyashchennye-grazhdanskoy-voynе-pamyatnik-orlenok-g-chelyabinsk-park-aloe-pole/> (дата обращения: 09.05.2026).

5. Рубрика «Люблю ЧЕ». Алое поле // Челябинский институт Просвещения : сайт. — URL: https://umc.chel-edu.ru/news/rubrika_lyublyu_che_aloe_pole/. — Дата публикации: 16.03.2026 (дата обращения: 09.05.2026).
6. Сабанчиев, Р. Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции / Р. Ю. Сабанчиев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2018. — № 1 (43). — С. 33–38.
7. Ткаченко, О. Парк «Алое Поле» / О. Ткаченко // МКУК ЦБС города Челябинска. — URL: <https://kray.chelib.ru/places/parks/park-aloe-pole>. — Дата публикации: 03.09.2024 (дата обращения: 09.05.2026).
8. Хлызов, М. Челябинцы собрались на Алом Поле, чтобы почтить память погибших в Копейске / М. Хлызов // Губерния, Челябинская область. — URL: <https://gubernia74.ru/articles/news/1136505/>. — Дата публикации: 24.10.2025.
9. Шесть имен Алого поля // Государственный исторический музей Южного Урала. — URL: <https://chelmuseum.ru/novosti/shest-imen-alogo-polya/>. — Дата публикации: 05.05.2022 (дата обращения: 09.05.2026).

УДК908(470.5)

В. О. Клевляник

**Роль храмов, мечетей и иных культовых сооружений
в сохранении духовного наследия и общинных
традиций на Урале**

Культовые сооружения — храмы, мечети, часовни и монастыри — на протяжении столетий выступали центрами сохранения духовной культуры и общинных традиций многонационального Урала. Процессы христианизации и исламизации региона с XVII в. создали уникальную архитектурно-культовую среду, отражающую взаимодействие православия, старообрядчества и ислама. В статье анализируется роль культовых объектов в формировании этноконфессиональной идентичности населения Урала, рассматриваются механизмы сохранения традиций через богослужебную, просветительскую и благотворительную деятельность религиозных общин. Особое внимание уделяется периоду испытаний XX в., когда массовое разрушение хра-

мов привело к утрате значительной части материального и духовного наследия. Исследуются современные процессы восстановления культовых памятников и их значение для сохранения исторической памяти региона.

Культовая архитектура Урала: формирование духовного ландшафта. Уральский регион, расположенный на стыке Европы и Азии, веками являлся зоной активного межкультурного и межконфессионального взаимодействия. Освоение края русскими с конца XVI столетия принесло на эти земли православную традицию, которая наложилась на исламскую культуру местного башкирского и татарского населения. Уже в 1644 г. на реке Исеть возник Далматовский Успенский монастырь, сыгравший значительную роль в распространении христианства [1]. Этот процесс не был односторонним насаждением веры — он включал диалог с местными традициями и формирование особой уральской модели религиозного сосуществования.

К середине XVIII в. на Урале сложилась разветвленная сеть культовых сооружений различных конфессий. Православные храмы возводились в горнозаводских поселках, мечети строились башкирскими и татарскими общинами, старообрядческие скиты укрывались в труднодоступных местах. Каждое из этих сооружений становилось не просто местом отправления культа, но центром общинной жизни, школой грамотности, хранилищем культурных ценностей.

Примечательно, что заводчики Демидовы, Строгановы и другие промышленники активно финансировали храмовое строительство. Церкви становились архитектурными доминантами заводских поселений, формируя их пространственную структуру. Так, в Нижнем Тагиле, Невьянске, Кунгуре культовые постройки определяли силуэт города, становясь символами его духовного и социального единства [6].

Православные храмы как центры духовной жизни. Православное храмостроительство на Урале приобрело специфические черты, отражавшие как влияние

центральноурусских традиций, так и местную адаптацию. Введенская церковь в Миньяре (1819) и Сретенская в селе Илек (1820) демонстрируют характерную для уральского зодчества ротондальную композицию с классицистическим декором [11]. Эти храмы, построенные на средства заводчицы И. И. Бекетовой, представляют собой выдающиеся образцы региональной архитектурной школы, возможно связанной с традициями М. Ф. Казакова.

Храмы выполняли многогранные функции в жизни общины: центры богослужебной практики, определявшей годовой календарный цикл; места проведения обрядов жизненного цикла — крещений, венчаний, отпеваний; хранилища святынь и реликвий, объединявших приход; центры религиозного образования и грамотности; очаги благотворительности и социальной взаимопомощи.

В период Первой мировой войны уральское духовенство развернуло масштабную деятельность по поддержке фронта и тыла. При церквях создавались попечительные советы, открывались лазареты для раненых, организовывался сбор средств и изготовление белья для солдат. Только в 1914–1915 гг. духовное ведомство открыло 679 лазаретов, из них 152 монастырских [10]. Эта деятельность демонстрировала способность церкви выступать мобилизующей силой общества в критические моменты истории.

Старообрядчество: сохранение древних традиций. Особую роль в духовной жизни Урала играло старообрядчество, носители которого бежали сюда от преследований центральной власти еще в XVII в. Старообрядческие общины создали на Урале уникальную культурную среду, сохранявшую дониконовские обряды и традиции. Их поселения отличались строгостью нравов, трудолюбием, развитием ремесел и иконописи [3].

Невьянская иконописная школа старообрядцев приобрела всероссийскую известность. Мастера создавали не только иконы, но и богато украшенные рукописные книги, шили бисерные ризы, изготавливали церковную утварь из уральских

самоцветов. Эти изделия становились предметами паломничества и гордостью региона. В старообрядческих семьях из поколения в поколение передавались профессиональные навыки, формировались династии иконописцев и ремесленников.

Численность старообрядцев на Урале была значительной. К 1826 г. в Пермской губернии насчитывалось 112 000 раскольников, а к 1881 г. их число достигло 93 570 человек [3]. Старообрядцы создавали не только религиозные, но и хозяйственные центры — они стояли у истоков уральской горнозаводской промышленности, давали множество новаторов-изобретателей. Талант рабочих-старообрядцев ярко проявился в самобытных авторских произведениях Кыштымского горного округа.

В современном Екатеринбурге сохраняется старообрядческий Храм во имя Рождества Христова, построенный в 1816 г. на месте деревянной часовни 1837 г. [4]. Такие храмы продолжают быть центрами старообрядческой культуры, местами, где сохраняются древние песнопевческие традиции, уникальная книжная культура и каноны иконописания.

Исламские культовые сооружения: духовные центры тюркских народов. Распространение ислама среди башкирского населения Южного Урала было тесно связано с деятельностью суфийских шейхов братства Ясавийя (XIV–XV вв.) и Накшбандийя-Муджаддийя (XVIII–XIX вв.). У башкир сформировался культ ишанов — почитание суфийских наставников как святых, а их могил — как священных мест для паломничества [12]. Эта традиция сохраняется до настоящего времени: ежегодно тысячи паломников посещают святые места на горе Нарыс-Тау в Миякинском районе Башкортостана, могилы Урал-батыра в Белорецком районе и Алдар-батыра в Бурзянском районе.

Мечети на Урале выполняли функции, аналогичные православным храмам: центры религиозного обучения (мектебы и медресе при мечетях); места собрания общины для решения важнейших вопросов; центры благотворительности и взаимопомощи; — хранилища исламских рукописей и книг; места проведения религиозных праздников, объединявших

мусульман региона.

В современном Екатеринбурге планируется строительство мусульманского комплекса с мечетью в честь героев специальной военной операции. Мечеть с четырьмя минаретами будет рассчитана на 700 прихожан, при ней создадут учебный центр для служителей и паломников [12]. В Уфе продолжается достройка грандиозной мечети Ар-Рахим, на которую в 2024 г. направлено 1 миллиард рублей [9]. Эти проекты свидетельствуют о возрождении исламской архитектуры и культуры на Урале после десятилетий забвения.

Трагедия XX в.: разрушение духовного наследия. Установление советской власти стало катастрофой для культового наследия Урала. С 1918 г. начался процесс национализации церковного имущества, сопровождавшийся кампаниями по изъятию церковных ценностей под предлогом помощи голодающим. В 1922 г. из храмов Урала было изъято огромное количество золота и серебра, множество икон и предметов церковно-прикладного искусства [7]. Часть ценностей попала в музеи, но большинство было переплавлено или вывезено за границу.

Массовое закрытие и разрушение храмов развернулось в 1930 гг. В Магнитогорске в 1961 г. был закрыт Свято-Никольский храм — с него сняли купола и колокольню, заложили оконные проемы, уничтожили декор. Почти 30 лет здание использовалось как клуб, планетарий и меховой склад [8]. В Тобольске была разрушена Богородицерождественская (Ильинская) церковь (1751–1762), известная своими царскими вратами — даром царевны Софьи Алексеевны — и уникальными настенными росписями [4; 5].

Только в Тобольске, бывшем центре Сибирской губернии, где к началу XX в. насчитывалось 21 церковь, практически все храмы были закрыты, многие разобраны на кирпич [4]. Среди утраченных — Богоявленская церковь (1685–1691), первый каменный приходской храм Тобольска, Никольская церковь (1724–1744), Троицкий собор Иоанно-Введенского женского монастыря (1891–1900) [12].

Эта кампания привела к невосполнимым потерям. Были уничтожены не просто здания — исчезли центры духовной жизни, разрушены общины, прерваны традиции. Русской культуре был нанесен колоссальный ущерб, последствия которого ощущаются до сих пор.

Возрождение: восстановление храмов на рубеже XX–XXI вв. Изменение государственной политики в отношении церкви в 1990 гг. открыло возможности для восстановления разрушенного наследия. В 1990 г. верующим был возвращен Свято-Никольский храм в Магнитогорске. Архитектор Вилий Николаевич Богун разработал проект его реставрации, стремясь вернуть церкви первоначальный облик. Работы велись по сохранившимся чертежам, однако из-за отсутствия полноценного историко-архитектурного исследования некоторые детали были искажены [8].

В Екатеринбурге в 2002–2011 гг. была выполнена уникальная роспись Свято-Троицкого кафедрального собора. Художник-монументалист Олег Геннадьевич Вострецов с группой мастеров создал более 250 фресковых композиций в технике *affresco* — по сырой штукатурке. Роспись площадью 2000 м² стала выдающимся явлением современного церковного искусства, гармонично соединив византийские каноны с авторским видением [2].

Процесс восстановления идет не только в крупных городах. Постепенно возвращаются к жизни сельские храмы, восстанавливаются старообрядческие церкви. Введенская церковь в Миньяре частично отреставрирована общественной организацией при городском музее, хотя полноценного проекта реставрации пока не существует [11]. Сретенская церковь в селе Илек, к сожалению, остается заброшенной, никаких работ по ее спасению не ведется.

Культовые сооружения Урала — храмы, мечети, часовни, монастыри — представляют собой уникальное наследие, отражающее многовековую историю духовной жизни региона. Они были и остаются центрами сохранения религиозных традиций, местами передачи культурных ценностей, символами

этноконфессиональной идентичности. Архитектурное разнообразие культовых построек демонстрирует взаимодействие различных художественных школ и стилей — от древнерусских традиций до «московского барокко» и классицизма.

Трагедия XX в., когда тысячи храмов были разрушены или осквернены, привела к колоссальным утратам материального и духовного наследия. Однако духовные традиции не были полностью уничтожены — они сохранились в народной памяти, передавались в семьях, жили в сердцах верующих. Современное возрождение религиозной жизни и восстановление культовых памятников позволяет восстанавливать прерванные связи, возвращать утраченную культурную память.

Сегодня культовые сооружения Урала нуждаются в комплексном подходе к сохранению: необходимы профессиональная реставрация на основе исторических исследований, археологическое изучение утраченных объектов, создание условий для продолжения религиозной жизни общин. Только при сочетании научного подхода и уважения к живым традициям возможно полноценное сохранение духовного наследия многонационального Урала для будущих поколений.

Список литературы

1. Белобородов, С. А. «В старообрядстве же они все состоят из давних лет, в каковом звании находились отцы их и прадеды...» (из истории староверия в Быньговском селении) / С. А. Белобородов // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2018. — № 2(22). — С. 181–198.
2. Ваньчугова, Н. Н. Свято-Троицкий кафедральный собор в Екатеринбурге: храмовый синтез. Избранные фрески / Н. Н. Ванчугова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2022. — № 40. — С. 247–272.
3. Гильванова, Д. Т. Старообрядцы на Урале: социально-культурные особенности / Д. Т. Гильванова, В. В. Шоколюкова // Вестник науки. — 2024. — № 6 (75). — Т. 2. — С. 337–346.
4. Данилов, П. Г. Воскресенская церковь Тобольска в XVII — начале XVIII века / П. Г. Данилов // Баландинские чтения. — 2018. — Т. 13. — № 1. — С. 142–148.
5. Данилов, П. Г. Церковь Рождества Богородицы (Ильинская) в Тобольске: утраченное наследие / П. Г. Данилов, Н. П. Турова // Баландинские чтения. — 2017. — Т. 12. — № 1. — С. 35–42.

6. Каптиков, А. Ю. Никольская церковь в Нырое в контексте уральского зодчества начала XVIII века / А. Ю. Каптиков // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2013. — № 1. — С. 35–41.
7. Каюмова, Н. А. Реставрация православных храмов на Южном Урале в постсоветскую эпоху: восстановление Свято-Никольского храма в г. Магнитогорск (на примере творческого наследия магнитогорского архитектора В.Н. Богуна) / Н. А. Каюмова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2014. — № 10. — С. 245–251.
8. Кочедамов, В. И. Тобольск: Как рос и строился город / В. И. Кочедамов. — Тюмень: Тюменское книжное издательство, 1963. — 168 с.
9. На достройку мечети Ар-Рахим в Уфе в 2024 году направят 1 млрд рублей // Коммерсантъ. — 10 апр. 2024. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6635842>. — Дата публикации: 10.04.2024.
10. Нечаев, М. Г. Церковь на Урале в годы Первой мировой войны // Технолорос. — 2011. — № 1. — С. 118–126.
11. Пономаренко, Е. В. Особенности реставрации православных церквей на Южном Урале / Е. В. Пономаренко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2012. — № 10(269). — С. 56–62.
12. Тузбеков, А. И. Сакрализация археологических памятников на Южном Урале: взгляд сквозь социальные сети (по материалам анализа интернет-сообществ) / А. И. Тузбеков, А. Т. Ахатов // Социодинамика. — 2025. — № 1. — С. 79–92.

УДК 908

С. А. Климаков

**Об уточнении даты рождения челябинского
краеведа И. В. Дегтярева**

В 2026 г. исполняется 30 лет со дня смерти южно-уральского краеведа И. В. Дегтярева. Иван Васильевич скончался 18 октября 1996 г., не дожив менее одного месяца до своего 93-летия, и похоронен на малой родине в селе Алабуга Красноармейского района Челябинской области. Имя Дегтярева-исследователя ассоциируется чаще с историей рождения Челябинска, активной уверенной позицией в дискуссии о дате основания Челябинской крепости, его порой называют «нашедшим Челябинск» или «открывшим Челябинск заново» [8].

Между тем у автора «Дня города» вдруг обнаружилась сложность с днем рождения его самого. В метрической книге Алабутской церкви за 1903 г. имеется запись, что у «села Алабуги запасного унтер-офицера Василия Стефанова Дегтярева и жены его Татьяны Васильевой» в ноябре 13-го числа родился и 15-го окрещен младенец Иоанн, обряд проводил священник Константин Русанов [7, л. 40об.]. Даты идут по старому стилю; сегодня они, соответственно — 26 и 28 ноября. Издавна церковь чтит 13 (26 нов. ст.) ноября память святителя Иоанна Златоуста. Этот праздник не переходящий, как и 15 (28) ноября — начало Рождественского поста. Иван Дегтярев явился на свет прямо в день святителя Иоанна, поэтому имя получил традиционно по святым.

Однако в опубликованных биографиях героя и литературе днем его рождения указывается 14 (27) ноября [10, с. 48; 1]. Именно это число, зная о нестыковке, скрупулезный исследователь, с опытом писаря в учреждениях, считал правильным сам. Вот слова Дегтярева из сочиненной им семейной (и для внутрисемейного обращения) хроники: «...27 ноября 1966 года. Сегодня день моего рождения. Мне исполнилось 63 года. От своей матери я неоднократно слышал, что я родился в «осеннее заговенье». Она говорила: *«Семья сели за стол пельмени есть, а мне пришло время родить, и я пошла в малуху (хозяйственную избу — прим. ред.) и там родила тебя»*. «Заговенье», когда едят пельмени, было 14 ноября по старому стилю. А 15 ноября был «Иванов день», и с этого же дня начинался рождественский пост. В честь «Иванова дня» мне и было дано при крещении в церкви имя — Иван» [4, с. 16]. Ниже он еще раз пишет: «...я родился к «Заговенью», т. е. к 14 ноября ст. ст. (по метрическим книгам я родился 13 ноября)» [4, с. 20].

Правда, здесь в повествовании уже допущена накладка: «Иванов день» никогда не отмечается 15 (28 н. ст.), а всегда 13 (26) ноября. Выбирая же днем рождения 14 ноября, краевед обоснованно положился на воспоминание мамы Татьяны Васильевны: канун перед постом (Филиппово, или, как говорили в Сибири и на Урале — «пельменное» заговенье [6, с. 232; 11, с. 107]) с лепкой всей

семьей и от души поеданием пельменей, из-за сытного стола сразу рожать — яркую эту картину не спутать, не забыть. А в церковной книге могла быть и описка, такое случалось. Раз заговенье идет предшествующим началу поста днем, то и родился я 14-го, видимо, был уверен Иван Васильевич. Хотя использование им предлога «к» («родился к «Заговенью», т. е. к 14 ноября»), чаще употребляемое в смысле «перед», вместо четко фиксирующего время предлога «в», можно истолковать и как маркер неопределенности, намеренной уклончивости автора в хронометраже.

Действительно, по богослужебному уставу заговенье перед Рождественским (Филипповым) постом празднуется обычно 27 ноября (14 ноября по ст. ст.), но! — только если на это число не выпадает день недели однодневного поста (среда или пятница) — тогда оно перемещается на предыдущий день [2, с. 24; 5, с. 538]. И календарь за 1903 год подтверждает, что в год рождения Дегтярева 14 ноября было именно пятницей [3, с. 30; 9, с. 15], а значит, заговлялись верующие на пост не в этот день, а накануне — 13 ноября, в четверг. Данное обстоятельство Иван Васильевич не учел.

В конечном итоге, все сходится. Татьяна Васильевна Дегтярева, жившая, как масса российских крестьян, календарем церковным и слабее ориентировавшаяся в гражданском, родила сына в запомнившееся ей «пельменное заговенье», которое в 1903 г. отмечалось 13 ноября, совпав с памятью святителя Иоанна Златоуста. Эта дата была законно внесена в метрическую книгу при крещении младенца 15 ноября. И — удивительно! — что каким-то непостижимым образом, будто перечеркнув недоразумения и разночтения при жизни и восстанавливая справедливость, дата «13.11.1903» в изначальном виде вернулась выбитой на мрачном надгробии И. В. Дегтярева на алабугском кладбище.

Благодарим за помощь в подготовке материала заместителя директора по науке ОГАЧО канд. ист. наук Н. А. Антипина и настоятеля храма в честь св. мученика Иоанна Воина (Челябинск), руководителя отдела социального служения Челябинской епархии о. Павла Курбатова.

Список литературы

1. Боже, В. С. Иван Дегтярёв — рыцарь челябинского краеведения / В. Боже // Mediazavod.ru : сайт. — [Челябинск], 2011. — URL: <http://mediazavod.ru/articles/daily/kultura/108488/> (дата обращения: 10.05.2026).
2. Булгаков, С. В. Православие : Праздники и посты. Богослужение. Третьи. Расколы, ереси, секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Восточной, Русской и Западной Церквей / С. В. Булгаков ; подгот. текста, сост. и коммент. А. В. Буганова. — М. : Современник, 1994. — 575 с.
3. Всеобщий календарь на 1903 год. 1903 г. : 37-й г. издания : с планами императорских театров и цирков в С.-Петербурге и Москве и 2-мя бесплатными приложениями. — [Б. и.], 1902. — VIII, 720 с.
4. Жизнь Еремеева-правнука: к 100-летию И. В. Дегтярева / подгот. текста, ред. Э. Б. Дружининой // Вестник Челябинского областного общества краеведов / Челяб. обл. о-во краеведов ; Челяб. гос. пед. ун-т. — Вып. 5. — 2003. — 55 с. (См. также запись из дневника И. В. Дегтярева за 1931 г.: Таушканова, В. И. Море житейское: дневники и письма краеведа И. В. Дегтярева / В. И. Таушканова // Генеалогия и архивы : Материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф. / Гос. комитет по делам архивов Челяб. обл., ОГАЧО ; сост., науч. ред. Н. А. Антипин. — Челябинск : ЧДП, 2021. — С. 392).
5. Идеалы и паллиативы в русской традиции и культуре / отв. ред., сост. О. В. Кириченко. — СПб. : Алетейя, 2018. — 620 с.
6. Кабакова, Г. И. Русские традиции гостеприимства и застолья = Russian traditions of feast and hospitality / Г. И. Кабакова. — Москва : Форум : Неолит, 2015. — 464 с.
7. Книга актовых записей о смерти, рождении, о браке по Алабугскому совету (1903–1906) // ОГАЧО. — Ф. 226. — Оп. 9. — Д. 126а.
8. Лютов, В. Человек, нашедший Челябинск / В. Лютов ; О. Вепрев // Раритет : История Южного Урала : сайт / Лит. группа «Раритет», 2010–2020. — [Челябинск] : Раритет, 2015. — URL: https://raritet-chel.ucoz.ru/publ/juzhnouralskij_biograf/sovremenniki_xx_xxi_vv/chelovek_nashedshij_cheljabinsk/26-1-0-247 (дата обращения: 10.05.2026).
9. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1903 год. Год десятый. — Томск : Изд. Ф. П. Романова, 1903. — 816 с.
10. Скориков, А. И. Дегтярев Иван Васильевич / А. И. Скориков // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / редкол.: К. Н. Бочкарев (гл. ред.) [и др.]. — Челябинск : Каменный пояс, 2008. — Т. 2. — С. 48–49.
11. Традиционная культура русского крестьянства Урала, XVIII–XIX вв. / Н. А. Миненко (отв. ред.) ; УрО РАН ; Ин-т истории и археологии. — Екатеринбург : Ин-т истории и археологии, 1996. — 359 с.

М. В. Крупа

**РОЛЬ МУЗЕЕВ, АРХИВОВ И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ УРАЛА
В СОХРАНЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО
И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Музеи, архивы и культурные центры Урала играют стратегическую роль в сохранении идентичности региона, выступая хранителями материального и нематериального наследия индустриальной цивилизации. Институциональная система культурной памяти Урала сформировалась в результате взаимодействия академических традиций краеведения XIX в., советских идеологических практик музеефикации и постсоветской децентрализации культурной политики. Статья рассматривает функциональные особенности уральских учреждений культуры, их вклад в научно-исследовательскую деятельность и образовательные практики, механизмы взаимодействия с локальными сообществами. Особое внимание уделяется проблемам цифровой трансформации архивно-музейной сферы, адаптации традиционных институтов памяти к вызовам информационного общества, поиску баланса между сохранением аутентичности коллекций и необходимостью расширения доступа к культурному наследию.

Урал как макрорегион сформировал уникальную модель институализации культурной памяти — от заводских музеев эпохи промышленной модернизации XVIII–XIX в. до современных многофункциональных культурных комплексов. Начиная с 1825 г., когда при Златоустовском горном округе появился первый региональный музей, процесс музеефикации развивался неравномерно, но устойчиво [4].

Важнейшим переломным моментом стало создание в 1870 г. в Екатеринбурге музея Уральского общества любителей естествознания, объединившего научную элиту региона. Коллекции музея формировались через сложную систему пожертвований, экспедиционных изысканий и целенаправленно-

го собирательства [11; 12, с. 79]. Впрочем, эта модель развития оказалась весьма хрупкой — после революции 1917 г. судьба частных собраний и общественных музеев складывалась драматично, многие коллекции были национализированы, частично утрачены или перераспределены.

Институциональная трансформация 1920–1930 гг. привела к унификации музейной сети. Государственная политика требовала от краеведческих музеев иллюстрирования типовых идеологических схем, что ограничивало исследовательскую свободу и разнообразие экспозиционных решений [9]. Однако именно в советский период сформировалась разветвленная сеть государственных музеев в малых городах и рабочих поселках Урала. Открытие новых учреждений культуры сопровождалось — особенно в послевоенные десятилетия — острым дефицитом финансирования, кадров и помещений, что существенно тормозило развитие музейного дела.

Сегодня музейная сеть Урала включает десятки государственных, муниципальных и ведомственных учреждений — от Государственного исторического музея Южного Урала в Челябинске, ведущего отсчет с 1913 года [1, с. 166], до небольших краеведческих экспозиций в районных центрах. Архивные учреждения региона — Государственный архив Свердловской области, Объединенный государственный архив Челябинской области — хранят миллионы документов, отражающих социально-экономическую, политическую и культурную историю территории за последние три столетия.

Архивы Урала: от бумажного документа к цифровому следу. Архивная система региона прошла путь от разрозненных ведомственных хранилищ до централизованной сети государственных и муниципальных архивов. Формирование районных архивов в Свердловской области началось в 1934 г., однако реальное развитие сети происходило медленно и противоречиво [10, с. 14]. Подчинение архивов НКВД в конце 1930 гг. привнесло дополнительные административные барьеры, ограничив доступ исследователей к фондам. Лишь

в 1956 г., после передачи архивов в ведение районных исполкомов, начался новый этап относительной либерализации.

Одной из ключевых проблем региональных архивов во второй половине XX в. стала разобщенность документальных комплексов. Личные фонды, семейные архивы, фотодокументы оседали в ведомственных хранилищах, музеях, библиотеках, частных коллекциях и зачастую оказывались вне поля зрения профессионального архивного сообщества. Между тем именно эти «рассеянные» источники — письма, дневники, фотографии — несут в себе уникальную информацию о повседневности, ментальности, микроистории локальных сообществ [16, с. 479].

Цифровая трансформация архивного дела, развернувшаяся с 2000 гг., открыла новые возможности, но и породила новые вызовы. Электронный документооборот в организациях — источниках комплектования архивов — потребовал пересмотра традиционных процедур экспертизы ценности, описания, хранения [6, с. 531]. Проблема долгосрочного хранения цифровых материалов — с учетом угрозы технологического устаревания носителей и форматов — до сих пор не имеет универсального решения.

Особую группу источников составляют аудиовизуальные документы: кино- и фотоматериалы, аудиозаписи, видеофонды. Они требуют специализированного оборудования, особых климатических условий хранения и высокой квалификации персонала. К сожалению, финансирование реставрационных и консервационных работ в региональных архивах остается недостаточным, что приводит к постепенной деградации уникальных коллекций.

Музеи Урала активно вовлечены в научно-исследовательский процесс. Сотрудники ведут трасологический анализ древних артефактов, радиоуглеродное датирование, атрибуцию предметов искусства. Центральная научная библиотека Уральского отделения РАН с момента основания в 1932 г. обеспечивает информационную поддержку фундаментальных исследований, располагая фондами, включающими уникальные издания XVIII–XIX вв. [14, с. 87]. Библиотека, подобно музею,

выполняет двойную функцию — хранит и предоставляет доступ к источникам.

Музейная педагогика как направление деятельности получила развитие в 1990–2000 гг. Музей-заповедник деревянного зодчества и уральской росписи в Нижней Синячихе разработал комплекс интерактивных программ для детей и взрослых, включающий игровые занятия, мастер-классы, театрализованные экскурсии [8, с. 87]. Подобные форматы работы позволяют преодолеть отчуждение посетителя от экспозиции, превратить музей из «храма муз» в живое пространство диалога.

Впрочем, далеко не все музеи региона обладают ресурсами для подобных экспериментов. Музеи малых городов — Ревды, Каменска-Уральского — сталкиваются с нехваткой кадров, устаревшим экспозиционным оборудованием, отсутствием средств на модернизацию [7, с. 84]. Посещаемость таких учреждений остается невысокой, несмотря на ценность коллекций и усилия энтузиастов-краеведов.

Культурные центры и индустриальное наследие: новые стратегии репрезентации. Промышленная идентичность Урала породила особый тип культурных объектов — корпоративные музеи при предприятиях. Музей истории, науки и техники Свердловской железной дороги, открытый в реконструированном здании железнодорожного вокзала, демонстрирует эволюцию транспортной инфраструктуры региона [2, с. 327]. Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей активно развивает туристическое направление, предлагая пешеходные экскурсии по историческому центру города, выводя таким образом музейную деятельность за стены здания [15, с. 504].

Индустриальное наследие Урала — заводские комплексы, фабричные корпуса, инженерные сооружения — обладает огромным потенциалом для развития культурного туризма. Однако его использование в цифровом туристическом пространстве происходит неравномерно. Свердловская область представляет индустриальные объекты фрагментарно, в то время как Челябинская область активно включает промышлен-

ную историю в региональный бренд, создавая тематические маршруты [3, с. 590].

Культурные центры в малых городах — дома культуры, библиотеки, выставочные залы — нередко выполняют функции музеев и архивов, особенно в отсутствие профильных учреждений. Они становятся площадками для краеведческих конференций, выставок местных художников, презентаций книг о региональной истории. Роль таких центров трудно переоценить: в условиях периферии именно они поддерживают минимальный уровень культурной активности, противостоят эрозии исторической памяти.

Проблемы и перспективы: между традицией и инновацией. Современная ситуация в музейно-архивной сфере Урала характеризуется нарастающим напряжением между традиционными практиками и императивами модернизации. С одной стороны, учреждения культуры обязаны сохранять аутентичность коллекций, соблюдать строгие нормы хранения, следовать проверенным методикам научной обработки материалов. С другой стороны, общество требует открытости, доступности, интерактивности, интеграции цифровых технологий.

Цифровизация рассматривается как ключевой механизм преодоления пространственных и временных барьеров. Оцифровка фондов позволяет исследователям из любой точки мира работать с коллекциями уральских музеев и архивов, не подвергая риску физическую сохранность документов и артефактов [5, с. 161; 13]. Однако процесс оцифровки требует значительных финансовых и человеческих ресурсов, а также технологической экспертизы, которой региональным учреждениям часто не хватает.

Финансирование остается критическим узким местом. Большинство муниципальных музеев и архивов существуют на минимальных бюджетах, не позволяющих закупать современное оборудование, проводить реставрационные работы, организовывать масштабные выставочные проекты. Попытки привлечь внебюджетные средства через платные услуги, гранты, спонсорство дают лишь частичный эффект.

Взаимодействие музеев и архивов с локальными сообществами нередко носит формальный характер. Жители малых городов воспринимают местный музей как пережиток прошлого, не видят в нем актуального культурного ресурса. Изменить эту ситуацию можно только через систематическую работу по вовлечению населения в музейную и архивную деятельность — организацию волонтерских программ, краеведческих кружков, конкурсов семейных архивов.

Музеи, архивы и культурные центры Урала представляют собой сложную, исторически сформировавшуюся систему институтов памяти, играющих незаменимую роль в сохранении регионального культурного кода. Несмотря на многочисленные трудности — финансовые, кадровые, технологические — эти учреждения продолжают выполнять свои функции: собирают, хранят, исследуют и популяризируют историческое и культурное наследие.

Опыт уральских музеев и архивов демонстрирует, что устойчивое развитие отрасли возможно только при условии государственной поддержки, профессионализации кадров, внедрения современных технологий и, что принципиально важно, активного диалога с обществом. Культурное наследие не существует в вакууме — оно живет лишь тогда, когда востребовано, осмыслено, включено в актуальный культурный контекст.

Перспективы дальнейшего развития музейно-архивной сферы региона связаны с расширением межинституционального сотрудничества, формированием единых цифровых платформ для доступа к культурному наследию, разработкой инновационных образовательных программ. Только комплексный подход, учитывающий как традиции, так и вызовы современности, позволит музеям и архивам Урала оставаться полноценными участниками культурной жизни и надежными хранителями исторической памяти.

Список литературы

1. Антипин, Н. А. Когда был основан Государственный исторический музей Южного Урала? / Н. А. Антипин // Вестник Южно-

- Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2020. — Т. 20. — № 4. — С. 161–170.
2. Беккер, Т. А. Из истории создания музея истории, науки и техники Свердловской железной дороги / Т. А. Беккер // Документ в современном обществе: искусственный интеллект и цифровая трансформация : материалы XVII Всерос. студенческой науч.-практ. конф. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, — 2024. — С. 327–330.
 3. Бугрова, Е. Д. Индустриальное наследие Урала в цифровом туристическом пространстве / Е. Д. Бугрова // Архивы и историческая наука: механизмы взаимодействия : материалы III Уральского историко-архивного форума. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2024. — С. 590–595.
 4. Ваганов, А. А. Становление и развитие музеев на Урале во второй половине XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Ваганов. — Челябинск, 2015. — 30 с.
 5. Гагарин, А. А. Архив как хранитель исторической памяти / А. А. Гагарин // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. — Выпуск 25. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2025. — С. 161–165.
 6. Герман, Е. Г. Проблема выявления комплекса электронных документов в организациях — источниках комплектования архивных органов и учреждений Челябинской области/Е.Г.Герман// Архивы и историческая наука: механизмы взаимодействия : материалы III Уральского историко-архивного форума. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024. — С. 531–536.
 7. Крылова, А. Н. Музеи Ревды как хранители исторической памяти / А. Н. Крылова // Культура и искусство Урала: история, реалии, перспективы: материалы Межрегионального научно-практического семинара молодых ученых. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. — С. 84–87.
 8. Литвякова, А. М. Региональный музей Урала: проблема привлечения целевой аудитории / А. М. Литвякова // Культура и искусство Урала: история, реалии, перспективы : материалы межрегион. науч.-практ. семинара молодых ученых. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. — С. 87–91.
 9. Малкова, И. Г. Городские музеи в культурном пространстве Уральского города второй половины XX века / И. Г. Малкова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 34 (249). — С. 51–59.
 10. Огуренко, Е. В. Становление и развитие системы районных и городских архивов в 1934–1991 гг.: на примере Свердловской области / Е. В. Огуренко // История и архивы. — 2024. — Т. 6. — № 1. — С. 85–99. — URL: <https://documentation.rsuh.ru/jour/article/view/41>.

11. Пермякова, О. В. От частного к всеобщему. Предпосылки формирования музейных коллекций печатной графики в Екатеринбурге / О. В. Пермякова // Человек в мире культуры. — 2017. — № 1. — С. 327–330.
12. Русинова, М. П. Основные этапы становления Уральского общества любителей естествознания / М. П. Ручинова // Педагогическое образование в России. — 2010. — № 3. — С. 79–84.
13. Савченко, С. Н. Проблемы экспонирования и сохранения деревянных артефактов из торфяниковых памятников Урала / С. Н. Савченко, Е. Н. Гончарова, И. А. Карачарова // Археология Евразийских степей. — 2023. — № 4. — С. 166–173.
14. Трескова, П. П. Этапы формирования и развития библиотечно-информационной системы Уральского отделения РАН / П. П. Трескова, О. А. Оганова // Библиосфера. — 2011. — № 3. — С. 9–16.
15. Трифонова, М. С. Музей как центр развития туризма (на примере деятельности Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея) / М. С. Трифонова // Историко-культурное наследие в институциональном измерении : материалы II Уральского историко-архивного форума. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. — С. 504–508.
16. Шаймерденова, М. Д. Семейный архив и письма как инструмент сохранения памяти и культурно-исторического наследия / М. Д. Шаймерденова // Архивы и историческая наука: механизмы взаимодействия : материалы III Уральского историко-архивного форума. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2024. — С. 479–484.

УДК 908

Е. Д. Крыгина

История орской яшмы: от природных истоков до музейной коллекции

В статье рассматривается история добычи и обработки яшмы в Орске в 1930–1940 гг. Основное внимание уделяется деятельности треста «Русские самоцветы», использованию орской яшмы для облицовки зданий, создания художественных изделий. Описывается использование яшмы при создании герба СССР и саркофага для тела В. И. Ленина. Затрагивается тема экспорта орской яшмы в 1940 гг. и ее оценки на международном рынке. Статья основана на материалах советской прессы, что позволяет воссоздать картину развития камнерезного

производства в Орске и его значимости для экономики и культуры страны. Материалы публикуются впервые.

Орск, раскинувшийся среди степей на востоке Оренбургской области, занимает восьмое место в списке крупнейших городов России. Основанный в 1735 г. при императрице Анне Иоанновне как военная крепость, в XIX — начале XX в. он стал важным центром торговли и золотодобычи. В 1930-х гг. город вступил в новый этап развития, превратившись в промышленный центр, привлекавший немецких архитекторов школы Bauhaus и русских мастеров камнерезного искусства (вкл., ил. 1).

В 1930 г. в Орске функционировало подразделение треста «Русские самоцветы», специализировавшееся на добыче яшмы. В 1940 г. в рамках производственной деятельности появилось новое направление: был введен в эксплуатацию распиловочный цех (вкл., ил. 2), осуществлявший производство изделий из яшмы, включая так называемую «яшмовую фанеру» [2, л. 4 – **ссылка на газету, точно ли указан лист, а не страница?**]. В 1934 г. трест «Русские самоцветы» приступил к разработке орских яшм, которые должны были использоваться для облицовки Дворца Советов и московского метро [1, л. 4]. Подчеркнем, что разработка месторождений орской яшмы представляла крайне перспективное направление. В 1939 г. корреспондент газеты «Комсомольская правда» отметил, что многие выражают желание внести свой вклад в строительство, создав что-то качественное, долговечное и эстетически привлекательное. Так, депутат Верховного Совета РСФСР товарищ Комаров предложил рассмотреть возможность строительства гранильного завода в Орском районе. Предложение было обусловлено наличием значительных запасов высококачественной яшмы и обширных запасов мрамора [6, л. 4; 7].

В 1941 г. Орская контора треста «Русские самоцветы» выполнила крупный заказ на вагон яшмы, который был отправлен Ленинградскому заводу русских самоцветов [3, л. 4]. Позднее появилась статья под названием «Герб СССР из русских само-

цветов», в которой сообщалось: «На заводе № 2 треста “Русские самоцветы” изготовлен большой герб СССР из самоцветных камней» [8, л. 4]. Серп и молот герба были выполнены из горного хрусталя и орской яшмы. Земной шар создан из бухарского, бадахшанского и сибирского лазурита, а также из алтайской яшмы. Меридианы земного шара созданы из серебра, а пятиконечная звезда изготовлена из граненого рубинового стекла.

При создании саркофага для тела В. И. Ленина также использовалась орская яшма. В 1945 г. газета «Известия» сообщала: «На темной скале из лабрадора возвышается новый саркофаг, в котором покоится тело Владимира Ильича. Строгое сооружение из бронзы и стекла, с вкраплениями красноватой орской яшмы» [4, л. 3]. Задание на разработку проекта нового саркофага было получено еще в 1939 г. в связи с тем, что стены старого саркофага отражали свет, а освещение было выполнено неудовлетворительно. Над проектом работала группа специалистов Всесоюзного электротехнического института под руководством Н. В. Горбачёва, в состав которой входили С. И. Майзель, Н. Д. Федотов и другие. Академик архитектуры А. В. Щусев и скульптор Б. И. Яковлев, авторы проекта, руководствовались техническими требованиями, предъявленными инженерами. Дизайн саркофага должен был соответствовать общей архитектурной концепции мавзолея, спроектированного А. В. Щусевым: необходимо было найти простые и благородные линии, а также строгую форму самого саркофага. Все эти задачи были успешно решены.

16 сентября 1945 г. тысячи граждан посетили Красную площадь, где после четырёхлетнего перерыва был вновь открыт для публичного доступа мавзолей В. И. Ленина. В ходе экскурсии многие посетители проявили интерес к происхождению и характеристикам камня, используемого в обновленном интерьере. Так москвичи узнали о яшме, добытой в городе Орске.

Академик А. Е. Ферсман, лучший знаток драгоценных и поделочных камней Урала, описывал яшму так: «Эти прекрасные фантастические картины мы видим особенно на яшме

самого знаменитого русского месторождения в окрестностях города Орска. Вот бушующее море, покрытое серовато-зеленой пеною, на горизонте сквозь чёрные тучи пробивается огненная полоса заходящего солнца; надо только врезать в это бурное небо трепещущую чайку, чтобы достигнуть полной иллюзии бури на море; вот какой-то хаос красных тонов, кто-то бешено мчится среди пожара и огня, и чёрная сказочная фигура резкими контурами выделяется на фоне кошмарного хаоса...» [13, с. 340–342].

В 1940 г. изделия из орской яшмы охотно покупались за рубежом. Шёл за границу и камень сырец (необработанная яшма). На международном рынке яшма ценилась достаточно дорого, до 3-х с половиной долларов за один килограмм камня-сырца обычных расцветок. Куски с художественной расцветкой оценивались еще дороже [14, л. 2] (вкл., ил. 3).

В 1948 г. корреспондент газеты «Комсомольская правда» встретился в Орске с одним из энтузиастов обработки яшмы, потомственным уральским камнерезом Геннадием Васильевичем Швецовым. Встреча состоялась в полуразрушенном двухэтажном каменном здании, где проводился капитальный ремонт. Весь первый этаж был занят станками оригинальной конструкции, а на дверях висела табличка с надписью «Орская яшма. Мастерская художественных изделий» [9, л. 2]. В здании бывшего пивоваренного завода в этот момент создавалось новое предприятие, специализирующееся на производстве изделий из многоцветных камней. Главный инженер Швецов занимался настройкой одного из станков: он с большим усердием пытался прикрепить к механизму крошечный инструмент. Несмотря на все усилия, процесс был сложным, и Швецову пришлось долго возиться, прежде чем инструмент надежно закрепился на своем месте...

Швецов мечтал о мастерской в Орске на протяжении многих лет. Его цель заключалась в создании предприятия, где вдохновение художника сочеталось бы с глубиной и сложностью технической реализации. Он стремился к тому, чтобы из

Орска расхаживали по всей стране скульптуры, письменные приборы и вазы, подобные тем, которые создавали великие мастера-камнерезы еще при Екатерине II и которые сегодня украшают залы Эрмитажа.

Поднявшись на второй этаж здания, корреспондент увидел на широком подоконнике десятки изделий из камня различных цветов: белого, красного, зеленого и желтого. Швецов снял с подоконника оригинальную модель избушки, занесенной снегом. Взяв домик в руки, корреспондент ощутил холод камня, который, казалось, обжёг его пальцы. Однако, всмотревшись в детали — ледяные сосульки на крыше и снег на ступеньках крыльца, — он почувствовал, что яшма, превращенная в произведение искусства, начинает согревать его теплом человеческого труда. Особенно впечатлило автора статьи окно полупрозрачного розового оттенка, освещенное изнутри голубым светом. Эта композиция, выполненная молодым орским мастером Василием Лобановым, за два месяца до описываемых событий окончившим школу, вызвала подлинное восхищение: тонкое чувство гармонии и умение подбирать цвета говорили о большом потенциале Лобанова и его перспективах стать профессионалом в будущем.

Яшма была обнаружена в Орске даже в центральной части Старого города, на г. Преображенской. Однако наиболее известным месторождением всё-таки является гора Полковник, расположенная в 40 км от Орска. Гора Полковник («яшмовые увалы») получила название в связи с историей Тургайского государственного конезавода, располагавшегося на одном из склонов холма. Его управляющим в 1900 гг. был полковник Балк. Отправляясь к нему, местные жители говорили: «Поехал на гору к полковнику». Впоследствии чин управляющего — полковник — стал названием яшмовой горы (вкл., ил. 4).

Легендарный полковник Балк, несмотря на удаленность конезавода от уездного Орска, часто бывал в Старом городе и даже крестил здесь своих детей [10, л. 50]. Эта информация стала известна благодаря работе автора с метрическими книгами Спасо-Преображенского собора, страницы которых

содержат записи о крещении в Орске сына Георгия (в 1908 г.) и дочери Любови (в 1909 г.), родившихся в семье Николая Васильевича и Татьяны Николаевны Балк [11, л. 30].

В различных справочных изданиях и энциклопедиях можно встретить ошибочное утверждение, что город Орск был основан на Аспидной горе (от лат. «яспис» — «яшма»). Оно возникло вследствие некорректной интерпретации «Путешествия по разным провинциям Российского государства» Петра Симона Палласа одним из признанных орских краеведов XX в. В первоисточнике указано, что Аспидная гора (г. Полковник) и гора Преображенская находятся на значительном удалении друг от друга: «Проименованная по церкви Преображенская гора, на которой построена Орская крепость, вся состоит из яшмовой опоки, и на высочайшей части оной горы везде видны голые камни и разные прежде сего сделанные на поверхности небольшие развалы. Яшмовая опока лежит слоями, которые под острым углом от запада к востоку опускаются в глубину. <...> Июля 13-го числа ездил я к Аспидной горе, до которой должно было ехать около 8 верст по степи вдоль оброслой кустарником лощины, по которой течёт тихая и тростником обросшая речка Орь и впадает в Яик. Там же находится на правой стороне Ори каменный холм, на котором поставлен маяк и пикет; но в оном холме показывается только худая яшма». Несмотря на указание, данное ошибочное утверждение получило широкое распространение и в настоящее время требует многочисленных исправлений и уточнений.

Читателю может показаться, что изучение и обработка орской яшмы начались только в первые десятилетия XX столетия, однако это не так. В 1753 г. в Кунсткамеру доставили образцы яшмы с целью их последующего использования. Часть камней предназначалась для шлифовки и хранения в Академии, а остальные — для украшения грота в Петергофе [5, л. 6]. В тот же период из яшмы начали изготавливать различные предметы, включая охотничьи и сабельные изделия, табакерки и другие мелкие предметы.

В XIX в. орская яшма была применена для отделки храма Спаса-на-Крови, возведенного в память о царе-освободителе Александре II: «Крупный заказ для храма во имя Воскресения Христова, сооружаемого в Санкт-Петербурге на месте печального события 1 марта 1881 года, был недавно сделан Екатеринбургской Императорской гранильной фабрике. <...> Колонны из орской яшмы приготовлены для клиросных иконостасов, заказанных для того же храма. Одна из колонн уже изготовлена гранильной фабрикой, и ее стоит увидеть, чтобы оценить всю тонкость и художественность работы. Тонкая резьба украшает эту колонку, различные украшения и выступы отделаны необыкновенно тщательно и изящно» [12, л. 2].

Ваза из орской яшмы, созданная на Петергофской фабрике в 1803 г., находится в Пилястровом кабинете Павловского дворца (с 1824 по 1941 г. она хранилась в библиотеке России). Парные вазы с ручками в виде змей были заказаны графом А. С. Строгановым в подарок императору Александру I. Эти изделия изготовили на Екатеринбургской гранильной фабрике в 1802 г. (вкл., ил. 5)

Известно, что в Минералогическом музее Москвы хранилась композиция под названием «Ледовоз», изображающая лошадку, везущую на санях куски льда, и маленького извозчика в шапке [5, л. 6]. Все элементы, включая лошадь, лицо мальчика, варежки, валенки, фартук, тулуп и сани, были выполнены из орской яшмы.

В настоящее время обширная коллекция изделий из яшмы бережно хранится в Орском краеведческом музее (вкл., ил. 6) : в фондах представлены картины «П. С. Нахимов — адмирал флота» и «Журавль серый» работы орского мастера-камнереза С. Буркутбаева, панно, ларцы, броши, вазы и другие изделия из камня, который академик А. Ферсман характеризовал как «национальное богатство» России. В современном мире камень сохраняет свою востребованность: единственная в мире яшмовая комната выполнена именно из орской яшмы.

Список источников и литературы

1. Вечерняя Москва. — 1934. — № 109.

2. Известия. — 1940. — № 223.
3. Известия. — 1941. — № 11.
4. Известия. — 1945. — № 220.
5. Известия. — 1979. — № 92 (19157).
6. Комсомольская правда. — 1939. — № 78 (4261).
7. Комсомольская правда. — 1939. — № 96 (4279).
8. Комсомольская правда. — 1941. — № 115 (4901).
9. Комсомольская правда. — 1948. — № 92 (7031).
10. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 173. Оп. 16. Д. 1828.
11. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 18. Д. 57.
12. Русский инвалид. — 1897. — № 181.
13. Ферсман, А. Е. Очерки по истории камня / А. Е. Ферсман : в 2 т. — Т. 1. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. — 372 с., 31 л. ил.
14. Чкаловская коммуна. — 1945. — № 192.

УДК 069 : 7.036

И. Н. Морозова

**Впечатления и открытия. Художники Южного
Урала о времени и жизни, о себе
(заметки о выставках изобразительного искусства
в Челябинске в 2024–2026 гг.)**

Роды и направления искусства
выражают всегда симпатии и желания
большинства и общую жизненную
силу. Без идеи нет искусства.

И. Е. Репин

Искусство, как об этом говорилось в известном афоризме, вечно. И в отличие от людей, с их житейскими трудностями и нестроениями, не прерывает свой величавый ход, также как Время и Жизнь. В 2024–2026 гг. с творчеством художников Южного Урала любители изобразительного искусства могли познакомиться на ежегодных, ставших традиционными выставках (итоги пленэров, День города, Рождество, День Победы, Молодежная выставка и др.), а также посвященных особым датам и проектам. Обратим внимание лишь на некоторые (ввиду в данном случае определенного формата и содержательной неисчерпаемости талантов земли южноуральской), из ярких,

как краски палитры художника, творческих событий последних трех лет. Выбор этот и субъективен, поскольку определен жизненными и эстетическими предпочтениями, интересами автора.

2024–2026 гг. можно назвать юбилейными, запомнившиеся многими памятными для нашего края датами. В первую очередь, это 90-летия и 50-летия: 90-летие Челябинской области, 90-летие Челябинского отделения Союза художников России; 50-летие художественного училища — события, самым непосредственным образом взаимосвязанные, переплетающиеся в истории общественной жизни и культуры Южного Урала.

Так, первому из них в 2024 г. была посвящена январская выставка в Челябинском Центре искусств (ул. Сони Кривой, 30) «Фактуры и текстуры», на которой были представлены текстильные панно мастериц из разных южно-уральских городов (например, выполненная в особой технике переплетения нитей карта Челябинской области). На 90-летие Челябинской области художники Южного Урала откликнулись масштабной передвижной выставкой «Пою мое Отечество», стартовавшей в Кыштыме в декабре 2023 г., в феврале 2024 г. разместившейся в Челябинске, в ДХШИ им. Н. А. Аристова. В состав экспозиции вошли работы, в том числе выполненные на пленэрах. «Край трёхсот озёр» — узнаваемый образ Южного Урала еще с дореволюционных времен, когда известные художники России (как, например, младший брат В. М. Васнецова, А. М. Васнецов) приезжали к нам, чтобы запечатлеть уральский пейзаж. В мае 2024г. торжественное открытие выставки «Пою мое Отечество» состоялось в Зале искусств ЮурГУ. Проект был реализован в сотрудничестве с общественным фондом Содействия Сохранению Культурного Наследия «Южный Урала». Обратим внимание на особую роль в его деятельности художника, организатора пленэров и выставок О. Г. Ларичевой.

Юбилею Челябинской области были посвящены и персональные выставки (например, выставка А. Т. Бердюгина в Зале Союза художников «Люблю тебя, родной Урал! Живопись»

в феврале 2024 г.). Разноцветье творческой палитры в марте 2024 г. было дополнено персональной выставкой живописи и графики В. П. Козейчика, художника, своеобразно сочетающего в своем творчестве, казалось бы, несоединимые метафизику и абстракцию (например, в картине «Троица». Оргалит, масло. 2024), повседневность («Танец пожилых». Оргалит, масло. 2023).

В начале июля 2024 г. в Челябинском центре искусств открылась выставка «Из Марьино во Францию», проект Г. Г. Степановой, директора музея «Петербургский художник», расширяющий пространство культуры, пленэрные мотивы Южного Урала до Санкт — Петербурга и замков, парков Франции. В августе 2024 г. в Выставочном зале Союза художников одновременно работали три выставки: «Артуш Карапетян. Живопись»; «Планета людей. Тень, окрыленная светом» (А. и Д. Костылевых: фотография и скульптура, графика; и П. Пахарукова: керамика); художника-модельера Р. Булатовой «Натюрлих и мода», в гармонии дополнившие цветущую сложность изображения и декорации, фотокадра [1; 5]. В творческом «отчете» А. Карапетяна (его персональная выставка состоялась в юбилейный для художника август) любители живописи вновь смогли увидеть и испытать удовольствие от сочетания неповторимого колорита национальной культуры, уральского акцента и глубокого проникновения внутрь существа человеческого. В свою очередь, «...керамика, скульптура, фотография — это три возможности увидеть человека, ощутить в себе частицу мира и увидеть себя как целый мир» [5].

«Послепленэрный» период в сентябре 2024 г. начался открытием областной выставки изобразительного искусства «Художники к Дню города», в которой приняли участие 85 художников из разных городов Челябинской области, — от молодых, недавних выпускников художественных вузов, до сложившихся мастеров [6]. Художественное поздравление Дню города в сентябре дополнилось выставкой в Челябинском центре искусств «Сергей Удалов и его ученики: город, в котором...»,

посвященном дню рождения города Челябинска и 70-летию со дня рождения С. М. Удалова. В Челябинске помнят, сохраняют и продолжают память об Учителях, Наставниках в творчестве, Друзьях, с которыми проживалась и проходила Жизнь, в чем мы сможем убедиться еще не раз.

Октябрь 2024 г. в выставочном зале Союза художников открылся выставкой Татьяны Сусь «Мозаика на все времена», в редкой сейчас технике декоративного искусства [4]. В то же время хотелось бы отметить, что в творчестве художников Южного Урала в последнее время появляются произведения данного вида искусства, причем их авторами используются такие своеобразные термины, как витражная живопись (вкл., ил. 1).

В октябре — ноябре 2024 г. в Выставочном зале работала выставка Евгения Рябова «Созерцание. Этапы». В живописных полотнах Е. Ю. Рябова реальность и высокое духовное всегда рядом, в соприкосновении и взаимосвязи, близко, благодаря чему зритель свободно погружается в эту атмосферу действия и созерцания, вдохновленный мощным творческим импульсом Смысла от художника («Большая вода», 2009; «Семья», 2020; «Весна на Севере», 2008; «Апельсины», 2008; «Охота на тюленя», 2008). Вряд ли все это многообразие и многоцветье красок, Духа и Смысла можно вписать, как это часто делают, в фактуру примитива. На самом деле, в картинах Е. Ю. Рябова открываются наш Большой и малый миры, миробытие, в котором всем находится свое место — и человеку (чувствующему и думающему как Человеку), и всем, что и кто рядом.

2024 г. в Выставочном зале завершился выставками «Художники Неясовы, родоначальник и продолжатели»; графики Дарьи Тютюнниковой «То, что греет...» в ноябре; Ирины Соковой «Неспешность-II» и областной художественной выставкой «Зимушка — в декабре, как заслуживающему внимания творческому диалогу поколений. Так, выпускница Челябинского государственного института культуры Д. Тютюнникова посвятила свою выставку ушедшему 11 июля 2024 г. А. П. Тютюнникову, своему отцу.

2025 г. в январе открылся персональной выставкой Владимира Балясникова «Живопись», ушедшем из жизни 8 августа этого же года. «Невольно вспомнились слова о том, что картины этого уральского художника «не отпускают» [2]. В марте знаменательный для Челябинской области момент «90-летия» продолжился 13 марта (в день 90-летия автора), персональной выставкой «Преданье об Урале. Живопись» народного художника России Анатолия Ладнова, убежденного в ценности традиций русской реалистической школы [3].

В выставках 2025 г. объединились как интерес к традиции, так и современные подходы, направления и авторские стили¹. Хотелось бы отметить, что внимание к истории страны, уважение к подвигу предшествующих поколений, патриотизм находят отклик у творческой молодежи, как, например, в мозаичных работах проекта «Танкоград: эстафета труда», организованным Центром социальной и культурной деятельности при поддержке Президентского фонда культурных инициатив на «Молодежке» 2025 г.

Особо выделим персональную выставку памяти А. П. Тютюникова в августе 2025 г. «Дорога» в выставочном Арт-пространстве «ЛюбаПетя» (вкл., ил. 2). В отличие от многих других выставок художественного творчества, на сайте арт-пространства «ЛюбаПетя» был выложен каталог «Дорога», что еще и еще раз подтверждает необходимость создания, хотя бы электронного каталога, как обязательной, сопровождающей творческое событие формы документирования художественного творчества. В целом же, отрадно видеть, что память о художнике остается живой, что проявляется как в выставках,

¹ Традиционная выставка ко Дню Победы «Ради жизни на земле» (19 апреля 2025); «Молодежка» (18 июля 2025); «Художественному училищу–50 лет» (12 ноября 2025); персональные выставки: Артема Левшича «Наследие» (8 августа 2025); Владимира Витлифа «Профиль». Живопись, графика. (12 сентября 2025); Владимира Шестакова «Нам дорого былое...». Живопись, графика (16 октября 2025); Зуфара Гизитдинова «Параллели» (17 октября 2025), Г. Жихарева «Над озером» (28 ноября 2025) и др.

прошедших в последнее время¹, так и созданных «моментах памяти» (в том числе и в цифровом пространстве).

Выставочное пространство в Челябинске дополнялось, как мы видели и выше, локациями не только ДШИ, но и вузов, других общественно значимых мест. Так, 27 января 2026 г. в Челябинском государственном институте культуры состоялось открытие выставки «Отчизне посвятим души прекрасные порывы», посвященной 200-летию восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге; 25 февраля — начала свою работу «Взрослая жизнь», выставка произведений выпускников факультета декоративно-прикладного искусства. Основному событию 2026 г. — 90-летию юбилею Челябинской организации Союза художников России, а также 290-летию Челябинска была посвящена выставка «Челябинск художника Николая Черкасова» в Доме Общественного собрания (февраль – март).

Итак, 7 января 2026 г. Челябинскому региональному отделению Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» исполнилось 90 лет. Масштабные выставки в двух самых значительных культурных локациях города приурочены к фундаментальной точке отсчета в жизни города, области, Южного Урала — «Союзники» (вкл., ил. 3) в Челябинском музее изобразительных искусств и «Союз» в Выставочном зале СХР г. Челябинска. На выставке «Союзники» можно было познакомиться с историей, классиками искусства на Урале (произведениями Н. А. Русакова, И. Л. Вандышева, Д. Ф. Фехнера, А. П. Сабурова, П. Г. Юдакова, В. Н. Челинцовой, О. П. Перовской, других мастеров, причастных к формированию основ южноуральского искусства), вспомнить и воспринять дух эпохи.

Выставка «Союз» в Выставочном зале сопровождалась разнообразной, по тематике и направлениям культурно-образовательной, искусствоведческой программой (кроме экскурсий профессионалов — искусствоведов, дефиле-перформенсом

¹ Например, в выставочном пространстве Челябинского государственного института культуры — персональная выставка А. П. Тютюнникова «Есть только миг...»

«Времени вопреки», концертом городского романса «Весенние грезы» в исполнении Нины Гавриш; круглыми столами: Художники Южного Урала. История челябинской группы «Традиция»; круглым столом о состоянии современного искусства в Челябинске и регионе и др.).

Завершить наш краткий обзор хотелось бы категорическим утверждением (что, полагаем, было показано и обосновано приведенными выше творческими событиями, — в особенности, посвященными 90-летию Челябинского регионального отделения Союза художников России) об актуальности и настоятельной, назревшей необходимости создания музея искусства Южного Урала. Об этом же говорят и трагические для искусства города, области, региона обстоятельства и ситуации для судеб произведений искусства, в силу житейских обстоятельств, ухода из жизни их создателей оказавшихся без должного присмотра и сохранения.

Список литературы

1. Белковский, С. В. Волшебная музыка красок Артуша Карапетяна / С. В. Белковский. — URL: <https://uralpress.ru/news/volshebnyaya-muzyka-krasok-artusha-karapetyana>. — Дата публикации: 18.08.2024.
2. Белковский, С. В. Картины художника из Чебаркуля «не отпускают» челябинцев / С. В. Белковский. — URL: <https://uralpress.ru/news/kartiny-khudozhnika-iz-chebarkulya-ne-otpuskayut-chelyabincev>. — Дата публикации: 03.02.2025.
3. Белковский, С. В. Анатолию Ладнову — 90. Картины челябинского Народного художника России излучают радостный цвет / С. В. Белковский. — URL: <https://uralpress.ru/news/anatoliyu-ladnovu-90-kartiny-chelyabinskogo-narodnogo-khudozhnika-rossii-izluchayut-radostnyy>. — Дата публикации: 08.03.2025.
4. Белковский, С. В. Мозаичных дел мастер Татьяна Сусь показала свои работы на выставке в Челябинске / С. В. Белковский. — URL: <https://uralpress.ru/news/mozaichnykh-del-master-tatyana-sus-pokazala-svoi-raboty-na-vystavke-v-chelyabinske>. — Дата публикации: 13.10.2024.
5. Белковский, С. В. Челябинские скульпторы и фотограф на «Планете людей» / С. В. Белковский. — URL: <https://uralpress.ru/news/chelyabinskije-skulptory-i-fotograf-na-planete-lyudey>. — Дата публикации: 10.08.2024.
6. Белковский, С. В. Шел по городу художник: Челябинск в красках / С. В. Белковский. — URL: <https://uralpress.ru/news/kultura/shel-po-gorodu-hudozhnik-chelyabinsk-v-kraskah>. — Дата публикации: 09.09.2022.

Н. С. Рассказова

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛА:
«НЕТИПИЧНАЯ» КЛАДКА НА Р. ЧУСОВОЙ**

Урал без Чусовой — как паруса без мачты, как кони без упряжки, как планета без орбиты. Тайна ее притяжения не только в километрах и пейзажах. Тайна Чусовой в обретении своего рода-племени.

А. И. Иванов, российский писатель

В 80 км от Первоуральска, в селе Чусовое, на правом берегу одноименной реки, в середине XX в. местными жителями была обнаружена стена из диорита, выложенная нетипичной для России кладкой. Она располагалась в заросшем узком овраге и практически была незаметна на современных аэроснимках (вкл., ил. 1).

В длину она достигала около 130 м, но часть стены уже обрушена. Ее высота меняется от 2,5 до 5 м. Размеры блоков стены поражают: самые крупные достигают почти двух метров в длину, 75–80 см. в высоту и более 1 м. в глубину. Весят они от 1 до 3 тонн. Всего насчитывается примерно 6 000 блоков. Размеры блоков и крепление между ними напоминают мегалитические стены Израиля, Турции и др. Кто и зачем построил такую монументальную стену? Для ответа на этот вопрос рассмотрим географический феномен места, его генетический код.

Село Чусовое находится в устье левого притока Чусовой — реки Шайтанки. В окрестностях села сохранились скальные обнажения (камни), которые свидетельствуют о разнообразии геологических формаций в этом районе. 300–350 млн лет назад эту территорию покрывал Уральский океан и шли активные вулканические процессы. На скальных породах по берегам реки Чусовой регулярно находят отпечатки и окаменелости древних морских организмов. В скалах (например, Камень Столбы) встречаются остатки брахиопод, кораллов,

моллюсков, криноидей и др. Расположение с. Чусового на стыке различных геологических структур (зона сочленения Западно-Уральской складчатой системы и Восточно-Уральского поднятия) объясняет разнообразие пород в его окрестностях и наличие интересных геологических объектов. В зоне сочленения геологических структур магматические горные породы выходят на поверхность или залегают на небольшой глубине. Основные береговые скалы (бойцы) на реке Чусовой сложены преимущественно известняками, а в самом районе с. Чусовое фиксируются проявления магматических пород — диоритов в составе сложных геологических комплексов вместе с гранитами и габбро¹. Из них сложена «мегалитическая» стена в селе Чусовое, являющаяся предметом спора официальных и альтернативных историков. То, что стена выполнена из диорита подтверждено геологами. Александр Колтыпин, президент Общества по изучению тайн и загадок Земли, к.г.-м.н., на основе анализа взятых образцов материала плит и камней, собранных старинных металлических предметов, прокомментировал материал: Диорит микрозернистый, рыхлый, с трещинами. Положение стены в Пермском краевом прогибе (Предуральский краевой прогиб, авт.) не позволяет считать ее очень древней [4]. Верное, но слишком обтекаемое заключение, не позволяющее судить о возрасте стены. Как понимать «очень» древней?

В «мегалитических» блоках на Чусовой обнаружены отверстия разной формы: круглые, квадратные, прямоугольные. Отверстия использовались для соединения блоков друг с другом с помощью стержней (вкл., ил. 2–5). Подобные отверстия найдены, например, в Хатуссах (Турция) и мн. других древних городах.

На сегодня существуют две версии появления этой стены: официальная и альтернативная. По официальной версии стена является пристанью и ее построили либо заводчики Строгановы в XVIII в., либо она была построена Шайтанской заводской конторой с 1816 г., управляющей которой был Григорий Фе-

¹ Габбро — горная порода, сформировавшаяся в результате кристаллизации магмы без участия вулканической активности

дотович Зотов (работал при сыне Акинфия Демидова — Никите). По альтернативной гипотезе стена была построена до Демидовых, досталась им в «наследство» и была использована для своих целей [2; 10].

Автор не признает достаточно доказанной, ни одну, ни другую версии и считает их гипотезами: много вопросов, на которые нет ответов. Например, задокументировано [9], что каменная кладка объясняется практичностью: вместо стандартной прямоугольной формы, рабочие использовали глыбы, минимально обтесывая грани для лучшего прилегания. Но такая трактовка больше подходит для Кынской пристани или, например, фундамента храма Живоначальной Троицы в г. Кыштыме (вкл., ил. 6, 7).

Приверженцы официальной версии чаще всего считают чувовскую стену детищем Г. Ф. Зотова. Все документы, подтверждающие строительство этого объекта изложены в книге Г. А. Николаева «Исторические загадки села Чусовое» [6–8]. В документах обозначено: «Устройство новой гавани. За обеспечку бутового камня, за относу земли, теску и битье свай, ...вольным людям по 20–45 коп./в день». Но, бутовый камень выглядит иначе! «Бут (бутовый камень) — куски природного камня неправильной формы, получаемые при разработке горных пород. Обычно бутовый камень имеет неровную форму и различный размер». К его качеству предъявляются определенные требования в отношении размеров, прочности, морозостойкости и водостойкости. Размер любой из сторон отдельного камня должен быть в пределах 15–50 см, вес — 50 кг. Используемый для строительства камень должен быть чистым, без трещин и расслоений (в нашем случае трещиноватый). Для гидротехнических сооружений используется камень с размерами сторон до 30 см и весом до 30 кг (в нашем случае — 1–3 тонны).

Вопросы: Зачем нужно было обтесывать большого размера камни из трещиноватого диорита до правильной формы? Зачем понадобилось тратить столько усилий и средств на «подгонку» камней из твердого, плохо поддающегося обра-

ботке диорита, как в древних мегалитических полигональных кладках (вкл., ил. 2)? Строители могли бы соорудить пристань, как в Кыне. Это прихоть богатых Демидовых? Возможно, ее построили раньше или обнаружили при строительстве завода и использовали, как это делали византийцы, которые использовали римские постройки?

Известно, что в XVIII в. на Урале заготовка крупных каменных блоков (весом в 1 тонну и более) из твердых пород, таких как диорит и габбро, была сложной инженерной задачей, которая решалась исключительно для государственного строительства и императорского двора, например, обустройство гранитных набережных Санкт-Петербурга.

Кому и зачем надо было возводить в какой-то Шайтанке стену из камня, на века? Ведь по объему выпуска продукции (кричного железа) Шайтанский передельный завод занимал последнее место в Невьянской группе демидовских заводов. Да, конечно, недостаток воды в заводском пруду не позволял значительно увеличить объем производства железа и только Шайтанский завод среди демидовских, имел выход к Чусовой. Однако, указывается, что особое значение среди других демидовских заводов Шайтанскому заводу придавало то, что «...его производственное значение определялось в большей степени пристанью, пыльными мельницами и строительством коломенок (плоскодонные барки, авт.), чем производством железа» [6–8]. В противоречие со значимостью пристани входит то, что ничего больше из диорита в этой местности не было построено. А пыльная мельница — это завод по обработке древесины на водной или ветряной тяге в XVII–XIX веках. Тогда почему пристань понадобилось выполнять именно каменной кладкой из твердого диорита? Кругом леса — ель, сосна, пихта, лиственница, рядом завод по обработке древесины. Сосна не гниет более 100 лет, благодаря высокому содержанию смол, а на уральской и сибирской лиственнице стоит Венеция. Доказательством использования для этих целей дерева при строительстве пристаней вдоль Чусовой является старинная

фотография Билимбаевской пристани и комментарии к ней [5]. Справа — фото корпусов Шайтанского завода Демидовых (1893), как доказательство отсутствия использования диорита в других постройках с. Шайтанка.

Строгановыми для Билимбаевского завода была построена Билимбаевская пристань в 1734 г. В строительстве пристани применялась типичная до того времени методика возведения подобных сооружений (вкл., ил. 8, 9). Дерево было основным материалом» [1; 5; 9]. А кладка в Чусовском — «нетипичная».

Шайтанский завод — самый удаленный из Демидовских. 6000 блоков на лошадиной упряжи, в отсутствие дорог надо было доставить к месту возведения стены. Колоссальный труд! Но и здесь «официальщики» дали ответ: «... блоки доставлялись по зимнику».

Из вышеизложенного в официальной версии следует, что во времена возведения этой стены (XVII–XVIII вв.), строители не испытывали затруднений с выпиливанием блоков из диорита и габро-диорита. При том, что диорит и габро-диорит обладают особенностями: твердость, высокая плотность (до 3 т/м³), прочность на сжатие до 220 МПа, низкая пористость и водопоглощение. Из-за этого обычные инструменты быстро выходят из строя, при неправильной резке часто появляются сколы. Вопрос: разве с помощью инструментов, которые хранятся в местном музее, можно было возвести «мегалитическую» стену?

Еще вопросы. Как выпиливали блоки? Электричества и ДВС не было. Чем распиливали диорит? При использовании технологии забивания штырей и деревянных кольев с последующей поливкой их водой заготовить 6 тыс. блоков — это сложная и очень затратная по времени задача. Никуда не торопились? Продолжали ругаться с хозяевами других пристаней? Получается, что создатели стены не испытывали затруднений с подгонкой, поднятием блоков. У них не было проблем с перемещением и доставкой по лесам, в отсутствие дорог. В конце концов, кто-нибудь нашел место, где находилась каменоломня? В доступных источниках нет информации о каменоломне

для добычи диорита в селе Чусовое и ее расстоянии от мегалитической стены. Есть версии, что блоки могли заготавливаться в каменоломнях Верх-Исетского горного округа, Верх-Нейвинского или Режевского заводов. Но конкретных данных о наличии в этом районе диорита или габбро-диорита в доступных источниках нет. Требуются дополнительные натурные или архивные исследования. Кроме того, стена отсутствует на старинных планах демидовского железоделательного завода, хранящихся в местном краеведческом музее.

Однако, официальщиками был найден некий план и установлено, что стена на плане по своему расположению точно совпадает с ныне существующей каменной кладкой (вкл., ил. 10, 11). Ее длина в масштабе — 40 саженей (85 м). Стена не упиралась в тело плотины, а отстояла от нее на длину сливного моста (около 20 м). Самое непонятное, то что «...она предназначалась для второй гавани и была сложена «нерешительно», т. е. неокончательно» [8]. Строительство второй гавани не было завершено, скорей всего, по финансовым причинам. На работы при старой и новой гавани было истрачено 7492 руб. 47 коп. [8]. Однако, сумма затрат далеко не полная. В нее не входит доля расходов на заготовку гранитных (?) блоков для новой гавани в каменоломне, их обработку и доставку в Шайтанку. Но именно эта доля затрат является решающей и может в десятки раз превышать указанную выше сумму. Когда решали вопрос о строительстве каменной стены, неужели об этом даже не задумались?

Выводы. На основании вышеизложенного считаю исследование до конца не завершенным. Для уточнения возраста «мегалитического» сооружения необходимо дополнительно провести: геологические исследования для определения возраста диоритовой породы (когда она образовалась в земной коре) с помощью методов изотопной геохронологии; археологические раскопки для изучения слоев, в которых расположено строение; поиск артефактов, которые могут указывать на время его создания (раскопки велись поверхностно и обнаруженные артефакты не позволяют судить о технологии строи-

тельства стены); стратиграфический анализ для определения положения мегалитического строения относительно других геологических и культурных слоёв (к вопросу о положении стены в Пермском краевом прогибе, которая не позволяет считать ее «очень» древней); датировку строительных технологий и анализ способов обработки камня в сравнении с известными археологическими культурами.

Таким образом, без дополнительных исследований и данных невозможно однозначно установить возраст нетипичного «мегалитического» строения в Предуральском краевом прогибе. Требуется комплексный подход, включающий геологические, географические, и историко-археологические методы. Почему это важно?

Открытие чувовского «мегалитического» сооружения способно перевернуть наши представления о прошлом Урала и Сибири. Сегодня вопрос: «Могла ли на Среднем Урале существовать высокоразвитая цивилизация?» — только поставлен. Если на Южном Урале ее существование доказано (страна городов ариев — Аркаим), то почему ее не могло быть на Среднем Урале? Ведь арии пришли с севера и ушли в Иран и Индию [3]. При всех попытках официальных историков поставить на этом вопросе точку, сегодня на него нет окончательного ответа.

Список литературы

1. Акифьева, Н. В. Железные караваны на Чусовой / Н. В. Акифьева. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013.
2. [Во время экскурсии был задан вопрос...] // Экскурсионный центр «Я люблю Россию» : группа в соцсети «Одноклассники». — URL: <https://m.ok.ru/group/51967582929117/topic/68115528062429>. — Дата публикации: 20.07.2018.
3. Зданович, Г. Б. «Аркаим — Синташта. Древнее наследие Южного Урала» / Г. Б. Зданович / Сборник научных трудов к 70-летию Здановича Г. Б. — 2010.
4. Колтыпин, А. Отчет о результатах экспедиции по изучению «Пермской стены» (или «Кишертской стены») / А. Колтыпин «Земля до потопа». — URL: <https://www.dopotopa.com/> (дата обращения 30.04.2026).
5. Метенков, В. Л. Отправка каравана с Билимбаевской пристани / В. Л. Метенков. — 1893.

6. Николаев, Г. А. Исторические загадки села Чусовое: историко-краеведческие очерки / Геннадий Николаев. — Екатеринбург : Квадрат, 2022. — 127 с. : ил.
7. Николаев, Г. А. Каменная стена. Исторические загадки села Чусовое / Г. А. Николаев. — 2017. — С. 300.
8. Николаев, Г. А. Разгадка зотовской стены / Г. А. Николаев. — URL: <https://чусовое.рф/2024/09/18/>. (Дата обращения 18.09.2024).
9. Свистунов, В. М. Первые демидовские заводы на Южном Урале / В. М. Свистунов, Н. М. Меньшенин, Г. Х. Самигулов. — Челябинск : Рифей, 2007. — 184 с., ил.
10. Чудо села Чусовое – полигональная кладка на Урале // Телеканал «Лада». — URL: <https://rutube.ru/video/bcc4aa4f2ee54d64584932efdca974da/?r=wd> (дата обращения 23.07.2020).

УДК 008(091)

С. С. Сокоиков

ТИПЫ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНОЕ БЕСПАМЯТСТВО В КОММЕМОРАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Очевидное значение культурной памяти для нормального функционирования общества вместе с тем предполагает учет взаимосвязанных с пространством памяти процессов исключения из него определенной информации. Такие процессы носят сложный характер, приводят к разным последствиям, нередко достаточно противоречивым. Не случайно эти обстоятельства получают в среде специалистов разноречивые оценки в диапазоне «от резкой критики к толерантности и даже апологии» [4, с. 34]. Поэтому, прежде чем обратиться к феномену культурного беспамятства, следует определить соотношение этого концепта со сходными по значению понятиями «забывания», «забвения», «амнезии». В соответствии с принципами транзитивного методологического подхода [8], содержание данных понятий одновременно интерпретируется в контексте представлений о «социальном», «историческом», «культурном», — как модусах проявления памяти и забвения, а также в лингво-смысловых и предметно-действенных значениях.

Нередко сочетания названных выше терминов трактуются достаточно произвольно. Так, например, по справедливому замечанию А. С. Живого, признающего объективную неизбежность процессов забывания, социальная амнезия связана с «невозможностью актуального сохранения в памяти сообщества всей полноты исторического опыта» [2, с. 301]. Британский социальный антрополог Пол Коннертон подчеркивает значение забывания и амнезии в «управлении текущей идентичностью», имея в виду искусную селекцию информации с целью освобождения от избытка устаревших фактов и позиций [11].

Однако есть и иные мнения. Так, Л. Ю. Логунова утверждает, что наличным содержанием социальной памяти выступает всё, «что когда-то материализовалось в мыслях или в фактах деятельности человека» и сохраняется «в структурах памяти» [3, с. 228]. Автор называет это чистой в своей политической независимости памятью народа. По утверждению автора, социальная память неуничтожаема, неподвластна «культурной и исторической амнезии» [3, с. 232]. Она дает основания коллективной идентичности, рецепты выживания общности, включена в ее функционирование и детерминирует поведение людей этой общности.

В отличие от этого, «историческую память» Л. Ю. Логунова видит как продукт «деятельности представителей государства и сферы исторической науки» [3, с. 228]. Этот продукт предстает искусственной конструкцией, формируемой претендующими на объективность историками, которые сочленяют историческую правду и мифы «в эклектичной и причудливой форме» [3, с. 233]. Тем самым историки обслуживают «политический заказ», «наполняя содержание памяти дисгармоничными смыслами» [3, с. 236] и отсеивая «всё „субъективное“» [3, с. 231], т. е. предавая это забвению. Но и социальная память, по мнению Логуновой, не отражает истинную историю, поскольку содержит фантастические представления общности о себе [3, с. 231]. Если учесть, что в цитируемой работе «историческая память» предстает «частью социальной памяти и об-

ладает всеми ее характеристиками», и в то же время «вступает в конфликт с памятью социальной всеми гранями» [3, с. 233], картина их соотношения, мягко говоря, теряет определенность.

В контексте нашей темы важно отметить, что в представленной выше позиции социальная память объявляется неподвластной культурной и исторической амнезии, поскольку сохраняет всё, что когда-либо воплощалось в «мыслях и фактах» (что невозможно в принципе). В то же время «историческая память» способна конфликтовать с памятью социальной (являясь, как мы помним, ее частью по всем характеристикам) и, главное, налагая «запреты на память о „неудобных“ событиях» [3, с. 227]: «что неудобно помнить, можно законодательно забыть» [3, с. 233]. Тем самым дается простая формула соотношения меморативных типов: безусловно позитивная, неподдающаяся забвению социальная память; подчиненная политической конъюнктуре историческая память, использующая забывание как манипулятивную технологию. Искусственность такой произвольно оценочной позиции обнаруживается уже в тексте самой Л. Ю. Логуновой. Так, по утверждению автора, историческая память сохраняет события прошлого как «устойчивое основание для воспроизводства национальной идентичности» [3, с. 229]. Сложно представить, как такое возможно, если историческая память является искусственной конструкцией, наполненной дисгармоничными смыслами (см. выше). Вряд ли также можно согласиться с утверждением, что в социально-философской, феноменологической, культурологической аналитике исследования социальной памяти «теряют остроту актуальности» [3]. Представляется, что подобные небезукоризненные суждения возникают из не совсем логически обоснованных представлений об основных меморативных типах.

Не претендуя на объемную интерпретацию этого вопроса, можно тем не менее пунктирно обозначить наше представление о таких типах, исходя из их предметно-содержательных оснований. В этом смысле социальная память включает совокупность представлений общества о системах социальных

отношений, воплощающих их институтов и институций, форм социальной деятельности и ее регулятивов. Основу исторической памяти составляет деятельность профессиональных историков, опирающихся при формировании картины прошлого на достоверные фактографические материалы. Наконец, культурная память предстает меморативной сферой, образуемой процессами спонтанной интерпретации и запечатления культурным субъектом (человеком, группой, обществом) событий прошлого. Не обладая «жесткой» структурностью социальной памяти и достоверностью памяти исторической, культурная память отличается большей эмоциональностью, образностью, своего рода «мифологичностью», избирательно отражая вместе с тем и меморативные реалии, существенные для субъекта.

Все три означенных типа не изолированы друг от друга. Более того, они связаны сложной сетью взаимодействий и взаимовлияний. Уместно в этом контексте привести суждение В. В. Нурковой и А. А. Гофман относительно смешения понятий «коллективная память», «культурная память» и «социальная память». Основываясь на позиции Л. С. Выгодского, авторы утверждают: все высшие формы жизнедеятельности являются социальными по источнику формирования и культурными по содержанию [4, с. 41]. Соглашаясь со сказанным, следует все же уточнить: социокультурная целостность «жизнедеятельности» не устраняет специфичность форм ее воплощения, обладающих структурно-функциональными и смысловыми особенностями. Этот вопрос заслуживает особого, обстоятельного рассмотрения. Пока же стоит отметить, что каждый культурный субъект включен в поле действия всех отмеченных типов, но ситуативное доминирование одного из них определяется существенными социокультурными контекстами конкретной ситуации. Нам же важно в рамках темы отметить: каждому из меморативных типов в силу их специфичности присущи особые варианты забывания, забвения и амнезии. Поэтому целесообразно уточнить значение понятий, связанных с этими состояниями.

Обзор материалов по этому вопросу можно в кратком виде представить следующим образом. В целом, элиминируя некоторые вариативные значения, «забывание» видится как процесс устранения из памяти определенной информации любого характера (рациональной, фактологической, образной, чувственной). «Забвение», в свою очередь, выступает как состояние, возникающее после утраты такой информации. Причем состояние забвения неоднородно: оно включает разные типы утраты памяти. В одном случае образуется определенный мнемонический пробел с сохранением памяти о самом факте забывания и о характере забытого. Такой пробел может быть восполнен с помощью какой-либо формы напоминания. Более глубоким случаем забвения выступает уход самих контекстов, образующих общие смысловые структуры, способные, как в первом случае, породить напоминание. Помнится только сам факт утраты. Наконец, третий случай означает исчезновение самого представления о факте мнемонической утраты. Субъект не осознает ситуации забвения, поэтому не испытывает импульсов к обретению утраченной информации [5, с. 86]. Такое состояние можно назвать «блаженным беспамятством», поскольку полное отсутствие представления даже о факте утраты не может породить какой-либо дискомфорт.

Анализ показывает, что понятие «амнезия» включает всю совокупность случаев полной утраты памяти как спонтанного, так и целенаправленного характера. В этом контексте «беспамятство» представляет собой особую ситуацию. Выступая, разумеется, составной частью амнезии, беспамятство как феномен, можно полагать, обладает особой спецификой. К ней в том числе следует отнести отчетливо действенный характер проявления. Об этом свидетельствует уже лексическое толкование смысла самого термина. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» дается такое определение беспамятства: «1. Состояние полной потери сознания; обморок. <...> 2. Состояние, при котором человек не осознает, что делает, действует бессознательно. <...> 3. Устар. Отсутствие памяти; плохая память» [7, с. 510]. Близкое этому толкование

дается и в других словарных источниках. Отметим: обозначенное как «устаревшее» в лингвистическом смысле, значение беспамятства в качестве «отсутствия памяти» вполне актуально в современных социокультурных контекстах.

Вместе с тем в контексте культурной памяти смысловые аспекты лексически выраженного толкования беспамятства представляются значимыми в понимании сущности самого явления. В ситуации культурного беспамятства важно то, что субъект не лишается способности действовать. Более того, действия в таком состоянии могут обретать весьма активный, экспрессивный характер, вплоть до эксцессов. Подобные действия провоцируются утратой части памяти, той самой частичной «потерей сознания», при которой аффективность культурной памяти стимулирует активные формы проявления, чаще всего — деструктивные. Такой механизм работает в ситуации утраты связей с устойчивыми, присущими культурной ментальности ценностями и смыслами. Это, по мнению А. С. Живого, порождает искажения «живой и адекватной памяти о прошлом», создает «искусственный образ прошлого», по существу — фиктивный, что и выступает «вариантом социальной амнезии» [2, с. 302].

Из множества ситуаций забвения и амнезии культурное беспамятство представляет собой специфичный случай. Чаще всего (за исключением особых условий, требующих отдельного рассмотрения) беспамятство возникает в результате целенаправленного воздействия, своего рода социокультурного конструирования. Ж. Т. Тощенко, рассматривая явление манкуртизма как откровенно пренебрежительное отношение к историческому прошлому, игнорирование его уроков, намеренное искажение и фальсификацию, определяет это как «национальное беспамятство», формируемое целенаправленно и приводящее к «дезориентации огромных масс людей» [9, с. 409–411, 417]. Отметим только, что подобное воздействие способно эффективно влиять на культурные субъекты разного масштаба: от индивидуума до общества в целом. Таким обра-

зом, обобщая, можно полагать: забывание есть процесс ухода информации из памяти; забвение является состоянием субъекта после утраты этой информации. То и другое выступают органичными и неустраняемыми явлениями, порождающими позитивные, нейтральные или негативные эффекты. Амнезия в этом ряду предстает ситуацией полной и невосстановимой потери памяти, также влекущей различные последствия. В свою очередь, культурное беспамятство является специфичным случаем забвения или амнезии, отличающимся экспрессивными, экстатичными поведенческими формами.

Эффективность формирования «культурного беспамятства» обеспечивается специфичной социокультурной технологией: совокупностью приемов, прямым образом направленных на практики коммеморации. В числе таких приемов П. Коннертон называет «предписывающее забывание» и «репрессивное стирание» приводящие к забвению определенных фигур и событий, «вычеркивающему их из накопленного культурного и социального наследия [11]. Ж. Т. Тощенко указывает на методы «дегероизации» или «искусственного возвеличивания» того или иного события исторического прошлого [9, с. 419, 422]. С. П. Поцелуев отмечает грубый (по его выражению), но очень действенный прием: «переписывание прошлых текстов и размещение в сознании альтернативной памяти о вымышленных событиях» [6, с. 562]. Причем специально отмечается: вымышленные альтернативы преподносятся аудитории как реальное прошлое, забытое ею и теперь вновь восстановленное в памяти [6], что, как вполне понятно, способно «бессознательно» вызвать эффект активного беспамятства по отношению к «прошлым текстам». В. В. Нуркова и А. А. Гофман описывают целую серию культурных способов конструирования амнезогенной (беспамятной) ситуации, особо отмечая: в подобной ситуации люди «забывают или кардинально изменяют свои воспоминания, не отдавая себе отчет в том, что были вовлечены в специфические амнезогенные формы активности» [4, с. 42].

Среди представленных Нурковой и Гофман приемов следует выделить «игнорирование», суть которого — запрет на

включение в коммуникационную среду воспоминаний о каком-либо объекте или «тотальное изъятие из коммуникативного обихода упоминаний» о нем [4, с. 44]. Более изощренным способом предстает «скрытое молчание»: — формально отсылка к объекту сохраняется, но сам объект включается в более широкий контекст, чуждый его исходному подлинному смыслу. При этом адекватный мнемический потенциал объекта по сути аннулируется, и он как минимум отправляется «на периферию коммеморативной деятельности» [4, с. 45]. С этим непосредственно связан прием «маскировки», смыслового «переименования», когда объект, казалось бы, сохраняется и функционирует, но полностью теряет даже ассоциативную связь с тем, что обрекается на забвение [4]. Радикальным способом аннулирования объекта выступает прямое разрушение артефакта, олицетворявшего «отменяемое» явление, примером чему служат ставшие уже притчей во языцех «войны с памятниками»: «разрушение памятника стирает воспоминания о прежней апологетической версии... легитимизируя новую, инвективную» [4, с. 46].

Логичным развитием такого хода служит конструирование новых символически действенных артефактов в том же локусе культурного пространства. Причем это касается не только материально воплощенных артефактов, но и явлений процессуального характера. Так, вместо «отменяемого», обреченного на забвение праздника создается структурно-функциональный аналог, содержащий иные, оппозиционные смысловые интенции. Такие ситуации Нуркова и Гофман именуют амнезогенными техниками функциональной замены [4, с. 48]. Особым случаем выступает создание специальных «эфемерных» артефактов (памятников) с целью их последующего уничтожения, означающего кардинальное изгнание из памяти их культурных смыслов [4, с. 48]. Такой случай является наглядным примером культурной аннигиляции. Разумеется, в арсенал технологии конструирования «культурного беспамятства» входят и другие приемы. В результате их действие порождает, по выражению С. П. По-

целуева, эффект так называемой «инсталлированной памяти», выступающей показателем «когнитивной неполноценности ее реципиентов» [6, с. 562]. В нашем случае под «когнитивной неполноценностью» понимается неспособность людей к сопротивлению конструирующему манипулятивному воздействию, дезориентация оценочных механизмов относительно возможности критического отношения к такому воздействию.

Изобилие способов создания «культурного беспамятства» порождает вопрос: возможно ли в принципе противодействие подобному влиянию? А. С. Живой видит такой путь в животворности культурной ностальгии, способной актуализировать подвергшиеся амнезии события и ценности, способствовать сопротивлению их обесценивания уже на этапе действия амнезогенных механизмов. Тем самым ностальгия позволяет произвести «реконструкцию фрагментированной и деформированной культурной идентичности как на индивидуальном, так и на социальном уровнях» [2, с. 305]. Тогда появляется шанс преодолеть состояние социального беспамятства на пути к адекватному бытию в культурном пространстве, к возвращению из состояния амнезии утраченной ранее информации, к восстановлению «разорванных межпоколенных культурных связей», используя присущую культурной ностальгии «мифологическую концептуализацию прошлого» [2, с. 304–305].

Такой подход, апеллирующий к «мифологическому», категорически не совпадает с позициями некоторых других исследователей. Так, например, В. Д. Губин, рассматривая явление «национального беспамятства», призывает именно к демифологизации памяти в силу того, что «мифы фактически игнорируют то прошлое, каким оно реально переживалось» и ведут «к упразднению времени» [1, с. 235–236]. Вряд ли такую сентенцию можно признать соответствующей принципу историзма, что подтверждается и дальнейшим изложением вопроса. По Губину, само «национальное беспамятство» советского времени «культивировалось» совместными усилиями идеологов, власти и «широчайших масс города и деревни» [1, с. 235].

Причем происходило это в контексте традиционной модели советской культуры, отрицающей все «дооктябрьское» прошлое и саму культурную традицию, причем это отрицание исходило от тех самых «широких масс» [1, с. 234–235]. Представляется, что рассматривать проблему беспамятства в такой одномерной конструкции, не учитывающей разнообразие содержания реального исторического процесса, не вполне корректно.

Впрочем, и предлагаемый А. С. Живым путь культурной ностальгии при всей его значимости не видится панацеей в противостоянии беспамятству. В том числе потому, что ностальгия может быть использована как в благих, позитивных целях, так и в манипулятивных. Скорее можно предположить, что противодействие беспамятству способна обеспечить особая коммуникативная ситуация, включающая позитивные варианты культурной ностальгии (по А. С. Живому) и явление «мемориальных призраков», описанное С. П. Поцелуевым. Под «мемориальными призраками» он понимает следы удаленной из памяти информации, позволяющие при определенных условиях восстановить доступ к ней, оппонируя тем самым «технологиям беспамятства». Подобные следы («призраки») играют роль инструментов памяти, продолжающих «функционировать вопреки всем запретам, поэтому нет оснований говорить здесь об амнезии» [5, с. 88] и беспамятстве как ее действенной проекции. Следует иметь в виду различную степень резистентности участников некой общности к воздействию «технологий беспамятства». Наиболее стойкие из них, даже дошедшие до состояния забвения, способны, опираясь в том числе «мемориальные призраки» и ностальгические мотивы, реконструировать меморативную идентичность, о чем пишет и А. С. Живой [2, с. 305].

Возникает коммуникативная ситуация, в которой «стойкие» способны в общении с уже пораженными беспамятством спроецировать им реконструированную картину меморативной идентичности. Второй вариант аналогичной коммуникации включает контр-влияние на амнезировавшихся со стороны тех, кто обладает иммунитетом от воздействия «технологий беспамят-

ства» по разным причинам (профессиональная компетентность, критичность, обладание безусловно достоверной информацией и др.). Технологии такого контр-влияния — специальная тема, требующая отдельного обстоятельного анализа. Пока же стоит отметить, что в любом случае противостоять беспамятству можно только на основе использования достоверной (и проверяемой) информации, критичного отношения к ней и, главное, оптимального уровня владения культурой исторического мышления. Это может показаться утопичным, однако такие навыки на прикладном, функциональном уровне вполне могут быть сформированы при включении их в образовательные и просветительские программы разных уровней. То есть образование и культурная грамотность имеют решающее значение в борьбе с культурным беспамятством.

А начинать стоит с того, на чем основана живая культурная память: с образов близкого, реально осязаемого и переживаемого, родного. В этом смысле заслуживает внимания призыв Ж. Т. Тощенко знать и помнить не только прошлое своей страны и живущего в ней народа, но и историю малой родины (региона, города, поселка, села), традиции и судьбы людей своего семейного круга [9, с. 430]. Этот «круг памяти» безусловно достоверен для субъекта, подтвержден подлинным опытом, обретенным в непосредственном взаимодействии с реальной средой обитания: пространственной, меморативной, коммуникативной. Однако эта среда не замыкается в одном конкретном локусе. По принципу «взаимовложенности» контекстов, меморативность связывает этот локус с контекстами разного масштаба: личностным, групповым, общесоциальным. Адекватное восприятие содержания этих контекстов, основанного на определяющем значении личностно пережитой культурной памяти, составляет структурную опору меморативной культуры субъекта. В этом смысле исторически грамотный человек уже получает «прививку» от беспамятства. Чрезвычайно важно также формирование корпуса «лидеров мнений», — авторитетных, компетентных, обладающих личной популярностью специалистов, не только

владеющих достоверной, взвешенной и проверяемой исторической информацией, но и способных «терапевтически» работать с людьми, зараженными «культурным беспамятством». Очень значима такая деятельность и для превентивной работы по предотвращению применения «технологий беспамятства».

Такое понимание проблем культурной памяти и беспамятства особенно актуально на фоне симптомов своеобразной «меморативной усталости». В качестве примера можно привести следующее высказывание: «в современном обществе» очевидно «стремление к тотальному, „поголовному“ увековечиванию, <...> а памятники поставлены уже практически всем без исключения выдающимся людям и событиям...», речь идет «о принципиальной трансформации самого феномена культурной памяти, появлении какой-то судорожной агонии архивирования прошлого...» [10, с. 47]. Трудно спорить: если памятники поставлены уже всему выдающемуся, судорожная агония архивирования действительно заслуживает осуждения. Вот только так ли обстоит дело в реальности? Всё ли действительно заслуживающее увековечения обрело такую участь? Не возникают ли в актуальной современности подобные явления? Не принесет ли смерть архивирования после его агонии благодатные условия для расцвета беспамятства? Не стоит видеть такие вопросы сугубо риторическими. Либо на них будут даны адекватные ответы, либо нас ждет дорога к манкуртизму. Иного не дано.

Список литературы

1. Губин, В. Д. Борьба с памятью. Истоки беспамятства / В. Д. Губин // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2017. — № 4/2. — С. 231–238.
2. Живой, А. С. Сущность и следствия социальной амнезии / А. С. Живой // Социально-гуманитарные знания. — 2017. — № 11. — С. 301–307.
3. Логунова, Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы Л. Ю. // Идеи и идеалы. — 2019. — Т. 11, № 1, Ч. 2. — С. 227–253.
4. Нуркова, В. В. Управляемое забвение: четыре типа амнезогенных практик / В. В. Нуркова, А. А. Гофман // Сибирские исторические исследования. — 2022. — № 2. — С. 33–58.
5. Поцелуев, С. П. Амнезия как тип социальной забывчивости: к уточнению концепта / С. П. Поцелуев // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 461. — С. 84–91.

6. Поцелуев, С. П. К вопросу о типологии социальной амнезии / С. П. Поцелуев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2023. — Т. 39. — Вып. 3. — С. 557–568.
7. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. — Т. 1: А–Б. — Москва : Рус. яз., 1991. — 864 с.
8. Сокоиков, С. С. Поликонтекстуальный подход в транзитивной методологии исследований культуры / С. С. Сокоиков, Л. Б. Зубанова, Н. В. Долдо // Пятый Санкт-Петербургский международный культурологический симпозиум «Культурология в пространстве гуманитарного знания». — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2025. — С. 82–85.
9. Тощенко, Ж. Т. Фантомы российского общества / Ж. Т. Тощенко. — Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. — 668 с.
10. Щеглова, Л. В. Культуросозидающая роль «Искусства забвения» / Л. В. Щеглова, А. Ю. Клейтман // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2008. — № 8 (32). — С. 44–48.
11. Connerton, P. Seven types of forgetting : Memory Studies. — 2008. — Vol. 1, No. 1. — Pp. 59–71.

УДК 101.1 (470+571)

Д. Р. Солнышкина, А. Г. Лешуков

**ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И СОВЕТСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРАЕВЕДЧЕСКИХ
СООБЩЕСТВАХ ЧЕЛЯБИНСКА**

Челябинск на протяжении большей части XX в. позиционировался как индустриальный центр, получивший в годы войны второе имя — «Танкоград». Однако диверсификация экономики, выраженная в закрытии или переносе производственных мощностей крупных промышленных предприятий из жилого пространства города (заводы «Калибр», «Челябинский электрометаллургический комбинат», «Челябинские строительно-дорожные машины»), подтверждает процесс деиндустриализации, характерный для многих крупных городов мира. Как ответ на этот процесс в городе и области с конца 2000–х гг. формируется разветвленное краеведческое движе-

ние, участники которого стремятся сохранить и переосмыслить уходящее индустриальное наследие [2, с. 7–9; 3].

Необходимо выявить, как краеведческие сообщества Челябинска в своих публикациях представляют советское прошлое и отмечают его значение в настоящем, в контексте деиндустриализации и как «советская ностальгия» [7, с. 50] становится ресурсом формирования новой локальной идентичности.

На городском пространстве Челябинска, прошедшего путь от пограничной крепости XVIII в., через торговый узел «Ворота Сибири» конца XIX в., к крупному индустриальному центру Урала в XX в., в полной мере отразились все последствия нескольких этапов постсоветской деиндустриализации. Процесс деиндустриализации продолжается: освобождаются огромные территории бывших цехов. Именно на фоне этих вызовов возникает краеведческое движение, пытающееся сохранить память об утраченном величии [3; 10].

В современной гуманитарной науке ностальгия перестала рассматриваться исключительно как патологическая тоска по прошлому. Как отмечает польский социолог П. Штомпка, ностальгия в периоды социальных трансформаций становится механизмом коллективной идентификации [4; 12].

Особый интерес представляет феномен «ностальгии по непрожитому» (постпамяти), когда представители поколений, не заставших СССР, конструируют его образ через медийные и материальные артефакты [14, с. 15]. Применительно к городской среде П. Штомпка вводит понятие «травмы деиндустриализации» [12, с. 474–476]. В настоящей статье мы используем более нейтральный термин «вызовы деиндустриализации», сохраняя концептуальную основу.

Челябинское краеведение имеет глубокие корни: в 1989 г. создано Челябинское областное общество краеведов, возродившее традиции дореволюционных исследователей [2, с. 46–47]. Однако бурный рост движения пришелся на 2010–2020 гг., что совпало с активизацией процессов деиндустриализации.

Под руководством Юрия Латышева, инициативная группа «АрхиСтраж» активно работает над сохранением культурного наследия. Они не только документируют исторические объекты, но и обеспечивают их правовую защиту. Результатом их усилий стал онлайн-каталог, насчитывающий 1280 памятников региона. Показательным кейсом стала борьба за «немецкий квартал» на улице Социалистической, где в 2020 г. по иску градозащитников удалось вернуть охранный статус комплексу домов 1940-х гг.

Помимо архивной работы «АрхиСтраж» демонстрирует высокую юридическую эффективность. Так, в 2019 г. Юрию Латышеву удалось выиграть суд у областного Госкомитета охраны объектов культурного наследия, в результате чего статус охраняемых памятников был возвращен сразу семи старинным домам. Этот прецедент подтвердил статус краеведческого движения как реальной силы, способной влиять на градостроительную политику [1].

Сообщество «Старый Челябинск» в социальной сети Одноклассники объединяет более 1000 пользователей, которые могут ознакомиться с архивными снимками XIX–XX вв. Также данная группа находится и в социальной сети ВКонтакте, где счёт ее подписчиков давно перевалил за 30000 пользователей. Эти материалы предоставлены Государственным историческим музеем Южного Урала и Объединенным государственным архивом Челябинской области. Данный проект играет значимую роль в диалоге о прошлом города, стимулируя обсуждения его облика и утраченных аспектов. Это сообщество служит важнейшей площадкой для межпоколенческой коммуникации, где под фотографиями разворачиваются дискуссии о том, «каким был город» и «что потеряно», собирая под постами десятки комментариев.

Центр историко-культурного наследия Челябинска — профессиональная организация, образованная в 1993 г. За более чем 30 лет в фондах Центра появились десятки тысяч редкостей. Ресурсный потенциал Центра невелик (штат составляет всего 8 человек), однако он является системообразующим.

Также они реализуют проекты «Советская квартира» (воссоздание интерьера типовой квартиры 1960–1980 гг.) и «Книжная полка краоведа» (издание малотиражных источников) [13].

Музей истории ЧТЗ — одна из немногих заводских музеев, сохранившихся с советских времен. В 2010-х гг. он пережил реэкспозицию, в которой акцент сместился с сугубо производственных достижений на социальную историю (быт рабочих, культурная жизнь соцгорода) [11]. Согласно примерным подсчетам Союза краеведов России, в Челябинской области краеведением различной степени вовлеченности (от научных изысканий до посещения лекций) занимается около 10% населения. При этом, по данным ежегодной областной конференции, в мероприятиях, посвященных истории края, регулярно участвуют представители более чем 25 муниципальных территорий.

Наряду с общественными инициативами в регионе сложилась многоуровневая государственная система сохранения памятников.

Государственный комитет охраны объектов культурного наследия Челябинской области (Госкомитет ООКН ЧО) — центральный орган, зарегистрированный в 2016 г. Он осуществляет учёт, экспертизу и контроль за состоянием объектов.

На муниципальном уровне ключевым звеном выступает Управление культуры Администрации города Челябинска, к полномочиям которого отнесено 13 направлений в сфере сохранения объектов культурного наследия, включая выдачу разрешений на проведение работ по сохранению памятников местного значения [11]. Взаимодействие между Администрацией и Управлением культуры закреплено 16 полномочиями за Администрацией и 13 — за Управлением культуры. Правовую основу регулирует специальное Положение [10].

Центр историко-культурного наследия Челябинска фактически выполняет функции муниципального института по научному изучению и популяризации наследия.

В Челябинской области действует государственная программа «Сохранение, использование, популяризация и госу-

дарственная охрана объектов культурного наследия», рассчитанная до 2030 г. [8; 9].

По состоянию на 1 января 2024 г. на государственном учёте находилось 3323 объекта культурного наследия, из них 2154 требовали прохождения государственной историко-культурной экспертизы.

К концу 2025 г. общее число зарегистрированных ОКН достигло 3371, в том числе:

311 — федерального значения

872 — регионального значения

197 — муниципального значения.

Таким образом, за год количество выявленных и поставленных на учёт объектов увеличилось на 48 единиц [3; 5]. Эти цифры демонстрируют высокую интенсивность работы как государственных органов, так и общественных помощников (включая краеведов).

Системный подход к сохранению наследия выражается в государственной стратегии. Программа до 2030 г. предусматривает продолжение работ по включению выявленных объектов в единый государственный реестр, разработку проектов предметов охраны и границ территорий [9]. Важно отметить, что ностальгия по советскому прошлому не только стимулирует общественные движения, но и легитимируется на уровне региональной политики памяти: в официальных документах подчеркивается ценность индустриального наследия как основы идентичности южноуральцев.

Основные методы работы:

- фотофиксация и архивные исследования;
- юридическая защита (иски в суды, обращения в прокуратуру);
- публичные лекции, экскурсии, краеведческие фестивали (например, «Челябинск: история в деталях»);
- медийная деятельность (публикации в городских пабликах, СМИ);
- создание музейных экспозиций в приспособленных помещениях.

Центральное место в процессе переосмысления занимает уникальный конструктивистский ансамбль 1930-х гг. — социалистический город Челябинского тракторного завода. Его называют «социалистическим городом, возведенным внутри Челябинска» [11]. Важным событием стало признание театра ЧТЗ объектом культурного наследия в 2024 г., как памятника архитектуры советского неоклассицизма и образца реконструкции конструктивистского объекта [11]. Благодаря усилиям краеведов, которые активно добивались охранный статуса, удалось спасти это сооружение от сноса.

В 2025 г. на территории одного из старейших промышленных объектов города, бывшего завода дорожных машин имени Колющенко, произошло удивительное преобразование: открылся «Музей эпох» [10]. Этот проект демонстрирует, как можно по-новому взглянуть на прошлое. Экспонаты, такие как дисковые телефоны, радиолы, полированные шкафы, ковры и пионерские галстуки, являются не просто предметами советского быта, а настоящими якорями коллективной памяти. Уникальность музея заключается в его независимости: он полностью существует за счет энтузиазма волонтеров и частных пожертвований, не получая государственной поддержки.

В период с 2019 по 2020 г. организация «АрхиСтраж» успешно отстояла в суде правовой статус объектов культурного наследия для зданий на улице Социалистической в Металлургическом районе. Этот квартал, известный как «немецкий», был возведен в 1930–1940-е годы трудом военнопленных и интернированных немецких специалистов. Данный случай продемонстрировал потенциал краеведческих объединений в деле не только документирования потерь культурного наследия, но и в активном противодействии их утрате [6].

Среди других громких событий, привлечших внимание общественности, стоит отметить демонтаж памятника Курчатову в 2017 г. (произведенный внезапно, но впоследствии восстановленный) и активные усилия по спасению гостиницы «Южный Урал», являющейся ярким примером советского модернизма

1970-х гг. Эти противостояния наглядно демонстрируют конфликт между стремлением застройщиков к извлечению прибыли и желанием общества сохранить историческое наследие.

Позитивный пример переосмысления — креативный кластер SVOBODA2, открывшийся на территории бывшего дрожжевинокуренного и завода органического стекла (ул. Свободы, 2). Здесь в цехах разместились художественные мастерские, лектории, кафе, коворкинги. При этом организаторы сохранили оригинальные кирпичные стены, заводские краны, индустриальный интерьер. Этот проект показывает, что ностальгия может быть не только оборонительной (спасение от сноса), но и продуктивной, адаптирующей промышленное наследие к новым экономическим реалиям.

Анализ дискурса челябинских краеведческих сообществ позволяет выделить несколько способов репрезентации советского прошлого:

Эстетизация индустриального. Конструктивистские здания соцгорода, заводские корпуса, старые цеха представляются не как «ржавые развалины», а как памятники архитектуры, достойные сохранения и реновации. В этом прослеживается влияние глобального движения индустриального наследия (industrial heritage) [12, с. 476–478]. Челябинские активисты сознательно используют профессиональную лексику искусствоведов, чтобы легитимировать свои требования перед властями.

Параллельно существует дискурс «преступлений против памяти», фиксирующий каждый случай сноса исторического здания. Юрий Латышев называет свой проект «Антологией преступлений», что маркирует снос как моральную катастрофу [10]. В паблике «Старый Челябинск» регулярно публикуются посты формата «здесь стоял этот дом, а теперь пустырь», сопровождаемые эмоциональными комментариями.

Креативная ревитализация. Проект SVOBODA2 демонстрирует альтернативу: промышленное здание не законсервировано в музейной стерильности, а включено в новую экономическую жизнь. Однако такой подход вызывает споры среди

краеведов: часть из них считает, что превращение цехов в коворкинги ведёт к «джентрификации памяти», стиранию аутентичной рабочей атмосферы.

Мемориализация трудового подвига. Особое место занимает нарратив о Великой Отечественной войне. «Танкоград» представляется как символ жертвенности и единства. Краеведы стремятся сохранить не только парадные памятники (танк ИС-3 на Космомольской площади), но и рядовые объекты — бараки эвакуированных рабочих, цеха, где ковали броню. В этом блоке ностальгия смыкается с официальным патриотизмом, хотя акценты различны: государство делает упор на военные победы, а краеведы — на повседневность тыла.

Ностальгия в этих нарративах предстает сложным, амбивалентным феноменом. С одной стороны, она питает тоску по «уверенности в завтрашнем дне» и «ощущению принадлежности к обществу» [4; 6]. С другой — становится инструментом критики современной градостроительной политики и ресурсом проектирования будущего [3; 11].

В ходе исследования были выявлены ключевые механизмы конструирования идентичности через краеведение; определены функции общественных и государственных институций в сфере охраны наследия; проанализирован дискурс ностальгии в деятельности челябинских краеведческих сообществ. Авторы приходят к выводу, что краеведческие сообщества Челябинска успешно совмещают архивную (сбор данных об уходящем наследии), правозащитную (борьба за сохранение памятников, включая судебные прецеденты) и идентификационную (конструирование новых нарративов о городе) функции.

Челябинская область располагает многоуровневой системой сохранения культурного наследия: от федерального Госкомитета ООКН до муниципальных учреждений (Центр историко-культурного наследия). Действующая государственная программа и нормативная база позволяют проводить планомерную работу по выявлению, экспертизе и включению объектов в реестр, что доказывает высокую степень институционализа-

ции политики памяти в регионе. Количественные показатели (рост числа ОКН с 3323 до 3371 за один год, создание каталога из 1280 памятников силами волонтеров) подтверждают эффективность взаимодействия государства и общества.

Ностальгия по советскому прошлому, будучи отрефлексированной и институционализированной, перестает быть реакционной тоской и превращается в действенный механизм локального патриотизма. Вместе с тем сохраняются риски: идеализация советского индустриального проекта может блокировать критическое осмысление его экологических и социальных издержек.

Список литературы

1. «АрхиСтраж» — итоги первого года // archi.ru. — 2015. — 7 июля. — URL: <https://archi.ru/press/russia/63178/arkhistrzh-itogi-pervogo-goda> (дата обращения: 09.05.2026).
2. Боже, В. С. Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.): справ. пособие / В. С. Боже. — Челябинск, 2014. — 128 с.
3. В Челябинской области за год появилось более 120 новых памятников культуры // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8337578> — Дата публикации: 05.01.2026.
4. Молчанова, О. В. Искусство забывания, или ностальгия по советскому мифу / О. В. Молчанова // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». — 2011. — Вып. 2 (6). — С. 101–110. — ISSN 2078–7898.
5. На Южном Урале нашли еще 120 памятников культуры / Е. Аникиенко // Южноуральская панорама. — URL: <https://up74.ru/articles/news/161194/>. — Дата публикации: 09.01.2025.
6. «Немецкому кварталу» в Челябинске вернули статус / Е. Аникиенко // Южноуральская панорама. — URL: <https://up74.ru/articles/news/122452/>. — Дата публикации: 25.08.2020.
7. Очкина, А. В. К вопросу о социальной природе «советской ностальгии» / А. В. Очкина // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 28. — С. 50–57.
8. Постановление Администрации города Челябинска от 16.01.2023 № 27–п «Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги “Выдача задания и разрешения на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия местного (муниципального) значения”» // Официальный сайт Администрации города Челябинска. — URL: <https://chelyab-gov.ru/doc/150665> (дата обращения: 09.05.2026).
9. Постановление Правительства Челябинской области от 14 марта 2024 г. № 178–П «О внесении изменения в постановление

- Правительства Челябинской области от 26.11.2020 № 619-П» // ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/408708973/> (дата обращения: 09.05.2026).
10. Решение Челябинской городской Думы от 28.11.2023 № 44/17 «О внесении изменений в решение Челябинской городской Думы от 26.04.2011 № 24/19 “Об утверждении Положения о сохранении, использовании и популяризации объектов культурного наследия...”» // ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/408708973/> (дата обращения: 09.05.2026).
 11. Состоялось ноябрьское заседание постоянной комиссии Челябинской городской Думы по социальной политике : 21.11.2023 // Официальный сайт Челябинской городской Думы. — URL: <https://www.chelduma.ru/press/news/sostoyalos-noyabrskoe-zasedanie-postoyannoy-komiss/> (дата обращения: 09.05.2026).
 12. Штомпка, П. Социология : анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польск. С. М. Червонной. — Москва : Логос, 2005. — 664 с. — ISBN 5-98704-010-4.
 13. Это Челябинск: Центр историко-культурного наследия : [сюжет] // 31tv.ru. — URL: <https://31tv.ru/program/teleproekt-jeto-cheljabinsk/336282/>. — Дата публикации: 23.08.2024.
 14. Boym S. The Future of Nostalgia / S. Boym. — New York : Basic Books, 2001. — 404 p. — ISBN 0-465-00708-2.

УДК 94(47)

Н. П. Шушарина

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ БЕЛОМЕСТНОГО КАЗАЧЕСТВА НА ИСЕТИ

В конце XVI–XVII вв. Московское царство стремилось расширить свои пределы за Уралом, но главной проблемой здесь все эти годы было соседство с кочевыми народами. Русская колонизация за Уралом осуществлялась благодаря тому, что русские контролировали реки как средства коммуникации, ставя вдоль рек города и остроги.

В первой половине XVII в. начинается активная аграрная колонизация. Крестьянское население Сибири было сосредоточено вокруг острогов в уездах Верхотурском, Тюменском, Туринском и Тобольском. Продвижение ойратов на восток, их частые набеги на юг русской Сибири не дали русским крестья-

нам занять в 1620–1630 гг. районы, наиболее выгодные для земледелия — бассейн реки Исеть.

Беломестное казачество как субкультура начала формироваться в процессе проникновения русских за Урал и расселения крестьянства. Первые отряды беломестных казаков появились в Сибири с 1634 г. в слободах, расположенных в районе р. Тура (вкл., ил.1) [6]. Появились беломестные казаки и в других слободах Сибири. Они проживали не в городских гарнизонах, а в приграничных острогах и слободах. Естественной границей со степью служила река Исеть, на которой постепенно формировалась пограничная сеть из острогов. Освоение Приисетья началось с основания Исетской Успенской пустыни, а за десять лет с 1650 по 1660 г. были заложены Исетский, Катайский, Мехонский остроги, Барневская, Ялуторовская слободы (вкл., ил. 2). Катайский острог был поставлен в точке пересечения Казанской тропы с Калмацкой дорогой и кроме оборонительной функции, играл важную роль контроля за движением людей и товаров, так как нелегальный обход Верхотурской таможни к середине XVII в. приобрел нежелательные размеры [8, с. 98].

Гарнизоны по реке Исеть во второй половине XVII в. Формировались как за счет служилых «по прибору» из старых острогов, так из «гулящих людей». В 1657 г. верхотурский сын боярский П. Перхуров докладывал верхотурскому воеводе И. Хитрово о том, что *«из слобод беломестных казаков 30 семей выбрал в Катайской острог и перевел и государево жалованье денежное их оклады впредь на 166-й год для новые катайские селидьбы дал»* [9, с. 394–395].

По своему социальному положению беломестные казаки — сословие, занимающее особое положение, так как военная служба казаков сопровождалась постоянным риском. Они несли военную службу за пользование «обелённой», т. е. освобожденной от налогов земли [13; 15]. В переписи беломестных казаков Катайского острога в 1666 г. указан размер жалования казаков. Например, беломестный казак Стенка Ондриев Бетев *«...А гсдрва денежного жалованья оклад ему четыре рубли*

с четю да соли два пуды без чети. А за хлебное жаловане служит с пашни» [10, л. 271об.]. Такое же жалование получали 42 казака Катайского острога, а 7 «новоприборных» служили за хлебное жалование.

Как отмечает Е. В. Вершинин, в большей степени, чем все остальные группы служилых людей «по прибору», беломестные казаки отразили общую для всех групп двойственность положения в социальной структуре общества XVII в., так как совмещали военную службу с хлебопашеством [4, с. 52].

Данные переписи 1666 г. указывают, что в Катайском остроге 28 казаков были верстаны из *«гулящих людей»* в острогах на Верхотурье, четверо из пашенных крестьян Ницынской слободы; остальные в самом остроге. Из казачьих детей взяты в службу 9 человек взамен выбывших или убитых во время нападения на острог кучумовичей (татар) и башкир в 1662 году [10, л. 266–280об.].

Администрация стремилась набирать служилых из числа *«гулящих людей»*, но на примере семьи Бетевых рассмотрим, почему в данном случае были вёрстаны в казаки пашенные крестьяне. У братьев Бетевых отец числился казаком Ницынского острога. Он в 1645 г. присягнул на верность царю Алексею Михайловичу и получил фамилию *Бётев (по прозвищу Беть)*, так что поручитель для положительного решения вопроса о зачислении в казаки у них был. В 1657–1660 гг. были вёрстаны и переведены на службу в Катайский острог четверо его сыновей.

Данные переписи 1666 г. указывают, что дополнительное верстание в казаки произошло после событий 1662–1664 гг., когда крепость подверглась осаде и разгрому со стороны отрядов восставших башкир. Пузанов В. Д. упоминает, что во время нападения на Катайский острог 30 казаков были перебиты [12, с. 75].

Но при переписи 14 казаков указали, что они были переведены в Катайский острог или поверстаны до военных событий, пять выбыли в крестьяне или отставлены, двое умерли в 1663–1665 гг., двое сбежали в 1663 г. И только семь

человек заместили убитых казаков во время военных событий 1662–1664 гг.

Интересна судьба Луки Суслова — беломестного казака Невьянской слободы, который в 1694 г. обратился с челобитной на государево имя с просьбой о позволении оставить службу. Ему было 92 года и службу он уже не мог нести. По его словам, он начал службу на Самаре, потом служил стрельцом в Астрахани, в середине XVII в. перешёл в Сибирь и строил Китайский острог [14, с. 50].

Имя этого казака встречается в переписи казаков Китайского острога 1666 г. При верстании Оксенко Титова в 1663 г. записано, что верстан он, Оксенко, *«из гулящих людей во 171 (1663 г.) в выбылое место збеглого беломестного ж казака Лучки Суслова»* [10, л. 269об.].

Вызывает сомнение утверждение Лучки Суслова об участии в строительстве Китайского острога, так как казаки на службу были переведены уже после строительства острога и это были казаки из острогов Верхотурского уезда. Понятно, приписал заслуги, безусловно пенсию заслужил в 92 года, и челобитная была удовлетворена.

События 1662–1667 гг. заставили обратить самое серьезное внимание на обеспечение безопасности края. Китайский острог стал центральным пунктом системы обороны на Исети, которая начала создаваться в 1670–1680 гг. В эти годы тобольский воевода делал попытки создать полноценный драгунский полк, но не удалось, так как не хватало личного состава, денег, да и местная администрация не проявляла рвения. Поэтому в острогах и слободах Западной Сибири одновременно числились драгуны и беломестные казаки, которые дислоцировались в 24 слободах и острогах [5, с. 19].

Казаки занимались земледелием, но в любой момент должны не только оборонять острог, к которому приписаны, но нести другие службы. Интересна история похода драгун и казаков зауральских острогов в составе так называемого «посольского полка» окольного Ф. А. Головина.

Царским указом 20 января 1686 г., в период совместного правления Ивана V и Петра (до 1687 г. — фактическое правление их сестры Софьи), в Даурию для «договоров и успокоения ссор китайского бугдыхана» и разграничения спорных территорий, на которые претендовали тогда Россия и Китай, из Москвы направилось посольство во главе с Ф. А. Головиным. Его сопровождало 509 чел. московских стрельцов и военных специалистов. Посол прибыл в Тобольск 24 марта 1686 г.

До мая 1686 г. в Тобольске шел сбор ратников тобольского разряда, ждали прибытия казны на жалованье и «подъем» сибирским служилым людям. Сибирские ратники были распределены между двумя полками: П. Грабова и А. Смаленберга. В частности, из 6 исетских слобод и острогов (Арамилская, Беляковская, Красномыская Шадринская слободы; Колчеданский, Катайский остроги), в составе полка было 215 драгун и казаков.

В статье Е. А. Багрина опубликованы списки состава полка, в том числе 18 драгун из Катайского острога (Андреев Осташка, Артемьев Якушка, Гавриков Стенка, Григорьев Федка, Дубынин Данилко, Кондратьев Андриюшка, Кошкин Ивашка, Мавлыков Тимошка, Мартынов Терешка, Панфилов Петрушка, Петров Орефейко, Прокофьев Юрка, Сартаков Данилко, Тарасьев Ивашка, Трофимов Костка (десятник), Федоров Мишка, Хомяков Оска, Чюшелин Стенка) и 2 беломестных казака (Михайлов Родка и Сартаков Ивашка). Согласно именного списка полков, катаяские драгуны находились под командованием полковника Павла Грабова [2, с. 106].

В статье Е. А. Багрина подробно описывается поход «посольского полка» окольного Ф. А. Головина в Забайкалье.

29 мая 1686 г. полки на судах гребным ходом и парусами на дощаниках (палубные плоскодонные речные суда) вышли из Тобольска вниз по Иртышу, а потом вверх по течению по Оби до Сургута, в который прибыли 18 июня. В Нарым прибыли 2–3 июля. Ф.А. Головин в отписках отмечал, что «московские стрельцы итти водяным путем не заобычны». Поэтому «Московского полку многие дощаники, идучи к Нарыму

из Сургута, разносило по протокам великими погодами», и их пришлось долго ждать. В связи с этим 7 июля 1686 г., не дожидаясь общего выхода, полк П. Грабова отправился к Маковскому волоку.

Войска двигались к месту назначения с максимально возможной скоростью, но тяжелый обоз и отсутствие проезжих дорог сильно затрудняли путь. Путь через волок в Енисейск занимал 4 дня. Нужно было преодолеть болота, речки, переправляя бочки с порохом, свинец, пушки и пищали. Но из-за того, что подводы к Маковскому волоку прибывали медленно (енисейские крестьяне не желали возить грузы), только к началу сентября удалось переправить через волок все военные грузы и продовольствие.

Наконец, 6 сентября из устья р. Кеми посол с полками П. Грабова и А. Смаленберга отправился в Енисейск.

12 сентября полки на 17 дощаниках отправились вверх по Енисею. Однако многие суда начали течь и их пришлось вытаскивать на берег, конопатить и чинить. И только через две недели прибыли в Рыбенский острог на р. Ангаре и стали чинить корабли, поврежденные на Стрельном пороге и шиверах (участки реки с выступающими из воды камнями).

Река начала замерзать. Было решено остановиться на зимовку. Началось строительство изб и землянок для провианта. 15 ноября 1686 г. в Иркутск на 30 подводах санями отправили военные грузы. Сопровождали груз нартами на лыжах 74 драгуна из полка А. Смаленберга и 75 стрельцов полка П. Грабова. В декабре отряд С. Богатырева, пополнившийся илимскими служилыми людьми, подошел к Иркутску, а караван с оружием к Илимску.

15 мая 1687 г. на судах посольство отправилось вверх по течению Ангары. Во время перехода разбился дощаник, на котором была полковая казна и ратникам полка П. Грабова пришлось его снимать «с камня».

13 июня 1687 г. пришли в Илимское устье. 15 июня подошли к Шаманскому порогу. Через пороги переправляли пу-

стые корабли, а грузы и провиант были отправлены через перевал на подводах и часть несли на себе.

Затем был Долгий порог, где разбился один дощаник. На Падунском пороге опять разгрузка дощаников и на подводах за 5 дней с помощью пашенных крестьян Братского уезда перевезли грузы через горный перевал.

8 июля посольский полк пришел в Братский острог, а затем полки двинулись в д. Кежмы. Здесь посол и его ближайшее окружение пересели на подводы и, пройдя через Яндинский, Балаганский и Ыдинский остроги «сухим путем», пришли в Иркутск 29 июля. Через день туда прибыл полк А. Смаленберга, а 2 августа полк П. Грабова и московские стрельцы. В этот же день они торжественно встречали посольство тайши Далай Цеценноена.

25 августа из Иркутска на дощаниках полки поплыли к истоку Ангары и 3 сентября вышли в Байкал по направлению к устью р. Селенги.

Устье р. Селенги было мелким и сложным для прохода, войти туда можно было только небольшими группами судов. Однако корабли все равно скопились в заливах перед входом в реку из-за плохой погоды. Во время перехода разбилось четыре дощаника и часть хлебных запасов утонула. Ратники спаслись, доплыв до берега. Взяв дощаники у рыбаков, 16 сентября были уже в Удинском остроге (вкл., ил. 3).

К концу сентября Ф. А. Головин принимает решение зимовать в Удинске, потому что в Нерчинске было мало хлебных запасов и зимний путь туда очень трудный «чрез камень верблюдами на вьюках» [3].

Таким образом, переход Тобольск-Удинский острог завершился и занял 1 год и 4 месяца.

Но до подписания мирного договора было еще два года. В это время пришлось обеспечивать безопасность региона от монгольских набегов. 25 января 1688 г. произошло первое столкновение с монголами у Селенгинска. В течение года происходили многочисленные стычки с монгольскими отрядами и у

Удинска и Селенгинска. 29 февраля около полуночи монголы пошли на штурм Селенгинского острога с трех сторон. Город был обстрелян зажигательными стрелами, потом последовал штурм, продолжавшийся до рассвета, но взять его монголы не смогли. С 1 по 23 марта 1688 г. Селенгинск был в осаде. Осада была снята отрядом служилых, пришедших из Удинска. Вплоть до 22 июля Ф. А. Головин делал попытки усилить оборону Селенгинска и Удинска. 30 июля в Селенгинск прибыл маньчжурский посланец Солоси, привезший письмо от маньчжурского посольства, в котором сообщалось, что посольство вынуждено повернуть обратно из-за начавшейся войны между монголами и ойратами. Маньчжуры уведомляли Ф. А. Головина, что посольский съезд следует перенести на следующее лето.

1 сентября посольское войско выступило было в поход, но, узнав о том, что в Нерчинске и Албазине тяжело с продовольствием, было решено отложить поход, обеспечить Албазин запасом продовольствия и обеспечить Забайкалье от возможных враждебных действий монголов. 7 сентября войска вернулись в Удинск.

С 16 сентября по 18 октября 1688 г. Ф. А. Головин принял карательный рейд против табунутов. 1–3 октября Головин вел в своем лагере на берегу р. Топкой переговоры с теми тайджи, которые желали принять русское подданство. Переговоры и церемонии принесения шерти монгольскими тайджи продолжались до 14 декабря 1688 г. С января по конец апреля 1689 г. Ф. А. Головин был занят переговорами с монголами, упорядочением отношений с теми тайджи, которые согласились признать русское подданство. Лишь 29 апреля 1689 г. от великого посла поступил приказ: «велено готовитца к походу в Нерчинской немедленно». Однако поход откладывался — задерживали нехватка продовольствия, которое пришлось доставлять из Иркутска, и плохое состояние коней.

10 июля войско пришло в Еравнинский острог. 28 июля передовые части посольского войска пришли на Читинское плотбище и начали вязать плоты для сплава к Нерчинску. Общий сбор всех войск на плотбище состоялся лишь 4 августа — стрельцы полков

Грабова и фон Шмаленберга были вынуждены тянуть телеги с запасами на себе через пересеченную местность из-за плохого состояния коней. 4 августа войско выступило на плотах — по 12 человек на плот. 20 человек были отправлены с конями, чтобы перегнать их через горы к самому острогу. 7 августа у урочища Верблюжье Горло плоты остановились у берега. Туда же были пригнаны кони, а вскоре прибыл и сын Нерчинского воеводы с сильным отрядом конницы — 200 нерчинских казаков и 300 эвенков. Онгуты и буряты, несмотря на неоднократные посылки к ним гонцов с приказом выставить ополчение, так и не прибыли. 9 августа войско объединенными силами осуществило переход на реку Нерчу, сплавило вниз по течению и к вечеру того же дня прибыло в Нерчинск.

Нерчинский договор заключен 27 августа (6 сентября) 1689 г. и была установлена первая официальная русско-китайская граница по рекам Аргунь и Горбица.

Пока «посольский» полк находился в походе, какие события происходили в России? В 1686 г. Петр I начал создавать свои «потешные войска». В этом же году был заключен «Вечный мир» с Речью Посполитой. В 1687 г. и 1689 г. состоялись неудачные Крымские походы русских войск под командованием князя В. В. Голицына. Летом 1689 г. конфликт между Петром и Софьей за власть закончился тем, большая часть войск поддержала законного царя, и реальная власть сосредоточилась в руках придворной группировки бояр Нарышкиных. Таким образом, с 1689 г. Пётр I Алексеевич стал полноправным правителем России.

А что же исетские казаки? Службу в Удинском остроге в 1690–1694 гг. продолжило 142 драгуна из исетских слобод, в том числе семь казаков из Катайского острога (десятник Трофимов Оска, Дубынин Данилка, Кандратьев Андрюшка, Кошкин Ивашка, Михайлов Родька, Прокофев Юшка, Хомяков Оска) [1, с. 175–180].

В этот же период сибирские служилые люди подали челобитную на имя царя с просьбой отставить их от четырехлетней

службы «в Даурах», с описанием своих заслуг во время службы, о бедственном положении из-за лишений во время переходов и военных действий, о судьбах семей в острогах, переживших степные пожары, случившиеся на Исети.

В 1694 г. значительная часть служивых была отпущена в остроги, из которых они пришли в Забайкалье, а их места заняли сменщики из Тобольска, Тюмени, Томска и других сибирских городов.

В переписи Китайского острога 1695 г. казаки Оська Хомяков, Якушко Шихалин, Ивашка Сартаков, Данилко Сартаков, Ивашко Андреев сын Кошкин, Якушко Ведерников, Костка Мурзин указали, что *«в даурских острогах полку околничего и воевды Федора Алексеевча Головина служил он до отпуску»* [11, л. 76, 83об., 86, 88].

В документе «Книги имянные Тоболского уезду слободским беломесным казаком 204 году старым и новоприборным и с теми которые пришли из Даурских острогов...» в 1696 г. в списке «Сотня Китайского острогу» находим фамилии 10 казаков, участвовавших в «посольском походе» Ф. А. Головина (Федка Григорьев, Данилко Сартаков, Ивашко Тарасов, Оска Хомяков, Родка Михайлов, Костка Трошков (Трофимов Костка), Данилко Сартаков, Ивашко Сартаков, Стенка Гаврилов, Ивашко Кошкин) [7, л. 55–55об.].

В 1698 г. беломестные казаки Зауралья подали на имя царя челобитную, в которой жаловались на тяжесть военной службы. В ответном царском указе повелевалось создать из беломестных казаков драгунский полк.

А после проведения I-й ревизии (1724) беломестные казаки Китайского острога, как и других острогов по Исети, были положены в подушный оклад и стали крестьянским сословием.

Таким образом, беломестному казачеству на реке Исеть не суждено было сформироваться как особой этнической группе в силу ряда объективных причин, среди них главная — расширение территории Русского государства на юге и как следствие, исчезновение пограничной опасности.

Казаков из слобод и острогов на Исети то переводили в драгуны, то возвращали в статус беломестных казаков. И как особое социальное сословие они не сформировались, как например, яицкие казаки, так как 70 лет недостаточный срок для формирования казацкой субкультуры. И даже термин исетские не применим к ним, так как в источниках это название относится к казакам Исетского острога, а позднее к казакам Исетской линии.

Но память о первых казаках Катайского острога осталось в том, что в городе Катайске Курганской области проживают потомки первых казаков Катайского острога: Бетевы, Березины, Ведерниковы, Зеленины, Карповы, Кошкины, Кокорины, Маслаковы, Новокрещеновы, Сартаковы, Сукины, Соболевы, Табатчиковы, Титовы, Хомяковы.

Список литературы и источников

1. Багрин, Е. А. Гарнизон Удинска в 1690-е гг.: формирование и арсенал (с именным списком состава 1691 и 1697 гг.) / Е. А. Багрин // Известия Лаборатории древних технологий. — 2022. — Т. 18, № 3. — С. 171–193.
2. Багрин, Е. А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком) / Е. А. Багрин // Известия Лаборатории древних технологий. — 2020. — Т. 16. — № 2. — С. 90–119.
3. Багрин, Е. А. Сибирские полки во время похода Ф. А. Головина в Даурию 1 часть: переход Тобольск — Удинск (1686–1687) / Е. А. Багрин // Известия Лаборатории древних технологий. — 2020. — Т. 16, № 3. — С. 162–174.
4. Вершинин, Е. В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. / Е. В. Вершинин // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. — Екатеринбург: УрО РАН Институт истории и археологии, 1993. — С. 52–57.
5. Дмитриев, А. В. Личный состав сибирских полков «нового строя» во второй половине XVII века статья вторая / А. В. Дмитриев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История». — Вып. 1, т. 6. — 2007. — С. 16–21.
6. Карта Среднего Урала. — URL: <https://nashural.ru/map/>
7. Книги именные Тоболского уезду слободским беломесным казаком 204 году старым и новоприборным и с теми которые пришли из Даурских острогов и которые даны в слободах в судные избы прикащиком для розсылок а дают им в Тоболску ис казны великого государя по три пуда соли человеку на год за государево денежное и хлебное жалованье служат они с пашни // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1104.

8. Коновалов, Ю. В. История Катайска и Катайской волости в XVII веке / Ю. В. Коновалов // Катайск в истории Зауралья: связь времен. Материалы первой региональной науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2012. — С. 97–108.
9. Миллер, Г. Ф. История Сибири. Т. 3 — Москва : Восточная литература, 2005. — 605 с. — URL: https://archive.org/details/istoriya_sibiri_vol_3/page/394/mode/2up.
10. Перепись Верхотурского уезда 1666 г. Книги Катайского острогу переписные беломестным казаком и оброчным крестьяном // ТГИАМЗ. КП 12692. Л. 266–280об.
11. Переписная книга 7203 года всяких чинов людей и крестьян, их детей Тобольского уезда, острогов и деревень // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1444. (1695 г.).
12. Пузанов, В. Д. Беломестные казаки в Сибири XVII — первой трети XVIII в. / В. Д. Пузанов // Вопросы истории. — 2012. — № 10. — С. 71–86.
13. Пузанов, В. Д. Беломестные казаки на востоке России / В. Д. Пузанов // Северный регион: наука, образование, культура. — 2009. — № 1. — С. 23–29.
14. Пузанов, В. Д. В. Н. Татищев и проблема возникновения беломестных казаков / В. Д. Пузанов // Шестые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщений, Екатеринбург, 20–21 апр. 2006 г. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2006. — Т. 1. — С. 46–51.
15. Пузанов, В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI в.-XVII в.) : монография / В. Д. Пузанов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. — 432 с.

УДК 008

А. Д. Кваснина, О. Е. Кутепова

**МЕДИАПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА: КАК СМИ
И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ВЛИЯЮТ НА ВОСПРИЯТИЕ
КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ**

Современное общество невозможно представить без массовых коммуникационных средств, или средств массовой информации (СМИ). СМИ играют ключевую роль в формировании и распространении культурных ценностей, и в то же время они сами сильно зависят от культурных контекстов, в которых они функционируют. Взаимодействие между СМИ и культу-

рой имеет значительные эффекты на общество, исследование которых оказывается крайне важным для понимания современной информационной среды [5, с. 89].

Культура и СМИ взаимосвязаны на многих уровнях. С одной стороны, культура влияет на СМИ, определяя темы, стили и ценности, которые отражаются в информационных материалах. Например, в странах с богатой музыкальной традицией, музыкальные программы на телевидении и радио могут быть более разнообразными и важными для зрителей. С другой стороны, СМИ имеют огромное воздействие на культуру, формируя образы, идеалы и ценности, которые внедряются в сознание миллионов людей.

Один из ключевых аспектов взаимодействия СМИ и культуры — это способность СМИ формировать общественное мнение. Путем выбора тем и угла взгляда на них, СМИ могут создавать определенную культурную норму или даже манипулировать общественными мнениями. В этом контексте, СМИ могут, как укреплять существующие культурные ценности, так и вызывать культурные изменения.

СМИ также оказывают влияние на язык и коммуникацию. Они формируют новые слова, фразы и сокращения, которые затем внедряются в повседневную речь. Этот процесс является частью культурного эволюционного процесса, который позволяет языку адаптироваться к новым реалиям и технологическим изменениям.

Влияние СМИ на культуру не ограничивается только текстовыми и визуальными материалами. Музыка, кино, искусство, а также разнообразные формы онлайн-развлечений, все они оказывают воздействие на массовое сознание через СМИ. Музыкальные хиты могут стать гимнами поколения, а кинофильмы могут вдохновить миллионы людей и изменить их взгляды на жизнь. Эффекты взаимодействия СМИ и культуры также заметны в реалиях современной медиазкосистемы. С развитием интернета и социальных медиа СМИ стали, более децентрализованными и демократичными, что позволяет

обычным людям участвовать в создании и распространении контента. Это приводит к разнообразию голосов и точек зрения, что, в свою очередь, влияет на культурное разнообразие и динамику.

Средства массовой информации также могут служить «мостом» между разными культурами. Они могут помогать в понимании и распространении иностранных культурных ценностей, способствуя культурному обмену и толерантности. К примеру, фильмы и телешоу из разных стран могут помочь людям понять и ценить культурные особенности других народов [3].

Однако, несмотря на положительные аспекты, влияние СМИ на культуру также сопровождается вызовами и опасностями. Например, цифровая технология и социальные сети могут усилить проблему информационных пузырей, где люди подвергаются только определенному типу информации, что может привести к укреплению культурных стереотипов и разделению общества.

Взаимодействие между СМИ и культурой имеет глубокие и многогранные эффекты на современное общество. Оно формирует наши представления о мире, влияет на язык и образ жизни, и играет важную роль в формировании общественного мнения.

Социальные сети оказывают многогранное влияние на культурные традиции, популяризация и доступность в культурных событиях, праздниках и образовательных проектах, они активно продвигаются через социальные сети, что делает их более доступными для широкой аудитории. Учреждения культуры используют социальные сети, как площадку для привлечения целевой аудитории, отслеживания ее интересов и получения обратной связи [1; 4].

Алгоритмическая логика социальных сетей часто продвигает универсальные тренды в ущерб локальным традициям. Это может приводить к кризису межпоколенческой передачи ценностей, когда старшее и младшее поколения оказываются в разных культурных плоскостях [2]. В цифровых сообществах возникают новые модели поведения и восприятия традици-

онных ценностей. Вирусный контент, эмоциональный заряд и механизмы социального одобрения способствуют быстрому усвоению транслируемых норм и ценностей. Ранее передача культурного опыта осуществлялась преимущественно через непосредственное общение и семейные ритуалы, то теперь значительная часть информации передается через цифровые каналы. Это меняет не только форму, но и содержание передаваемого наследия, делая его более фрагментированным и подверженным влиянию глобальных трендов.

Молодежные интернет-субкультуры формируют собственные нормативные системы, которые могут конкурировать с традиционными ценностными моделями. Среди вызовов — риск утраты уникальных культурных особенностей и нивелирования ценности локальных традиций в условиях цифровой глобализации. Для гармоничного сосуществования традиционных ценностей и цифровой среды необходимы адаптивные стратегии, основанные на образовательных и государственных инициативах. Это могут быть цифровые архивы, онлайн-музеи, интерактивные проекты и образовательные программы, направленные на сохранение культурного наследия.

Список литературы

1. Благов, Ю. В. СМИ и межкультурная коммуникация / Ю. В. Благов // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. Серия «Филологические науки». — 2021. — Т. 1, №1 (34). — С. 115–122.
2. Будянская, Т. В. Социальные сети как фактор становления культурных ценностей современной молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Т. В. Будянская — Москва, 2018. — 26 с.
3. Елинер, И. Г. Развитие мультимедийной культуры в информационном обществе : монография / И. Г. Елинер. — Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2012. — 368 с.
4. Кочеткова, А. Е. Социальные сети как инструмент популяризации культурных и образовательных проектов / А. Е. Кочеткова, Д. В. Сташкина // Культура и образование. — 2019. — № 4 (35). — С. 45–52.
5. Савинова, О. Н. СМИ и культура : вызовы времени / О. Н. Савинова // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. — 2020. — № 1. — С. 88–95.

М. А. Устьянцева

**Влияние традиций и инноваций
НА РАЗВИТИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО И ЗРЕЛИЩНОГО ИСКУССТВА
В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ**

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что театральное и зрелищное искусство сегодня переживает этап интенсивной трансформации. В условиях глобализации и цифровизации особенно остро стоит вопрос о сохранении культурной идентичности регионов, в том числе Урала. Традиции и инновации выступают двумя полюсами, определяющими вектор развития современного театра: с одной стороны — стремление сохранить уникальное наследие, с другой — необходимость отвечать на вызовы времени, внедрять новые формы и технологии.

Уральский регион, обладающий богатой историей сценического искусства. Здесь сформировались самобытные театральные школы, а народные праздники и ярмарки стали неотъемлемой частью культурной жизни. Сегодня Урал — это не только хранитель традиций, но и площадка для смелых экспериментов.

Постановка проблемы заключается в диалектическом взаимодействии традиций и инноваций. Как сохранить баланс между исторической памятью и стремлением к новаторству? Как избежать утраты аутентичности при внедрении современных технологий? Эти вопросы определяют актуальность и научную значимость исследования.

Появление театров на Урале связано с развитием промышленности, ростом городов и формированием культурной среды в регионе. Как отмечает краевед Ю. М. Курочкин, первые театральные инициативы возникали в среде заводских служащих, купечества и интеллигенции, стремившихся к просвещению и культурному досугу [3]. В XVIII–XIX вв. Урал становится не только промышленным, но и культурным центром, где театр становится важной частью общественной жизни.

Первые стационарные театры на Урале появились в крупных городах — Екатеринбурге, Перми, Челябинске. В Екатеринбурге, по данным Ю. М. Курочкина, уже в начале XIX в. существовали любительские труппы, а к середине века был основан первый профессиональный театр, ставший центром притяжения для горожан [Там же]. В Перми и Челябинске театральная жизнь развивалась схожим образом: сначала — домашние спектакли и гастролы, затем — строительство собственных зданий и формирование постоянных трупп.

Кандидат искусствоведческих наук А. П. Панфилов подчеркивает, что после революции 1917 г. театральное искусство на Урале получило новый импульс. Были созданы государственные театры, расширилась сеть народных домов и клубов, где ставились как классические, так и современные пьесы. В этот период театры стали не только местом развлечения, но и площадкой для просвещения, обсуждения актуальных социальных вопросов [6, с. 12–15].

Здания театров на Урале часто становились архитектурными доминантами городов. Многие из них были построены в стиле модерн или эклектики, с богато украшенными фасадами и интерьерами. Например, Екатеринбургский театр оперы и балета, Пермский академический театр оперы и балета — это не только центры культурной жизни, но и выдающиеся памятники архитектуры. Их строительство сопровождалось вниманием к акустике, удобству зрителей и сценическим технологиям.

Ю. М. Курочкин отмечает, что даже в небольших уральских городах театральные здания отличались особой атмосферой и часто становились местом встреч интеллигенции, рабочих и молодежи [3]. Анатолий Петрович Панфилов подчеркивает, что в советский период многие театры получили новые здания или были реконструированы с учетом современных требований, что позволило сохранить их значение для культурной жизни региона [6, с. 56–62].

Народные праздники и традиционные зрелища — важнейшая часть культурной жизни Урала. Ярмарки, массовые гуляния

и фольклорные фестивали объединяют людей, сохраняют уникальные традиции и формируют региональную идентичность.

Уральские ярмарки исторически были не только местом торговли, но и центром общения, обмена новостями и культурными достижениями. Здесь можно было увидеть изделия народных мастеров, попробовать местные угощения, поучаствовать в конкурсах и народных забавах. Например, Пермская ярмарка славилась деревянными поделками, медью и керамическими изделиями, а Ирбитская ярмарка проводится с 1643 г. и является самой древней ярмаркой на Урале. Масленица, Троица, Иван Купала — эти и другие праздники на Урале всегда сопровождались народными гуляниями с песнями, хороводами, играми и театрализованными представлениями.

Современные фольклорные фестивали на Урале собирают коллективы со всей России, знакомят с богатым наследием народных песен, танцев, ремесел и обрядов. Среди наиболее известных фестивалей: Всероссийский фестиваль-конкурс традиционной казачьей культуры «ЗЛАТА-ГОРКА» (г. Златоуст, п. Красная горка) [5, с. 39].

Сохранение и развитие народной культуры должно оставаться важной составляющей культурной жизни региона. Для сохранения традиций народного наследия и его воспроизводства в регионе необходима системная государственная поддержка научных исследований, народных коллективов, сохраняющих традиции, система подготовки кадров и условий для трансляции народной культуры [5, с. 40]. Современные театры Урала активно сохраняют народные традиции и локальные жанры, интегрируя их в свой репертуар и создавая постановки с ярко выраженным местным колоритом.

В Челябинском государственном академическом театре оперы и балета имени М. И. Глинки состоялась премьера оперы «Снегурочка» с уральским акцентом. В постановке использованы мотивы самоцветов, национальные орнаменты народов Южного Урала (русских, башкир, татар), а также элементы ритуальных костюмов. Художник-постановщик вдохновлялся

этносом региона, чтобы зритель узнал свой край и почувствовал уникальность южноуральской версии известной сказки. «В основе нашего спектакля лежит идея единения народов России. И для Беларуси сегодня это тоже очень актуально. Единение народов в целом является основой развития нации. Южный Урал — это особая территория, также и Беларусь — это многоконфессиональные, многонациональные места, где в одном пространстве существуют люди совершенно разных национальностей, характеров и устоев», — рассказала Анна Моторная [8].

В театре «Урал Опера Балет» Екатеринбурга балет «Каменный цветок» стал ярким примером сохранения народных традиций и локальных жанров с уральским колоритом. Новая постановка по мотивам сказов Павла Бажова — это не только дань классике, но и смелый творческий эксперимент, в котором переосмысливаются традиции и уральская мифология. Художник Юлиана Лайкова создала визуальный мир, где горный хребет становится живым участником действия, а костюмы сочетают элементы старинных русских образов, цыганские мотивы, символы солнца и Ярила. Используются орнаменты и детали, отсылающие к народным традициям Урала, но без прямого копирования — это современное прочтение традиций. Балет написан Сергеем Прокофьевым, а в екатеринбургской версии музыка звучит в современном оркестровом исполнении, что подчеркивает драматизм и поэтичность уральских сказов [7].

Современный театр во многом ориентируется на использование инновационных технологий. Речь идет о применении новых технологий в постановочном процессе спектакля. Укрепление позиций постдраматизма и цифровизация искусства обостряют интерес театральных режиссеров к мультимедийным технологиям и способствуют их адаптации в постановочных стратегиях. В настоящее время режиссерские стратегии довольно часто опираются на цифровые технологии, на использование дополненной реальности. Неслучайно в настоящее время доминирующими средствами выразительности ста-

новятся разного рода световое оформление и видеопроекции, управляемые компьютерными системами [9, с. 149]. Благодаря одновременному воздействию на зрителя графической, аудиовизуальной (звуковой) и визуальной информации, мультимедийные средства обладают большим эмоциональным зарядом [2]. По этому поводу интересно рассуждает сценограф Татьяна Владимировна Астафьева в своей статье «Компьютерные и медийные технологии в сценографии как фактор развития постановочного процесса». Она убежденно настаивает на том, что современный спектакль с применением мультимедиа — это особая форма театрального искусства, которая объединяет классические театральные устои и инновационные направления в сочетании с современными мультимедийными элементами и порождает новые способы художественной выразительности и особую эстетику [1].

Примером успешных инновационных проектов в театральной практике Уральского региона стали:

1. Инклюзивные проекты в Нижнетагильском театре кукол. Театр стал первым в городе, где появились спектакли с тифлокомментированием для зрителей с нарушением зрения. В 2025 г. будет показано пять таких постановок, включая «Евгения Онегина», «Муху-Цокотуху» и премьеру «Эшелон». Перед спектаклями проводятся тактильные экскурсии, знакомящие с разными типами кукол и историей театра. Это важный шаг к доступности искусства для всех категорий зрителей.

2. Еще одним примером является AR-спектакль «Площадь двух театров» в Екатеринбурге — это уникальный интерактивный променад — спектакль с элементами дополненной реальности (AR), созданный к 300-летию Екатеринбурга. Для участия достаточно скачать специальное приложение, надеть наушники и отправиться на прогулку по городу. Главный герой — «оживший» синтетический театр, который рассказывает о нереализованных архитектурных проектах прошлого, делится историями города и вовлекает зрителя в размышления о мечтах и искусстве. В процессе спектакля на экране смартфона появляются

виртуальные объекты, а в реальном пространстве происходят перформансы, что создает эффект полного погружения и стирания границ между театром и городской средой.

Сочетание народных традиций и современных театральных технологий оказывает заметное положительное влияние на культурную жизнь Уральского региона. Этот синтез способствует:

Укреплению местной идентичности — театры Урала активно используют в репертуаре сюжеты, связанные с уральскими сказами, историей и фольклором. Постановки, такие как «Каменный цветок» (Урал Опера Балет, г. Екатеринбург), «Сказания о земле Уральской. Тайна Дидинского тоннеля» (Театр драмы «Вариант», г. Первоуральск), формируют у зрителей чувство гордости за свой край, знакомят с уникальными чертами местной культуры и способствуют сохранению исторической памяти. Использование традиционных орнаментов, костюмов, музыки и языка делает театр важным институтом региональной идентичности;

Привлечению туристов — инновационные проекты, основанные на локальном материале, становятся культурными брендами региона. Иммерсивные спектакли, AR-экскурсии, мультимедийные променады и фестивали привлекают не только местных жителей, но и гостей из других регионов и стран. Например, AR-спектакль «Площадь двух театров», о котором говорилось ранее;

Расширению аудитории — современные технологии и новые форматы делают театр более доступным и интересным для разных возрастных и социальных групп. Молодежь и семьи с детьми вовлекаются через интерактивные проекты, инклюзивные спектакли (например, с тифлокомментированием), уличные перформансы. Это способствует формированию новой, более широкой и разнообразной аудитории, для которой театр становится частью повседневной жизни.

В современном театральном искусстве вопрос соотношения традиций и инноваций приобретает особую остроту. Как отмечает Х. Махмудова, сохранение культурной уникальности

невозможно без бережного отношения к наследию, однако без внедрения новых форм и технологий театр рискует утратить связь с молодым поколением и оказаться на периферии общественного интереса [4].

Сохранение традиций и открытость к современным подходам — ключевой фактор устойчивого развития театров Уральского региона. Только гармоничное сочетание локального культурного кода и инновационных форм позволяет не только укреплять региональную идентичность, но и делать театр актуальным для самых разных поколений зрителей. Именно такой баланс обеспечивает интерес к уральскому театральному искусству как внутри страны, так и за ее пределами.

В будущем театры Уральского региона имеют все возможности стать центрами притяжения для любителей сценического искусства, развивая направления, в которых национальные особенности органично переплетаются с мировыми театральными новациями. Перспективы связаны с расширением междисциплинарных проектов, внедрением цифровых и иммерсивных технологий, а также с формированием новых образовательных и инклюзивных программ, ориентированных на молодежь и семейную аудиторию.

Для дальнейшего развития театрального дела и поддержки деятелей искусств Уральского региона рекомендуется:

- усиливать грантовую и организационную поддержку экспериментальных и междисциплинарных проектов;
- создавать условия для обмена опытом между театрами, образовательными учреждениями и культурными институциями;
- развивать инфраструктуру для внедрения современных технологий в сценическую практику;
- активно привлекать молодых режиссеров, драматургов и художников к формированию нового репертуара;
- расширять взаимодействие с туристическими и образовательными программами для популяризации уральского театра.

Такой комплексный подход позволит не только сохранить уникальность театрального искусства Урала, но и обеспечить

его динамичное развитие в условиях современных культурных вызовов.

Список литературы

1. Астафьева, Т. В. Компьютерные и медийные технологии в сценографии как фактор развития постановочного процесса / Т. В. Астафьева // Общество. Среда. Развитие. — 2011. — № 3 (20). — С. 128–133.
2. Кириллова, Н. Б. Аудиовизуальные искусства и экранные формы творчества : учеб. пособие / Н. Б. Кириллова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. унта, 2013. — 154 с.
3. Курочкин, Ю. М. Из театрального прошлого Урала. Заметки собирателя / Ю. М. Курочкин. — Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1957. — 286 с.
4. Махмудова, Х. Традиции и новаторство, инновации в театральном искусстве / Х. Махмудова // Oriental Art and Culture. — 2025. — С. 469–473.
5. Орлова, К. А. Сохранение народной культуры в социокультурном пространстве Южного Урала / К. А. Орлова // Вестник магистратуры. — 2018. — № 4-1(79) — 39–40 с.
6. Панфилов, А. П. Театральное искусство Урала. 1917–1967 гг. / А. П. Панфилов. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967. — 327 с.
7. Попова, П. На сцене «Урал Балета» оживет Хозяйка Медной горы / П. Попова // Global City. — URL: <https://globalcity.info/news/28/01/2025/64365>. — Дата публикации: 28.01.2025.
8. Старцева, Е. Белорусская команда создает в Челябинске оперу «Снегурочка» с уральским акцентом / Е. Старцева // ИА «Первое областное». — URL: <https://www.1obl.ru/news/kultura/belorusinskaya-komanda-sozdaet-v-chelyabinske-operu-snegurochka-s-uralskim-aktsentom/>. — Дата публикации: 20.03.2026.
9. Шелтрекова, Я. В. Мультимедийные технологии как выразительное средство в создании сценического пространства в драматическом спектакле / Я. В. Шелтрекова, В. Л Прокопов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2021. — № 56. — С. 140–149.

О. Ю. Харькова, Н. В. Долдо

**ЗРИТЕЛЬ КАК СОАВТОР: ОПЫТ ПАРТИСИПАТОРНЫХ
ПРОЕКТОВ В ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ УРАЛА**

В современной художественной системе фигура зрителя перестает отождествляться с пассивным наблюдением, а статус художника как единственного автора утрачивает безусловность. Публика включается в структуру произведения, модифицирует его и привносит новые смыслы. Для обозначения этого явления используется термин «партисипация» (от англ. participation — сопричастность, соучастие), фиксирующий совместное действие и включенность в процесс.

Актуальность партисипаторных практик в современном художественном пространстве обусловлена тремя факторами: трансформацией социальной структуры, усилением запроса на диалог и изменением статуса искусства в обществе. Социологические исследования последних лет фиксируют снижение межличностного доверия в России. По данным ВЦИОМ (2025), доверие перестает быть универсальной нормой, ослабевающая в реальных связях [3]. Эксперты ФОМ также отмечают рост социальной изоляции [6]. В этих условиях партисипаторное искусство предлагает модель для выстраивания новых социальных контактов, превращая художественную практику в лабораторию взаимодействия. Публикация НИУ ВШЭ (2024) рассматривает такие проекты как инструмент вовлечения публики, позволяющий преодолевать культурные и психологические барьеры [8]. Такие вовлекающие художественные практики способны укреплять связи внутри сообществ и выступать механизмом социальной интеграции.

Кроме того, сама логика развития современной художественной культуры в России привела к формированию устойчивого запроса на соучастие: трансформация музейной деятельности, появление грантовых механизмов поддержки проектов в сфере креативных индустрий и активное развитие

региональных художественных инициатив — всё это создало благоприятную среду для роста популярности партисипаторных проектов.

Ключевой точкой отсчета перехода от созерцания к соучастию считается конец 1950-х гг. — практика хэппенингов Аллана Капроу. Он создавал инсценированные среды, где участники следовали правилам и вступали в контакт с объектами, смешанными с художественными жестами. Капроу, развивая идеи Дж. Кейджа, использовал «управляемую случайность»: внешне контролируя рамки поведения, он провоцировал непредсказуемую реакцию зрителя. Им была сформулирована базовая модель партисипаторного искусства: автор создает систему правил, а произведение возникает в момент присутствия и действия зрителя [11].

Систематическое теоретическое осмысление этого феномена началось несколько позже. Французский куратор Николя Буррио в работе «Реляционная эстетика» (1998) проанализировал художественные практики 1990 гг., где материалом служили человеческие взаимоотношения. Он предложил способы экспонирования и отбора таких произведений. По Буррио, реляционное искусство обращается к сфере социального взаимодействия, смещая акцент на опыт межличностных связей. В конце XX в. возникла потребность сохранить практики общения, которые постепенно исчезали из повседневности. Альтернативное прочтение искусства участия предложила британский искусствовед и куратор Клэр Бишоп, которая ввела термин «партисипаторное искусство». Анализируя тенденции конца XX — начала XXI в., она вывела на первый план коллективное и коммуникативное творчество, получившее институциональное признание.

Отечественный опыт партисипаторного искусства прошел несколько этапов, эволюционируя от радикального уличного протеста к осмысленному диалогу [13].

Начавшись в 1990-е, с распадом советской системы, как радикальный уличный акционизм (акции группы «ЭТИ», перфор-

манс Олега Кулика «Бешеный пес»), оно уже тогда вовлекало зрителя в острый социальный диалог. С институционализацией 2000-х фокус внимания сместился в музейное пространство, где возник запрос на более тонкие формы соавторства: искусство по инструкции в красноярском музейном центре «Площадь Мира» где зритель достраивает произведение по заданному алгоритму, а проект «do it Москва. Пред-пост-история» (Музей «Гараж», 2014) закрепил модель соучастия на федеральном уровне [9]. В 2010-е к музейным практикам добавились инициативы на стыке активизма и городской среды (движение «Партизанинг»), расширившее поле партисипаторных практик за пределы институциональных пространств [7]. Таким образом, российская траектория показала, что ценность соучастия не сводится к формату — она в переосмыслении отношений художника и аудитории, где каждый следующий шаг расширяет пространство общего смысла и социального доверия.

Именно эту логику в последние годы воплощают уральские партисипаторные проекты. В частности, Уральская индустриальная биеннале современного искусства, которая начиная с 2021 г. включила соучастие в число ключевых принципов арт-резиденций: от глубинных интервью до физического участия в производстве объектов.

1. «Взрыв» (г. Сатка, Челябинская область) [4]: в рамках Третьей биеннале (2015), проходившей под концепцией «Мобилизация», итальянский художник Джакомо Мандич создал скульптурную композицию из металла и местных пород. Ключевым партисипаторным актом стала церемония открытия: первыми красками на монумент выплеснули министр культуры Челябинской области Алексей Бетехтин, глава Саткинского района Александр Глазков и сам автор, после чего к процессу присоединились все желающие горожане, включая детей. В течение получаса монохромная скульптура превратилась в полихромный объект.

2. «Уральский многолог» (г. Екатеринбург): в 2024 г. в рамках празднования Дня народов Среднего Урала был реализован

проект, итогом которого стал арт-объект — стол с лавками длиной более трех метров. (администрация, платформа «Без центра», художница Галина Белова). В ходе мастер-класса, проведенного еще в 2024 г., участники расписали около 250 глиняных табличек, оставив на них пожелания на родных языках. Таблички высушили, обожгли и покрыли глазурью, после чего вмонтировали их в поверхность стола. Итогом стала работа, отражающая многонациональный состав уральской столицы и служащая местом общественной коммуникации.

3. «Сосуд тепла» (п. Рефтинский, Свердловская область) [10]: в 2025 г. появился арт-объект художницы и архитектора Ольги Рокаль — прозрачная ротонда, напоминающая распустившийся цветок и светящаяся по вечерам. Главное содержание объекта — истории рефтинцев, которые звучат внутри — о первых впечатлениях от поселка и забавных эпизодах из жизни. Коллекция насчитывает более двадцати историй и пополняется каждым желающим.

4. «Печать идет три года» (г. Челябинск) [2]: в июне 2025 г. в пространстве старой водонапорной башни в Тракторозаводском районе Челябинска состоялся проект художника Сергея Ноусошиала. Ключевым событием выставки стал перформанс, в рамках которого гостям предложили собрать коллаж из фрагментов исходных работ автора, что можно рассмотреть как модель прямого соавторства, где зритель достраивает готовый объект, становясь соучастником акта творения.

5. «Искусство путешествий» (Свердловский областной краеведческий музей, г. Екатеринбург): В 2013–2014 гг. Свердловский областной краеведческий музей реализовал проект «Искусство путешествий». Итогом проекта стала выставка, созданная в русле человеко-центрированного подхода. Проект предусматривал многоуровневое вовлечение аудитории: участие сообщества в разработке концепции выставки; сбор личных ассоциаций; добавление посетителями собственных экспонатов и историй; участие зрителей в написании этикеток и экспликаций; создание отдельных экспозиционных комплек-

сов; тестирование интерактивных зон и т. д. На выставке было организовано 16 точек участия (голосование, ответы на вопросы, мнения). Каталог выставки был создан в формате 2.0, предполагающем дальнейшее наполнение контентом [5].

6. «Стена благодарности» (г. Екатеринбург) [12]: в 2025 г. команда фестиваля уличного искусства «Стенография» подготовила проект «Стена благодарности» к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для создания объекта команда фестиваля собирала семейные истории жителей Екатеринбурга, архивные фотографии и значимые предметы — письма с фронта, награды, снимки. Жители города привлекались к созданию арт-объекта вместе с профессиональными художниками. Собранные личные истории служили основой для разработки эскиза, а часть историй становилась непосредственной частью композиции.

Обобщая рассмотренные проекты, можно увидеть переопределение традиционных ролей. Художник — не единственный создатель, а инициатор процесса. Зритель выходит из пассивной позиции и становится соавтором, чьи действия влияют на итоговое произведение. Произведение перестает быть устойчивым материальным объектом и актуализируется как ситуация диалога, совместного действия и коллективного переживания [1, с. 10]. Ценность художественного высказывания определяется не столько визуальными качествами, сколько способностью генерировать новые социальные связи, восстанавливать доверие и формировать общие смыслы. Таким образом, партисипаторные практики выступают не только как эстетический феномен, но и как инструмент социальной интеграции и укрепления культурной идентичности.

Список литературы

1. Абашева М.П. Современное партиципаторное искусство: теория и практика / М. П. Абашева, А. А. Чернецкая // Культурный код. — 2025. — № 4. — С. 9–24.
2. В старой «Башне» на ЧТЗ на один день открыли выставку современного искусства // 1obl.ru: [сайт]. — URL: <https://www.1obl.ru/news/kultura/v-staroy-bashne-na-chtz-na-odin-den-otkryli-vystavku-sovremennogo-iskusstva/>. — Дата публикации: 16.06.2025.

3. Доверие: мониторинг // ВЦИОМ. — 2025. — 9 сент. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-monitoring> (дата обращения: 11.04.2026).
4. Итальянский художник подарил Сатке арт-объект «Взрыв» // Аргументы и факты — Челябинск. — URL: https://chel.aif.ru/culture/art/italyanskiy_hudozhnik_podaril_satke_art-obekt_vzryv. — Дата публикации: 18.09.2025.
5. Каменский, С. Ю. Партиципативный музей: практики проектирования и исследования / С. Ю. Каменский, Е. А. Шуклина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2015. — № 3 (36). — С. 154–165.
6. Межличностное доверие // ФОМ. — 2023. — 08 августа. — URL: <https://fom.ru/TSennosti/14905> (дата обращения: 10.04.2026).
7. Московский акционизм 1990–2000 как реакция на политические события в стране. — URL: <https://hsedesign.ru/project/moskovskij-akcionizm-1990-2000-kak-reakci-ee6c2e8911a74c709e1bc896a20f2c49> (дата обращения: 17.04.2026).
8. Москалишина, М. В. Социологический анализ партиципаторных практик культурно-образовательной деятельности в современном художественном музее : выпускная квалификационная работа / М. В. Москалишина / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — Москва, 2024. — URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/928677140> (дата обращения: 11.04.2026). — Текст : электронный.
9. Проект do it Москва. Пред-пост-история : каталог / Музей современного искусства «Гараж». — Москва, 2014. — URL: <https://garagemca.org/en/programs/publishing/do-it-moscow-pre-post-factum-russian-english> (дата обращения: 15.04.2026).
10. Рокаль, О. Сосуд тепла / О. Рокаль // archi.ru. — 2025. — 25 нояб. — URL: <https://archi.ru/russia/101554/sosud-tepla> (дата обращения: 15.04.2026).
11. Станиславская, Е. И. Хэппенинг как действенно-зрелищная форма искусства XX в. / Е. И. Станиславская // Актуальные проблемы теории и истории искусства. — 2011. — № 1. — С. 387–394.
12. Стенография готовит «Стену благодарности» // Областная газета. — URL: <https://oblgazeta.ru/culture-and-sports/art-culture-and-sports/2025/06/103044/>. — Дата публикации: 18.06.2025.
13. Lerner A. Artful dodgers: urban interventionists Partizaning are taking back the streets // New East Digital Archive. — URL: <https://www.new-east-archive.org/articles/show/433/partizaning-street-art-protest>. — Date of publication: 19.02.2013 (дата обращения: 20.04.2026).

А. В. Густоварова, О. Е. Кутепова

**СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ
АНИМАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОВЗ**

Анимационная программа представляет собой комплекс мероприятий, включающий игры, театрализованные представления, мастер-классы и интерактивные активности, направленные на создание увлекательной и развивающей среды для участников.

Такие программы могут быть адаптированы для различных категорий детей, включая детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Анимационные программы играют значимую роль в процессе социализации, развития и адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья. Они способствуют развитию коммуникативных навыков, эмоциональному благополучию и интеграции в общество. Однако организация подобных мероприятий требует учета множества факторов, таких как особенности восприятия, когнитивные способности, физические ограничения и индивидуальные потребности детей [1].

Организация анимационных мероприятий для детей с ОВЗ должна основываться на индивидуальном подходе, создании безопасной и комфортной среды, интерактивности и психологической поддержке. Важно использовать несколько форматов активности, чтобы обеспечить участие детей с разными ограничениями. В ходе подготовки необходимо учитывать возрастные и психофизические особенности детей, а также их уровень социализации и предпочтения. Программы должны принимать во внимание степень самостоятельности участников. В частности, для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата важно предусмотреть удобные условия передвижения, специальные приспособления и помощь ассистентов. Для детей с расстройствами аутистического спектра необходимо минимизировать резкие звуковые и световые эффекты, создавать четкую структуру мероприятия и использовать визуальные подсказки.

Анимационные программы могут развивать социальные навыки, такие как сотрудничество, доверие, терпимость и эмпатию. Это важный элемент социализации детей, особенно для тех, кто сталкивается с трудностями в общении. Театрализованные представления, в которых участвуют дети, помогают развивать чувство ответственности и умение работать в коллективе, а также формируют положительное восприятие себя и своих возможностей.

Необходимость создания инклюзивных программ, доступных для детей с различными ограничениями, становится все более актуальной. Инклюзивность подразумевает, что каждый ребенок, независимо от своих особенностей, должен иметь возможность участвовать в мероприятиях наравне с другими. Для этого важно учитывать, что даже небольшие изменения в организации пространства, подходах или формах активности могут сделать программу доступной для детей с ограниченными возможностями. К примеру, в случае детей с нарушениями слуха или зрения, важным является использование мультимедийных средств для усиления восприятия. Включение жестового языка и адаптированных визуальных подсказок на всех этапах мероприятия способствует большему вовлечению детей и их полноценному участию [5].

Нужно подчеркнуть важность анимационных программ для развития моторики и координации движений у детей с ОВЗ. Адаптированные физические занятия и спортивные игры оказывают воздействие на улучшение общей физической выносливости и моторной координации. Программы, включающие игры с мягкими предметами, такие как бросание мячей, ловля или передача предметов, не только развивают физические навыки, но и создают атмосферу игры и радости. Программы для детей с нарушениями моторики и опорно-двигательного аппарата могут включать в себя специальные упражнения, направленные на улучшение гибкости и силы, а также активные формы отдыха и релаксации.

Для успешной реализации анимационных программ необходимо интегрировать психологическое сопровождение детей

с ОВЗ. Психологическая поддержка включает в себя работу с эмоциями детей, их адаптацией к изменениям и поддержание мотивации для участия в мероприятиях. Особенно важным является вовлечение психологов и дефектологов, которые могут работать с детьми, переживающими стресс или тревогу в новых условиях, а также с детьми, имеющими особенности в восприятии и поведении. Поддержка таких специалистов помогает создавать более гармоничную среду для детей и предотвращать стрессовые реакции, связанные с изменением привычной обстановки [4].

Каждый тип расстройства (например, аутизм, ДЦП, нарушения слуха или зрения) требует специфической адаптации анимационной программы [3]. Для детей с аутистическим спектром важно предлагать занятия с четкой структурой и предсказуемыми действиями. Занятия с минимальной сенсорной нагрузкой, такие как занятия с мягкими текстурами или использование успокаивающей музыки, способствуют лучшему восприятию и участию в программе. Важно создавать пространство, где дети смогут чувствовать себя безопасно и комфортно, что особенно актуально для детей с гиперчувствительностью к внешним раздражителям.

С учетом вышеперечисленных факторов и на основании анализа существующих практик, был разработан собственный проект анимационной программы, ориентированной на обучение и поддержку детей с аутизмом представленный в таблице.

Структура программы «Путешествие в Волшебный лес»

Этап программы	Описание действий	Материалы и реквизит
1. Приветствие (5 мин)	Два аниматора (эльфы) приветствуют детей, представляют себя, показывают визуальное расписание, индивидуальное приветствие каждого ребенка (по имени)	Костюмы эльфов, карточки расписания
2. Знакомство с Волшебным лесом (10 мин)	Рассказ о лесных обитателях, показ картинок, просмотр анимационного ролика, знакомство с мягкими игрушками	Картинки, мягкие игрушки, анимационный ролик

Этап программы	Описание действий	Материалы и реквизит
3. Полянка чудес (15 мин)	Сенсорная игра с песком, крупой, водой, листьями; игра с разноцветными лентами под музыку	Сенсорные материалы, разноцветные ленты, музыка
4. Пещера загадок (10 мин)	Просмотр ролика о звездах, слушание звуков леса, игра с фонариками.	Проектор/планшет, ароматические масла, фонарики
5. Музыкальная полянка (15 мин)	Игра на музыкальных инструментах, просмотр ролика с танцующими зверюшками, повторение движений (хлопки, притопы)	Бубен, колокольчик, ксилофон, музыкальный ролик
6. Прощание (5 мин)	Благодарность за участие, раздача маленьких подарков, визуальное прощание карточкой «До свидания»	Наклейки, карточки

Представленная в таблице структура программы «Путешествие в Волшебный лес» позволяет наглядно увидеть, как сочетание анимационных материалов, сенсорных стимулов и взаимодействия с ведущим обеспечивает комплексный подход к развитию детей с расстройствами аутистического спектра. Анализ ключевых этапов и элементов программы подтверждает ее практическую значимость и эффективность в работе с данной категорией детей.

На основе проведенной разработки можно сделать следующие выводы, что программа «Путешествие в Волшебный лес» представляет собой эффективный инструмент для сопровождения и развития детей с расстройствами аутистического спектра. Благодаря использованию анимационных роликов, сенсорных материалов, музыкального сопровождения и четкой структуры занятий, удастся создать безопасную, предсказуемую и эмоционально комфортную среду для ребенка.

Организация анимационных мероприятий не должна ограничиваться только участием детей. Важным аспектом является также работа с их семьями. Для родителей и близких детей с ОВЗ важно получить поддержку и рекомендации по взаимодействию с детьми в условиях анимационных мероприятий. Семьи могут стать активными партнерами в процессе социа-

лизации детей, участвуя в программах и предлагая советы по лучшим методам работы с детьми.

Цифровые технологии открывают новые возможности для работы с детьми с ОВЗ. Виртуальная реальность (VR), дополненная реальность (AR) и специализированные приложения для обучения и развития способны предоставить уникальные возможности для детей, не имеющих доступа к традиционным физическим активностям. К слову, программы VR могут погружать детей в безопасные, контролируемые среды, где они могут взаимодействовать с объектами и персонажами, что помогает развивать моторные навыки, улучшать восприятие и уверенность в себе. Такие технологии открывают новые горизонты для инклюзивного образования и помогают детям с различными потребностями чувствовать себя наравне с другими детьми [2].

Анимационные программы для детей с ограниченными возможностями здоровья становятся важным инструментом их социализации и адаптации. Профессионально подготовленные и адаптированные мероприятия могут стать источником радости, развития и уверенности для детей, а также положительно влиять на их взаимодействие с окружающим миром. Для успешной реализации таких программ необходимо учитывать индивидуальные потребности детей, интегрировать различные виды активности и задействовать специалистов. В будущем развитие цифровых технологий и инклюзивных подходов будет способствовать расширению доступа к этим программам, делая их еще более доступными и эффективными для детей с ОВЗ.

Список литературы

1. Баркалова, Т. В. Специфика инновационных форм анимационных технологий в организации детского досуга / Т. В. Баркалова, А. В. Дмитриева // Вестник Краснодарского государственного института культуры. — 2018. — № 1 (14).
2. Коняева, Н. П. Воспитание детей с нарушениями интеллектуального развития : учеб. пособие для студентов вузов / Н. П. Коняева, Т. С. Никандрова. — Москва : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2014. — 199 с.
3. Максимова, С. В. Методическое пособие по применению мульти-терапии для детей с нарушениями речи / С. В. Максимова — Москва, 2011. — 217 с.

4. Писарева, Л. Ю. Система работы по развитию общих речевых навыков у детей 5–7 лет. / Л. Ю. Писарева. — Санкт-Петербург : Детство-пресс, 2016. — 112 с.
5. Рудик, О. С. Как помочь аутичному ребенку: метод. пособие: книга для родителей / О. С. Рудик — Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2017. — 207 с.

УДК 378.146

Е. В. Семенова

**ОЦЕНКА УЧЕБНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ВУЗЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Результатом функционирования образовательной системы всегда являлся уровень готовности выпускников к реализации профессиональной деятельности. В этой связи, сложно переоценить значимость процедур оценки текущих и итоговых учебных результатов обучающихся. В соответствии с ФГОС, такая оценка строится на уровне освоения компетенций. И именно здесь в настоящий момент инструментарий максимально обработан, структурирован, обоснован.

Базовым обоснованием формирования оценочных систем во многих случаях является таксономия Б. Блума [2; 4; 6; 7]. Это качественный фундамент в ситуации, если существует единственно верное решение, эталонный алгоритм, фундаментальные законы и закономерности, не могущие изменяться под воздействием новых научных открытий. Это своего рода «рамка ответов», применяемая при проверках тестов.

Однако сегодня доступность информации может привести к обратной ситуации: «верный» ответ может быть опровергнут или существенно откорректирован актуальными научными достижениями.

Запоминание, требующее воспроизведения терминологии науки является оценкой функции памяти (и требует существенного временного ресурса для фиксации определений, предложенных педагогом). Последние же зачастую крайне редко попадают в долговременную память.

Понимание сводится к узнаванию изученного (и часто в довольно простых (легко узнаваемых) кейсах).

Применение диагностируется простейшими задачами с базовым алгоритмом. Очевидно, безкорректировочность задачи приводит к выученной беспомощности. А в социально-культурной сфере такое решение может иметь даже прямо противоположный результат.

Анализ читается таковым при выделении элементов; внимание к связям уделяется в существенно меньшей мере.

Оценка принимается за таковую, если обучающийся смог транслировать логику, озвученную педагогом (или то, что педагог, по его мнению, посчитает таковым).

Создание иногда сводится просто к формальному наличию структурированного по требованиям текста, и в последние годы это все чаще становится результатом промтов, выполненных обучающимися.

В целом, сегодня концепция «обладать информацией» содержит смысл быстрого поиска качественной актуальной информации, а не энциклопедических знаний. Последнее наиболее остро проявляется в требованиях к реализуемому педагогом контенту. И далеко не факт, что обновленное накануне преподавателем содержание будет актуальным на следующий день.

Это объясняется невероятной скоростью обновления и приращения научной информации и ее доступностью, требующей изменения подходов к оценке. Этой позиции придерживается целый ряд ученых как в России, так и за рубежом, предлагая альтернативные методологии [8].

Так, Р. Марцано выделяет три системы мышления, включая в объекты оценивания когнитивную четырехуровневую, метакогнитивную и селф-системы [8]. По сути, автор предлагает оценивать изменение самооценки мотивации изучения дисциплины как высший уровень освоения компетенций (см. табл. 1).

В. П. Беспалько [3] предложил оценку по характеру реализуемых действий (табл. 2).

Таблица 1

Уровни оценивания знаний (по Р. Марцано)

Уровень	Система мышления	Процессы
6. Самоопределение	Селф-система	Устанавливает цели, определяет значимость знаний, отношение к ним и мотивацию
5. Метакогнитивный	Метакогнитивная	Формулирует цели, мониторит их достижения, контролирует мышление
4. Анализ	Когнитивная	Генерирует выводы, ищет сходства/различия, классифицирует, выявляет ошибки, обосновывает структуру
3. Обобщение (осмысление)	Когнитивная	Определяет основные идеи, иллюстрирует знания (схемы, модели)
2. Понимание	Когнитивная	Интегрирует и структурирует информацию
1. Извлечение	Когнитивная	Узнает и воспроизводит информацию без изменения ее смысла

Таблица 2

Уровни усвоения

Тип деятельности	репродуктивная		продуктивная	
Метод деятельности	распознавание	воспроизведение	эвристика	творчество
Название уровня	ученический	исполнительный	экспертный	творческий
Название теста	узнавание, различение, классификация	запоминание, типовая задача	ситуация, проект	проблема, исследование

Другой альтернативой является таксономия SOLO, разработанная Д. Биггсом и К. Коллинсом [1].

Можно предположить, что в сверхдоступной информационной среде предструктурный уровень, на котором полностью отсутствуют знания студентов, встречается крайне редко.

Одноструктурный формируется при фрагментарном посещении педагога-транслятора.

Многоструктурный вектор освоения дисциплинарных знаний определяется отсутствием в контенте межтематических связей.

На реляционном уровне возможно формирование целостной картины дисциплинарных основа; но при условии агентности студентов, их присвоении знаний, усилий. В противном случае, это будет прохождение материала в прямом смысле слова.

Условно-абстрактный уровень позволяет видеть аналогии, корректировать и реализовывать алгоритмы в новых условиях.

Добавим к сказанному еще пару соображений.

Во-первых, процедура оценивания в связи с процессностью решения проблем не может быть точечным событием; даже периодические оценочные действия не могут дать полной картины освоенности компетенции. Целесообразнее реализовывать оценивание в течение всего процесса изучения учебной дисциплины.

Во-вторых, в связи с упоминавшимся ранее переходом от обладания информации к ее поиску и обработке, целесообразно в образовательном процессе подготовки будущих специалистов оценивать компетенции через призму цифровой способности решения профессиональных задач [5].

Это приводит к необходимости формирования подхода к оцениванию компетенций, учитывающего будущие профессиональные задачи и условия их протекания.

Вместе с тем, сфера культуры является не только критически важной отраслью народного хозяйства, но и подверженной болезни Баумоля (болезнь издержек). Другими словами, производительность труда при создании культурного продукта не может существенно расти, в то время, как издержки растут совпадающими с другими отраслями темпами. И именно сейчас появилась возможность снизить стандартный объем затрат путем внедрения IT-технологий (в том числе искусственного интеллекта).

Следовательно, и освоение компетенций для будущей профессиональной деятельности должно быть связано с эффективным использованием информационных технологий и искусственного интеллекта в практике отрасли.

Компетенции должны быть оцениваемы не точечно, а в процессе освоения дисциплины. Тогда оценочная шкала может содержать показатели:

- междисциплинарности как характеристика анализа на релатиционном уровне;
- цифровизации процессов и результата;
- глубины освоения как характеристике обратной связи через самодиагностику зоны незнания / желаемого знания;
- применения аналогии в решении практикоориентированных кейсов.

Само собой, это требует от педагога полного аудита своего диагностического инструментария и его реинжиниринга. Это трудозатратно. И предъявляет к педагогу требования обладания условно-абстрактным уровнем владения каждой темой учебного курса.

Список литературы

1. Анализ аудиторного преподавания на основе таксономии SOLO / Фань Хуйминь, Сунь Юй, Ма Хун, Чан Вэньшо // Педагогическое образование в России. — 2025. — № 4. — С. 109–117.
2. Беркен, Ж. К. Таксономия Блума как инструмент формирования когнитивных компетенций в высшем образовании: методология и практическое применение / Ж. К. Беркен, А. С. Хамитова, О. В. Пономаренко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2025. — № 3 (48). — С. 143–147.
3. Беспалько, В. П. Природосообразная педагогика = Nature conformably pedagogy : лекции по нетрадиционной педагогике / В. П. Беспалько. – Москва : Народное образование, 2008. – 512 с.
4. Ефремова, Н. Ф. Персонализация образовательной деятельности и оценки достижений обучающихся / Н. Ф. Ефремова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2024. — № 3 (март). — С. 29–42. — URL: <http://e-koncept.ru/2024/241030.htm>
5. Пак, Н. И. Таксономия учебных целей с позиций ментального подхода / Н. И. Пак // Открытое образование. — 2025. — Т 9, № 4. — С. 46–53.
6. Anderson, L. W., & Krathwohl, D. R. (Eds.). Taxonomy for Learning, Teaching, and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives (Abridged Edition). — New York: Longman, 2001. — 273 p.
7. Bloom, B. S. (Ed.). Taxonomy of Educational Objectives: The Classification of Educational Goals. Handbook I: Cognitive Domain / B. S. Bloom (ed.) with collaborators. — New York: David McKay Company, 1956. — 207 p.
8. Marzano, R. J. The New Taxonomy of Educational Objectives / R. J. Marzano, J. S. Kendall. — 2nd ed. — Thousand Oaks, CA : Corwin Press, 2007. — 194 p.

К. В. Уварова

Науч. рук.: Е. В. Семенова

ОБРАЗ РЕБЕНКА И СЕМЬИ В ЮЖНОУРАЛЬСКИХ СМИ И РЕКЛАМЕ

Средства массовой информации являются одним из ключевых институтов формирования ценностных ориентаций современного общества. В условиях активной государственной политики в сфере укрепления традиционных ценностей роль региональных СМИ в репрезентации образа семьи и детства приобретает особую значимость.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, 2024 г. был объявлен в России Годом семьи, что повлекло за собой резкое увеличение количества материалов семейной тематики в отечественных СМИ и рекламе [6]. Во-вторых, Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» закрепил «крепкую семью» в числе базовых государственных приоритетов [11], что непосредственно влияет на медиаповестку на всех уровнях.

Методологической основой исследования служит концепция медиаобраза, который носит нормативный характер и формирует устойчивые стереотипы демографического поведения. На государственном уровне это реализуется через комплексную стратегию повышения ценности семейного образа жизни. Это подтверждается практикой регионального медиафестиваля «Южный Урал. Родные» (2024), центральной темой которого стало обсуждение роли медиа в продвижении семейных ценностей в Год семьи [3].

Анализ публикаций ведущих южноуральских медиаплатформ — новостного портала «1obl.ru», телеканала «ОТВ», портала Gubernia74.ru, информационного агентства «Урал-пресс-

информ» — свидетельствует о доминировании в региональном медиапространстве образа нуклеарной семьи, состоящей из родителей и одного-двух детей. Данная тенденция согласуется с общероссийскими паттернами: по данным исследования агентства ОМА, нуклеарные семьи (родители и 1–2 ребенка) присутствуют в 79 % рекламных сюжетов с семейной тематикой [6].

В региональных новостных текстах семья наиболее часто фигурирует в контекстах государственной поддержки (выплаты регионального материнского капитала, реабилитация детей-инвалидов). Социально-экономический дискурс при этом доминирует над аксиологическим.

Параллельно с образом нуклеарной малодетной семьи в южноуральских СМИ активно конструируется образ многодетной семьи, что вписывается в государственный запрос на демографическую повестку. Характерен в этом отношении ролик «Южный Урал — край миллиона счастливых семей», в 2023 г. занявший первое место на XII Международном фестивале-конкурсе социальной рекламы «Выбери жизнь» [7]. Апелляция к многодетности воспринимается как региональный бренд — символическая идентификация Южного Урала с традиционными семейными ценностями.

Телеканал «Вести. Южный Урал» неоднократно обращается к образу многодетных приемных семей [2]. Подобные материалы формируют образец «настоящей» семьи, реализующей как биологическую, так и социальную функцию воспроизводства: принятие детей-сирот осмысляется как высшая форма родительства.

Образ ребенка в южноуральских СМИ конструируется преимущественно в трех тематических рамках:

- защитная: публикации о правах детей, детях-сиротах, безопасности несовершеннолетних [5];
- достиженческая: освещение успехов юных южноуральцев в науке, спорте, культуре;
- гражданско-воспитательная: материалы об участии детей в памятных мероприятиях, патриотических акциях.

Ребенок крайне редко появляется как самостоятельный субъект медийного нарратива — он включен либо в семейный контекст, либо в контекст государственной политики.

Южноуральская социальная реклама последовательно реализует общефедеральный тренд на выдвижение семьи как высшей социальной ценности. В рекламных текстах прослеживается несколько устойчивых тематических групп, выделенных Н. О. Автаевой применительно к российской социальной рекламе в целом: ценность семьи как социального института, устройство детей-сирот в семью, родительство и детство [1, с. 65].

Особую роль в формировании регионального рекламного дискурса о семье сыграл медиафестиваль «Южный Урал. Россия без сирот!», трижды проводившийся в Челябинской области по инициативе Уполномоченного по правам ребенка. Миссия фестиваля — «способствовать формированию в общественном сознании ценности семьи, дать стимул благотворительной деятельности, направленной на укрепление семейных ценностей» [12]. В рамках фестиваля создавались социальные ролики, направленные против стереотипов усыновления и социального сиротства.

В южноуральской наружной рекламе и видеороликах образ счастливой семьи конструируется по типовой матрице: пространство домашнего уюта, тактильная близость родителей и детей, позитивный эмоциональный фон. Проблематизирующий формат (реклама против насилия, алкоголизма) встречается значительно реже и, как правило, транслируется институциональными субъектами — органами социальной защиты, некоммерческими организациями.

В коммерческой рекламе, размещаемой на южноуральских медиаплатформах, образ ребенка выполняет прежде всего инструментальную функцию — он служит маркером эмоциональной привлекательности продукта или услуги. По данным агентства ОМА, в 2024 г. 63 % рекламных роликов с детьми изображают детей младшего школьного возраста (7–10 лет), а 39 % — дошкольников: такой возраст максимально активизирует родительские эмоции аудитории [6].

В региональном рекламном пространстве ребенок сопрягается с категориями безопасности, заботы, инвестиций в будущее. При этом коммерческая реклама, апеллирующая к многодетности, остается редкостью: доминирует образ одного-двух детей, вписанный в эстетику среднего класса.

Региональное цифровое пространство Южного Урала, представленное социальными сетями и Telegram-каналами медиаорганизаций, воспроизводит образ семьи в динамике, отличающейся от традиционных медиа. Исследование Н. А. Рябченко и коллег, проведенное на материале сообществ ВКонтакте за 2021–2024 гг., фиксирует эволюцию: от акцента на традиционных семейных ценностях (2021) через тематику эмоциональной поддержки (2022) к прагматическому дискурсу организации досуга и образования детей (2024) [9]. Данная динамика прослеживается и в южноуральском сегменте цифровых медиа: официальные аккаунты региональных СМИ активно публикуют ситуативный контент о семейных конкурсах и льготах, тогда как ценностное измерение семьи остается преимущественно формальным.

Ключевой особенностью южноуральских СМИ является выраженная зависимость семейной повестки от институциональных источников — государственных органов, социальных служб, официальных конкурсов.

Региональный новостной портал 1obl.ru транслирует образ семьи преимущественно в контексте социальной политики губернатора и профильных министерств. В. В. Тучкова справедливо констатирует, что «СМИ всё больше оказывают влияние на социальное, культурное развитие личности, так же как на процесс социализации, преемственности духовных ценностей и традиций» [10, с. 159]; однако вопрос о качестве и глубине этого влияния остается открытым.

Медиафестиваль «Южный Урал. Родные» (2024) наглядно демонстрирует стратегию региональной власти: ключевые дискуссии о роли СМИ в продвижении семейных ценностей, влиянии информационного пространства на демографию были

встроены в официальную рамку Года семьи [3]. Такой подход закрепляет за медиа прежде всего пропагандистскую, а не аналитическую функцию в семейной тематике.

Исследования показывают, что российские СМИ, в том числе региональные, транслируют образ семьи в устойчивых стереотипных форматах, зачастую далеких от реального разнообразия семейных практик. Е. В. Каргаполова, С. Датунашвили и В. Д. Еремеева в контент-анализе «Российской газеты» установили, что то, что российские СМИ транслируют образ семьи в устойчивых стереотипных форматах, делая ее пассивным «объектом» новостного дискурса (культурно-досуговая деятельность, соцобеспечение). Традиционные ценности используются как ресурс конструирования идентичности, и южноуральские медиа заимствуют эту логику: «традиционная» семья предстает символом регионального патриотизма [4].

Т. Б. Рябова и Д. О. Рябов обращают внимание на то, что в современных российских СМИ «традиционные (прежде всего семейные и религиозные) ценности» используются как ресурс конструирования национальной идентичности [8, с. 17], что обуславливает упрощение и идеологизацию образа семьи в медийном пространстве. Для Южного Урала характерно заимствование данной логики на региональном уровне: «традиционная» южноуральская семья предстает символом регионального патриотизма.

Существенным дефектом южноуральского медиадискурса о семье является слабая представленность проблемного взгляда. Темы семейного насилия, конфликтного родительства, дисфункциональных семей остаются в тени — они, как правило, появляются лишь в связи с резонансными происшествиями. Между тем именно проблематизирующий формат социальной рекламы, по оценке Н. О. Автаевой, наиболее эффективно воздействует на поведенческие установки аудитории [1, с. 71]: апелляция к реальным трудностям вызывает более сильный эмоциональный отклик, чем идеализированные образы.

Исследование цифрового пространства фиксирует, что в 2024 г. 28 % российских рекламных роликов демонстрируют

семейные конфликты, разрешаемые через коммуникацию, тогда как в 2023 г. эта доля составляла лишь 21 % [6]. Это свидетельствует о нарастающем запросе на аутентичность в медиарепрезентации семьи, однако южноуральские СМИ по-прежнему тяготеют к идеализирующему нарративу.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов об особенностях репрезентации образа ребенка и семьи в южноуральских СМИ и рекламе.

Во-первых, доминирующей моделью является образ нуклеарной семьи среднего класса с одним-двумя детьми; параллельно в рамках государственного демографического запроса активно продвигается образ многодетной семьи как регионального идеала.

Во-вторых, ребенок в южноуральском медиaprостранстве предстает прежде всего объектом заботы — государственной или родительской, — но крайне редко выступает самостоятельным субъектом нарратива с собственным голосом и перспективой.

В-третьих, южноуральские СМИ и реклама воспроизводят типовые образные паттерны без существенной региональной специфики, что свидетельствует о слабо выраженной идентичности локального медиадискурса о семье.

Список литературы

1. Автаева, Н. О. Семейные ценности в рекламном дискурсе телевидения и интернета / Н. О. Автаева // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2022. — № 4. — С. 65–72.
2. Вести. Южный Урал. Воспитывают десятерых: названа «Семья года» // Smotrim.ru. — URL: <https://smotrim.ru/video/2439371> (дата обращения: 05.04.2026).
3. XXV Медиафест Челябинской области «Южный Урал. Родные» // Gubernia74.ru. — URL: <https://gubernia74.ru/stories/1124977/> (дата обращения: 05.04.2026).
4. Каргаполова, Е. В. Отражение семейных ценностей в современных российских СМИ / Е. В. Каргаполова, С. Датунашвили, В. Д. Еремеева // Философия и культура. — 2020. — С. 1–6.
5. На Южном Урале сироты, защищавшие Россию, получают жилье в приоритетном порядке / М. Хлызов // Gubernia74.ru. — URL: <https://gubernia74.ru/articles/news/1139546/>. — Дата публикации: 26.03.2026.

6. Образ семьи в российской рекламе: что изменилось в 2023–2024 годах : аналитика агентства ОМА. — URL: <https://news.rambler.ru/love/54121443-obraz-semi-v-rossiyskoy-reklame-chto-izmenilos-v-2023-2024-godah/> (дата обращения: 05.04.2026).
7. Ролик про счастливые семьи Южного Урала победил на международном фестивале социальной рекламы // Уральская панорама. — 2023. — URL: <https://up74.ru/articles/news/141889/>. — Дата публикации: 09.07.2022.
8. Рябова, Т. Б. Семейные и религиозные ценности как ресурс «мягкой силы» России: дискуссии в современных российских и западных СМИ / Т. Б. Рябова, Д. О. Рябов // Женщина в российском обществе. — 2017. — № 3 (84). — С. 17–32.
9. Рябченко, Н. А. Репрезентации образа российской семьи в цифровом пространстве (на материалах анализа родительских сообществ ВКонтакте) / Н. А. Рябченко и др. // Южно-российский журнал социальных наук. — 2024. — Т. 25, № 4. — С. 67–80.
10. Тучкова, В. В. Отражение семейных ценностей в российских СМИ / В. В. Тучкова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2012. — № 150. — С. 158–163.
11. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальное интернет-представительство Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 05.04.2026).
12. «Южный Урал. Россия без сирот!» : материалы регионального медиафестиваля // Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. — URL: <https://fond-detyam.ru/novosti-fonda/11834/> (дата обращения: 05.04.2026).

ГОДЫ МУЖЕСТВА И СЛАВЫ

УДК 821.161.1.09"1992/..."

Н. С. Королёв, А. И. Порошина

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ УРАЛЬСКОЙ ФРОНТОВОЙ ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕННАДИЯ ГРИГОРЬЕВА

В период Великой Отечественной войны был сформирован особый канон военной поэзии, который в дальнейшем развивался уже в послевоенные годы. Внутри этого большого направления существовала фундаментальная, основополагающая линия, которую принято обозначать термином «фронтовая поэзия». Ее создали непосредственные участники войны, люди, находящиеся на передовой. Стихи фронтовиков были порождены необходимостью осмыслить происходящее, справиться со своими чувствами, переживаниями и донести до читателя, что из себя представляет война, запечатлеть эти грандиозные события и тех людей, которые стали их участниками. Фронтовая поэзия является наиболее правдивой, точной, искренней, потому что бойцы не могли солгать перед лицом своих товарищей. Среди уральских поэтов также были те, кто оставил для нас не просто яркие поэтические произведения, а настоящий документ эпохи. Это Михаил Львов, Освальд Плебейский, Яков Вохменцев, Марк Гроссман, Анатолий Головин, Александр Лозневой.

Обращение к литературному наследию фронтовиков означает сохранение в национальной памяти понимания того, что является войной. Образ войны в сознании людей формируется через восприятие художественных произведений, оставивших глубокий эмоциональный след в сердце каждого. Фактические знания о событиях войны, которые содержатся в учебниках истории, лишь оформляют этот образ, делают его более четким.

Пока наша культура сохраняла литературоцентричность, память о войне обеспечивала готовность народа к противостоянию с врагом. После распада Советского Союза воздействие литературы в целом и военной литературы в частности значительно ослабло, что явилось одной из причин неготовности значительной части современного российского общества отвечать на те вызовы времени, с которыми страна столкнулась сегодня. Поэтому когда в 2014 г. начался гражданский конфликт на Украине, очень немногие наши соотечественники увидели в нем прообраз большой европейской войны.

Те, кто понимал суть и перспективы этого конфликта, стали уходить на Донбасс добровольцами. Одним из них был драматург, поэт, журналист Геннадий Григорьев. В интервью на вопрос, почему поехал воевать на Донбасс, он ответил: «Решил, что могу быть полезным, и поехал. Просто там русские люди, они говорят и думают по-русски. А их заставляют... этого не делать. Я подумал так: если я могу, то должен помочь» [4].

В 2014 г. Геннадий Григорьев отправился в Луганскую Народную Республику защищать русских людей от бандеровцев. Воевал в составе казачьего батальона «Ермак» бригады «Призрак» народной милиции ЛНР, позывной «Сид».

Геннадий Григорьев (псевдонимы — Егор Черлак, Григорий Егоркин) родился 22 ноября 1963 г. в поселке Черлак Омской области. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал в газетах «Челябинский рабочий», «Челябинский металлург» и др. Сегодня живет и работает в Челябинске.

Спектакли по пьесам Геннадия Григорьева ставились в Мурманске, Днепропетровске, Югорске, Кургане, Усолье-Сибирском, Омске, Москве, Севастополе, Новосибирске, Красноярске, Сарове, Харькове. Театрализованные читки его сценических произведений проходили в Вологде, Риге, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Димитровграде, Алуште, Санкт-Петербурге, Челябинске, Хабаровске, Рязани. Спектакли включались в программу таких театральных фестивалей,

как «Золотая Маска Плюс», «Полярная звезда», «Театральная весна», «Сибирский транзит».

Автор трех прозаических и поэтических сборников («Не обращайтесь клятв своих», «Тарагарщина», «Страна Зеро»).

Отношение Григория Егоркина к собственному поэтическому творчеству роднит его с уральскими поэтами-фронтовиками. Для него это способ запечатлеть события, переосмыслить свои впечатления и опыт.

Поэтическое отражение войны в творчестве Г. Егоркина обретает черты документальной литературы, близкой к дневниковым записям, что позволяет воспринимать его как историческое свидетельство.

В монографии «Новая военная поэзия: опыт научно-критического прочтения» стихи Егоркина отнесены к «донбасской поэзии» — самому раннему периоду развития современной военной поэзии. Авторы указывают главную характеристику поэзии этого периода — историчность, в том смысле, что она показывает причины и ход этого конфликта [5, с. 50].

Стихи Г. Егоркина были включены в знаковые литературные сборники, которые открыли современную военную лирику для широкого круга читателей задолго до СВО [1; 2; 6; 7].

Наталья Курчатова в рецензии на сборник «Я — израненная земля» [7] пишет о творчестве Егоркина: «Череда его героев, простых солдат, выдернутых на передний край из своих незамысловатых мирных жизней, свидетельствует об этой войне не только перед читателем, но и перед чем-то высшим — Лёшка Шахтёр, подрывник Тим, Тёма Моцарт, Док и даже украинский пленный. Жестокая окопная лирика Егоркина удивительным образом оказывается проникнута высшим гуманизмом — как еще назвать случай воевавшего, терявшего в боях товарищей человека, который пишет пронзительное “Сонечко” (“Солнышко” — укр.) на смерть бойца даже не ВСУ, а добробата» [3].

Стихи Егоркина драматургичны, многие строятся на диалоге. Они просты и не перегружены образами. Персонажи обрисованы несколькими штрихами, минимум выразительных

средств — и герои буквально оживают. Разговорная речь, живая и непосредственная, встроена в поэтические строки:

Чудно:
Считали, что покатит,
А взяли к ночи с гулькин шиш.
Взвод закрепился в старой хате,
Сарай сараем, а поди ж...

На крыше толь, на стенах глина,
Ворота вкось... Но боже мой:
В углу, у койки, — пианино.
Откуда?
Как?
Кому?
На кой?

(«Тёмка Моцарт»)

При кажущейся простоте каждое стихотворение — это не просто история с драматургичным сюжетом, автор с поразительной точностью улавливает яркие эпизоды. Исследователи новой военной поэзии характеризуют такие стихи следующим образом: «Среди стихов разных поэтов нередко встречаются нарративные, где рассказываются истории, воспроизводятся отдельные эпизоды. <...> Остросюжетными фронтовыми сценками являются многие стихотворения Г. Егоркина (позывной “Сид”)» [5, с. 65]. Такой фронтовой эпизод описан в стихотворении «Водица поможет».

«Ничёсе дедок — цельный архимандрит!» –
Роняет шеренга остроту.
Святою водою усердно кропит
Поп нашу безбожную роту.
<...>
Весенним дождём умывает вода,
Пьянит непроцеженной бражкой.
У взводного Юрки мокра борода,
У Вити-минёра — тельняшка.

Стоит, улыбаясь, окопный народ,
Не горбит под брызгами спину.
И как бы случайно я свой пулемёт
Под тёплые капли подвинул.
(«Водица поможет»)

Искренность без приукрашивания заставляет читателя сопереживать героям и поэту, буквально пережить тот же опыт и проникнуться авторским видением войны.

Одним из выразительных приемов, который автор не использует, но скорее подмечает в реальности и фиксирует в стихах, является контраст — войны и жизни, ненависти и человечности. Это «Мамины стежки» — сюжет, рассказанный от лица женщины, медсестры, отражающий трагический контраст войны и жизни:

Он мне запомнился такой:
серьёзный взгляд, под бобрик стрижка,
пушок несбритый над губой
и весь в веснушках — как мальчишка.

А за окном каштан зацвёл,
шмели гудят — начало мая...
Когда его несли на стол,
хирург шепнул: «Минно-взрывная».

Весна, молодость, обращение к детским воспоминаниям и образу мамы — в этом сюжете жизнь побеждает войну материнской заботой, теплом. Но последние строки звучат остро и трагично:

С улыбкой лёг лицом к стене,
щекой согрел излом подушки...

.....

Зачем танкистам на войне
такие детские веснушки?

В стихотворении «Разговор с пленным» ненависть к врагу, боль утраты товарища уступают место сочувствию:

Не идёт разговор. Между нами
Боль.
Война.
Окаянные дни...
«Мне б короткий звонок... Мне бы маме...»
Достаю телефон:
«Позвони».

Заканчивается оно на пронзительной ноте человечности — и снова образ мамы, как символ жизни, противостоящей войне.

Стихи Григория Егоркина вслед за лучшими образцами советской фронтовой поэзии продолжают линию историчности и человечности — рассказывают правду о войне и о том, как оставаться на ней человеком. Новая военная поэзия сегодня представляет собой яркое художественное явление, которое не только ценно само по себе, но и делает востребованным литературное наследие, посвященное теме Великой Отечественной войны. Уральская фронтовая лирика, являясь частью этого достояния, формирует собственную традицию и обретает новую значимость благодаря таким современным авторам, как уралец-фронтовик Геннадий Григорьев.

Список литературы

1. Великий Блокпост. Антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. / составитель А. Н. Ревякина. — Санкт-Петербург [и др.] : Питер : Лира, 2023. — 432 с.
2. Выбор Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. — Луганск: Большой Донбасс. 2017. — 672 с.
3. Курчатова Н. Общая молитва. О книге поэзии «Я — израненная земля», о весне крымской и войне донбасской / Н. Курчатова // Свободная пресса: сайт. — URL: <https://svpressa.ru/culture/article/173249/?rss=1> (дата обращения 18.05.2026).
4. Литвер, Л. Я записался добровольцем. Ополченец ДНР о том, что не покажут по телевизору / Л. Литвер // Аргументы и Факты. — 2014. — № 40, 1 окт. — URL: <https://chel.aif.ru/society/persona/1350524> (дата обращения 18.05.2026).
5. Новая военная поэзия: опыт научно-критического прочтения : [монография] / В. М. Амиров, Е. В. Болнова, Н. С. Ищенко [и др.] ; под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Н. В. Пращерук. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Санкт-Петербург : Алетей, 2026. — 458 с.

6. Новый Блок. Антология донбасской поэзии 2022–2025 гг. / составитель А. Н. Ревякина. — Санкт-Петербург [и др.] : Питер : Лира, 2025. — 416 с.
7. Я — израненная земля : русская поэзия о весне крымской и войне донбасской / [сост. и авт. вступ. ст. З. Прилепин]. — Москва : Книжный клуб Книговек, 2017. — 287 с.

УДК908(470.5)

М. П. Бортников

**УРАЛ — АРСЕНАЛ ПОБЕДЫ: ЦЕНА ТРУДОВОГО ПОДВИГА
И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОМЫШЛЕННОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ 1941–1945 ГГ.**

Промышленная мобилизация Урала в годы Великой Отечественной войны представляет собой уникальный исторический феномен, масштабы и цена которого до сих пор служат предметом научных дискуссий. Превращение региона в главный арсенал Победы потребовало колоссального напряжения человеческих и материальных ресурсов, наложив неизгладимый отпечаток на судьбы миллионов людей. Статья рассматривает процесс экстренной эвакуации промышленных предприятий на Урал в 1941–1942 гг., механизмы их интеграции в экономику региона, социальные издержки форсированной индустриализации военного времени. Анализируются современные подходы отечественной историографии к оценке эффективности мобилизационной экономики, проблемы соотношения централизованного планирования и низовой инициативы, роли принудительного труда в достижении производственных показателей. Особое внимание уделяется человеческому измерению трудового подвига уральцев — условиям труда и быта, демографическим потерям, формам трудовой мотивации. Исследование опирается на архивные документы Совета по эвакуации, материалы региональных партийных и хозяйственных органов, статистические данные предприятий оборонных отраслей. Делается вывод о необходимости комплексного междисциплинарного подхода к изучению про-

мышленной мобилизации, учитывающего как организационно-экономические, так и социально-психологические аспекты военной экономики.

Введение: от апологетики к критическому анализу. 22 июня 1941 г. стало точкой бифуркации для всей советской экономики. Первые недели войны обнажили катастрофическую неподготовленность страны к масштабному военному противостоянию — потеря значительной части европейской территории поставила под угрозу само существование промышленной базы СССР. Урал, традиционно воспринимавшийся как металлургическая кузница империи, в считанные месяцы превратился в главный центр военного производства, приняв на себя беспрецедентную нагрузку [1].

Советская историография создала устойчивый нарратив: эвакуация промышленности на восток представлялась триумфом социалистического планирования, образцом организованности и самоотверженности. Правда, эта картина тщательно ретушировалась, скрывая хаос первых месяцев, колоссальные потери оборудования и людей, нечеловеческие условия труда. Современные исследователи получили доступ к архивным документам, позволяющим реконструировать подлинную цену превращения Урала в арсенал Победы [2; 3]. Впрочем, и сегодня оценки этого процесса разнятся — от признания уникального управленческого успеха до констатации масштабной катастрофы, преодоленной исключительно ценой чрезмерных человеческих жертв.

Эвакуация как организованный хаос: механизмы управления в чрезвычайных условиях. Созданный 24 июня 1941 г. Совет по эвакуации во главе с Н.М. Шверником столкнулся с задачей, не имевшей прецедентов в мировой истории — в кратчайшие сроки переместить в восточные районы страны тысячи предприятий вместе с оборудованием, кадрами, заделами продукции [4, с. 138]. Любопытно, что конкретного эвакуационного плана, разработанного заблаговременно, не существовало. Страна, декларировавшая готовность «бить

врага на его территории», оказалась застигнута врасплох необходимостью спасти собственную индустрию.

В условиях стремительного продвижения вермахта решения принимались в авральном порядке. Первоначально эвакуировались предприятия, непосредственно угрожаемые захватом — ленинградские, киевские, харьковские заводы. Уже к августу 1941 г. на Урал прибыли первые эшелоны с оборудованием Кировского завода, производившего тяжелые танки КВ. Всего за вторую половину 1941 года в регион было эвакуировано оборудование более 700 крупных предприятий, что составило около трети от общего числа перебазированных на восток заводов [5, с. 268].

Механизм эвакуации функционировал по принципу жесткой централизации с одновременным предоставлением широких полномочий уполномоченным на местах. Эти уполномоченные — как правило, секретари обкомов партии — наделялись чрезвычайными правами, включая возможность реквизировать транспортные средства, жилые и производственные помещения, мобилизовывать население [6, с. 112].

Система работала с огромным скрипом. Железнодорожные узлы Урала оказались забиты эшелонами с оборудованием, многие из которых стояли неделями без разгрузки — попросту не хватало ни рабочих рук, ни крытых площадей для размещения станков. Решение было найдено типично советское: созданный 25 декабря 1941 года Комитет по разгрузке транзитных грузов получил право досрочно разгружать вагоны с «несрочными» грузами, передавая их местным исполкомам или просто выбрасывая на землю. Кто определял срочность груза? Сами железнодорожники — и это, пожалуй, один из наиболее показательных примеров того, как система вынужденно отказывалась от собственных бюрократических процедур [7, с. 81–82].

Парадоксально, но именно эта импровизационность — там, где ее не подменяла тупая исполнительность — позволила добиться результата. Директора заводов, не дожидаясь указаний сверху, договаривались с местными властями о раз-

мещении цехов в школах, клубах, театрах. Кировский завод разместился на площадях Челябинского тракторного, харьковский турбогенераторный — на Уралмаше, днепропетровский алюминиевый — в Каменск-Уральском. Причем нередко оборудование монтировалось прямо в недостроенных корпусах, где еще не было крыши, а зимние морозы достигали сорока градусов [8, с. 34].

Интеграция эвакуированных предприятий: от импровизации к системе. Если эвакуация была операцией экстренного спасения, то интеграция прибывшего оборудования в экономику региона потребовала создания новой промышленной инфраструктуры. Проблема оказалась многослойной. Во-первых, значительная часть оборудования прибыла некомплектно — в спешке демонтажа терялись ключевые детали, документация, инструмент. Во-вторых, многие уральские площадки были не готовы принять крупные предприятия — не хватало производственных помещений, энергомощностей, подъездных путей [9, с. 757–772]. В-третьих, острой стала проблема рабочей силы: квалифицированные кадры были призваны в армию, а эвакуированные специалисты зачастую не поспевали за своими заводами или гибли в пути.

Решение проблем шло по нескольким направлениям одновременно. Налаживался механизм получения недостающего оборудования с эвакобаз — специальных пунктов временного хранения, где оседали «потерявшие хозяина» грузы. Развернулось ускоренное промышленное строительство — возводились корпуса из облегченных металлоконструкций, использовались местные строительные материалы вместо дефицитного цемента и кирпича. Возникла межотраслевая кооперация нового типа: предприятия самостоятельно договаривались о взаимобмене сырьем, полуфабрикатами, оборудованием, минуя бюрократические согласования [10, с. 51–59].

Приоритет безусловно отдавался предприятиям танковой, авиационной, боеприпасной промышленности. Челябинский тракторный завод, принявший эвакуированный Кировский за-

вод, получил название «Танкоград» и уже в конце 1941 г. выпустил первые 73 тяжелых танка. К концу года их было произведено 514 — результат, который директор И.М. Зальцман достиг за счет предельно жесткой организации труда, включая перевод персонала на казарменное положение [11]. Верхне-Салдинский завод за 25 дней смонтировал прокатный стан 750, на установку которого иностранная фирма затратила семь лет. Каменск-Уральский завод обработки цветных металлов, созданный на базе эвакуированного Кольчугинского завода, был построен за четыре месяца вместо запланированных двенадцати [12, с. 230–231].

Эти цифры впечатляют. Однако за ними стояли изнурительный труд подростков и женщин, массовое применение принудительного труда спецконтингента, запредельная продолжительность рабочего дня. Источники фиксируют работу «до полного изнеможения», случаи засыпания людей прямо у станков, травматизм, превышающий довоенные показатели в разы.

Мобилизация трудовых ресурсов: от патриотического порыва к административному насилию. Мобилизация рабочей силы для уральской промышленности осуществлялась по нескольким каналам. Первоначально преобладал патриотический подъем — тысячи жителей региона добровольно шли на заводы, работали сверхурочно, осваивали новые профессии. Однако уже к концу 1941 г. стало очевидно, что одним энтузиазмом проблему не решить [13, с. 85–88].

С февраля 1942 г. была введена трудовая мобилизация городского населения. Осенью того же года началось массовое привлечение на уральские заводы населения Средней Азии и Казахстана — так называемых «трудмобилизованных Среднеазиатского военного округа». К весне 1943 года их численность на Урале достигла 67000 человек, составив более 41% от всех трудмобилизованных в регионе [14, с. 43–48]. Эти люди, преимущественно узбеки, таджики, казахи, оказались в крайне тяжелом положении — физически не подготовленные к работе в условиях уральской зимы, не владевшие русским языком,

размещенные в переполненных бараках и землянках, они демонстрировали низкую производительность труда и высокую смертность. Уже к лету 1944 г. их численность сократилась до 22000 человек — частично за счет отправки «неспособных к физическому труду» обратно, частично вследствие гибели.

Значительную роль в обеспечении промышленности рабочей силой играл принудительный труд. На уральские заводы направлялись заключенные ГУЛАГа, военнопленные, депортированные народы. Они размещались в «зонах» при предприятиях, попадая под категорию «лагнаселение». Точная численность этой категории работников до сих пор является предметом дискуссий, но по некоторым оценкам она составляла до четверти от общей численности занятых в оборонной промышленности региона [15, с. 238].

Форсирование производственных показателей достигалось через систему социалистического соревнования, получившую в военные годы новые формы — движение двухсотников и тысячников, многостаночное обслуживание, совмещение профессий, комсомольско-молодежные фронтовые бригады. 22 мая 1942 года по инициативе Уральского алюминиевого завода развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование предприятий цветной металлургии под лозунгом «Больше цветных металлов для разгрома врага». Эти формы, безусловно, играли мобилизующую роль, но их эффективность нельзя отделить от системы внеэкономического принуждения, действовавшей параллельно.

Социальная цена трудового подвига: условия труда и быта. Превращение Урала в главный арсенал страны потребовало колоссальных человеческих жертв. Условия труда и быта на большинстве предприятий были крайне тяжелыми. Продолжительность рабочего дня нередко достигала 12–14 часов, выходные отменялись, отпуска не предоставлялись. На многих заводах отсутствовало нормальное отопление, освещение, вентиляция. Работа велась в помещениях с недостроенными крышами и стенами при температуре, близкой к уличной.

Жилищная проблема стояла катастрофически остро. Эвакуированные размещались в домах местных жителей путем принудительного уплотнения, в наскоро переоборудованных под жилье школах, клубах, складах, в бараках и землянках. Семьи нередко размещались в окрестных деревнях, за десятки километров от места работы. В Свердловской области в 1942 г. на одного человека приходилось в среднем 3,2 кв. метра жилой площади — почти вдвое меньше санитарной нормы даже по меркам того времени [16].

Продовольственное снабжение было организовано по карточной системе с приоритетом для работников оборонных предприятий. Однако реальное обеспечение продуктами питания оставалось недостаточным. Нормы выдачи неоднократно снижались, качество продуктов было низким. Широкое распространение получили дистрофия и связанные с недоеданием заболевания. Медицинская помощь на многих предприятиях была организована из рук вон плохо — не хватало врачей, медикаментов, элементарных санитарных условий.

Демографические последствия военной мобилизации экономики Урала до сих пор не подсчитаны с достаточной точностью. Известно лишь, что смертность среди трудмобилизованных, заключенных, депортированных народов была чрезвычайно высокой. Отдельные исследования фиксируют смертность на уровне 10–15 % в год среди трудмобилизованных из Средней Азии, еще выше эти показатели были среди лагерного контингента. К этому следует добавить высокую младенческую смертность, распространение туберкулеза и других социальных болезней.

Современная историография: от «триумфа организованности» к «цене успеха». Советская историография создала канонический образ эвакуации и промышленной мобилизации Урала как триумфа социалистической плановой экономики и советского патриотизма. Масштабы перемещения промышленности, скорость ввода в строй эвакуированных предприятий, объемы производства военной продукции трактовались как неопровержимое доказательство преимуществ советской системы [12].

Постсоветская историография существенно скорректировала эти оценки. Получив доступ к ранее засекреченным архивным фондам, исследователи обнаружили картину, далекую от идиллической. И. В. Быстрова, В. Н. Парамонов, В. С. Симонов, А. Ю. Ермолов показали, что эвакуация проходила в условиях дезорганизации и хаоса, сопровождалась колоссальными потерями оборудования и человеческих ресурсов, а ее успех был достигнут ценой чрезмерного напряжения сил и массового применения внеэкономического принуждения [2; 5; 11; 15].

Особенно важными представляются работы, основанные на региональных материалах. Г. В. Серебрянская, В. Н. Шевченко, Н. Н. Мельников детально реконструировали процессы промышленной мобилизации на материалах Поволжья и Сибири, позволяя увидеть общие закономерности и региональную специфику [14; 8]. М. Н. Потемкина проанализировала советский опыт управления эвакогрузами, показав эволюцию от сверхцентрализации к вынужденному делегированию полномочий на места [12].

Дискуссионным остается вопрос об эффективности мобилизационной экономики. Одни исследователи подчеркивают, что советская система в экстремальных условиях войны продемонстрировала способность к быстрой концентрации ресурсов и достижению поставленных целей, превзойдя по ряду показателей экономику нацистской Германии. Другие обращают внимание на то, что эта эффективность была краткосрочной и достигалась за счет хищнического использования человеческих и материальных ресурсов, а после войны система вернулась к своим хроническим проблемам низкой производительности и неэффективности.

Перспективным направлением современных исследований является изучение роли низовой инициативы и импровизации в условиях формально жесткой централизации. Архивные документы свидетельствуют: там, где директора заводов и региональные руководители проявляли самостоятельность, запуск производства происходил быстрее и эффективнее. Парадокс заключался в том, что система, построенная на принци-

пе «приказ — исполнение», в критической ситуации выживала за счет нарушения этого принципа.

Заключение. Превращение Урала в арсенал Победы стало результатом сложного взаимодействия факторов: беспрецедентной по масштабам эвакуации промышленности, жесткой централизации управления при одновременном допущении низкой инициативы, массовой трудовой мобилизации населения, широкого применения принудительного труда, патриотического подъема и внеэкономического принуждения. Цена этого успеха была чрезвычайно высокой — сотни тысяч людей погибли или подорвали здоровье в нечеловеческих условиях труда и быта.

Современная историография постепенно отходит от крайних оценок — как апологетических, так и нигилистических — к взвешенному анализу, учитывающему как организационно-экономические достижения, так и социальные издержки промышленной мобилизации. Дальнейшее изучение этой проблематики требует междисциплинарного подхода, привлечения методов демографической истории, экономической социологии, истории повседневности. Только такой комплексный подход позволит адекватно оценить феномен уральского арсенала Победы и извлечь уроки, актуальные для понимания возможностей и пределов мобилизационной экономики.

Список литературы

1. Артемов, Е. Т. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства / Е. Т. Артемов, Е. Г. Водичев // Идеи и идеалы. — 2021. — Т. 13. — № 4-2. — С. 324-347.
2. Быстрова, И. В. Перестройка промышленности в СССР в 1941–1945 гг.: опыт военной мобилизации / И. В. Быстрова // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. — 2018. — С. 78–95.
3. Гончаров, Г. А. «Труدمобилизованные» из Среднеазиатского военного округа на Урале в годы Великой Отечественной войны / Г. А. Гончаров // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2016. — № 1. — С. 43–48.
4. Демидов, А. М. Эвакуация производительных сил СССР в начале Великой Отечественной войны и органы госбезопасности / А. М. Демидов. — Москва: Изд-во РАГС, 2009. — 352 с.

5. Ермолов, А. Ю. Эвакуация предприятий советской танковой промышленности в 1941 г.: уникальное историческое явление или масштабная неудача? / А. Ю. Ермолов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2010. — № 4. — С. 85–102.
6. Коробецкий, И. А. Эвакуационные процессы и деятельность вузов по мобилизации ресурсов Южного Урала на нужды обороны в годы Великой Отечественной войны / И. А. Коробецкий, И. А. Шебалин // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 9 (158). — С. 138–143.
7. Курлаев, В. Е. Военная промышленность Урала (1939–1945 гг.) в отечественной историографии / В. Е. Курлаев // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VI Всерос. науч. конф. — Екатеринбург: АМБ, 2004. — Т. 2. — С. 253–259. — URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/93495> (дата обращения: 23.01.2026).
8. Мельников, Н. Н. Metallургическое производство танковой промышленности СССР в условиях дефицита огнеупоров (1941–1945 гг.) / Н. Н. Мельников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2017. — Т. 17. — № 2. — С. 78–84.
9. Моисеев, Г. С. Цветная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны / Г. С. Моисеев // Вестник Костромского государственного университета. — 2006. — № 6. — С. 119–124.
10. Мухин, М. Ю. Эвакуация авиапромышленности в 1941 г. / Мухин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2012. — № 1. — С. 95–112.
11. Парамонов, В. Н. Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития / В. Н. Парамонов. — Самара : Изд-во Самарского ун-та, 1999. — 428 с.
12. Потемкина, М. Н. Опыт интеграции эвакуированного промышленного оборудования в экономику уральского тыла (осень 1941 — весна 1942 гг.) / М. Н. Потемкина // Технологос. — 2024. — № 2. — С. 51–59.
13. Прохоров, А. П. Эвакуация промышленности на восток (из опыта советской модели управления) / А. П. Прохоров // Россия и современный мир. — 2002. — № 3. — С. 145–160.
14. Серебрянская, Г. В. Промышленность и кадры Волго-Вятского региона в конце 30-х — первой половине 40-х гг. / Г. В. Серебрянская. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. — 456 с.
15. Симонов, В. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление / В. С. Симонов. — Москва: РосСПЭН, 1996. — 333 с.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1640. Л. 444

В. С. Ваганова

Эвакуация промышленности на Урал в 1941–1942 гг.

Эвакуация как стратегический императив военного времени. Внезапность германского вторжения 22 июня 1941 г. поставила перед советским руководством задачу, не имевшую исторических аналогов по сложности и масштабу. Стремительное продвижение вермахта на восток уже в первые недели войны создало угрозу потери основных индустриальных районов европейской части СССР — территорий, где сосредоточивалась значительная часть промышленного потенциала страны [8]. К осени 1941 г. были оккупированы регионы, производившие до войны около 60 % чугуна, 68 % стали, 63 % угля [3].

Перед страной встала дилемма: либо оставить противнику развитую промышленную базу, либо в кратчайшие сроки переместить ее вглубь территории, за тысячи километров от линии фронта. 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации во главе с Н.М. Шверником, которому предстояло координировать беспрецедентную операцию [6]. 27 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», определившее приоритеты эвакуации: в первую очередь вывозилось промышленное оборудование, сырье, квалифицированные кадры [9].

Урал как главный тыловой арсенал. Выбор Урала в качестве основного региона размещения эвакуированных предприятий был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, географическое положение — удаленность от театра военных действий и естественная защищенность горным барьером [2]. Во-вторых, наличие развитой металлургической базы, топливно-энергетических ресурсов, транспортной инфраструктуры [10]. В-третьих, опыт индустриализации 1930-х гг., создавший на Урале мощные машиностроительные комплексы — Уралмаш, Челябинский тракторный завод, Уральский вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле [1].

За период с июля 1941 г. по середину 1942 г. на Урал было эвакуировано более 830 промышленных предприятий, в том числе свыше 200 в Свердловскую область, около 150 — в Челябинскую, более 100 — в Пермскую [5, с. 268]. Вместе с заводами переехало около 2 млн человек — рабочих, инженеров, техников, членов их семей [11]. В отдельных городах численность эвакуированных достигала половины довоенного населения. Свердловск принял около 200 тыс. человек, увеличив население с 423 до 620 тыс.; Нижний Тагил — со 160 до 239 тыс. [7].

Организация эвакуационного процесса: между хаосом и порядком. Эвакуация разворачивалась в условиях, близких к катастрофическим. Отсутствие заблаговременно разработанных планов, стремительное приближение фронта, дефицит транспорта — все это порождало неразбериху [12]. Зачастую направление эшелонов с оборудованием определялось наркоматами без достаточной координации, что приводило к тому, что грузы отправлялись либо чрезмерно далеко — в Сибирь и на Дальний Восток, либо в районы, которые вскоре сами попадали под удар [4, с. 112].

Особенно драматично складывалась ситуация осенью 1941 г. на железных дорогах Урала и Поволжья, забитых вагонами. На Пермской железной дороге скопилось свыше 58 тыс. незагруженных вагонов, многие из которых не имели адреса или сопроводительных документов [9]. Для разрешения транспортного коллапса 25 декабря 1941 г. был создан Комитет по разгрузке транзитных грузов во главе с А.Н. Косыгиным, которому была предоставлена чрезвычайная власть, включая право досрочной разгрузки вагонов и перераспределения их содержимого [6].

И все же, несмотря на организационные изъяны, темпы перемещения промышленности поражали воображение. Киевский завод «Трансигнал» был демонтирован и погружен в вагоны за четверо суток. Московский автозавод имени Сталина 15 октября 1941 г. прекратил работу, а уже на следующий день начался демонтаж — ежедневно на восток уходило до 500 ва-

гонов [12]. Станкостроительный завод «Красный пролетарий» получил указание об эвакуации в ночь с 14 на 15 октября и к 1 ноября завершил отправку оборудования на Урал [4].

Танковая промышленность: эшелоны надежды. Особое значение имела эвакуация танковых заводов, поскольку бронетанковые войска составляли основу ударной мощи Красной армии. Харьковский паровозостроительный завод № 183, производивший танки Т-34, был эвакуирован в Нижний Тагил на Уральский вагоностроительный завод [1]. Слияние этих двух предприятий привело к созданию одного из крупнейших в мире центров танкостроения. В 1942 г. объединенный завод выпустил более 2500 танков Т-34, что составляло значительную часть всего танкового производства СССР [10].

Кировский завод из Ленинграда, производивший тяжелые танки КВ, был эвакуирован на Челябинский тракторный завод [8]. Возникший в результате слияния Челябинский Кировский завод, прозванный «Танкоградом», в 1942 г. произвел более 2500 танков. Директор завода И.М. Зальцман, проявив исключительную настойчивость и изобретательность, добился запуска производства в рекордные сроки — уже в III квартале 1941 г. завод выпустил 73 танка, а к концу года — 514 машин [11].

Впрочем, эвакуация танковых заводов проходила не всегда гладко. Ленинградский завод № 174, эвакуированный сначала в Чкалов (Оренбург), так и не успел развернуть там производство и в марте 1942 г. был передислоцирован в Омск, где объединился с заводом № 173 [7]. Такая «вторичная эвакуация» привела к существенным потерям времени и ресурсов.

Размещение и запуск производства: импровизация под давлением обстоятельств. Прибывшие на Урал предприятия использовали три основных варианта размещения. Первый — слияние с родственными по профилю заводами, как в случае с Кировским и Челябинским тракторным [5]. Второй — размещение в малоприспособленных помещениях: складах, школах, клубах. Третий — строительство новых корпусов, что в условиях суровой уральской зимы 1941–1942 гг.

и дефицита строительных материалов было исключительно сложной задачей [12].

Для ускорения монтажа оборудования директора заводов шли на экстраординарные меры. Станки устанавливались в недостроенных цехах, часто даже без заливки фундаментов бетоном, — лишь бы быстрее начать выпуск продукции [10, с. 148]. Рабочие и инженеры трудились круглосуточно, зачастую в неотапливаемых помещениях, при скудном питании. Многие жили в цехах, у станков, не имея иного жилья.

Нехватка жилья стала одной из острейших проблем эвакуации. Власти решали ее через принудительное уплотнение — семьи местных жителей обязывали принимать эвакуированных [9, с. 34]. Строились бараки, полуподвалы, землянки. Фактическая обеспеченность жильем в Свердловской области колебалась от 0,8 до 3,1 кв. м на человека [3]. Антисанитарные условия, скученность, бытовые конфликты — все это создавало напряженную социальную атмосферу, которую смягчали только патриотический подъем и осознание того, что на фронте — еще тяжелее [11].

Формирование уральского военно-промышленного комплекса. К лету 1942 г. эвакуация в основном завершилась, и предприятия начали работать на полную мощность. Урал превратился в главный арсенал страны. В 1942 г. доля Урала в общесоюзном производстве чугуна выросла с 10,3 % в 1940 г. до 32 %, стали — с 10,5 до 27,2%, проката — с 10,6 до 26,7 % [2]. По выжиганию кокса удельный вес региона вырос с 14 до 48,3%. За период войны индустриальный комплекс Среднего Урала увеличил промышленное производство в 7 раз по сравнению с довоенным уровнем [5, с. 546].

Эвакуация не только усилила существующие заводы, но и дала толчок формированию новых отраслей промышленности. В Свердловске на базе киевского завода «Большевик» был создан Уралхиммаш — будущий гигант химического машиностроения [12]. Из оборудования Охтинского химического комбината возник Свердловский завод пластмасс, единственный

в СССР производитель авиационной фанеры и дельта-древесины [4]. Киевский «Красный резинщик» и московский «Каучук» стали основой для Свердловского шинного завода и завода резинотехнических изделий, изготовивших за войну 223 тыс. обрешиненных катков для 11 тыс. танков [10].

В Ирбите при слиянии Московского мотоциклетного завода и цехов ЗИЛа был создан Ирбитский мотозавод, ставший основным поставщиком вармию тяжелых мотоциклов М-72 [7]. В Магнитогорске размещение эвакуированных мощностей позволило резко увеличить выпуск качественной броневого стали. Кузнецкий металлургический комбинат в Сибири начал производство десятков марок легированной стали, ранее выпускавшейся только на юге страны [8].

Таким образом, эвакуация породила устойчивый эффект диверсификации и территориального перераспределения индустриального потенциала, заложив основу для послевоенного экономического развития восточных районов СССР [1].

Трудовые ресурсы и кадровая политика. Эвакуация промышленности сопровождалась перемещением квалифицированных кадров. Из всех трудоспособных лиц, прибывших в Свердловскую область, более 50 % были трудоустроены на промышленных предприятиях [9]. К концу 1942 г. доля эвакуированных работников в индустриальном производстве Среднего Урала достигла 31%, а на некоторых объектах — 50–75 %, что фактически означало формирование новых трудовых коллективов [3].

Вместе с тем массовая мобилизация мужчин на фронт создала острый дефицит рабочей силы. Проблему решали за счет привлечения женщин, подростков, пенсионеров, спецконтингента (заключенных и трудовых армейцев из числа депортированных народов) [11]. Доля женщин в промышленности Урала выросла с 38 % в 1940 г. до 52% в 1942 г. [2]. Подростки 14–17 лет составляли до четверти работников на некоторых заводах.

Для подготовки кадров создавались ремесленные училища, фабрично-заводские школы, курсы при предприятиях. Обучение велось по ускоренным программам — нередко

2–3 месяца [7]. Молодежь мотивировалась на производительный труд через идеологическую работу, социалистическое соревнование, личный пример стахановцев.

Цена успеха: потери и издержки. Эвакуация, при всей своей значимости, сопровождалась существенными потерями. Часть оборудования не удалось вывезти и пришлось уничтожить, чтобы оно не досталось врагу. Значительное количество станков и машин было повреждено или утрачено в пути. Многие квалифицированные работники остались на оккупированной территории либо погибли при бомбардировках эшелонов [8].

Из-за поспешности демонтажа и погрузки оборудование зачастую перемешивалось, терялись комплектующие, техническая документация [12, с. 92]. По свидетельству наркома черной металлургии И.Ф. Тевосяна, «по важнейшим металлургическим, коксо-химическим, огнеупорным заводам Сталинской области фактически эвакуация сорвана» из-за запоздалых решений [4]. Большая часть оборудования доменных и мартеновских цехов Мариупольского, Макеевского и Сталинского заводов осталась на месте.

Масштабная эвакуация породила диспропорции в послевоенной экономике. Непропорционально разросшийся промышленный потенциал Урала создал проблемы с сырьем, энергоснабжением, транспортом, жильем, которые давали о себе знать еще многие годы [5]. Социальные последствия — скученность, антисанитария, высокая заболеваемость, бытовая неустроенность — сохранялись вплоть до середины 1950-х гг. [6].

Заключение. Эвакуация промышленности на Урал в 1941–1942 гг. стала одной из крупнейших индустриальных операций в истории человечества. За год с небольшим было перемещено более 830 крупных предприятий и около 2 млн человек. Несмотря на организационные просчеты, потери оборудования и людские жертвы, эвакуация достигла главной цели: был сохранен промышленный потенциал страны и создана материальная база для обеспечения Красной армии вооружением, боеприпасами, техникой.

Именно на уральских заводах в 1942–1943 гг. был произведен перелом в количественном и качественном соотношении сил на советско-германском фронте. К 1943 г. СССР превзошел Германию по выпуску танков, самолетов, артиллерии [10]. Без успешной эвакуации и последующего развертывания военного производства на Урале коренной перелом в войне был бы невозможен.

Вместе с тем эвакуация имела долгосрочные последствия, выходящие за рамки военного периода. Она кардинально изменила индустриальную географию СССР, превратив Урал в ведущий промышленный регион страны, заложила основы новых отраслей, сформировала уникальные производственные и научные коллективы. Память об этом подвиге — трудовом, организационном, человеческом — остается важнейшей частью исторического наследия Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Антуфьев, А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. — Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1992. — 336 с.
2. Васильев А.Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / А. Ф. Васильев. — Москва: Наука, 1982. — 279 с.
3. Долголюк, А. А. Капитальное строительство в Сибири в годы Великой Отечественной войны / А. А. Долголюк // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2010. — Т. 9. — № 1. — С. 67–75.
4. Ермолов, А. Ю. Эвакуация предприятий советской танковой промышленности в 1941 г.: уникальное историческое явление или масштабная неудача? / А. Ю. Ермолов // Вестник РУДН. Серия: История России. — 2010. — № 2. — С. 22–37.
5. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. — Т. 5. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — 468 с.
6. Коробецкий, И. А. Эвакуационные процессы и деятельность вузов по мобилизации ресурсов Южного Урала на нужды обороны в годы Великой Отечественной войны / И. А. Коробецкий, И. А. Шебалин // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 1. — С. 146–153.
7. Мельников, Н. Н. Эвакуация и размещение коллективов танковых заводов на Урале осенью 1941 г. / Н. Н. Мельников // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XII Всерос. науч. конф. — Т. 1. — Екатеринбург : УрФУ, 2014. — С. 431–434.

8. Потемкина, М. Н. Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина, А. Ю. Климанов // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 388–405.
9. Серазетдинов, Б. У. История индустриализации Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / Б. У. Серазетдинов // Экономическая история. — 2017. — № 2. — С. 92–104.
10. Сперанский, А. В. Формирование оборонно-индустриального комплекса на Урале в начальный период Великой Отечественной войны / А. В. Сперанский // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. — 2012. — № 2 (102). — С. 146–155.
11. Терехов, А. В. Мобилизация промышленных ресурсов Западной Сибири в 1941–1942 гг. / А. В. Терехов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 3 (41). — С. 75–82.
12. Урал — фронту / Под ред. А. В. Митрофановой. — Москва : Экономика, 1985. — 352 с.

УДК 130.2

С. Г. Невзоров

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУЩНОСТНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК ФЕНОМЕНА КОЛЛЕКТИВНОГО ГЕРОИЗМА**

Феномен коллективного подвига принадлежит к числу пограничных категорий, одновременно описываемых этикой, социологией, культурологией и политической мыслью. В отличие от индивидуального героического поступка, он предполагает совместное действие значительной группы людей, воспринимаемое как жертва ради сохранения или восстановления базовых ценностей общности. Коллективный подвиг всегда укоренен в конкретном культурно-историческом контексте и осмысливается через систему мифов, символов и нарративов, формирующих коллективную память.

Культурологические исследования героизма исходят из того, что он представляет собой культурную универсалию, связанную с когнитивным, ценностным и регулятивным измерениями культуры. Б. Ю. Соколова показывает, что героизм

имеет двухуровневую структуру: на антропологическом уровне он выражает способность личности к выходу за пределы эгоцентричной мотивации, на общеэволюционном уровне — выступает фактором культурно-исторического развития общности [10].

Работы, посвященные герою в культурноисторическом бытии народов Европы и России, подчеркивают, что герой функционирует как символический концентрат ценностей и исторических ожиданий народа. В этой перспективе коллективный подвиг может быть интерпретирован как ситуация, в которой герой «расширяется» до масштаба народа: субъектом героического действия оказывается не отдельная личность, а целостная общность, действующая в предельной ситуации [12].

Важно отметить, что героизм как феномен социальной реальности не может быть понят исключительно через индивидуальные мотивы. Социологические и культурологические подходы подчеркивают роль институциональных и символических механизмов, которые задают критерии героического поведения и обеспечивают его общественное признание [9].

Коллективный подвиг не существует вне памяти о нем: он становится феноменом культуры лишь в той мере, в какой закрепляется и транслируется как значимое событие. Исследования коммеморативных нарративов о Великой Отечественной войне демонстрируют, что образ «подвига народа» выступает структурным центром национальноисторического мифа, организуя представления о прошлом, настоящем и будущем [2].

Политика памяти о войне на постсоветском пространстве показывает, что подвиг является ключевым ресурсом в борьбе за интерпретацию истории: различные акторы формируют конкурирующие версии героического, перераспределяя символический капитал жертвы и победы. Через «места памяти» — мемориалы, музейные комплексы, памятные даты, образовательные и медийные практики — коллективный подвиг закрепляется как нравственный эталон, с которым соотносится современное поведение граждан [3].

Цифровизация памяти усиливает перформативный характер коммеморации. Исследования интернет-пространства российских социальных сетей показывают, что пользователи создают собственные нарративы о героизме, сочетая официальные сюжеты с семейными историями, локальными эпизодами солидарности и визуальными практиками (фотоархивы, флешмобы). В результате возникает многослойное пространство памяти, где традиционный образ коллективного подвига сосуществует с новыми формами «распределенного» участия и символического присвоения героического опыта [4].

Социальные детерминанты коллективного подвига тесно связаны с конфигурацией коллективной идентичности. И. С. Семененко показывает, что идентичность формируется на пересечении личностного, социального и политического уровней, задавая систему лояльностей и границ «мы», внутри которой определяются объекты возможной жертвы. В этой логике коллективный подвиг оказывается предельной формой подтверждения принадлежности к общности: жертва ради «своих» интерпретируется как высшее проявление идентификационной лояльности [9].

Работы о цивилизационной идентичности России акцентируют представление об особом историческом пути и миссии, что усиливает нормативность героической готовности к самопожертвованию. Исследования русского национального характера фиксируют устойчивые мотивы стойкости, терпения, готовности к страданию, что формирует ценностный фон, в котором подвиг воспринимается как «естественное» поведение в кризисной ситуации [6].

Коллективный подвиг при этом выполняет и интегративную функцию: он конструирует образ «единого народа», временно нивелируя социальные, классовые, региональные и иные различия. Этот эффект единения, однако, не лишен амбивалентности, поскольку может использоваться для легитимации политических решений, не всегда соответствующих исходному нравственному содержанию героического действия.

Нравственная интерпретация коллективного подвига предполагает обращение к базовым категориям долга, справедливости и жертвы. В культурологическом анализе героизма подчеркивается, что героический акт отличается от иных форм рискованного поведения именно тем, что мотивирован признанием ценностей, переживаемых как безусловные [7].

Исследования феномена героизма как явления социальной реальности показывают, что моральный статус подвига определяется не только субъективными установками участников, но и общественной оценкой, закрепляемой в дискурсах и институтах памяти. Коллективный подвиг в этом смысле является результатом «двойной» морализации: внутренней (самоопределение участников) и внешней (нормативное признание обществом) [5].

Особую роль играет категория справедливости. Жертва, воспринимаемая как подвиг, почти всегда связана с представлением о восстановлении нарушенного морального порядка: защитой невинных, отпором агрессору, сопротивлением угнетению. В коллективном измерении это означает, что подвиг создает чувство участия в «правом деле», что укрепляет моральную легитимность действий и облегчает преодоление страха.

И наконец, жертва как нравственная категория раскрывается в ее добровольности и осмысленности. Социально-нравственная интерпретация коллективного подвига требует различать подлинное согласие на жертву и ее навязывание через принуждение, манипуляцию или информационное давление.

Современная массовая культура является одним из ключевых пространств, где конструируются образы подвига и героизма. Е. Н. Шапинская показывает, что массовая культура функционирует как особая семиотическая система, в которой символы и сюжеты циркулируют, упрощаясь и приспособляясь к ожиданиям массовой аудитории [12].

Исследования культурного и экранного героя свидетельствуют, что героический образ в кино и телесериалах балансирует между традиционным героизмом и постгероической иро-

нией. Герой может быть внутренне конфликтным, социально маргинальным, оснащенным сверхъестественными или технологическими возможностями, но при этом сохраняет центральную функцию — защиту «своих» и восстановление справедливости. Неомифологическая парадигма, прослеживаемая в анализе комиксного героя, демонстрирует, как коллективные страхи и надежды визуализируются через фигуру сверхгероя, объединяющего в себе черты индивидуального и коллективного подвига [1].

Российская массовая культура, включая кинематограф и телевизионные проекты, активно воспроизводит и переосмысляет канон «народного подвига», особенно в сюжетах о войне. Одновременно появляются фильмы и сериалы, посвященные повседневной героике — работе врачей, спасателей, волонтеров, — где коллективный подвиг проявляется в менее драматичных, но социально значимых формах. Такая медиализация подвига способствует его нормализации в общественном сознании, но несет и риск стилизации и коммерциализации героизма [11].

Современный политический и медийный контекст описывается исследователями как эпоха постправды, в которой эмоциональное воздействие и символическая эффективность нередко оказываются важнее фактической достоверности. В таких условиях подвиг и жертва становятся элементами популистских стратегий: герои и антигерои конструируются в соответствии с текущей политической повесткой, а сложные моральные коллизии упрощаются до бинарных оппозиций «свой — чужие».

Сборник «Политика постправды» и популизм фиксирует, что эмоционально заряженные нарративы о героизме и предательстве используются для мобилизации, легитимации решений и маргинализации альтернативных точек зрения. Это создает серьезные риски для социально-нравственной интерпретации коллективного подвига: он может быть превращен в инструмент сакрализации насилия, оправдания репрессий или подавления критического мышления [8].

В то же время постправда не отменяет потребности общества в подлинном героическом опыте. Напротив, на фоне недоверия к официальным нарративам возрастает значение локальных и повседневных форм коллективной солидарности, где подвиг проявляется в защите уязвимых групп, в гражданской взаимопомощи, в экологических и гуманитарных инициативах. Задача культурологии — различать подлинный моральный смысл таких практик и их возможные манипулятивные репрезентации.

На основе рассмотренных подходов феномен коллективного подвига может быть представлен как результат взаимодействия трех ключевых блоков детерминант: культурно-ценностного (образ человека, национальный характер, героический миф), социально-политического (идентичность, политика памяти, гражданские религии, популистские дискурсы), коммуникативно-медийного (массовая культура, цифровые медиа, коммеморативные практики).

Социально-нравственная интерпретация коллективного подвига предполагает учет того, как эти уровни взаимно усиливают или, напротив, нейтрализуют друг друга. Там, где ценностный консенсус, ответственная политика памяти и критически рефлексизирующая массовая культура образуют согласованную конфигурацию, подвиг сохраняет статус подлинного морального события, способного консолидировать общество. Когда же героический миф превращается в инструмент манипуляции, а нравственное измерение подвига подменяется чисто политической лояльностью, возникает риск девальвации самого понятия подвига.

Феномен коллективного подвига, рассматриваемый в социально-нравственной перспективе, предстает не только как эпизод героической истории, но и как индикатор состояния культуры, ее ценностной структуры и качества общественного диалога. Его интерпретация требует одновременного анализа идентичности, политики памяти, медийных репрезентаций и моральных категорий долга, справедливости и жертвы.

Современные трансформации массовой культуры и коммуникативной среды делают коллективный подвиг более види-

мым и одновременно более уязвимым к манипуляции. В этих условиях особое значение приобретает ответственная культурная политика и академическая рефлексия, способные поддерживать героический идеал, не превращая его в инструмент сакрализации насилия или символического принуждения. Социально-нравственная интерпретация коллективного подвига тем самым становится важным ресурсом сохранения общественной солидарности и критической исторической памяти.

Список литературы

1. Алиев, Р. Т. Комиксный герой как отражение неомифологической парадигмы американской массовой культуры (1929–2012 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. Т. Алиев. — Астрахань, 2015. — 18 с.
2. Беликова, Е. О. Коммеморативные нарративы о Великой Отечественной войне / Е. О. Беликова, Д. Ю. Ильин // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. — 2025. — № 3. — С. 85–96.
3. Гузенина, С. В. Символика патриотического подвига в российском общественном сознании / С. В. Гузенина, С. Н. Курбатов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. — 2021. — № 4(17). — С. 139–154.
4. Коробицына, Л. В. Память о Великой Отечественной войне в интернетпространстве российских социальных сетей / Л. В. Коробицына // История: факты и символы. — 2022. — № 2(31). — С. 108–114.
5. Ковба, Д. М. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве / Д. М. Ковба, Е. Г. Грибовод // ДискурсПи. — 2020. — Т. 17, № 2(39). — С. 59–77.
6. Логунов, Н. Р. Память о героическом подвиге народов в годы Великой Отечественной войны как основа самосознания граждан Союзного государства / Н. Р. Логунов // Фальсификация истории Великой Отечественной и Второй мировой войн... — Москва, 2025. — С. 65–69.
7. Подлесная, М. А. Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти / М. А. Подлесная, О. К. Шевченко, И. В. Ильина // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2023. — Т. 23, № 3. — С. 503–524.
8. Попова, О. В. «Политика постправды» и популизм / О. В. Попова. — Санкт-Петербург : Скифияпринт, 2018. — 216 с.
9. Семененко, И. С. Идентичность: личность, общество, политика / И. С. Семененко. — Москва : Весь Мир, 2017. — 992 с.
10. Соколова, Б. Ю. Культурологическая сущность феномена героизма : автореф. дис. ... канд. культурологии / Б. Ю. Соколова. — Харьков, 2011. — 19 с.

11. Суравнева, И. М. Феномен героизма: героизм как явление социальной реальности, герой и супермен в современном обществе, героикопатриотический аспект восприятия действительности / И. М. Суравнева, В. В. Федоров. — Москва : URSS, 2007. — 147 с.
12. Шапинская, Е. Н. Массовая культура: семиотические и культурологические подходы / Е. Н. Шапинская. — Москва : Согласие, 2017. — 386 с.

УДК 94(47).084.8

З. А. Овчинникова

**Гладышев Иван Васильевич — полный кавалер
Ордена Славы**

Увельский район дал более шести тысяч воинов в Великую Отечественную войну. Многие из них имеют высокие боевые награды. Есть один — Герой Советского Союза и полный кавалер ордена Славы — Иван Васильевич Гладышев (см. вкл.).

Гладышев Иван Васильевич родился в 1906 г. в селе Монастырка (ныне д. Клюквенная) Щучанского района, Курганской области. С детских лет он был приучен к труду, не боялся и не чуждался никакой работы. Ко всякой работе относился с душой, добросовестно. По характеру он был человек простой и скромный, отзывчивый и внимательный к людям. Старался быть чаще всего наедине с природой. Много времени проводил в тайге на реках. Наблюдал за растениями, деревьями, за повадками осторожных птиц и зверей. Замечал то, что не каждый мог заметить. Общение с природой, наблюдательность помогли в его военной профессии в годы войны. До призыва в армию работал лесорубом, рыбаком на реках Тобол и Обь. До войны женился. Родилось три сына. Растить бы и воспитывать сыновей под мирным небом, но не пришлось.

Началась Великая Отечественная война. В 1942 г. Иван ушел на фронт. В лыжный батальон, в спецгруппу, но потом перебросили под Москву и определили минером после прохождения трехмесячных курсов. Война требовала от человека напряжения всех его духовных и физических сил, но осо-

бые требования предъявлялись к минеру. От него требовалось большое терпение, хладнокровность и предельная осторожность в работе. Вот, где пригодилось Ивану Васильевичу общение с природой, выработанные годами внимание и наблюдательность. Став минером, он освоил два метода нахождения и разминирования мин — с помощью прослушивания миноискателем и щупом — острым стержнем. В годы войны Ивану Гладышеву приходилось выполнять различные задания: разминировать проходы в минных полях, разминировать мосты, здания, самому устанавливать мины на пути фашистов и учить других этой трудной работе.

Младший сержант И. В. Гладышев служил командиром отделения саперного взвода 364-го стрелкового Ломжинского Краснознаменного полка (139-й стрелковой Рославльской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, 49-я армия, 2-й Белорусский фронт) [3]. В полку говорили: «Где кошка пройдет, там и наш “старик” пройдет». Почему его прозвали «стариком», трудно сказать: в конце войны ему не было и 40 лет. А назвали, наверное, за его спокойный деловой нрав, немногословность и большой солдатский опыт. За всю войну не было такого случая, чтобы разорвалась мина там, где прошел Гладышев. Сапер ошибается один раз. Так вот за 4 года он не ошибся ни разу. Знал солдат в совершенстве свою профессию, изучил повадки и хитрости противника. Фашисты ставили разные мины: танковые, противопехотные, натяжного и нажимного действий с часовым механизмом. Были и деревянные мины, которые не поддавались миноискателю... Наступление, переброска войск, сержант Иван Гладышев со своим отделением идет «чистить» дорогу.

23 июня 1944 г. части 139-й стрелковой дивизии, входившей в состав 49й армии, после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление на могилевском направлении. К исходу первого дня наступления передовые части армии прорвали вражескую оборону и 26 июня с ходу форсировали Днепр севернее Могилева, захватив плацдарм на его правом берегу. Советские войска стремительно продвигались на запад. Остро встал во-

прос о сплошном разминировании минных полей противника и наших, оставшихся в тылу войск. Началась «саперная война».

Конечно, большие, масштабные задачи по разминированию решали крупные саперные и инженерные подразделения, части и соединения. Саперный же взвод 364-го стрелкового полка решал частные задачи, обеспечивая продвижение по освобожденной от врага территории подразделений полка.

Из наградного листа И. В. Гладышева: *«В период наступательных боев с 24 по 30 июня 1944 года рядовой Гладышев показал себя храбрым опытным и волевым воином. При форсирование рек Реста и Днепр и в пути следования снял и обезвредил 21 мину. Несмотря на сильный огонь противника, тщательно проверял места на наличие мин при установке новой артиллерии. Неоднократно сопровождал полковых разведчиков на поиск, расчищая пути подхода к врагу от мин». Командир дивизии полковник И. К. Кириллов наградил Ивана Васильевича Гладышева орденом Славы III степени (приказ по 139-й стрелковой дивизии № 027/н от 2 августа 1944 года)» [3].*

В ходе Белорусской наступательной операции (кодовое название «Багратион») наши войска полностью освободили Белоруссию, в конце августа форсировали реку Неман и вышли к границе с Восточной Пруссией. Свои боевые действия Красная Армия перенесла на территорию фашисткой Германии. Отступая, враг всеми способами стремился задержать наши войска, нанести им наибольший урон.

Работы у саперов хватало, они проводили разминирование, обезвреживание фугасов, восстановление разрушенных мостов и переправ. Снова показал себя мастером своего дела — смелым, находчивым Иван Гладышев.

Из наградного листа: «В боях с немецкими оккупантами тов. Гладышев в наступлении полка с 20 августа по 14 сентября 1944 г. показал себя отважным военном — сапером. Под огнем противника за время наступления он снял 600 противотанковых и противопехотных мин, обезвредил около сотни фугасов противника. Строил переправы и оборудовал командный

пункт командира полка». За эти подвиги Иван Васильевич был награжден орденом Славы II степени (приказ по 49-й армии № 0133/н от 17 октября 1944 г.) [3].

В январе 1945 г. войска 49-й армии приступили к осуществлению в Восточно-Померанской наступательной операции с целью отсечь фашистские войска в Восточной Пруссии. Младший сержант И. В. Гладышев к этому времени был назначен командиром саперного отделения. Двигаясь впереди машин с орудиями и минометами, бойцы отделения Гладышева заметили еще новые и добротные велосипеды, брошенные фашистами. У саперов глаза разбежались — уж больно хороши были велосипеды. Один из солдат хотел было подойти к ним: «Куда тебя несет нечистая сила, жить надоело?» — сердито отчитал Иван ретивого солдата. Он подошел лежавшим велосипедам и внимательно осмотрел их. Под ними обнаружил свежевырытую землю, наспех замаскированный тонкий провод. «Ну, а теперь смотрите, друзья, какую «свинью» хотели подложить нам фашисты». Вскоре мина была обезврежена. «Учтите», — напутствовал младший сержант, — «враг хитер». Он может преподнести самый коварный сюрприз».

И снова выдержка из наградного листа: «При прорыве обороны на реке Нарев 18 января 1945 года Гладышев как отличный сапер был назначен в полковую батарею для выполнения боевых заданий по пропуску артиллерии через минные поля. На своем пути он быстро и умело обезвреживал мины противника, обеспечив продвижение нашей армии без потерь».

Командование представило Ивана Васильевича Гладышева к награждению орденом Славы I степени» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года) [1].

Весна 1945-го. Вот она Германия. Берлин. Фашисты отчаянно сопротивляются. Здесь особенно нужно было внимание. Немцы начиняли смертоносным грузом каждый дом, улицу... С напряжением работали саперы. Гибли боевые друзья — это было особенно тяжело в конце войны. Командование реже посылало «старика» на задание. Война подходила к концу,

и не хотелось рисковать жизнью мужественного сапера. Вот и долгожданная Победа! Можно было возвращаться домой, но нужно было готовить и учить молодых. Вернулся домой Иван Васильевич только в феврале 1946 г.

Соскучились руки по мирному труду. Устал солдат от грохота мин и снарядов, потянуло к тишине. Стал работать лесником. Сажал и выращивал деревья.

В 1958 г. семья Гладышевых переезжает в село Кичигино, Увельского района, Челябинской области, где Иван Васильевич сначала также работает лесником, а затем работал на Кичигинском ремонтном заводе в военизированной охране. Жители села Кичигино довольно быстро познакомились со скромной и дружной семьей Гладышевых, а когда односельчане узнали, что Иван Васильевич является полным кавалер ордена Славы, еще больше прониклись уважением к этому скромному человеку. И. В. Гладышев был постоянным гостем у ребят Кичигинской средней школы. Выступал с воспоминаниями перед жителями района и села. К нему ежегодно приезжали десятки представителей из других школ области, писали письма. Он охотно со всеми встречался и рассказывал о своем боевом пути. Было о чем рассказать саперу.

За годы войны Иван Васильевич обезвредил более 9 тысяч мин и фугасов. За свои заслуги в годы Великой Отечественной войны имел высокие награды: полный кавалер ордена Славы (по тем временам это было больше, чем Герой Советского Союза), награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За отвагу». Два раза был ранен.

Вместе с женой Марией Васильевной воспитал трех сыновей — Александра, Виктора и Анатолия. Все сыновья получили высшее образование. Александр и Анатолий стали педагогами, а Виктор — хирург-кардиолог Челябинского кардиоцентра, заслуженный врач РФ.

И. В. Гладышев умер 30 августа 1975 г. С почестями, достойными героя, он похоронен на кладбище села Кичигино. За могилой ухаживают не только родственники, но и учащиеся местной школы.

В селе Кичигино одна из улиц носит имя полного кавалера ордена Славы — Гладышева Ивана Васильевича. На доме, где жил Герой войны, установлена мемориальная, доска. В районном краеведческом музее — оформлена экспозиция о нем, где размещены фотографии и документы, проводятся Уроки памяти для подрастающего поколения района.

В 2014 г. Решением Собрания депутатов Увельского муниципального района № 85 от 25 декабря, Кичигинскому филиалу № 5 МБУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» Увельского муниципального района присвоено имя полного кавалера ордена Славы Гладышева Ивана Васильевича [2].

Иван Васильевич Гладышев сумел проявить все самое лучшее в себе, был готов заплатить жизнью за победу, мир. И за это мы ему, и всем кто, воевал с фашисткой Германией, должны быть благодарны всегда, ведь они защищали наше будущее.

Список литературы

1. Марков, А. Проверено! Мин нет / А. Марков // Ленинское знамя. — 1975. — 25 марта.
2. Овчинникова, З. А. Край с богатой историей / З. А. Овчинникова // Земля Увельская 2019 / сост. О. В. Очеретная ; ред. Е. Л. Зорина. — Челябинск : Авто Граф, 2019. — С. 22.
3. Ушаков, А. П. Во имя Родины: Рассказы о челябинцах — Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы / А. П. Ушаков. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2004. —С. 477–480.

УДК 94(47).084.8

Н. Н. Титов

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

В сети Интернет опубликованы документы и фотоснимки времен Второй мировой войны, рассказывающие о зверствах солдат и офицеров Вермахта и их пособников. Приведены свидетельства и о зверствах 43 стрелкового полка 19 дивизии латышского добровольческого легиона СС. В независимой Латвии сегодня сносятся памятники солдатам Красной армии,

а также выдаются награды бывшим фашистам, иногда посмертно, именно такие преступники стали «героями».

Латышский добровольческий легион СС — национальное воинское формирование, созданное германским командованием в годы Второй мировой войны на территории Латвии. Входило в состав войск СС и было сформировано из двух дивизий СС: 15-й гренадерской и 19-й гренадерской. Латышский легион СС отметился серией военных преступлений на территории СССР и Польши, включающих как уничтожение мирных жителей, так и расправы над пленными. Сразу семь латышских батальонов принимали участие в карательной операции на границе Белоруссии и России, вошедшей в историю как Освейская трагедия. Начавшаяся 16 февраля 1943 г. и длившаяся больше месяца, эта акция отличалась особой жестокостью. Только в первый день каратели заживо сожгли более 700 согнанных в костел мирных жителей. Всего было сожжено 158 населенных пунктов, некоторые — вместе с людьми. Жертвами палачей стали почти 14 тыс. человек из 21 тыс. мирных жителей данной территории.

6 августа 1944 года 65-й гвардейский стрелковый полк 22-й гвардейской стрелковой дивизии в районе села Бобрыни (Латвийская ССР) вступил в бой с личным составом 43-го стрелкового полка 19-й латышской дивизии СС. В специальном сообщении начальника управления контрразведки СМЕРШ 2-го Прибалтийского фронта «Об издевательствах фашистов и их латышских пособников над советскими военнопленными» говорится:

«Ночью 6 августа 65-й гвардейский стрелковый полк 22-й гвардейской стрелковой дивизии производил наступательную операцию в районе села Бобрыни. Немцы с латышами из дивизии СС смогли обойти боевые гвардейские порядки, напасть с тыла на них, отрезав небольшую группу советских военных от своих подразделений. Было ранено 13 человек. Немецкие мерзавцы, захватив пленных, устроили кровавую расправу над ними. Захваченным в плен бойцам они выкалывали глаза, наносили множественные ножевые ранения, вырезали

звезды на лбах, выкручивали руки и ноги, сапогами выбивали зубы. По данным, которые сегодня стали доступны, зверскую расправу над ранеными советскими офицерами и солдатами произвели нелюди 43-го стрелкового полка, относящегося к 19-й латышской дивизии групп СС» [1]. Данный факт был подтвержден на судебном заседании Нюрнбергского трибунала. В результате расследования было установлено, что такая практика, как расстрел невооруженных пленных, была обычным явлением в дивизиях СС, что самым непосредственным образом касалось, в том числе и латышских дивизий.

Приводятся и примеры зверского отношения латышских легионеров СС к военнопленным. Во время тяжелых боев в Польше в плен к латышским легионерам из 15-й дивизии СС попали 32 польских военнослужащих. Связав колючей проволокой и облив бензином, их заживо сожгли в запертом сарае. По рассказам местных жителей, когда поляков сжигали, легионеры пели и плясали вокруг горящего сарая. В августе 1944 г. нацисты из Латышского легиона замучили и убили попавших к ним в плен военнослужащих Красной армии.

В спецсообщении начальника УКР СМЕРШ 2-го Прибалтийского фронта от 18 августа 1944 г. отражены следующие свидетельства этой трагедии: «Рядовому Караулову Николаю Александровичу, младшему сержанту Корсакову Якову Петровичу и гвардии лейтенанту Богданову Ефиму Романовичу немцы и предатели из латышских частей СС выкололи глаза и нанесли во многих местах ножевые ранения. Гвардии лейтенантам Кагановичу Самуилу Борисовичу и Косьмину Ивану Федосеевичу они вырезали на лбу звезды, выкрутили ноги и выбили сапогами зубы. Санинструктору Сухановой Анне Алексеевне и другим трем санитаркам вырезали груди, выкрутили ноги, руки и нанесли множество ножевых ранений. Зверски замучены рядовые Егоров Федор Егорович, Сатыбалдынов Каббас, Антоненко Александр Николаевич, Плотников Федор Михайлович и старшина Афанасьев Федор Павлович. Никто из раненых, захваченных немцами и фашистами из латышей,

не избег пыток и мучительных издевательств», — отмечается в докладе [1].

Всего во время боя 43 бойца и командира, которые ввиду тяжелой обстановки погибли, 13 раненых солдат не могли быть эвакуированы, судьба их неизвестна. На сайте ОБД «Мемориал» [1] мне удалось найти информацию о некоторых из этих солдат, двое из них являются нашими земляками (Масленников Алексей Андреевич и Чиненов Илларион Петрович). В данной статье автор приводит **список солдат Красной Армии**, замученных нацистами из Латышского легиона (август 1944).

Аверьянов Федор Иванович (1909 г. р.). Рядовой. Минометчик 253 стрелкового полка 85 стрелковой дивизии. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 08.03.1942. Имел два ранения. Награжден медалью «За отвагу».

Агеев Петр Осипович (1905 г.р.). Рядовой. Пулеметчик 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 23.03.1944 года. Награжден медалью «За отвагу».

Алимбеков Багардыбек (1903 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии.

Антоненко Александр Николаевич (1903 г. р.). Рядовой. Повозочный транспортной роты 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 07.1942 года. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Афанасьев Федор Павлович (1920 г. р.). Старший сержант. Командир отделения 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1939 г.

Бороздунов Иван Давыдович (1911 г. р.). Ефрейтор. Разведчик — наблюдатель 940 артиллерийского полка 370 стрелковой дивизии. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1941 г. Награжден медалью «За отвагу».

Богданов Ефим Романович (1912 г. р.). Лейтенант. Командир взвода противотанковых ружей 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 14.08.1941. Награжден орденом Красной Звезды.

Боркичев Александр Сергеевич (1922 г. р.). Старший сержант. Командир отделения 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 23.12.1941.

- Боровков Алфей Васильевич** (1912 г. р.). Рядовой. Бронебойщик 3 роты 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 23.04.1944. Награжден медалью «За отвагу».
- Валиулин Абдул** (1922 г. р.). Старший сержант. Командир отделения связи 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии.
- Горельский Петр Александрович** (1902 г. р.). Младший сержант. Командир отделения 7 роты 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 22.03.1944. Награжден орденом Славы 3 степени.
- Егоров Федор Егорович** (1925 г. р.). Рядовой. Стрелок 4 роты 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 15.03.1943. Награжден медалью «За боевые заслуги».
- Ермилов Петр Петрович** (1924 г. р.). Рядовой. Пулеметчик 2 пулеметной роты 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с сентября 1941 г. Награжден медалью «За отвагу».
- Зайцев Петр Никитич** (1925 г. р.). Сержант. Командир отделения 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 30.01.1941.
- Зуев Василий Павлович** (1913 г. р.). Младший сержант. Командир отделения 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 26.11.1943.
- Каганович Самуил Борисович** (1925 г. р.). Лейтенант. Командир взвода 48 артиллерийского полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1942 г.
- Карабаев Татай** (1914 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1944 г.
- Караулов Николай Александрович** (1923 г. р.). Сержант. Командир отделения 3 роты 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с июня 1942 года. Имел два ранения. Награжден медалью «За боевые заслуги».
- Корниенко Василий Пантелеевич** (1917 г. р.). Сержант. Командир отделения 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 15.10.1938.
- Клушин Иван Егорович** (1901 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 29.11.1941.
- Кокшин Федор Степанович** (1913 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1941 г.

Коробко Андрей Петрович (1905 г. р.). Старший сержант. Помощник командира взвода роты противотанковых ружей 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 19.11.1943. Имел два ранения. Награжден орденом Славы 3 степени, медалью «За отвагу».

Корсаков Яков Петрович (1893 г. р.). Рядовой. Минометчик 260 стрелкового полка. Минометчик 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1943 г.

Косьмин Иван Федосеевич (1919 г. р.). лейтенант. Командир минометного взвода 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 15.09.1939.

Крюков Геннадий Аркадьевич (1924 г. р.). Сержант. Командир отделения миномета 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1942 г.

Куликов Иван Алексеевич (1910 г. р.). Рядовой. Пулеметчик 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1941 г.

Купцов Петр Михайлович (1894 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1942 г.

Ларюшкин Николай Васильевич (1924 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1944 г.

Левковец Петр Моисеевич (1924 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1942 г.

Леонтьев Петр Николаевич (1907 г. р.). Рядовой. Автоматчик мотострелкового пулеметного батальона 117 танковой бригады. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 06.06.1941. Имел два ранения. Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Масленников Алексей Андреевич (1923 г. р.). Уроженец Челябинской области город Аша. лейтенант. Командир пулеметного взвода 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1942 года. Имел одно ранение. Воевал на Северо — Западном, 2 Прибалтийском фронтах. За бои с 16 по 23 июля 1944 г. лейтенант Масленников был награжден орденом Александра Невского.

Махонин Василий Андреевич (1916 г. р.). Рядовой. Сапер 207 отдельного батальона инженерных заграждений. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 20.06.1942.

- Парамонов Василий Васильевич** (1905 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 25.04.1944.
- Пильщиков Павел Исаевич** (1911 г. р.). Рядовой. Стрелок 15 стрелкового полка 2 стрелковой дивизии. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 21.07.1942. Награжден медалью «За оборону Сталинграда».
- Плотников Федор Михайлович** (1902 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии.
- Рогачев Михаил Федорович** (1912 г. р.). Младший сержант. Наводчик станкового пулемета 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 12.01.1942. Имел три ранения. Награжден медалью «За отвагу» (см. вкл.).
- Рябокоть Николай Семенович** (1923 г. р.). Старший сержант. Командир отделения роты истребителей танков 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 15.08.1942. Имел одно тяжелое ранение. Выжил (см. вкл.).
- Сатыбалдинов Каббас** (1893 г. р.). Рядовой. Стрелок 7 стрелковой роты 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 10.03.1944. Награжден медалью «За боевые заслуги».
- Сафаров Базар** (1902 г. р.). Рядовой. Стрелок 3 роты 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1942 г. Имел два ранения. Награжден медалью «За боевые заслуги».
- Соколов Илья Степанович** (1925 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1944 г.
- Спирин Иван Иванович** (1899 г. р.). Рядовой. Ездовой 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1944 г.
- Старшов Павел Игнатьевич** (1893 г. р.). Рядовой. Сапер 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 24.05.1943 г.
- Суетин Анатолий Васильевич** (1925 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 20.01.1943.
- Суханова Анна Алексеевна** (1920 г. р.). Рядовой. Помощник командира санитарного взвода 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 15.10.1943. Награждена медалью «За отвагу» (см. вкл.).
- Худайберинов Аймарат** (1915 г. р.). Рядовой. Сапер 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии.

Федосов Александр Денисович (1924 г. р.). Младший сержант. Наводчик 1 минометной роты 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 11.09.1943. Награжден медалью «За отвагу».

Чиненов Илларион Петрович (1923 г. р.). Уроженец Челябинской области Миасский район село Тургояк. Сержант. Разведчик 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 05.03.1942. Имел три ранения. Воевал на Северо-Западном, 2 Прибалтийском фронтах. За бои в марте 1944 г. сержант Чиненов был награжден медалью «За отвагу».

Шитов Николай Михайлович (1914 г. р.). Рядовой. Стрелок 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА 13.06.1944.

Шулаков Василий Николаевич (1916 г. р.). Лейтенант. Командир минометного взвода 65 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии. В РККА с 1941 г.

Летом 1944 г. Латышский легион СС, входивший в состав немецкой армейской группы «Север», отступал на запад. К тому времени в нем оставалось лишь несколько сотен легионеров. Осенью 1944 г. Ригу освободили советские войска, и 15-ю латышскую дивизию СС перебросили в Восточную Пруссию. В апреле 1945 г. часть ее обороняла правительственный район в Берлине, а часть сдалась в плен американцам. 19-я латышская дивизия СС оборонялась в Курляндском котле и капитулировала уже после подписания акта о капитуляции в Берлине. Причём разоружали ее бойцы 130-го латышского стрелкового корпуса Красной армии.

Политика толерантного отношения к бывшим военным преступникам из республик Прибалтики началась с письма Яна Калнберзина, первого секретаря Компартии Латвии (1940–1959). Он вместе с Вилисом Лацисом — известным латышским писателем и председателем Совмина Латвийской ССР — пишет письмо на имя Вячеслава Михайловича Молотова от 16 марта 1946 г. (кстати, любопытное совпадение: это День памяти Латышского легиона СС). В письме высказывается просьба пересмотреть отношение к участникам Латышского легиона СС с опорой на тезис о «принудительной мобилизации» их сооте-

чественников в армейские структуры гитлеровской Германии. Там звучат и демографические аргументы — мол, женщины, старики, дети остались без кормильцев и пребывают в «подавленном настроении». Калнберзин и Лацис также напирали на то, что послевоенная Латвия нуждалась в рабочей силе. И еще — дескать, высылка бывших легионеров привела к отрицательному идеологическому воздействию на население. Многие из-за высылки выражают недовольство советскими порядками. Молотов получил письмо и передал его главе всесоюзного МВД Круглову. И вопрос был вскоре рассмотрен с поразительной оперативностью. Легионеров-прибалтов амнистировали огульно и безоговорочно. Коллаборационисты — латыши, литовцы и эстонцы — получили от Советской власти прощение без каких-либо условий.

Освобождение от наказания в виде принудительных работ сроком на 6 лет в восточных районах СССР бывших военнопленных частей СС — латышей, эстонцев и литовцев и их возвращение на родину, осуществленное во исполнение Постановления Совета Министров СССР № 843-342сс от 13 апреля 1946 г. «О возвращении на родину репатриантов — латышей, эстонцев и литовцев».

Эта амнистия стала первой в ряду акций советского руководства в отношении советских граждан, репатриированных, интернированных и других лиц, в годы войны сотрудничавших с немецкой администрацией. Количество освобожденных коллаборационистов из Прибалтики составило 44169 человек, из них 6507 эстонцев, 30824 латышей и 6838 литовцев. Отправка этих людей на родину началась в июне 1946 г. и завершилась к лету 1947 г.

Амнистия прибалтийских коллаборационистов была беспрецедентной в отношении граждан СССР, сотрудничавших с нацистской властью или служивших в рядах ее вооруженных формирований. Аналогом может служить только постановление Совмина СССР от 2 октября 1946 г. «О возвращении на родину репатриированных грузин, армян и азербайджанцев».

После войны большинство бывших латышских легионеров скрылись от правосудия или отсидели незначительные сроки. А в современной Латвии в честь эсэсовских прихвостней устраиваются шествия. В 1998 г. в нем участвовал даже командующий вооруженными силами Латвии Далбиньш, назвавший легионеров «патриотами и борцами за свободу».

В 2012 г. Президент Латвии Берзиньш объявил любые попытки назвать латышских легионеров СС преступниками абсурдными: «Они попали в немецкий легион путем принуждения. Они воевали с целью защитить Латвию». Притом, что Нюрнбергский трибунал признал СС, в том числе и его войска (Ваффен СС), преступной организацией. Соответственно, все добровольцы Латышского легиона СС — участники этой преступной организации. И срока давности это решение не имеет.

Список литературы

1. ОБД «Мемориал». — URL: <https://www.obd-memorial.ru/html/index.html>.

УДК 94(470.5)

Д. С. Фадеева

науч. рук. О. Е. Кутепова

Вклад Урала в Победу: трудовой и военный подвиг региона

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всего советского народа. Урал, обладая мощной промышленной базой и богатыми природными ресурсами, сыграл ключевую роль в обеспечении фронта всем необходимым. Регион стал настоящей кузницей Победы — здесь ковалось оружие, готовились кадры, лечились раненые, а уральцы на фронте проявляли беспримерное мужество [6].

С первых месяцев войны началась масштабная эвакуация предприятий с западных территорий СССР на восток. Урал принял сотни заводов и фабрик, которые в кратчайшие сроки разворачивались и начинали выпуск военной продукции. К кон-

цу 1941 г. на Урал было эвакуировано более 700 предприятий. К 1943 г. доля Урала в общем объеме военного производства СССР достигла 40 %, а регион производил 60 % средних и тяжелых танков Советского Союза. Каждый второй снаряд, выпущенный по врагу, был изготовлен из уральской стали [1, с. 247].

Крупнейшие центры военного производства стали оплотом оборонной промышленности. В Нижнем Тагиле на базе Уралвагонзавода развернулось массовое производство танков Т-34: за годы войны здесь выпустили более 25 000 боевых машин. В Свердловске (ныне Екатеринбург) Уралмашзавод стал основным производителем самоходных артиллерийских установок (САУ) и бронекорпусов. Челябинск превратился в легендарный «Танкоград»: объединив мощности Челябинского тракторного завода и эвакуированных предприятий, он наладил выпуск тяжелых танков КВ и ИС, а также САУ. В Перми (тогда Молотов) Мотовилихинские заводы производили артиллерийские орудия всех калибров. Ижевск стал основным поставщиком винтовок Мосина, пистолетов-пулеметов ППШ и противотанковых ружей [3, с. 23].

Победа ковалась не только на заводах, но и в сердцах людей. На смену ушедшим, на фронт мужчинам к станкам вставали женщины, подростки и старики. Женщины составляли до 40 % рабочих на промышленных предприятиях Урала, а подростки 14–17 лет трудились наравне со взрослыми, нередко по 12–14 часов в сутки. Создавались женские бригады сварщиков, токарей и фрезеровщиков, развернулось движение «двухсотников» рабочих, выполнявших норму на 200 % и более. Бригады «фронтовых комсомольско-молодежных» соревновались за право называться лучшими.

Сотни тысяч уральцев ушли на фронт добровольцами. Сформированные на Урале воинские части отличились в самых тяжелых сражениях. Среди знаменитых уральских соединений — 30-я гвардейская стрелковая дивизия (бывшая 282-я стрелковая), участвовавшая в Сталинградской битве, и Уральско-Львовский добровольческий танковый корпус, сформиро-

ванный в 1943 г. из добровольцев Свердловской, Челябинской и Молотовской областей. Корпус прошел путь от Орла до Берлина и Праги, отличившись в боях за освобождение Львова, за что получил почетное наименование «Львовский». В его составе сражалась и 22-я гвардейская танковая бригада, проявившая себя в Берлинской операции [2].

Подвиги уральцев на фронте вошли в историю. Николай Васильевич Огарёв из Свердловской области, командир танковой роты и Герой Советского Союза, отличился при форсировании Днепра. Григорий Павлович Кунавин из Челябинской области закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом под Варшавой и был посмертно удостоен звания Героя. Александр Петрович Силантьев, летчик из Уфы (воевавший в составе уральских частей), совершил 562 боевых вылета и сбил 23 самолета противника.

Урал не только производил оружие, но и обеспечивал интеллектуальную и гуманитарную поддержку фронту. Ученые Уральского филиала Академии наук СССР разрабатывали новые сплавы, методы закалки стали и улучшали оптические приборы. В Свердловске, Челябинске и Перми были развернуты сотни госпиталей, где лечились раненые бойцы, — медики освоили новые методы реабилитации. Уральские театры и филармонии поддерживали моральный дух населения: они давали концерты для рабочих и раненых, а коллективы художественной самодеятельности выезжали с выступлениями на заводы и в госпитали [1; 4; 5].

Память о подвиге уральцев бережно хранится и сегодня. В городах региона установлены памятники труженикам тыла и воинам-уральцам. Монумент «Тыл — фронту» в Магнитогорске — часть триптиха, посвященного Победе (вместе с «Родина-матерью» в Волгограде и «Воином-освободителем» в Берлине). В Екатеринбурге воздвигнут памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса. Мемориальные доски украшают стены заводов, где ковалась Победа, а музеи истории предприятий хранят память о трудовых династиях военных лет.

Вклад Урала в Победу в Великой Отечественной войне невозможно переоценить. Регион стал надежным тылом, обеспечившим фронт всем необходимым — от танков и снарядов до мужества и стойкости своих сынов и дочерей. Трудовой и военный подвиг уральцев — это пример сплоченности, самоотверженности и веры в победу, который остается актуальным и в наши дни. Память об этом подвиге должна передаваться из поколения в поколение как образец истинного патриотизма и служения Родине.

Список литературы

1. Васильев, А. Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 / А. Ф. Васильев ; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. — Москва : Наука, 1992. — 247 с.
2. Корнилов, Г. Е. Урал в Великой Отечественной войне: демографический аспект / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. — 2005. — № 10. — С. 112–120.
3. Мельников, Н. Н. Танкостроение на Урале в годы Великой Отечественной войны / Н. Н. Мельников // Военноисторический журнал. — 2013. — № 5. — С. 22–27.
4. Мотревич, В. П. Вклад Урала в разгром фашизма / В. П. Мотревич // Экономика региона. — 2010. — № 2. — С. 45–54.
5. Тогда была война... 1941–1945 : сб. док. и материалов / Объедин. гос. архив Челяб. обл. ; сост. Н. А. Антипин и др. — Челябинск : Каменный пояс, 2015. — 432 с.
6. Урал — фронту : сб. ст. / АН СССР, Урал. науч. центр, Ин-т истории и археологии ; под ред. А. В. Митрофановой. — Москва : Наука, 1985. — 344 с.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ: ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ И НЕ ТОЛЬКО...

УДК 027

Г. М. Казакова

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОТЕКА: КАК ЮЖНЫЙ УРАЛ ГЛЯДИТ В БУДУЩЕЕ?

Современная библиотека испытывает серьезные трансформационные процессы на протяжении последнего десятилетия, которые далеки от завершения. Библиотеке предстоит функционировать в системно меняющейся среде и условиях софтизации (экономики сервиса), демассификации и персонализации услуг, создания и последующего доминирования сетевых структур, «виртуализации», дифференциации и интеграции досуга и профессиональной деятельности, роста значения человеческого потенциала в условиях беспрецедентного кризиса идентичности и т. д. Отсюда возникает непреходящая потребность в теоретических изысканиях, прогнозирующих тренды библиотечного дела будущего и практического воплощения изменившихся реалий, нового образа читателя/потребителя библиотечных услуг, актуальных требований к сотрудникам-библиотекарям, неизбежной движения библиотеки от книгохранилища в сторону ресурсного центра. Важно отметить, что подобные масштабные преобразования происходят в условиях быстротекущей активности центробежных и центростремительных тенденций книжного мира и необходимостью преодоления их резких столкновений, выражающихся в стремительности реагирования на переходы: от конкуренции печатного мира с информационным — к партнерству; от моноспециализации — к полифонии полномочий и разнообразию

услуг для читателей; от архитектурной и акустической статики — к мобильным формам и модельной структуре библиотек; от «места, где читают» — к месту, где обучаются, проводят все формы и виды досуга, социализируются, коммуницируют, наращивают потенциал своих компетенций и т. д.

В зарубежной научной литературе предлагаются несколько вариантов деконструкции библиотечного института, среди которых:

- идеи С. Айтала трансформации библиотек в единый Ресурсный центр страны и даже мира, некой SMART-библиотеки, с помощью которой каждый пользователь получит возможность подключиться через информационно-коммуникационные технологии к информационному ресурсу и загружать аудио, текстовые и видео файлы. По мнению автора это обеспечивает равенство доступа каждому пользователю независимо от пола, расы, вероисповедания, экономического положения, страны происхождения пользователя [6];

- идеи М. Б. Хоя и Я. Но: «Библиотеки 4.0», основанной на принципах «открытых знаний», «открытых инноваций», ко-дизайна, коворкинга, краудсорсинга, совместного финансирования, холакратии. Для Библиотеки 4,0 будут характерны следующие признаки: «вездесущность» — доступность технологий Веб 4.0 влюбомместеивлюбоевремя; «идентичность» — предоставление пользователем наборов персонализированных услуг; «связь» — единая платформа коммуникации пользователей [6];

- идеи Х. Йохумсена в соавторстве с коллективом автором -библиотеки «четырех пространств» (по опыту публичных библиотек скандинавских стран): пространства «вдохновения», пространства «обучения», коллективного пространства собраний/заседаний и пространства перформансов для реализации четырех целей пользователей: приобретения опыта, расширения их возможностей и разработка и внедрение инноваций [6].

В России широкомасштабная модернизация библиотечной системы была запущена в рамках Национального проекта «Культура» 2019–2024 гг. А с 2025 г. новые модельные библио-

теки открываются в рамках национального проекта «Семья». Его основная цель — повысить доступность культурных услуг, создать современные пространства для чтения, творчества и образования, а также укрепить российскую гражданскую идентичность через доступ к культурным благам. Основными направлениями развития стало:

Создание модельных библиотек — модернизированных учреждений, которые трансформируются из традиционных книгохранилищ в многофункциональные пространства, которые включают функциональное зонирование (пространство разделяется на зоны для чтения, работы, отдыха, проведения мероприятий (арт-холл для выставок, коворкинг, залы для культурно-досуговых мероприятий); доступность для всех групп населения, включая людей с ограниченными возможностями здоровья.

2. Обновление фондов.

3. Расширение спектра услуг и мероприятий: выставки, мастер-классы, лекции, встречи с писателями и общественными деятелями, краеведческие мероприятия, работают творческие лаборатории и мастерские.

4. Интеграцию с локальным контекстом. Дизайн модельных библиотек разрабатывается с учетом региональной идентичности, особенностей местного культурного наследия, а также пожеланий сотрудников и читателей. Могут использоваться различные модели: библиотека семейного чтения, культурный центр, информационный центр, центр поддержки социально уязвимых групп населения и др.

5. Повышение квалификации персонала. Важной частью модернизации является обучение библиотекарей современным методам работы и использованию новых технологий [2].

В целом создание модельных библиотек из федерального бюджета за 2019–2024 гг. было направлено около 9 млрд рублей. Дополнительные средства привлекались из региональных и муниципальных бюджетов, а также за счет спонсорских средств. Повысилась посещаемость: в 2023 г. количество посещений модельных библиотек выросло на 42% по сравнению

с годом до модернизации. Был дан импульс для развития всей библиотечной сети [1]. Успешный опыт модернизации модельных библиотек стимулировал местные власти к развитию собственных программ по обновлению учреждений культуры. Реализовались дополнительные инициативы: появились сервис для чтения «Свет» — портал и мобильное приложение с каталогом электронных произведений, включая озвученные книги и материалы по культуре; проект «Гений места» точки концентрации талантов для занятий творчеством и получения актуальных навыков на базе библиотек; начал функционировать портал «новаябиблиотека.рф» и т. д.

Цель данной статьи: определить какое место занимает в модернизационном общероссийском процессе библиотечная система города-миллионника Челябинска, в какой степени она устремлена в будущее и как, в связи с развивающимися инновационными сценариями, меняется образ читателя/пользователя и библиотечного работника?

«Централизованная библиотечная система» города Челябинска (ЦБС), созданная в 1979 г. — одна из самых крупных и динамично развивающихся библиотечных систем в России, которая обеспечивает качественное библиотечно-информационное обслуживание жителей столицы Южного Урала. Библиотеки расположены во всех районах города Челябинска. Возглавляет это объединение Центральная библиотека им. А. С. Пушкина. Все библиотеки разные, не похожие друг на друга. Одни созданы в начале XX в. — библиотека башкирской и татарской литературы им. Ш. Бабича (1906) и Центральная библиотека им. А. С. Пушкина (1917). Другие совсем новые, как, например, библиотека № 9 в Парковом-2 (2021) и библиотека № 3 на Тополиной аллее (2022). В системе есть 7 именных библиотек, носящих имена писателей: Центральная библиотека им. А. С. Пушкина, библиотека №11 им. Я. Гашека, № 14 им. Н. В. Гоголя, № 15 им. Ш. Бабича, №22 им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, № 26 им. Л. К. Татьянической и № 32 им. М. Горького. В рамках национального проекта «Культура» модернизированы

Центральная библиотека им. А. С. Пушкина и библиотека № 26 им. Л. К. Татьяничей. Модельные библиотеки, или Библиотеки нового поколения, полностью отвечают потребностям современных пользователей и предоставляют уникальные возможности для интеллектуального развития. Все библиотеки ЦБС объединяет одно — это открытые пространства для чтения, общения, творчества и культурного отдыха челябинцев. Все услуги библиотек Централизованной библиотечной системы бесплатны» [3].

В целом можно выделить две глобальные тенденции, которые отчетливо прослеживаются за последнее десятилетие в библиотечной сфере страны и города: реновация функционала библиотеки от «книгохранилища» и «места для чтения» к ресурсному учреждению с широчайшим спектром коммуникационных и общественных активностей, точек притяжения в городских социокультурных пространствах.

И второе: глобальная информатизация и цифровизация библиотеки как центра документооборота и архивирования, перевода печатных изданий в цифровые версии; цифрового банка данных по всем сферам для потребителя нового уровня с соответствующим техническим и технологическим оборудованием.

Теперь библиотека предоставляет не только и столько «безграничные возможности для чтения», сколько и «безграничные возможности для общения». В городе Челябинске в библиотеках в совокупности в 2024 году было 78 клубов по интересам [5], количество социокультурных мероприятий выросло в 8 раз: с 1400 в 2015 г. [4] до 8128 мероприятий в 2024 г. [5]; выросло количество выданных справок по различным тематикам: с 59630 штук в 2015 г. до 67762 шт. в 2024 г.; количество посещений — с 660 тыс. в 2015 г. до 805 тыс. в 2024 г. [5].

Изменилась и характеристика потребительской аудитории библиотеки: в 2024 г. основным контингентом пользователей библиотек стала молодежь в возрасте с 15 до 30 лет (24,3 %), наряду с возрастной категорией от 31 до 45 лет — 23,1 %, потеснив пожилых людей — основной костяк пользователей библиотек [5].

Согласно Публичным отчетам, размещенным на официальном сайте ЦБС г. Челябинска, в период с 2008 по 2024 г., (данные за 2025 года в момент написания статьи еще не опубликованы в открытых данных) можно проследить следующую динамику ее развития.

Централизация библиотечного обслуживания в Челябинской области сохранилась; на 3 единицы количество библиотек в г. Челябинске, включая две модельных библиотеки нового поколения. Соблюдаются нормативы, установленные в утвержденных методических рекомендациях по обеспечению населения библиотеками (около 80 %).

Все библиотеки оснащены современным компьютерным оборудованием, переходят на автоматизированное обслуживание, предоставляют компьютеризированные места пользователям. С 2024 г. во всех библиотеках города обеспечен доступ к открытым электронным ресурсам Национальной электронной библиотеки (НЭБ РФ); электронной библиотеке диссертаций, оцифрованным изданиям и другим цифровым фондам; ЛитРес, Библиороссика, Консультант+, Гарант; в двух библиотеках — к Президентской библиотеке им. Б. Н. Ельцина.

Современные библиотеки Челябинска становятся multifunctional культурными и образовательными центрами. Внедряются новые форматы: коворкинги, цифровые лаборатории, творческие мастерские. Особое внимание уделяется молодежи: проводятся лекции, мастер-классы, образовательные проекты. Библиотеки становятся площадками для партнерства с образовательными и культурными учреждениями. В Челябинске и области библиотеки реализуют ряд инновационных проектов, направленных на модернизацию и расширение функций читален. Один из них «Гений места», главная цель которого — развитие креативных навыков жителей и поддержка креативных индустрий на базе библиотек, превращенных в современные точки концентрации талантов. Проект направлен на создание инфраструктуры для самореализации, обучения и реализации творческих инициатив на местах, без

необходимости уезжать в крупные города. Библиотеки обеспечивают доступ к образовательным, информационным и техническим ресурсам для реализации творческих инициатив.

Что касается второй тенденции современной библиотеки — преобразования в определенный digital-центр, то можно отметить следующие признаки, связанные с цифровизацией и трансформацией самой библиотеки как социального института. Вот ключевые направления этих изменений: расширяется работа с электронными каталогами, оцифровка фондов, онлайн-мероприятия и рекомендательные системы на основе искусственного интеллекта, а искусственный интеллект все активнее внедряется для поиска и рекомендаций литературы. Появляется современное оборудование и технологии (современные компьютеры, проекторы, интерактивные столы, очки виртуальной реальности, мультимедийные ресурсы и др.). Происходит комплектование мультимедийными ресурсами (например, интерактивные книги, книги с дополненной реальностью).

Растет цифровая грамотность современного пользователя, расширяются его информационные запросы: он все активнее использует электронные каталоги, онлайн-базы, цифровые коллекции и рекомендательные сервисы. Все больше запросов поступает через мобильные приложения и социальные сети. Пользователи ценят возможность удаленного доступа к ресурсам и цифровые сервисы самообслуживания.

В этом процессе библиотекарь становится цифровым модератором, проводником в информационном пространстве.

В целом современные библиотеки г. Челябинска, как полагается городу-миллионнику, выполняют ключевые задачи современного библиотечного дела и культурной политики. Существует ряд сдерживающих обстоятельств, прежде всего финансового, технического и технологического, а также кадрового характера. Однако, надо иметь ввиду, что современный технологический процесс, неизбежно затрагивающий и библиотечное дело, является «взрывным» и всеобъемлющим. В этой связи важно понимать не одномерность и нелинейность текущих социокультурных

процессов, идущих с разномасштабной многомерностью. Вот почему важно прогностическое мнение науки, в том числе культурологической, для определения путей, возможностей, перспектив «века грядущего» и библиотеки будущего.

Список литературы

1. Итоги реализации национального проекта «Культура». — URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/natsionalnyy-proekt-kultura/itogi-realizatsii-natsionalnogo-proekta/> (дата обращения: 06.05.2026).
2. Национальный проект «Культура». — URL: <https://национальные-проекты.рф/projects/kultura/> (дата обращения: 06.05.2026).
3. Основная информация и ответы на вопросы — МКУК ЦБС города Челябинска. — URL: <https://chelib.ru/articles/osnovnaja-informacija-i-otvety-na-voprosy/> (дата обращения: 06.05.2026).
4. Отчет ЦБС г. Челябинска за 2015 г. — URL: <https://chelib.ru/wp-content/uploads/files/docs/Otchet2015.pdf?x79210> (дата обращения: 06.05.2026).
5. Отчет ЦБС г. Челябинска за 2024 г. — URL: https://chelib.ru/wp-content/uploads/files/docs/Публичный_отчёт_2024.pdf (дата обращения: 06.05.2026)
6. Чжао Цзюньчэн. Эволюция библиотеки в условиях цифрового общества / Чжао Цзюньчэн // Инновации и инвестиции. — 2021. — № 5. — С. 83–85.

УДК 93: 908

П. В. Дёмин

Науч. рук.: Н. В. Гришина

ТЕМА КУЛЬТУРЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ

Изучение региональной истории — важный элемент формирования культурной идентичности школьников. Учебники истории Челябинской области призваны не только передавать знания о прошлом региона, но и воспитывать уважение к его культурному наследию. Цель данной статьи — проанализировать, как в учебных пособиях представлена культура Челябинской области, какие аспекты освещаются наиболее полно, а какие остаются на периферии внимания

Источниковую базу исследования составляют учебные пособия по региональной истории: «История родного края» А. И. Александрова (для учащихся 7–10 классов, 1978 г.)

и современные разработки «история нашего края» для учащихся 5, 6 и 7 классов [1–5].

Методология исследования включает: контентанализ текстов; сравнительный анализ разных изданий; выявление тематических акцентов и лакун.

В советском учебнике теме культуры отведено лишь две страницы. Исследовалась лишь культура советского периода. В частности, говорилось о «росте культуры и просвещения в Челябинской области» на примере увеличения количества учебных заведений по сравнению с имперским периодом, приводятся статистические показатели: 13 вузов и 70 сузов, 1513 общеобразовательных школ. Говорится об успехах регионального спорта, 50 стадионах. Отмечены также успехи в сфере здравоохранения.

Современные учебные пособия содержат сведения о культуре каждой из изучаемых эпох (например, культура железного века). У пятых классов из 34 планируемых по программе уроков 7 сводятся к изучению культуры. В шестом классе — 3 из 17, в седьмом — 2 из 17.

В отличие от учебника А. И. Александрова, современные снабжены богатым иллюстративным материалом, в особенности это касается параграфов, раскрывающих тему культуры. И если в советском учебнике основная часть внимания уделена успехам народного образования, то раскрывая аспекты культуры, современные авторы делают акцент на произведениях искусства (живопись, литература, музыка).

Таким образом, очевидна тенденция расширения информированности учеников о культурном пространстве различных периодов и видах культурной активности.

Список литературы

1. Александров, А. И. История родного края : учеб. пособие по ист. краеведению для учащихся 7–10-х кл. школ Челяб. обл. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1978. — 169, [7] с., 4 л. ил. : ил., карт.
2. История родного края. Челябинская область (Южный Урал) : концепция преподавания и региональный историко-культурный стандарт / под ред. В. М. Кузнецова. — Челябинск : Край Ра, 2022. — 84 с.

3. Кузнецов, В. М. История нашего края. Челябинская область. Южный Урал в конце XVIII — начале XX в. / В. М. Кузнецов. — Челябинск, 2026. — 96 с.
4. Методические рекомендации «Об особенностях преподавания учебного курса «История нашего края. Челябинская область» на уровне основного общего образования в 2025/2026 учебном году». — 87 с. — URL: maouoc1.ucoz.org/obrazovanie/OO_school/2026/...
5. Рабочая программа учебного курса «История нашего края. Челябинская область» для 5–7 классов образовательных организаций. — 80 с. — URL: [oc-5.gov74.ru/files/articles/7_история 5-7.pdf](http://oc-5.gov74.ru/files/articles/7_история%205-7.pdf).

УДК 027.625 (791.633)

К. А. Качалова

**«Библионочь» в детской библиотеке: типология
и структурная организация праздничного проекта»**

В статье рассматриваются теоретические основы типологии всероссийской акции «Библионочь» как особого формата библиотечного праздника. Вводится авторское понятие «библиотечный праздник», синтезирующее библиотековедческий и режиссерско-сценарный подходы. Анализируются различные классификации мероприятий, выявляются структурные компоненты проекта. Особое внимание уделяется специфике проведения акции в детских библиотеках с учетом возрастных особенностей аудитории.

Всероссийская акция «Библионочь» за годы своего существования превратилась в уникальное социокультурное явление, выходящее за рамки традиционного библиотечного мероприятия. Для ее полноценного анализа необходимо обратиться к теоретической базе, лежащей на стыке двух научных направлений: библиотековедения и режиссуры театрализованных представлений и праздников. Синтез этих подходов позволяет ввести понятие, адекватно описывающее природу данного явления.

Под библиотечным праздником мы понимаем особую форму социально-культурной деятельности, представляющую собой синтез библиотечных сервисов и технологий праздничной куль-

туры. Библиотечный праздник — комплексное мероприятие, включающее в себя яркие, праздничные мероприятия, направленные на пропаганду книги и чтения. Это событийное действо, организованное на базе библиотеки, которое реализует социокультурные функции учреждения (просветительскую, досуговую, коммуникативную); строится по законам драматургии и режиссуры театрализованных представлений; трансформирует библиотечное пространство в игровую, событийную среду; направлено на приобщение к чтению через эмоциональное вовлечение участников.

Данное определение органично соединяет два направления: библиотечную теорию (работа с фондами, продвижение чтения) и теорию праздничной культуры. Именно на стыке этих подходов возникает понимание «Библионочи» как сложного, многоуровневого режиссерско-сценарного проекта, который правомерно рассматривать как одну из современных разновидностей библиотечного праздника.

Как справедливо отмечает Т. Д. Жукова, данная акция стала эффективным инструментом привлечения читателей, особенно в детских библиотеках, где особое значение приобретает адаптация общероссийской концепции под возрастные особенности и психологию восприятия детей и подростков [8]. В практике детских библиотек сложились специальные подходы к организации вечерних мероприятий, учитывающие возрастные ограничения аудитории и необходимость участия родителей, что напрямую соотносится с режиссерскими принципами создания праздничного действа для семейной аудитории [22].

Прежде чем перейти к построению конкретной модели, необходимо проанализировать существующие типологические характеристики и структурные компоненты данного праздничного проекта, опираясь на введенное понятие библиотечного праздника.

Вопросы типологии библиотечных мероприятий подробно рассматриваются в фундаментальных трудах Н. И. Гендиной и Н. И. Колковой, которые заложили теоретическую базу для понимания библиотеки как центра культурно-досуговой дея-

тельности [5]. Н. Н. Ярошенко, исследуя инновационные формы массовой работы библиотек, предлагает классифицировать мероприятия по нескольким основаниям, среди которых масштаб, тематика и целевая аудитория являются определяющими [25]. С другой стороны, режиссерско-сценарный подход к празднику, разработанный в трудах Н. А. Опариной, позволяет рассматривать библиотечный праздник как особую драматургическую форму, подчиняющуюся законам театрализации [16].

Многообразие подходов к типологии «Библионочи» обусловлено сложностью и многогранностью этого явления, которое одновременно принадлежит и библиотечной практике, и праздничной культуре.

В зависимости от избранного критерия можно выделить несколько классификационных групп.

По масштабу и уровню организации праздничный проект «Библионочь» делится на: общероссийский уровень — единая концепция, утвержденная организаторами акции, задающая тематический вектор (например, «Читаем всей семьей» в 2024 г., приуроченный к Году семьи). Данное положение закреплено в официальных документах Министерства культуры РФ и Положении о всероссийской акции [2; 15; 20]. Региональный уровень — адаптация общей темы с учетом местных культурных традиций. Ярким примером служит опыт Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), подробно описанный в исследовании Л. В. Егоровой и М. И. Колесовой, где акция органично соединила федеральный девиз с демонстрацией национальных традиций [7]. Локальный уровень (отдельной библиотеки) — уникальная программа конкретной библиотеки, разработанная с учетом ее ресурсов, специфики фонда и контингента читателей. Методические рекомендации Российской государственной детской библиотеки содержат подробные указания по разработке локальных программ [13; 18; 20].

По тематико-сценарному принципу, который является ключевым для режиссуры театрализованных представлений, проекты можно разделить на: литературно-центрированные —

построенные вокруг конкретных книг, авторов или литературных жанров. Примером может служить праздничная программа «Книжное Зазеркалье» в Воронежской областной детской библиотеке, детально описанная Н. С. Климовой. Пространство библиотеки было организовано по мотивам произведения Льюиса Кэрролла, а посетителей встречали литературные персонажи [11]. Игровые и приключенческие — основанные на квестах, путешествиях, выполнении заданий. Е. А. Фролова в своем исследовании игровых программ для подростков подробно анализирует методику разработки квестов и приключенческих игр в библиотечном пространстве [23]. Творческие (мастер-классы) — с акцентом на практическую деятельность. В Якутии, например, работало «Литературное кафе народов мира» с дегустацией национальных блюд и обучением их приготовлению [7]. Комплексные (полиформатные) — сочетающие различные виды активности. По мнению И. С. Акифьевой и Е. В. Смирновой, это наиболее распространенный и эффективный тип для детской аудитории, так как позволяет удерживать внимание детей разного возраста с разными интересами [1].

По целевой аудитории проекты «Библионочи» в контексте детской библиотеки подразделяются на: семейные — рассчитанные на совместное участие детей и родителей. В программе «Книжное Зазеркалье» взрослые с не меньшим энтузиазмом, чем дети, участвовали в интерактивах [11]. Н. В. Гребенникова подчеркивает важность трансформации библиотечного пространства именно для семейной аудитории [6]. Детские — ориентированные исключительно на детскую аудиторию с учетом возрастных особенностей. Е. В. Карпова подробно анализирует интерактивные формы работы с читателями-детьми в рамках акции [10]. Подростковые — требующие особого подхода, учета молодежной субкультуры и современных форматов досуга [23].

Ключевым этапом разработки любого праздничного проекта является выделение его **структурных элементов**. Анализ успешных практик проведения «Библионочи» в детских библиотеках, представленный в многочисленных публикаци-

ях [1; 8; 10; 11; 22], а также режиссерско-сценарный подход к организации праздников позволяют выявить инвариантные компоненты, составляющие каркас библиотечного праздника.

Концептуально-содержательный блок. Это «идейный центр» проекта, включающий выбор общей темы, сквозного сюжета или «легенды» мероприятия. Н. А. Опарина в своем фундаментальном труде по сценарно-режиссерским основам празднично-обрядового действия подробно рассматривает механизмы формирования концепции праздничного мероприятия, что напрямую применимо к проектированию «Библионочи» [16].

Организационно-подготовительный блок. Включает планирование ресурсов, распределение обязанностей среди сотрудников, привлечение партнеров и волонтеров. И. Ю. Матвеева подчеркивает ключевую роль социального партнерства в организации библиотечных праздников [12]. Опыт привлечения студенческих коллективов описан в работах О. А. Михайленко [14] и находит отражение в методических рекомендациях РГДБ [18; 20].

Пространственно-оформительский блок. Организация библиотечного пространства, его зонирование и праздничное оформление играют ключевую роль в создании особой атмосферы. Н. В. Шарковская уделяет особое внимание вопросам трансформации библиотечного пространства [24]. Н. В. Гребенникова также рассматривает данную проблематику в контексте проведения «Библионочи» [6]. С режиссерской точки зрения, это создание мизансцен и игрового пространства праздника.

Сценарно-режиссерский блок (программа мероприятий). Совокупность всех активностей, распределенных во времени и пространстве. Н. Н. Петрова анализирует сценарно-режиссерские особенности подготовки массовых мероприятий в детской библиотеке [19]. С опорой на ее работу и труды Н. А. Опариной [16] можно выделить инвариантные для детской «Библионочи» элементы: пролог (торжественное открытие, задающее тон празднику), основное действие (работа интерактивных площадок, построенная по законам драматургии), кульминация (специальные события), финал (заключительная часть, создающая ощущение завершенности).

Интерактивно-коммуникативный блок. Элементы, обеспечивающие вовлеченность посетителя. А. А. Иванова анализирует различные интерактивные формы [9]. Положительно зарекомендовала себя игровая валюта, маршрутные листы с заданиями, фотозоны. В режиссерской практике это называется «вовлечение зрителя в действие».

Маркетингово-рекламный блок. Информирование потенциальных участников, создание привлекательного имиджа мероприятия. Портал «Культура.РФ» и официальный сайт Министерства культуры предоставляют библиотекам готовые инструменты для продвижения [2; 4]. Опыт регионов обобщается на сайте Российской библиотечной ассоциации [17].

Аналитико-рефлексивный блок. Сбор отзывов, подсчет количества участников, анализ успешности отдельных элементов. Данный аспект рассматривается в студенческих исследованиях [3; 21].

Таким образом, «Библионочь» в детской библиотеке представляет собой сложный, многоуровневый проект, который правомерно рассматривать как разновидность библиотечного праздника. Введенное определение позволяет объединить библиотековедческий подход (продвижение чтения, работа с фондами) и режиссерско-сценарный подход (драматургия, театрализация, создание праздничной атмосферы). Эффективность проекта напрямую зависит от продуманности всех его структурных компонентов и правильного выбора типологической модели, соответствующей ресурсам библиотеки и потребностям целевой аудитории.

Список литературы

1. Акифьева, И. С. «Библионочь» как эффективная форма продвижения чтения в молодежной среде / И. С. Акифьева, Е. В. Смирнова // Библиотековедение. — 2023. — Т. 72, № 3. — С. 245–254.
2. Библионочь-2024: итоги всероссийской акции // Министерство культуры Российской Федерации : офиц. сайт. — Москва, 2024. — URL: <https://culture.gov.ru/press/releases/bibliionoch-2024-itogi-vserossiyskoy-aktsii/> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Воробьева, А. С. Организация культурно-досуговой деятельности в детской библиотеке : выпускная квалификационная работа / А. С. Воробьева; Московский государственный институт культуры. — Москва, 2023. — 78 с.

4. Всероссийская акция «Библионочь» : портал культурного наследия и традиций России «Культура.РФ». — Москва, 2024. — URL: <https://www.culture.ru/s/biblionoch/> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Гендина, Н. И. Библиотека как центр культурно-досуговой деятельности : теория и практика организации массовой работы / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова. — Москва : Либерия-Бибинформ, 2021. — 256 с. — (Библиотекарь и время. XXI век ; вып. 178).
6. Гребенникова, Н. В. Трансформация библиотечного пространства в условиях проведения всероссийской акции «Библионочь» / Н. В. Гребенникова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2022. — № 4 (108). — С. 112–119.
7. Егорова, Л. В. Семейное чтение в формате «Библионочи»: из опыта работы Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) / Л.В. Егорова, М.И. Колесова // Молодые в библиотечном деле. — 2024. — № 5. — С. 28–33.
8. Жукова, Т. Д. Акция «Библионочь» как инструмент привлечения читателей в детские библиотеки / Т. Д. Жукова // Детская библиотека: современный формат. — 2023. — № 2 (18). — С. 4–11.
9. Иванова, А. А. Проектная деятельность библиотек по организации досуга детей и подростков / А. А. Иванова // Современная библиотека. — 2022. — № 8. — С. 34–39.
10. Карпова, Е. В. Интерактивные формы работы с читателями-детьми в рамках всероссийской акции «Библионочь» / Е. В. Карпова // Школьная библиотека. — 2023. — № 5. — С. 42–46.
11. Климова, Н. С. «Книжное Зазеркалье»: опыт проведения «Библионочи» в Воронежской областной детской библиотеке / Н. С. Климова // Библиотека. — 2024. — № 3. — С. 18–22.
12. Матвеева, И. Ю. Роль социального партнерства в организации библиотечных праздников / И. Ю. Матвеева // Библиосфера. — 2023. — № 1. — С. 66–71.
13. Методические рекомендации по подготовке и проведению «Библионочи» в детских библиотеках / Российская государственная детская библиотека. — Москва, 2024. — URL: <https://rgdb.ru/professionalam/> (дата обращения: 09.03.2026).
14. Михайленко, О. А. Волонтерское движение в детских библиотеках: опыт привлечения и организации деятельности / О.А. Михайленко // Библиотечное дело. — 2022. — № 14. — С. 23–26.
15. О проведении ежегодной всероссийской акции «Библионочь — 2024» : письмо Министерства культуры РФ от 15.02.2024 № 458-01.1-39-@. — Москва, 2024. — 5 с.
16. Опарина, Н. А. Сценарно-режиссерские основы празднично-обрядового действа : учеб. пособие / Н.А. Опарина. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург : Лань : Планета музыки, 2023. — 192 с.

17. Опыт проведения «Библионочи-2024» в регионах России* // Российская библиотечная ассоциация : сайт. — Санкт-Петербург, 2024. — URL: <http://www.rba.ru/activities/news/> (дата обращения: 10.03.2026).
18. Организация и проведение социокультурных акций в библиотеках : метод. рекомендации / Российская государственная детская библиотека ; сост. Е.А. Колосова. — Москва : РГДБ, 2023. — 48 с.
19. Петрова, Н. Н. Сценарно-режиссерские особенности подготовки массовых мероприятий в детской библиотеке / Н.Н. Петрова // Молодые в библиотечном деле. — 2023. — № 8. — С. 14–19.
20. Положение о всероссийской акции «Библионочь-2024»* : утв. организационным комитетом акции 20.12.2023. — Москва, 2023. — 12 с.
21. Сидорова, К. Д. Специфика подготовки и проведения всероссийской акции «Библионочь» в библиотеках, обслуживающих детей : курсовая работа / К. Д. Сидорова ; Санкт-Петербургский государственный институт культуры. — Санкт-Петербург, 2024. — 52 с.
22. Соколова, Т. В. Специфика проведения всероссийской акции «Библионочь» в детских библиотеках / Т.В. Соколова // Вестник библиотек Москвы. — 2024. — № 1. — С. 30–35.
23. Фролова, Е. А. Методика разработки игровых программ для подростков в библиотеке / Е.А. Фролова // Игровая библиотека. — 2023. — № 3. — С. 52–58.
24. Шарковская, Н. В. Социально-культурная деятельность библиотек : история и современные технологии / Н. В. Шарковская. — Москва : Юрайт, 2023. — 184 с. — (Высшее образование).
25. Ярошенко, Н. Н. Инновационные формы массовой работы библиотек / Н. Н. Ярошенко. — Москва : МГУКИ, 2022. — 215 с.

УДК 791.633 (027)

К. А. Качалова

**РЕЖИССУРА ДЕТСКОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ПРАЗДНИКА:
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПОДГОТОВКЕ
И ПРОВЕДЕНИЮ «БИБЛИОНОЧИ»**

Всероссийская акция «Библионочь» за годы своего существования превратилась в значимое событие в культурной жизни страны. Для детских библиотек эта акция стала важным инструментом привлечения юных читателей и их семей. Как справедливо отмечает Т. Д. Жукова, детские библиотеки нуждаются в особых методических подходах к организации

«Библионочи», поскольку их аудитория наиболее требовательна к формам подачи материала и интерактивности [5].

В рамках данного исследования мы вводим авторское понятие «библиотечный праздник» — синтез библиотечных сервисов и технологий праздничной культуры. Это событийное действие, которое строится по законам драматургии и режиссуры, трансформирует библиотечное пространство и направлено на приобщение к чтению через эмоциональное вовлечение. В отличие от традиционного мероприятия (лекции, обзора, беседы), библиотечный праздник предполагает активное участие посетителя, театрализацию и обязательную обратную связь.

Цель предлагаемой модели — обеспечить библиотекарей методическим инструментарием для самостоятельной разработки и проведения «Библионочи» в детской библиотеке. Модель построена по принципу проектного цикла и включает четыре последовательных этапа: подготовительный, концептуально-сценарный, организационно-практический и аналитический.

1. Подготовительный этап: создание ресурсной базы. Подготовительный этап начинается с формирования проектной команды. В состав команды должны входить: руководитель проекта, сценарист-режиссер, координаторы площадок, ответственный за оформление и PR-менеджер. Как отмечает Н. Н. Петрова, эффективная команда — залог успеха [12]. К подготовке целесообразно привлекать волонтеров из числа старшеклассников и родителей. О. А. Михайленко подчеркивает, что участие волонтеров формирует лояльное сообщество вокруг библиотеки [9].

Проводится инвентаризация материально-технических средств, составляется смета. Социальное партнерство расширяет ресурсную базу праздника (И. Ю. Матвеева) [8]. Информационная кампания начинается за 2–3 недели: афиши, социальные сети, родительские чаты, местные СМИ. Опыт регионов обобщает сайт Российской библиотечной ассоциации [10].

2. Концептуально-сценарный этап: разработка идеи и драматургии. Тема «Библионочи» должна быть созвучна

общероссийской концепции, но адаптирована для детской аудитории. Например, тема 2024 г. «Читаем всей семьей» успешно раскрывалась через сказочные сюжеты (воронежская программа «Книжное Зазеркалье»), кулинарные традиции (якутское «Литературное кафе»), создание родословных [7; 4]. Сквозной сюжет («легенда») определяет весь образный строй праздника (Н. А. Опарина) [10]. Сценарий строится по законам драматургии: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, финал. Сценарий — это «партитура», допускающая импровизацию [10; 12].

Для детской аудитории обязательны интерактивные площадки: творческая мастерская, игровая зона, познавательная лаборатория, фотозона. А. А. Иванова предлагает классификацию досуговых активностей [6]. Е. А. Фролова анализирует методику разработки квестов, популярных у подростков [14]. Система мотивации — игровая валюта («библики») или маршрутные листы с наклейками, которые дети обменивают на призы. Подход описан в методических рекомендациях Российской государственной детской библиотеки [11; 13].

3. Организационно-практический этап: реализация праздничного действия. Пространство библиотеки трансформируется в соответствии с концепцией. Зонирование включает входную группу, интерактивные зоны, зону отдыха и фотозону. Эстетика пространства влияет на восприятие (Н. В. Шарковская) [15]. Навигация должна быть понятна ребенку. Трансформация требует особого внимания к освещению и цвету (Н. В. Гребенникова) [3]. В день мероприятия координатор управляет потоками гостей. Сценарное действие строится как пролог — основное действие — кульминация — финал. Финал объединяет всех участников общим флешмобом или дискотекой [12]. Безопасность: наличие аптечки, контроль за детьми, продуманные пути эвакуации. Требования закреплены в нормативных документах [2].

4. Аналитический этап: оценка эффективности и рефлексия. Этот этап включает сбор обратной связи: анкетирование, «Книга отзывов», анализ комментариев в социальных сетях.

Методика описана в студенческих работах [1; 14]. Проводится подсчет количественных показателей: число посетителей, участников на площадках, привлеченных партнеров. Система критериев оценки предложена И. С. Акифьевой и Е. В. Смирновой [1]. Формируется архив: систематизируются сценарий, фотографии, видеоролики, отзывы. Опыт регионов обобщается на сайте Российской библиотечной ассоциации [10].

Методические рекомендации общего характера

1. Ориентация на семейное участие. Совместный досуг детей и родителей — главный фактор успеха. Это подтверждают исследования [1; 5] и опыт челябинских, воронежских, якутских библиотек. *Как реализовать:* включайте в квест задания, где взрослый и ребенок действуют вместе (например, прочитать отрывок вслух, найти книгу по подсказке). Организуйте «читательскую гостиную», где семьи делятся впечатлениями. Избегайте форматов, рассчитанных только на детей (родители не должны скучать).

2. Интеграция книги в каждую активность. Главная функция библиотеки — приобщение к чтению, а не просто развлечение. Даже на мастер-классе по изготовлению поделки обязательно сделайте отсылку к литературному произведению, покажите книгу, предложите взять ее домой. *Как реализовать:* на каждой площадке поставьте небольшую выставку из 3–5 книг по теме; задание квеста должно требовать найти книгу на стеллаже (а не просто ответить на вопрос). Этот принцип отражен в работах А. С. Воробьевой [2] и Н. В. Шарковской [15].

3. Принцип «равный — равному» (подростки-волонтеры). О. А. Михайленко [9] показала, что старшеклассники эффективно работают с младшими детьми, потому что они ближе по возрасту и языку. *Как реализовать:* создайте волонтерский отряд из читателей 14–17 лет. Обучите их за 2 недели до мероприятия: как встречать гостей, объяснять правила квеста, помогать на мастер-классах. Подростки могут вести одну из площадок полностью (например, фотозону или настольные игры). Для них это опыт социализации и ответственности.

4. Гибкость и адаптивность модели. Ваша модель не должна быть жестким шаблоном. У каждой библиотеки свои ресурсы (площадь, бюджет, количество сотрудников). *Как реализовать:* при ограниченном бюджете делайте акцент на самодельных декорациях и волонтерах; при маленьком пространстве — организуйте не 5–6 площадок, а 2–3, но с четкой ротацией по времени; при отсутствии опыта театрализации начните с простого: один ведущий в костюме персонажа и несколько игровых точек.

5. Обязательный аналитический этап (авторское усиление). Как показал анализ [1; 14], большинство библиотек не анализируют свои ошибки, поэтому они повторяются из года в год. *Как реализовать:* после мероприятия раздайте 5–10 простых анкет (или разместите QR-код на стойке). Заведите «Книгу отзывов» с вопросом: «Что вам понравилось больше всего?» и «Что стоило бы изменить?». Проведите рабочее совещание команды в течение 2–3 дней после акции, запишите все замечания и сформируйте архив (сценарий, фото, отзывы, статистика). Это позволит улучшить следующую «Библионочь».

6. Мотивация участников через игровую валюту. Опыт Челябинской областной детской библиотеки [8] показал, что дети охотнее проходят все площадки, если за это получают наклейки или «библики», которые затем обменивают на приз. *Как реализовать:* напечатайте или нарисуйте небольшие карточки с логотипом библиотеки. Ребенок получает одну карточку за выполнение задания. В конце праздника открывается «лавочка чудес»: за 3 карточки — наклейка, за 5 — книжная закладка, за 7 — сладкий приз от спонсора.

7. Зонирование и навигация. По данным проектов Санкт-Петербурга и Новосибирска [3; 15], отсутствие четкого зонирования приводит к столпотворению и снижению интереса. *Как реализовать:* разделите пространство на цветные зоны: красный — вход и выдача маршрутных листов, желтый — творческая мастерская, зеленый — игровая зона, синий — фотозона. Разместите на полу стрелки и указатели на уровне глаз ребенка (наклейки на полу, картинки).

Это снимет стресс у родителей и позволит детям самостоятельно перемещаться.

Предложенная модель объединяет библиотечный и режиссерско-сценарный подходы. Четыре этапа охватывают полный цикл проектной деятельности. Модель адаптивна и может использоваться библиотеками разного уровня. Ее применение позволяет повысить качество проведения «Библионочи» и сформировать устойчивый интерес к чтению у детей и их семей.

Список литературы

1. Акифьева, И. С. «Библионочь» как эффективная форма продвижения чтения / И. С. Акифьева, Е. В. Смирнова // Библиотековедение. — 2023. — Т. 72, № 3. — С. 245–254.
2. Воробьева, А. С. Организация культурно-досуговой деятельности в детской библиотеке : выпускная квалификационная работа / А. С. Воробьева. — Москва, 2023. — 78 с.
3. Гребенникова, Н. В. Трансформация библиотечного пространства в условиях проведения «Библионочи» / Н. В. Гребенникова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2022. — № 4. — С. 112–119.
4. Егорова, Л. В. Семейное чтение в формате «Библионочи» / Л. В. Егорова, М. И. Колесова // Молодые в библиотечном деле. — 2024. — № 5. — С. 28–33.
5. Жукова, Т. Д. Акция «Библионочь» как инструмент привлечения читателей в детские библиотеки / Т. Д. Жукова // Детская библиотека: современный формат. — 2023. — № 2. — С. 4–11.
6. Иванова, А. А. Проектная деятельность библиотек по организации досуга детей и подростков / А. А. Иванова // Современная библиотека. — 2022. — № 8. — С. 34–39.
7. Климова, Н. С. «Книжное Зазеркалье»: опыт проведения «Библионочи» в Воронежской областной детской библиотеке / Н. С. Климова // Библиотека. — 2024. — № 3. — С. 18–22.
8. Матвеева, И. Ю. Роль социального партнерства в организации библиотечных праздников / И. Ю. Матвеева // Библиосфера. — 2023. — № 1. — С. 66–71.
9. Михайленко, О. А. Волонтерское движение в детских библиотеках / О. А. Михайленко // Библиотечное дело. — 2022. — № 14. — С. 23–26.
10. Опарина, Н. А. Сценарно-режиссерские основы празднично-обрядового действия / Н. А. Опарина. — Санкт-Петербург : Лань, 2023. — 192 с.
11. Организация и проведение социокультурных акций в библиотеках : метод. рекомендации / Российская государственная детская библиотека ; сост. Е. А. Колосова. — Москва : РГДБ, 2023. — 48 с.

12. Петрова, Н. Н. Сценарно-режиссерские особенности подготовки массовых мероприятий в детской библиотеке / Н. Н. Петрова // Молодые в библиотечном деле. — 2023. — № 8. — С. 14–19.
13. Положение о всероссийской акции «Библионочь-2024». — Москва, 2023. — 12 с.
14. Сидорова, К. Д. Специфика подготовки и проведения «Библионочи» в библиотеках, обслуживающих детей : курсовая работа / К. Д. Сидорова. — Санкт-Петербург, 2024. — 52 с.
15. Шарковская, Н. В. Социально-культурная деятельность библиотек / Н. В. Шарковская. — Москва : Юрайт, 2023. — 184 с.

УДК 92

В. И. Подшумляк

**БОРИС СТЕПАНОВИЧ РЯБИНИН — ПИСАТЕЛЬ, ПУБЛИЦИСТ,
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ**

15 марта в Свердловске на 80-м году ушел из жизни Борис Степанович Рябинин. Кто он? Популярный писатель, талантливый фотограф, пламенный публицист, самобытный художник, известный эколог, кинолог, общественный деятель союзного масштаба. Будет неправдой сказать, что его забыли. К 275-летию Екатеринбурга был составлен рейтинг «275 самых знаменитых екатеринбуржцев», в котором Борис Рябинин занял почетное 51-е место и обозначен не только как писатель, а как основатель экологического движения на Урале [5, с. 10]. Составители 20-томного собрания сочинения известного уральского писателя считают, что в истории уральской литературы XX в. были эпохи Д. Н. Мамина-Сибирика, П. П. Бажова и Б. С. Рябинина [5, с. 7].

Борис Степанович родился 21 октября 1911 г. в интеллигентной семье, проживающей в г. Кунгур Пермской губернии. В разгар гражданской войны в 1919 г. он пошел в школу, сразу во второй класс. Учился очень хорошо, особенно увлеченно занялся литературой, географией, рисованием. В детстве много читал, увлекался приключенческой литературой, выпускал рукописный журнал. В пятнадцатилетнем возрасте уехал из Кунгура на учебу в Пермь. В 1930 г. после окончания землеустроительного техникума пере-

ехал в столицу Уральской области — Свердловск. Здесь заочно окончил механико-машиностроительный институт. Работал топографом, инженером, фотокорреспондентом газеты «Известие» по Уралу. Первые заметки и очерки были опубликованы в журнале «Уральский следопыт» (1935). Два первых очерка — о путешествии по реке Кама и про почтовых голубей, определили основные направления будущей литературной деятельности: о животных и краеведение, т. е. познание родной земли, уральского края. А в 1936 г. в Свердловском издательстве вышла первая книга молодого автора «Каменные сказки», а в 1937 г. «Мои друзья»: рассказы о служебных собаках [2, с. 3, 14].

В 1939 г. Б. С. Рябинин был принят в члены Союза писателей, т. е. стал профессиональным писателем. За пять лет (1936–1941) молодой автор издал в Свердловске и Челябинске шесть книг, в том числе книга для юношества «Мои друзья» вышла двумя изданиями. Патриарх уральской литературы П. П. Бажов, который знал Бориса с 1934 г., отмечал: «Основными особенностями тов. Рябинина является — умение своевременно заметить новое, большая работоспособность и организаторские навыки» [4].

В годы Великой Отечественной войны (из-за высокой близорукости не был взят на фронт) работал военным корреспондентом в политотделе 61-й Свердловской Гвардейской танковой бригады 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса. В 1944–1947 гг. им был написан очерк «Земляки Уральцы на войне», посвященный корпусу. В 1943 г. получил благодарственную телеграмму от И. В. Сталина, за внос гонорара за свою книгу в фонд построения танковой колонны. В годы войны он работал председателем быто-вой комиссии Свердловского отделения ССП.

В Свердловске, Молотове (Перми), Москве в 1941–1945 гг. выходят его документальные повести и очерки «Месть Дмитрия Босого», «Приказ выполнен», «Молодежь кует победу», «Друзья-товарищи» и др. Б. С. Рябинин был награжден медалью «За победу над Германией» и орденом Отечественной войны в 1985 г. [4].

В послевоенные годы резко выросла популярность Бориса Степановича Рябинина. У него много задумок и планов. Его учитель П. П. Бажов как то заметил: «Тут про Бориса всякое говорилось. А я так скажу: «Другой поедет, ничего не привезет, а Борис поедет шестнадцать тем привезет. Но главной темой для него была «собачья», она захватила его полностью. Книг о собаках было много, они выходили в разных городах СССР и за границей. Их читали и взрослые, и дети. «Мы выросли на этих книгах»- часто слышал писатель на встречах. Академик В. Н. Большаков школьником прочитал книгу Б. С. Рябинина «Мои друзья» и под ее влиянием завел себе немецкую овчарку и назвал ее в честь главной героини книги — Джерри [1, с. 6]. От этой темы он перешел к более широкой — человек и природа. «Лучшей иллюстрацией для школьников и студентов при обсуждении вопросов охраны природы, чем статьи Б. С. Рябинина, посвященные лесу, озерам и рекам Урала, памятника природы, — нельзя представить. Борьба писателя за сохранение заповедников и замечательных мест на Урале — особое место в его творчестве, стоит только прочесть статьи, регулярно публиковавшиеся в журналах «Урал» и «Уральский следопыт» [1, с. 6].

Б. С. Рябинин получает сотни и тысячи писем со всех уголков страны; его творчество высоко оценивают выдающиеся советские писатели К. И. Чуковский, Л. М. Леонов, Г. Н. Троепольский.

Прочитав книгу «Твои верные друзья» К. И. Чуковский отметил: «Книга написана таким опытным, таким квалифицированным мастером, в ней столько таланта и вкуса, что я читал ее с восхищением и завистью» [7, с. 318].

Рассуждая о секрете своей популярности, Б. С. Рябинин в 1982 г. отметил: «Я никогда не писал просто “для души”. Все, что я писал, я писал с душой, вкладывая всего себя, все, на что был способен. Иначе я и не представляю писательский труд» [4]. Коллег, друзей поражали необыкновенная работоспособность, неутомимость, мобильность. Сам он как-то шутливо заметил, что принадлежит «к племени бродяг». В Туве, в центре Азии, он вспомнил высказывание Пржевальского: «Страсть к путешествиям одна из благороднейших страстей человеческих» [4].

«Я достаточно поколесил по свету, — утверждал писатель. — Индия, Пакистан, страны Европы». Но главное — своя страна, она такая огромная, что «право же, не объедешь и за всю жизнь, даже если проживешь сто лет». Кажется, не осталось в Советском союзе места, где он не побывал. На пароходе не раз ходил по Каме, Волге, Енисею. Многократно бывал в Центральной России, в Крыму, на Кавказе, в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии на Чукотке, в Карелии, на Дальнем Востоке, в Сибири. Ну и понятно, с юных лет объездил весь Урал. Специальность — топограф, фотокорреспондент — это походы поездки, «неутомимость и постоянный бег в перегонки со временем» [4].

В 1980 г. (на 70-м году жизни) он был в поездках и командировках более десяти раз, в том числе дважды в Москве, на Байкале, в Бурятии (Улан-Уде), в столице Узбекистана (Ташкенте), в Сибири, в Северном, на Южном Урале, в Челябинске и в Троицке, в Первоуральске и других местах Свердловской области. 5 января 1987 г. Борис Степанович писал Н. Б. Коростелеву в Москву: «...Езжу всю жизнь! Новые события, факты, наблюдения, встречи с интересными людьми; вот почему я стараюсь уплотнить время до предела, потому и отдыхать некогда. Газеты пишут, что у меня фантастическая работоспособность (думаю, я позаимствовал ее у отца). Только вот беда: напишу книгу, а в шкафу уже опять накопилось на две новых...» [4].

По подсчетам Б. С. Рябинина, к 1985 г. он выпустил 80 книг общим тиражом около 10 млн экземпляров [4]. Сохранился интересный документ: писатель составил своеобразный «отчет» книга издательства за 1976–1984 гг. Напомним, ему 65–73 года. В этот период у него ежегодно (кроме 1982) выходят книги. За девять лет — 19 книг, объемом 212 а. л. Тираж более 1 млн экз. Книги вышли на русском, украинском, латышском, эстонском, португальском языках. Книги вышли в Москве — 5 раз, в Свердловске — 9 раз и по разу в Киеве, Риге, Таллинне, Челябинске, Новосибирске.

«Собаки моя страсть и нежная любовь, всю жизнь пишу о них, опекаю братьев наших меньших», — признавался Б. С. Рябинин. Книга «Друг, воспитанный тобой» вышла в Риге, в Новосибирске

и в Ташкенте. «Мои друзья» — в Свердловске и в Киеве, «Рассказы о потерянном друге» — в Свердловске и в Москве. О собаках он, казалось, знал все. Его часто называли кинологом и справедливо: в свое время он кончил кинологические курсы в Москве.

Долго и преданно Борис Степанович любил театр. Много лет был членом художественного совета Свердловского театра юного зрителя. Он часто писал об актерах и их ролях. Была написана книга об актрисе драмтеатра М. А. Токаревой, собран материал об Ивановском и Челябинском драматическом театрах [9].

Всю жизнь писатель жил в мире спорта. Ходил на стадионы, «болел» за футбольные и хоккейные свердловские команды, не только писал ну и дружил с отдельными спортсменами. Ему были важны не только результаты, но и мужские характеры, увлеченность, человеческие страсть и горение. Чрезвычайно популярны были его очерки о чемпионате по художественной гимнастике Лилии Назмутдиновой, о знаменитых конькобежцах, «о самой быстрой семье в мире» — о чете Валентины и Борисе Степиных, о семикратном чемпионах страны — хоккеистах — уральцах [6].

Книги, статьи, сценарии научно-популярных фильмов позволяют говорить о Б. С. Рябинине, как о писателе — гуманисте, «раскрывающего важнейшую проблему современности — взаимоотношения человека и природы» [1, с. 3]. Охранять природу — значит охранять Родину. Здесь свердловский писатель опирается на мысль М. М. Пришвина: Рыбе — вода, птице — воздух, зверям — лес, степи, горы. А человеку нужна Родина. «Охранять природу — значит охранять Родину» [3, с. 828].

В 1977 г. вышла книга «Диалоги о природе», который вели Б. С. Рябинин и известные ученые С. С. Шварц и Б. П. Колесников. Впервые в нашей литературе популярно были обсуждены вопросы охраны природы. Вслед за этим вышли диалоги-размышления «Город, где мы живем» (1981), «О земле-кормилице» (1983), «Земля, которую я люблю» (1984), «Добро в твоём сердце» (1986) и другие. Этот научно-публицистический литературный цикл продолжается на телевидении. На центральном телевидении

он многократно выступал в передачи «В мире животных», вместе с популярными ведущими В. Песковым и Н. Дроздовым, в «Клубе кинопутешествий» вместе с Ю. Сенкевичем. В Свердловске более тридцати лет был ведущим еженедельной рубрики «Клуб друзей природы», в Челябинске «Клуб любителей природы» [4].

Свердловская киностудия сняла по сценариям Б. С. Рябинына девятнадцать научно-популярных и документальных фильмов, которые демонстрировались на ВДНХ, в США, Швеции. По его сценарию был снят телефильм «На родине уральских сказов» — о Бажовских местах [4]. Тема П. П. Бажова сопровождала его всю жизнь.

Защита животных, сохранение природы — главная тема — главная и сквозная тема творчества Бориса Степановича Рябинына. Более четверти века он — член Центрального совета Всероссийского общества охраны природы. Награжден почетным знаком «За охрану природы России». Долгое время был членом президиума федерации служебного собаководства СССР.

Общественная деятельность у него была велика и разнообразна. Девять лет был председателем федерации спортивной прессы, радио и телевидения РСФСР и руководителем Свердловской секции. Всего же в 1963 г. он насчитал у себя двенадцать (!) общественных обязанностей. Кроме уже перечисленных, в списке значились: уполномоченный Литфонда СССР по свердловской области, собственный корреспондент «Литературной газеты» по Уралу, редактор спортивного отдела журнала «Уральский следопыт», редакционного совета Свердловского книжного издательства по приключенческой и научно-фантастической литературе, член художественного совета Свердловской киностудии по научно-популярным фильмам [4].

Внешне он запомнился красивым, высоким, статным, ходил легко и твердо, любил много ходить. Редактор Средне-Уральского книжного издательства С. В. Марченко вспоминала: «Характер у писателя был далеко не легкий, он был настойчив, даже крут порой, принципов своих не менял, отступать не умел». В отрывке к незаконченной книге «Твой вечный бой»

Б. С. Рябинин писал: «Я стяжает славу неутомонного и приобрел массу врагов, в том числе среди сильнейших мира сего...» Может быть, с этим связано, что у него практически не было государственных наград (кроме наград военного времени).

В начале 2000-х гг. в центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) комплектовался личный фонд Бориса Степановича Рябинина, который содержал более семисот документов личного происхождения писателя. Они были переданы в ЦДООСО его вдовой Леокадией Семеновной Рябининой и обнимает период за 1934–1999 гг. [8].

В 2020–2026 гг. в Екатеринбурге, автором данной статьи была приобретена часть архива уральского писателя. В ней около 800 книг. Они отражают личностные и профессиональные интересы писателя (природоохранная деятельность, Урал, фотодело, кинология), его жизненный и творческий рост. Особый интерес представляют книги, подаренные (и подписанные) известными деятелями культуры Л. К. Татьяничевой, Г. Н. Троепольским, В. А. Сухомлинским и др. Обращают на себя внимание редкие периодические издания 1920–1930 гг., выходившие в Ленинграде и Свердловске.

Б. С. Рябинина можно считать профессиональным фотографом. Его фотоработы иллюстрируют личные книги и сборники: «Голубые артерии: очерки о реках и озерах Урала» (Свердловск, 1936), «Верх-Исетский завод» (Свердловск, 1947) «Уральские путешествия» (Свердловск, 1967) и др. В нашем распоряжении более 100 фотографий, многие из которых появились на свет в 1930-х гг. Среди них уникальные изображения П. П. Бажова, которого можно считать учителем нашего героя, виды Урала, архитектуры городов, рабочих поселков и т. д. Его театральный цикл насчитывает около 30 работ. Более 30 фотографий объединены темой «По Бажовским местам». Циклы фото «Батуми», «Тагил», «Миасс», «На Каме», и др. На обороте фотографии штамп «фото Б. Рябинин» и порядковые номера.

Борис Степанович был незаурядным рисовальщиком. В нашей коллекции около двадцати выполненных карандашом и тушью пор-

третов (1929–1935) лидеров СССР, европейских стран, лошадей, «каменной бабы» в степи под Оренбургом. Рисунки (как и фото) пронумерованы. На отдельных сохранились номера 136–144.

И, наконец, сотни документов (1910–1990) творческой деятельности писателя (доклады, тексты выступлений, рецензии, дневниковые записи, отчеты о работе, планы, личные документы литературной и общественной деятельности). Значительный интерес представляют копии личного дела Б. С. Рябинина, документов его вступления в Союз советских писателей и ВКП (б).

Двадцать лет назад, в 2006 г., в первом томе собрания сочинений Б. С. Рябинина, справедливо утверждалось, что «о богатой трудом и событиями, насыщенной жизни Бориса Степановича можно написать целую книгу» [5, с. 4].

Верим, что так и будет сделано!

Список литературы

1. Большаков, В. Н. Писатель, гуманист, боец / В. Н. Большаков // Рябинин Б. С. Собрание сочинений. В 20 т. Т 1: Мои друзья. Очерки рассказы. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. — С. 3–6.
2. Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь / ред. В. А. Блинов и др. — Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. — 448 с.
3. Литературное наследие Михаила Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры / ред.-сост. Е. Ю. Кнорре, А. Г. Рачева. — Москва : ИМАН РАН, 2024. — 840 с.
4. Личный архив В.И. Подшумляк.
5. Рябинина, Л. С. От составителей / Л. С. Рябинина, С. И. Казанцев // Рябинин, Б. С. Собрание сочинений. В 20 т. Т 1: Мои друзья. Очерки, рассказы. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. — С. 7–12.
6. Рябинин, Б. С. Друзьям — болельщикам про чемпионов / Б. С. Рябинин. — Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1963. — 301 с.
7. Рябинин, Б. С. На памяти моего поколения / Б. С. Рябинин. — Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1962. — 320 с.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Фонд 1711. Рябинин Борис Степанович (1911–1990), писатель. Опись № 1. Дела №№ 1–721.
9. Челябинский драматический театр имени С. М. Цвиллинга / сост. Б. С. Рябинин. — Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1983. — 232 с.

В. Я. Рушанин, В. И. Подшумляк
Библиотека свердловского писателя Бориса
Степановича Рябинина

История каждой личной (семейной, домашней, частной) библиотека уникальна [12]. По утверждению О. Н. Ильиной, интерес ученых к этой проблеме растет [6, с. 4–5]. Историки, культурологи, педагоги, филологи, библиографы изучают книжные собрания, анализируют зарождение и основные этапы библиотек, ценные и редкие издания, отслеживая владельческие надписи, экслибрисы, автографы [2, с. 87]. Состав библиотеки зависит от многих факторов. Она отражает профессиональные, общественные, дружеские и иные связи. Судьба библиотеки прочно связана с судьбой ее владельца [15].

В центре Екатеринбурга на доме №71 по ул. Белинского висит мемориальная доска с текстом: «В этом доме с 1960 по 1990 г. жил и работал известный русский писатель Борис Степанович Рябинин. Помогите слабому — будьте сильным. Б. Рябинин» Борис Степанович Рябинин (1911–1990) известный уральский писатель, публицист и общественный деятель. Особенностью творчества писателя, удивлявшего критиков, являлась широта интересов, разнообразие жанров. Краеведческие очерки, документальные повести о передовиках производства и героях гражданской войны на Урале, очерки об артистах и спортсменах, рассказы и книги о животных — вот далеко не полный перечень тем Б. С. Рябинина [14, с. 318].

Его личная библиотека начала складываться в Кунгуре, где будущий писатель родился 21 октября 1911 года. Дед — «кожевниковых дел мастер, а сказать по-простому — сапожник. Отец, Степан Иванович, участник Первой мировой войны, доброволец Красной Армии, землемер» [5, с. 139]. В 1919 г. он пошел в школу, сразу во второй класс. «Книги сопровождали меня с детства, — вспоминал Борис, — можно сказать, я не помню себя без них. Любовь к книге, к чтению привила мне мать, Наталья Васильевна» [10].

В родительском доме друзья, «знакомые родителей, отцовы сослуживцы, приходя к нам, восхищались нашей семейной (моей) библиотекой». Столяр-краснодеревщик изготовил два больших и один высокий шкаф, в котором хранились особенно любимые школьником книги. Выделялось «дедушкино и папино наследство» — годовые подписки популярных журналов «Нивы», «Родины», «Пробуждения» и бесплатные приложения к ним в виде собрания сочинений. Эти издания пришли в его жизнь, чтобы остаться в ней навсегда. В 1960 г. Б. С. Рябинин отмечал: «Приятное удивление и восхищение знатоков (ну и, наверное, хорошую добрую зависть) вызывает то, что среди имеющихся в моих шкафах много старинных, ныне раритетных и даже просто уникальных изданий» [10]. Эти книги рубежа XIX–XX в. «пришли» к нему от деда и отца, таким образом, он был уже третьим представителем Рябиновых-книжников в семейной династии. Борис был типичным «книжным мальчиком»: читал запоем, издавал «собственный» журнал. Сегодня в центральной детской библиотеке г. Кунгура хранятся две толстые тетради — одиннадцать номеров журналов — «Мой журнал» и «Золотое детство». Они были ему очень дороги, ибо хранил всю жизнь! Двенадцатилетний (1923–1924) «издатель» выступал автором рассказов, политобозревателем, краеведом. Журналы иллюстрированы Борисом в разной технике исполнения: карандашом, тушью, акварелью. Обложки с названием и красивой росписью «Б. Рябинин» [9, с. 148]. Особенно Борис любил читать книги про путешествия и приключения. Любимые авторы Луи Буссенар, Майн-Рид, Жюль Верн. Ему, школьнику, в 1920-е гг., родители выписывали журналы «Вокруг света», «Мир приключений». За ними, задыхаясь от нетерпения, он бежал по Успенской улице на почту.

Юный книголюб, постоянный читатель городской библиотеки, помогал изготавливать плакаты, лозунги. И в ответ подарок — «Редчайшая вещь» — собрание сочинений Райдера Хаггарда в роскошном переплете. Крупнейший представитель научной фантастики и приключенческой литературы с его

романами «Копи царя Соломона», «Клеопатра», «Жемчужина Востока» очаровал, но друзья «по книжке, по книжке растащили его и остался у меня один том». Это был урок, усвоенный на всю долгую жизнь. Больше у него книги не «зачитывали». На любимом шкафу появилась табличка: «Книги на руки не выдаются, просить бесполезно» [10].

Основным источником пополнения библиотеки был главный книжный город страны — Ленинград. Сюда в 1928 г. семнадцатилетний студент Пермского землеустроительного техникума приехал для походов по книжным и букинистическим магазинам. Все заработанные на практике деньги (115 рублей!) были потрачены на книги. Два больших ящика и чемодан книг с помощью крестного («тоже большого любителя книг») с трудом подняли на поезд. А затем трое суток Борис почти не слезал с верхней полки общего вагона, «все читал-упивался, наслаждался своим приобретением». Именно тогда в его коллекции появились уникальные книги дореволюционных издательств И. Д. Сытина, М. О. Вольфа, А. Ф. Девриена, И. Н. Кнебеля. Юношу продолжали привлекать произведения А. Дюма, Р. Киплинга, М. Твена. А вслед за ними на полки становились тома Бальзака, Байрона, Стендаля, Мопассана, Шекспира, Шиллера, ну и, конечно, «русские классики, все или почти все, а также советские писатели-современники» [10].

Шли 1930-е гг. И, конечно, Борис Рябинин — студент, а потом специалист-землемер, инженер, фотограф еще не думал, что книга станет делом всей его жизни, его профессией. Но стране были нужны писатели — «инженеры человеческих душ».

В 1935 г. редактор журнала «Уральский следопыт» В. А. Попов привлек молодого фотографа Б. С. Рябина к сотрудничеству и отправил его в первую большую корреспондентскую поездку по Южному Уралу: в Златоуст, Миасс, Ильменский заповедник, Челябинск, Оренбург, Орск. В журнале появились первые очерки, а вскоре вышли первые книги [3, с. 67]. Шла напряженная работа духовная, строительство себя по малости, по кирпичику. И этому, безусловно, способствовали книги, его библиотека.

Говоря словами В. Б. Шкловского, не только владелец собирал книги, но и книги собирали его.

Приоткроем дверь в его личный кабинет — кабинет известного уральского писателя, художника, фотографа, кинолога, эколога. Четырехкомнатная квартира по улице Белинского, в которой он жил последние тридцать лет. Старый письменный стол, широкий и удобный. На нем пишущая машинка и папки, папки, папки с выписками, подготовленными материалами для книг, статей, выступлений. На столе крупная деревянная фигура оленя. Плотно стоят шкафы с книгами, фотографиями, многочисленными статуэтками. На стенах авторские работы, подаренные писателю — природолюбцу Б. С. Рябинину известными скульпторами, художниками-анималистами, иллюстраторами книг В. А. Ватагиным, А. М. Комаровым, А. Н. Тумбасовым. И, конечно, книги, книги, книги... [16, с. 127–128]. В конце жизни он писал: «Книги уже выживают из дому, они — в кабинете, во всех комнатах, в прихожей, в коридоре, даже в чулане и подвале... и все же: а как без них. Друзья наши книги...» [10].

Сколько же «друзей» было в его библиотеке? На этот вопрос он ответил: «не знаю, не считал. Знаю лишь, что счет, конечно, на тысячи».

Можно ли реконструировать состав библиотеки Б. С. Рябина? Кроме беллетристики, собрания сочинений, художественной литературы, в ней были сотни книг, посвященные науке, биологии, географии, истории. Это была специальная, монографическая литература, которая позволяла писателю вести

плодотворные диалоги с крупнейшими учеными, академиками С. С. Шварцем, Б. Н. Большаковым, Б. Н. Колесниковым.

В августе 1986 г. он писал: «Меня часто спрашивают: что я читаю? Ответить трудно. Чтобы писать о природе, нужно ее знать, а для этого необходимо много читать, напиваться знаниями. Поэтому, пожалуй, сейчас для меня главное чтение — научные и научно-популярные книги, исследовательские труды. Писатель-публицист (и всякий писатель) должен быть вооружен» [10].

Всю свою жизнь Борис Степанович посвятил родному краю. Об Урале многие его произведения, в том числе «Уральские путешествия», переведенные на иностранные языки. Не удивительно, что значительный раздел библиотеки посвящен истории, географии, экономике региона, его отдельных районов, заводов.

Подборка книг библиотеки Б. С. Рябинина не случайна и отражает его многочисленные интересы, связанные с животным миром и в первую очередь, собаками. В 1937 г. вышла в Свердловске его первая «собачья» книга «Мои друзья». Книг было так много, что часто Бориса Степановича называли «собачьим» писателем. Это его не обижало. В его книгах читателей подкупало подлинное и детальное знание материала.

Огромный раздел в его библиотеке — это издания собственных трудов. В 1975 г. он записал: «...удел мой — счастливый. Меня печатают, мои книги издают». К 1985 г. (писателю 74 года), по его подсчетам, он выпустил около 80 книг, «не считая разных сборников, альманахов, огромного числа публикаций (очерков, статей, рассказов) в периодической печати — в газетах и журнала. Мои книги переводились на многие языки, общий их тираж, если не ошибаюсь, приближается к 10 миллионам» [10].

Многие книги сопровождали писателя всю жизнь, напоминая ему о друзьях и событиях. С юношеских лет он увлекся фотографией, а во второй половине 1930-х гг. работал фотокорреспондентом газеты «Известия». Не удивительно, что среди книг, приобретенных одним из авторов публикации, обнаружилось пять книг по фотоделу 1927–1934 годов выпуска, помеченных росписью «Б. Рябинин»¹.

¹ Евдокимов Б. А. Практическая фотография. Издание автора. Ленинград, 1927. 384 с.; Лауберт Ю. К. Бромистые бумаги. Копирование на них, увеличение и тонирование. Москва ; Ленинград: ГИЗ, 1928. 192 с.; Спиридовский Н. И. Справочник по фотографической химии — Теакинопечат. Ленинград, 1930. 231 с.; Лауберт Ю. К. Фотографические рецепты и таблицы. Москва ; Ленинград, 1931. 288 с.; Лауберт Ю. К. Ошибки и неудачи негативного процесса. Москва, 1934. 104 с.

В коллекции хранились комплекты многих редких журналов, в том числе «Вокруг света» (Ленинград, 1929), «Уральский следопыт» (Свердловск, 1935).

Лозунг «Книга — лучший подарок» был лозунгом всей его долгой жизни: в его библиотеке были сотни книг, подаренных на встречах с партийными и советскими работниками, активистами природоохранных обществ, школьниками, суворовцами, книголюбями.

Его библиотека содержала много книг, подписанных известными деятелями культуры: П. Бажовым, А. Барто, Л. Леоновым, Вл. Лидин, Вс. Ивановым, Б. Чаковским, Е. Пермяковым. В коллекции В. И. Подшуляка есть книги, подаренные Б. С. Рябинину выдающимся советским педагогом В. А. Сухомлинским, известным русским писателем Г. Н. Троепольским, выдающейся поэтессой Л. К. Татьяничевой. Людмила Татьяничева 5 июня 1954 г. на стихотворном сборнике «Вишневый сад» вышедшем в Свердловске, написала: «Борису Степановичу Рябинину по-уральски, от всего сердца. Автор» Гавриил Троепольский (автор легендарной повести «Белый Бим Черное ухо») 10 мая 1976 г. подписал сборник повестей и рассказов «Здравый смысл», вышедший в Москве: «Борису Степановичу в знак глубокого уважения». Легендарный педагог В. А. Сухомлинский подарил нашему герою свою известную книгу «Сердце отдаю детям» с подписью: «Дорогой Борис Степанович. Восхищенный Вашей добротой, человечностью, осмеливаюсь преподнести Вам эту книгу. Август 1969 г.» Об их взаимоотношениях существует отдельная публикация [8].

Советские книжники в 1980-х гг. заинтересованно и активно обсуждали два вопроса: как сохранить плоды многолетних трудов, свою библиотеку, и каким образом сделать достоянием общественности личные собрания. Борис Степанович не раз говорил, да и сыновья советовали, что надо бы переписать книги, завести каталог, да «все не соберусь — времени нет». Безусловно, когда на книжных полках тысячи томов, за один или несколько месяцев этого не сделаешь. Думал писатель

и о собственном книжном знаке (экслибрисе), тем более, что знакомые художники предлагали варианты и наброски (например, собака и книга, в «рябининском духе») [10]. Каталог позволяет библиотеке «жить» даже если она физически рассеется, а экслибрис — найти экземпляр в любом массиве книг.

Сегодня библиотека Бориса Степановича продолжает жить. Часть книг наследники передали в Объединенный музей писателей Урала в Екатеринбурге, в котором хранятся около сорока личных библиотек, в том числе около 20 тысяч изданий из собрания патриарха уральского краеведения В. П. Бирюкова [11]. Около 800 экз. было приобретено челябинским коллекционером и антикваром В. И. Подшумляком. Изучение отдельных экземпляров, формирование коллекции должно быть продолжено.

Библиотека Б. С. Рябина, которая собиралась более шестидесяти лет, — это памятник целой эпохи, дающий представления об уровне культуры Урала.

Академик В. Н. Большаков утверждал, что Борис Степанович Рябинин относится к числу уральских писателей, оставивших очень заметный след не только в отечественной, но и во всей мировой литературе: многие его произведения были переведены и изданы за рубежом [1, с. 3]. Его именем названа одна из улиц в новом районе Екатеринбурга. В 2001 году имя писателя было присвоено Центральной детской библиотеке города Кунгура [4, с. 314].

Список литературы

1. Большаков, В. Н. Писатель, гуманист, боец / В. Н. Большаков // Рябинин, Б. С. Собрание сочинений. В 20 т. Т. 1: Мои друзья. Очерки, рассказы. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. — С. 3–6.
2. Богданович, М. М. О каталогах и описаниях частных библиотек и собраний рукописей. Коллекция И. В. Бычкова/М. М. Богданович// Библиофильство и личные собрания. — Москва : Пашков дом, 2011. — С. 83–90.
3. Борис Рябинин. Тропа его жизни // Уральский библиофил / сост. Ю. А. Горбунов. — Свердловск, 1984. — С. 62–77.

4. Екатеринбург литературный энциклопедический словарь / редкол. В. А. Блинов и др. — Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2011. — 448 с.
5. Желвакова, С. К. Борис Степанович Рябинин / С. К. Желвакова // Грибушинские чтения — 2011 Любительское и школьное краеведение : тез. докл. и сообщений VIII Всерос. науч.-практ. конф. — Кунгур, 2011. — С. 139–142.
6. Ильина, О. Н. Изучение личных библиотек в России: материалы к указателю литературы на русском языке за 1934–2006 гг. / А. Н. Ильина. — Санкт-Петербург, 2008. — 501 с.
7. Книги с автографами и дарственными надписями в библиотеке В. Я. Рушанина. — Челябинск, 2020. — 239 с.
8. Ковшова, К. Писатель Б. С. Рябинин и педагог В. А. Сухомлинский / К. Ковшова // Грибушинские чтения — 2011 Любительское и школьное краеведение : тез. докл. и сообщений VIII Всерос. науч.-практ. конф. — Кунгур, 2011. — С. 145–147.
9. Кобрусева, Е. Детские журналы Бориса Рябинина / Е. Кобрусева // Грибушинские чтения — 2011 Любительское и школьное краеведение : тез. докл. и сообщений VIII Всерос. науч.-практ. конф. — Кунгур, 2011. — С. 147–150.
10. Личный архив В. И. Подшумляка.
11. Лукьянин, В. П., Никулина М. П. Литературный квартал / В. П. Лукьянин, М. П. Никулина. — Екатеринбург : Сократ, 2008. 296 с.
12. Рушанин, В. Я. Судьба библиотеки И. Г. Моргенштерна / В. Я. Рушанин // Региональные проблемы истории книжного дела. — Челябинск, 2011. — С. 169–172.
13. Рушанин, В. Я. О библиотеке В. А. Кислюка / В. Я. Рушанин // Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика. — Челябинск, 2018. — С. 206–211.
14. Рябинин, Б. С. На памяти моего поколения / Б. С. Рябинин. — Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1962. — 320 с.
15. Шавыркина, Н. А. Личная библиотека как социально-культурный феномен : автореф. дис. канд. ист. наук / Н. А. Шавыркина. — Москва, 2000. — 18 с.
16. Юрьев, В. А. Главная частица его жизни // Грибушинские чтения — 2011. Любительское и школьное краеведение : тез. докл. и сообщ. VIII Всерос. науч.-практ. конф. — Кунгур, 2011. — С. 126–130.

Е. А. Харитонова

Науч. рук.: Е. Г. Ланганс

КУЛЬТУРНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО КАК НАЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ В СИТУАЦИИ «НЕВЕРОЯТНОСТИ» КОММУНИКАЦИИ

Коммуникация представляет собой особую сферу жизнедеятельности людей, формирующуюся и развивающуюся в направлении достижения взаимопонимания и согласованного действия в различных областях практики и познания. Выступая основой социокультурных процессов, коммуникация обеспечивает реальную возможность формирования устойчивых социальных связей, управления совместной жизнедеятельностью, накопления и трансляции коллективного опыта. Ее осуществление предполагает наличие ряда обязательных условий: наличия культурных навыков восприятия и понимания информации субъектами общения, каналов передачи сообщений, а также правил коммуникации — как семиотических, так и этических [8]. Несмотря на то, что коммуникация составляет основу человеческих отношений и общественной жизни, она не происходит автоматически: между участниками взаимодействия всегда наличествуют барьеры. Ключевая функция коммуникации в обществе заключается в достижении социального единения и деятельностной согласованности при сохранении индивидуальности каждого участника. Таковую коммуникацию можно назвать социальной.

В теории коммуникации, разработанной немецким социологом Никласом Луманом во второй половине XX столетия, коммуникация представляется как процесс, практически, «создающий» социальную систему, обеспечивая целостность общества. В одной из его работ ключевым является тезис о принципиальной «невероятности» коммуникации, выступающей не как естественный и беспрепятственный процесс, но как процесс проблематический. По мысли Лумана, коммуникация крайне маловероятна, так как требует от ее участников совпадения в осмыслении информации, содержания сообщения и со-

держания понимания, поддержания самого коммуникационного процесса. Но участники коммуникации разделены барьерами: автономным сознанием и индивидуальным опытом, пребывают в разных ситуациях, а могут и просто не принять коммуникацию. Таким образом, всегда есть риск, что коммуникация не состоится. Тем не менее она «случается» благодаря опосредующим механизмам (учреждениям-посредникам — по Луману), позволяющим преобразовать «невероятную» коммуникацию в вероятную [11]. С этой точки зрения рассмотрим современную глобальную социокультурную ситуацию, в которой протекает коммуникация.

С одной стороны, ситуация характеризуется тенденцией глобализации, в рамках которой можно увидеть взаимосвязь финансовых потоков, движения информации, идей, вещей, услуг, людей и т. д. в мировом масштабе. С другой, набирают силу процессы деглобализации, т. е. происходит фрагментация глобального пространства, увеличивается количество культурных, ценностных, социальных, политических и прочих границ [13; 18; 10]. Социумы замыкаются в этих границах, глобальные связи рвутся.

В обоих случаях коммуникация встречает на своем пути препятствия. В первом случае, не смотря на высокую скорость, охват аудиторий, интерактивность и т. п., обеспечиваемых современными информационными технологиями, коммуникация часто не случается в силу тех моментов, которые описывает Луман. Люди не слышат и не понимают друг друга, смысл и содержание сообщений теряется, диалог заменяется монологом, что и означает, что коммуникация не принимается. Сама по себе доступность коммуникационных технологий не гарантирует ни взаимопонимания людей, ни формирования устойчивых социальных связей. Во втором случае разрываются даже давно сформированные социальные и культурные связи, отношения становятся конфликтными, а коммуникация оказывается невозможной в принципе.

Все это указывает на то, что сегодня назрела острая потребность в институтах культурного посредничества, осуществляющих медиацию. Доктор психологических наук, профессор А. Г. Асмолов представляет медиацию не как частную техноло-

гию разрешения конфликтов, выстраивания связей и отношений, но как потенциальную культурную норму и гуманистическую стратегию цивилизационного выживания. Осмысление роли медиации в современном обществе, ее осуществление поможет восполнить три ключевых дефицита, «касающихся поведения разных людей в разных странах и разных культурах: дефицита смысла, дефицита понимания и дефицита доверия» [2]. Недостаток «смысла» обусловлен ценностным кризисом, при котором и материальное благополучие не приносят психологического удовлетворения. Наблюдается потеря долгосрочных ориентиров, усиливается тревога, растет ощущение бессмысленности существования («экзистенциальный вакуум») на фоне быстрой смены технологий и социальных норм [14, с. 4]. Дефицит понимания приводит к потере способности глубоко осмысливать информацию (заменяет эту способность ее поверхностным восприятием и упрощением), а также — к кризису самопонимания и социальной разобщенности [15, с. 75]. Доверие является основой социальности, а его недостаток возникает из-за падения уровня межличностной и межкультурной открытости; происходит замыкание отдельного человека в себе, а культуры — в своих границах, формируется скептическое отношение к социальным институтам, растет чувство неуверенности, утраты безопасности и стабильности [5, с. 227].

В этих обстоятельствах библиотека становится не просто «производственной единицей» по предоставлению информационных услуг, но культурным посредником, который «обладает большим потенциалом для установления... диалога» [17, с. 637], основанного на взаимопонимании и уважении. Директор Государственной публичной исторической библиотеки М. Д. Афанасьева на форуме «Поликультурная библиотека: реалии и перспективы» (2022), высказала следующую мысль: «...в эпоху разделений библиотека должна поддерживать ощущение единства мира. Это та миссия, которая необходима библиотекарям в России и в мире» [7, с. 10]. Современная библиотека не просто передает культурные ценности, но активно участвует в формировании единого культурного пространства, что способствует обретению смысла

и на индивидуальном, и на социальном уровне, создавая поле для интеллектуального, духовного и творческого развития человека в содержательной коммуникации. В отличие от, например, музея, библиотека ориентирована на работу с книгой, объединяя людей вокруг культурного наследия в живом общении. Она выступает модератором и посредником, позволяющим преодолевать информационные, языковые и ценностные барьеры, благодаря чему межкультурные контакты людей разных поколений и разных стран становятся регулярными, структурированными и продуктивными.

Показательным примером поддержки единения двух стран (Казахстана и Уральского региона России), эталоном международного сотрудничества библиотек и развития культуры коммуникации стал Международный интеллектуальный форум «Чтение на евразийском перекрестке». По замечанию В. Я. Аскаровой, форум был организован и проводится уже в восьмой раз на основе «идеологии единства в многообразии, взаимообогащения культур» [1, с. 20].

Областная библиотека им. И. Алтынсарина (Костанай, Казахстан), сотрудники которой неоднократно являлись участниками форума, регулярно проводит онлайн-встречи, основанные на межкультурном диалоге. В качестве примера назовем встречи: «Культурный перекресток» с областной библиотекой имени А. С. Пушкина г. Минск (Беларусь) [9], международный онлайн-турнир «Мы знаем Ибрая Алтынсарина» с городами Оренбург, Троицк и Курган [4] и др.

В условиях размывания границ между реальным и виртуальным мирами, растет дефицит непосредственных контактов людей. Здесь «библиотека может и должна стать той площадкой, которая предоставляет роскошь человеческого общения» [1, с. 32]. Многое, конечно, зависит от личности библиотекаря: важным является его умение «быть полноценным участником и организатором общения в стенах библиотеки» [1, с. 32]. Библиотекаря, как профессиональному организатору коммуникации, необходимо поддерживать уважительное отношение собеседников друг к другу, интерес аудитории к текстам, учи-

тывая ее особенности, навыки слушания и т. п. Директор РГБМ, кандидат педагогических наук Ирина Михнова отметила, что техническое оснащение библиотек, о котором когда-то мечтали, стало реальностью. Но информационные технологии значимы лишь в сочетании «с душевностью, чутким отношением к личности отдельного человека», на что способны только библиотекари высокого профиля — «кадры высокого разрешения» [6], читающие сами и собирающие вокруг себя читающих людей. Другой вопрос: как «заполучить» их на работу, чем привлечь? Есть ли способ для библиотек сохранить востребованность у молодых, а значит, «самим сохранится в будущем»? [6, с. 39]. Вопросы очень важные, требующие отклика и решения.

Сегодня, возможно, один из самых значимых вопросов для организации библиотечного дела как культурного посредничества — какая библиотека нужна «поколению Альфа»? Его представители часто воспринимают ее как «крайне архаичное место, находящееся на самой отдаленной периферии их интересов», «унылые учреждения, которые когда-то принудительно приходилось посещать всем классом» [16, с. 37]. А подростки хотят немного, «всего лишь» быть услышанными. Они хотят чувствовать себя частью сообщества, при том, что для них значим свободный, а не вынужденный поиск смысла. От библиотекаря вместо оценки и контроля они ждут поддержки, рекомендации и уважения к своему выбору. Библиотека может стать уникальным местом для общения подростков, где их не убеждают в важности книги, а создают коммуникативные ситуации, в которых чтение становится способом самопознания, развлечения, эмоциональной разрядки и социального признания [12], а также — формируются навыки глубокого внимания к собеседнику, устойчивой концентрации и подлинного переживания смысла текста. Именно так формируется доверие, без которого культурное посредничество невозможно. На подобном фоне становится реальной деятельность по компенсированию эффектов так называемой цифровой социализации (клиповое восприятие, тревожная самооценка, формируемая постоянным сравнением себя с образами из социальных сетей и т. п.).

Мы спросили у самих читателей: является ли современная библиотека местом культурного общения и развития? Онлайн-опрос был проведен с 23 февраля по 5 марта 2026 г. среди подростков 9–18 лет, читателей районных детских библиотек Костанайской области [3]. В нем приняли участие 1095 человек, из них 858 отвечали на русском, 237 на казахском языках. Реагируя на вопрос «Считаете ли вы, что библиотека может объединять людей с разными взглядами и интересами?», респонденты высказали следующие мнения: «В книге есть материалы на разные запросы, что привлекает людей с разными увлечениями»; «Библиотека — нейтральное пространство. Здесь нет давления, рекламы или навязывания мнений, каждый может свободно читать, думать и обсуждать»; «Это место, куда приходят люди с разными интересами, но их объединяет стремление к знаниям. Книги и обсуждения помогают лучше понимать друг друга и находить общее, даже если взгляды отличаются»; «Да, потому что в библиотеке можно встретиться с людьми, которые читают одну книжку и это вызывает интерес и общение»; «Я считаю, что библиотека объединяет людей, потому что их могут объединять книги».

Итак, современная библиотека способна выстроить коммуникацию не вокруг «правильной» литературы, а вокруг человека как субъекта коммуникации и выбора. Культурное посредничество должно стать ядром библиотечного дела сегодня. Библиотека как нейтральное и открытое общественное пространство помогает людям, принадлежащим разным народам и культурам, разным поколениям, услышать друг друга, научиться обсуждать разные точки зрения и находить общее, а значит, она остается важным институтом, способствующим превращению «невероятной» коммуникации в подлинное человеческое общение, где преодолеваются языковые, межпоколенческие и ценностные барьеры, формируется культура уважительного диалога.

Список литературы

1. Аскарова, В. Я. Чтение: динамика профессиональных представлений в зеркале форума (к 10-летию Международного интеллектуального форума «Чтение на евразийском перекрестке») / В. Я. Аскарова // Вестник культуры и искусств. — 2019. — № 4 (60). — С. 19–39.

2. Асмолов, А. Г. Станет ли медиация культурой 21 века / А. Г. Асмолов. — URL: <https://psy.su/feed/8847/> (дата обращения: 11.03.2026).
3. Библиотека как пространство культурного общения и развития : анкета. — URL: <https://docs.google.com/forms/d/1dUWUdjA2kbDw-ZqUIqb1-MNRx5EWu-hLI33DK2njLuM/edit> (дата обращения: 27.02.2026).
4. Выставка одного портрета // ОДЮБ им. И. Алтынсарина: официальный сайт библиотеки. — URL: <https://allib.kz/?q=ru/node/6333> (дата обращения: 10.03.2026).
5. Глухова, А. В. Дефицит доверия как фактор институциональной деформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2024. — № 2 (57). — С. 325–335.
6. «Кадры высокого разрешения»: состоялась презентация Российско-китайского молодежного библиотечного конвента // Российская государственная библиотека для молодежи : офиц. сайт. — URL: https://rgub.ru/schedule/news/item.php?new_id=39706 (дата обращения: 21.03.2026).
7. Казаченкова, Л. А. Поликультурная библиотека: реалии и перспективы // Современная библиотека. — 2022. — № 4. — С. 8–11.
8. Коммуникация: концепты коммуникативного дискурса / С. А. Азаренко, Г. И. Рузавин, А. Я. Флиер, В. О. Бернштейн, В. С. Александров // Гуманитарный портал. — URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7132#> (дата обращения: 10.03.2026).
9. Культурный перекресток : [о проекте] // ОДЮБ им. И. Алтынсарина. — URL: <https://allib.kz/?q=ru/node/6503> (дата обращения: 10.03.2026).
10. Леонова, О. Г. Деглобализация versus глобализация / О. Г. Леонова // Век глобализации. — 2024. — № 2. — С. 3–19.
11. Луман, Н. Невероятность коммуникации // Гуманитарный портал. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2972> (дата обращения: 10.03.2026).
12. Смольникова, Ю. Что читают современные подростки и как заинтересовать их литературой? / Ю. Смольникова. — URL: <https://cbsykt.ru/news/chto-chitayut-sovremennye-podrostki-i-kak-zainteresovat-ikh-literaturoy/> (дата обращения: 21.03.2026).
13. Тарасов, А. Г. Деглобализация: новая тенденция или новое название? / А. Г. Тарасов // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2024. — Т. 20. Вып. 3. — С. 58–68.
14. Туев, В. А. Смысл жизни человека как проблема современного общества / В. А. Туев, А. А. Сулова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2018. — № 3. — Т. 3. — С. 3–10.
15. Федорин, С. Э. Кризис самопонимания общества в ситуации современного развития / С. Э. Федорин, Ю. В. Пуую, Ю. М. Романенко // Общество: философия, история, культура. — 2025. — № 11. — С. 74–83.
16. Ширякова, Е. Библиотека и мое поколение: вместе или отдельно? / Е. Ширякова // Современная библиотека. — 2022. — № 4. — С. 36–39.
17. Чаднова, И. В. Межкультурный диалог в библиотеках: теоретические и практические аспекты // Библиотековедение. — 2017. — Вып. 66. — С. 636–642.
18. Чумаков, А. Н. Глобализация или деглобализация? / А. Н. Чумаков // Век глобализации. — 2023. — № 3. — С. 19–34.

ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ — ДУША НАРОДА

УДК 008.001+379.8

С. В. Богдан, А. В. Царьков

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК МАРКЕРЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Организация культурно-досуговой деятельности имеет большое значение для создания позитивной социальной среды, в которой открываются возможности для творческого проявления, личностного развития, где люди могут делиться опытом, и найти свое место в жизни. Сегодня национальные культурные проекты ориентируют в пространстве культурно-досуговой деятельности на формирования ценностей и моральных установок, особое внимание уделяется подрастающему поколению и молодежи. Организация культурно-досуговой деятельности — это сложный и многогранный процесс, включающий следующие этапы:

- планирование культурно-досуговой деятельности, определение формы ее проведения и содержательной составляющей мероприятия;
- подготовка мероприятия. Составление сценария, программы, подготовка площадки (сцены, класса), реквизита, светового оборудования, технического обеспечения (микрофоны, колонки, видеооборудование, ноутбук и т. п.). Реклама, оповещение о месте и порядке его проведения;
- проведение самого мероприятия. Обеспечение безопасности на мероприятии, а также координация активностей;
- анализ результатов проведения мероприятия в системе культурно-досуговой деятельности, рефлексия участников, выводы и определение дальнейших перспектив.

Формы организации современной культурно-досуговой деятельности различны. Форма — это способ существования содержания [7, с. 30]. Таковыми могут быть: концерт, дискотека, квартирник, гитарник, вечер настольных игр, тематические посиделки, контактное общение с животными, посещение выставок, спортивные мероприятия, шахматные игры и т. д.

Культурно-досуговая деятельность является неотъемлемой частью повседневной жизни. Это требует от общества и государства материально-технического обеспечения этой деятельности, развитие инфраструктуры. Одним из ярких примеров является реализация национального проекта «Культура».

Целью статьи является обобщение и систематизация современной практики организации культурно-досуговой деятельности и изучение современного материально-технического оснащения учреждений культуры в рамках федеральных проектов и программ.

Национальный проект «Культура» реализовывался в России с 2019 по 2024 год. Проект включал три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». Осуществление программы «Культурная среда» позволило модернизировать оснащение культурных учреждений и усовершенствовать условия для проведения культурных мероприятий. Произведена реконструкция и капитальный ремонт 989 детских школ искусств и переоснащение не менее 1070 муниципальных библиотек по модельному стандарту, а также реконструкция 73 детских театров и ТЮЗов [2]. Вот некоторые примеры модернизированных объектов.

Детская школа искусств Чебаркульского городского округа. Благодаря проекту закуплены новые инструменты, клавишные гусли, маримба, малые домры, контрабас, домра бас, аккордеоны, баяны, скрипки [3]. Для учащихся изобразительного отделения закуплены мольберты, планшеты, стеллажи, интерактивные комплекты. В школе появилось непривычное для учеников и преподавателей и предоставляющие широкие возможности для оптимизации учебного процесса интерактивное

оборудование. Концертный зал школы также прошел модернизацию, он оснащен новыми колонками и световым оборудованием, мягкими креслами для зрителей. Все это позволяет значительно улучшить учебный процесс, сделать его доступнее и интереснее для учеников. Чебаркульская школа искусств является учреждением дополнительного образования и в ее задачи входит приучить учащихся к цивилизованным формам досуга, далеко не все ее выпускники поступают в профильные культурные вузы и колледжи.

Новомичуринская детская школа искусств (Рязанская область). В рамках проекта было отремонтировано здание, заменены и починены системы коммуникаций, сделана отделка внутренних помещений, а также закуплены музыкальные инструменты, профильная литература, звуковое оборудование.

Мурманская детская модельная библиотека. В рамках национального проекта «Культурная среда» внедряется совершенно новое понятие — «Модельная библиотека». Это не просто полки с книгами, это интерактивное современное образовательное пространство. Посетителей библиотеки теперь встречает робот, установлены интерактивные доски, есть доступ к WIFI, а также пространство для проведения игровых и досуговых мероприятий [4].

Многофункциональные мобильные автоклубы начали функционировать в Белгородской, Челябинской, Воронежской, Калужской, Ростовской областях, в республиках Крым и Башкортостан и в других регионах России. Теперь насладиться профессиональным концертом и послушать музыку на природе могут жители отдаленных районов. В отдаленных районах, где нет возможности организовать работу стационарных культурных и досуговых учреждений, мобильные автоклубы создают условия для полноценной, насыщенной культурно-досуговой деятельности населения. Всего за время реализации нацпроекта оснащено и организовано 203 автоклуба в 32 регионах России. Аудитория автоклубов составляет 4 млн человек в год.

Преображение пережил Мурманский областной театр кукол — старейший профессиональный кукольный театр заполярья. В рамках нац. проекта были выделены средства в размере 280 млн руб. и произведена капитальная реконструкция здания театра. Аналогичная реставрация была произведена в Ставропольском краевом театре кукол, Челябинском государственном драматическом молодежном театре, Астраханском театре кукол и мн. др.

Дома культуры также были существенно реконструированы в рамках проекта «Культурная среда». Основными работами являются капитальный ремонт зданий и переоснащение музыкально-техническими средствами. Яркими примерами могут служить Дома культуры в с. Казьминское (Ставропольский край), с. Родино (Алтайский край), Центр досуга и народного творчества в п. Усть-Омчуг (Магаданская область) и многие другие.

Но культурно-досуговая деятельность — это не только здания и инструменты, это в первую очередь люди. И на социализацию молодого поколения, а также на вовлечение жителей РФ в культурно-досуговую деятельность направлен федеральный проект «Творческие люди». Он включает в себя культурно-просветительские программы (проекты «Моя Россия», «Город-герой Ленинград», «Императорский маршрут» и др.), реализацию выставочных проектов, фестивалей народного творчества, повышение квалификации работников культуры. Благодаря программе «Творческие люди» прошел Зимний международный фестиваль искусств в Сочи, Международный музыкальный фестиваль Ильдара Абдразакова, Масштабный концерт на Мамаевом кургане и многие другие мероприятия.

Сегодня учреждениям культуры и досуга необходимо идти в ногу со временем, это позволяет сделать проект «Цифровая культура». Так, памятники литературы становятся цифровыми, музеи и концертные площадки виртуальными, а знакомство и созерцание мировых шедевров для обывателя — более доступным посредством цифровых медиа и онлайн-трансляций. Благодаря нацпроекту создан портал Культура.РФ.

Все это позволяет проводить культурно-досуговую деятельность на совершенно ином уровне, обладая значительно усовершенствованной материально-технической базой. Сегодня, организуя культурно-досуговое мероприятие, необходимо пользоваться тем, что создано государством и обращаться к современным материально-техническим средствам.

Но современная культурно-досуговая деятельность не является только прерогативой государства. Значительное число частных творческих объединений функционируют сегодня в современном Российском обществе, и они интересны тем, что сформированы текущим спросом на досуговые события, интересами и потребностями населения. Например, в Челябинске и Екатеринбурге, Челябинской и Свердловской областях сформировалась традиция проведения культурно-досуговой деятельности в городских коворкинг центрах, антикафе, квартирниках и на загородных фестивалях-ярмарках. Также функционируют различные объединения и частные школы студии для работы с детьми и подростками.

Интерес представляет антикафе «Коммуникатор» в центре Екатеринбурга. В рамках пространства проводятся музыкальные вечера, где молодые ребята могут проявить себя, исполнив песню «под гитару»; настольные игры, которые предоставляют возможность для общения и обмена опытом; танцевальные вечера, где в непринужденной обстановке можно научиться простым танцам. Такое пространство представляет замечательную альтернативу клубам и барам для молодых людей [5].

Новый подход к формам проведения досуга предлагает Котокафе «Мягкие лапки» в г. Челябинске. В нем проводятся настольные игры и творческие встречи, но уникальность его заключается в постоянном и непосредственном общении с мохнатыми питомцами. Посетитель как будто оказывается в кошачьем царстве. Обилие котов и кошек способствует рефлексии, рекреации и расслаблению. Заведение предлагает еще одну форму проведения свободного времени, а именно игры с кошками, в комнатах достаточно удочек и игрушек для пи-

томцев. Далеко не каждый житель города решится заводить у себя множество домашних питомцев, а общение с братьями нашими меньшими способно в короткие сроки успокоить нервную систему и настроить на позитивный лад [1].

Большую популярность в современное время приобрела игра «Мафия», созданная в СССР весной 1986 г. студентом факультета психологии МГУ Дмитрием Давыдовым, по сей день остается популярной. Существуют разновидности этой игры: классическая, городская, спортивная и мн. др. Досуговые мероприятия с данной игрой зачастую проходят в кафе и ресторанах.

Значительная часть культурно-досуговой деятельности формируется на базе университетов и колледжей. Так, на базе Южно-Уральского государственного университета функционируют: «МузКом» ЮУрГУ, Лига КВН ЮУрГУ, Дебат-Клуб ЮУрГУ, Клуб настольных игр, Лига Киберспорта, Тур-клуб, Волонтерский центр и Клуб экологов. Благодаря этим объединениям жизнь студентов становится гораздо насыщеннее и интереснее. Учебный процесс для многих студентов может быть весьма энерго- и эмоционально-затратным и досуговые объединения позволяют нивелировать негативные эмоции у студентов.

Подобная практика есть и в других ВУЗах. Так, в Челябинском государственном институте культуры два раза в год проводится «Большая творческая перемена». Коллективы музыкантов, сформированные из студентов, исполняют популярные композиции в холле учебного корпуса. Данная практика оживляет учебный процесс, позволяя студентом отвлечься и переключиться во время перемены.

Участие в волонтерском движении — это еще одна форма организации культурно-досуговой деятельности. Огромный толчок для развития этого движения дала подготовка к Олимпиаде 2014 г. [6]. Для помощи в организации спортивных игр было задействовано около 25 тысяч волонтеров. Существуют различные направления волонтерского движения:

- социальное волонтерство направлено на помощь пожилым людям и незащищенным слоям населения;

- экологическое волонтерство задействует молодых людей в уборках территорий, посадке деревьев, экоэкспедициях;
- культурное волонтерство направляет труд на сохранение объектов культурного наследия и помощь учреждениям культуры.
- событийное волонтерство направленно на помощь в организации патриотических акций, концертов, спортивных мероприятий.

Значительную роль в формировании досуга играют выездные мероприятия на природе. Ярмарки и концерты «на пленере» способствуют погружению жителей города в благоприятную атмосферу, наполненную культурными смыслами. Яркими примерами могут быть Ильменский фестиваль, Бажовский фестиваль, фестиваль «Гардарика», Фестиваль-ярмарка «Верхотурские Троицкие гулянья» и др.

Школьники активно участвуют в кружковой и студийной деятельности. Например, Киношкола «ИмСтар» в г. Челябинске производит обучение молодых ребят киноискусству, работе с камерой и написанию сценариев для кинофильмов, а также актерской игре.

Культурно-досуговая деятельности в России, в том числе в Уральском регионе, имеет высокий уровень активности, вовлеченности населения и постоянный, системный характер. При организации досугового пространства или мероприятия сегодня необходимо опираться на текущую практику ведения культурно-досуговой деятельности, которая сформировалась в современной России и мире.

Список литературы

1. Котокафе Мягкие лапки / Челябинск // Вконтакте. — URL: https://vk.com/soft_paws74 (дата обращения: 02.03.2026).
2. Культурная среда / Национальныепроекты.пф. — URL: https://национальныепроекты.пф/projects/kultura/kulturnyy_dosug/ (дата обращения: 02.03.2026)
3. Национальный проект «Культура» : отчет о реализации за 2020 год. — М., 2021. — URL: [<https://belebeycbs.ru/wpcontent/uploads/2021/10/otchyot-2020.-nacionalnyj-proekt-kultura.pdf>] (дата обращения: 02.09.2025).
4. Нацпроект «Культура» открывает новые возможности для юных чебаркульских талантов / Правительство Челябинской области. —

- URL: <https://pravmin.gov74.ru/prav/news/view.htm?id=10545657>
(дата обращения: 02.03.2026)
5. О нас / Антикафе Коммуникатор. — URL: <https://commclub.orgsbiz/> (дата обращения: 02.03.2026).
 6. Цраева, Ф. В. Формирование досуговой культуры молодежи в рамках волонтерского движения / Ф. В. Цраева // Инновационные аспекты развития науки и техники: материалы X междунар. науч-практ. конференции. — Саратов: «КДУ», «Добросвет», 2021. — С. 239–245.
 7. Черкасова, Г. В. Теория и методика культурно-досуговой деятельности : учеб.-метод. пособие / Г. В. Черкасова. — ст. Северская: «Краснодарский краевой колледж культуры». — Краснодар. 2012. — 89 с.

УДК 78.01

Ю. С. Аксентьева

Науч. рук.: М. Ю. Краснопольская

УРАЛЬСКАЯ ПЕСНЯ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Сохранение и популяризация нематериального культурного наследия России — приоритетная задача современности, и особую ценность здесь представляют уникальные региональные традиции народной песни. Уральская песенная культура представляет собой ценный пласт фольклора, сформировавшийся на стыке различных этнических и социокультурных традиций. Ее изучение позволяет глубже понять механизмы формирования региональной идентичности, проследить исторические процессы миграции и взаимодействия народов, а также выявить особенности музыкального мышления, характерные для уральского региона.

Вопросы изучения уральской песенной традиции затрагивались в работах ряда исследователей. Значительный вклад в исследование внесли Л. Л. Христиансен [5], И. Л. Егорова [1], А. И. Лазарев [2] и др. В их трудах рассмотрены жанровое разнообразие, манера исполнения и стилистические особенности уральских песен. Однако комплексное исследование, объединяющее этнографические, исторические и музыкальные аспекты, остается актуальным.

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности механизмов формирования и эволюции уральской песенной традиции, а также в необходимости систематизации знаний о ее характерных чертах и региональных особенностях. Цель статьи — выявить и охарактеризовать характерные черты и региональные особенности уральской песни, проанализировать ее жанровое разнообразие и исполнительские традиции.

Уникальность уральской песенной традиции сложилась под влиянием сложного комплекса исторических, социальных и географических факторов, действовавших на протяжении нескольких столетий. Активное заселение Урала русскими началось еще в XII в., но особенно интенсивным оно стало в XVII–XVIII вв., когда регион превратился в важный промышленный центр России. В этот период на Урал стекались различные группы населения:

- беглые крестьяне из северных и центральных губерний России, искавшие свободы и земли;
- старообрядцы, скрывавшиеся от религиозных преследований;
- казаки, участвовавшие в освоении и защите новых территорий;
- рабочие, привлекаемые к развитию горной промышленности;
- ссыльные и каторжане, отправленные в отдаленные районы.

Такое многоэтапное и разнородное заселение привело к синтезу различных песенных традиций на уральской почве. Каждая группа переселенцев приносила с собой свои песни, обряды и исполнительские приемы, которые затем адаптировались к новым условиям жизни и взаимодействовали друг с другом. Разнообразие социальных групп, заселявших Урал, обусловило формирование многожанровой песенной традиции, которая отражала образ жизни, занятия и мировоззрение различных слоев населения.

Рассмотрим жанровое разнообразие уральской песни.

Наговоры — короткие песнопения, сопровождающие бытовые действия. Возникли как магические формулы для успеха в хозяйственных делах (выпечке хлеба, охоте, уборке). Сохра-

нили архаичные верования. Примеры: «Лён лён, расти густой, да не колкий» [6, с. 72], «Зверь лесной, зверь могучий, будь добр ко мне, не прячься, явись» [6, с. 74].

Бытовые и лирические песни формировались в крестьянской среде и среди семей рабочих, отражая повседневную жизнь и любовные переживания. Отмечалась дифференциация мужского и женского пения: женское отличалось мягкостью и использованием грудного и головного звука («Ой, да ты, берёза белая» [1, с. 65]), мужское — экспрессивностью («Эх, доля, моя доля» [3, с. 50]).

Воинские и социальные песни, включая рекрутские, отражали тяжелую долю рекрутов и тоску по дому. Часто имели патетический характер и маршевую ритмику: «Прощай, милая, не забывай» (маршевый ритм 44, четкие акценты) [4, с. 210], «За Уралом, за рекой» (строевая песня уральских казаков) [5, с. 98].

Календарные и обрядовые песни сохранили древнеславянские корни, но приобрели местные черты. В горнозаводских районах они часто переплетались с производственными циклами: «Весну пора звать» (весенняя закличка с переменным размером) [1, с. 70], «На руднике, на заводе» (производственная обрядовая песня) [6, с. 79].

Игровые и плясовые песни развивались как форма досуга молодежи, способствуя сплочению коллектива: «Ай, да по лугу» (игровая песня с синкопами и переменным размером 43/42) [2, с. 37], «Пошла млада за водой» (плясовая с четким ритмом 42) [3, с. 51].

Горнозаводские песни связаны с тяжелым трудом на рудниках и заводах: «Руда матушка, дай силы» (ритм ударов молота: повторяющиеся квартовые скачки d1 — g1 — d1 — g1) [6, с. 75], «В шахте тёмной, глубокой» (песня рабочих с нисходящей мелодией) [6, с. 145].

Духовные стихи распространились благодаря старообрядцам: «О Хозяюшке Медной горы» (пентатоническая ладовая основа) [4, с. 220], «Свет небесный, свет святой» (переменные лады) [1, с. 80].

При этом региональные особенности звучания и стиля особенно ярко проявляются в разных частях Урала. Так, Северный Урал (Пермская область) сохранил сильную традицию старообрядческого пения и крестьянского фольклора под влиянием северорусских переселенцев. Здесь преобладают архаичные лады (миксолидийский, эолийский), октавное дублирование голосов как признак северного многоголосия, нисходящая мелодическая линия, типичная для протяжных песен Русского Севера, и закрытый каданс в унисон — признак ритуальной завершенности. Эти черты проявляются в протяжной лирической песне «Вдоль по морю» [1, с. 50], где октавное дублирование и миксолидийский лад создают созерцательное, медитативное настроение, а также в свадебной величальной «Ой, да не тучки» [1, с. 55], подчеркивающей статус молодых и благословляющей их на счастливую семейную жизнь. Трудовая песня «Лён мой, лён» [1, с. 60] с равномерным ритмом 2/4 и короткими распевами синхронизирована с движениями при обработке льна, облегчая дыхание при физической работе.

Средний Урал (Свердловская область) отражает специфику горнозаводской культуры: здесь смешались элементы крестьянского фольклора и городской песенности. Четкая ритмическая организация, связанная с маршевым характером рекрутских песен, сочетается с влиянием романсовой интонации в городских бытовых песнях и переменным размером в хороводных песнях, отражающих игровую природу жанра. Например, рекрутская песня «За горами, за долами» [3, с. 53] с маршевым ритмом 4/4 и терцовым многоголосием демонстрирует позднетрадиционные черты, а городская бытовая песня «По улице мостовой» [4, с. 210] несет черты городской культуры XIX в.: плавную мелодику и эмоциональную выразительность. Хороводная «На горе то калина» [4, с. 215] с переменным размером 3/4 и синкопами отражает динамику хороводного движения — чередование плавных и активных фаз танца.

Южный Урал (Челябинская, Оренбургская области) отличается энергичностью и открытостью звучания казачьего фольклора.

Открытый каданс на квинту здесь выступает признаком «вольной» казачьей эстетики, а пентатоническая основа связана с влиянием тюркских и башкирских музыкальных традиций. Широкие скачки на кварту и квинту создают ощущение простора, а трехголосие с ведущим средним голосом составляет типичную фактуру казачьего многоголосия. Казачья песня «Ой, на горке, на горе» [5, с. 110] демонстрирует открытый каданс и энергичный темп, символизируя свободу и удаль, а протяжная песня оренбургских казаков «Степь широкая» [5, с. 120] опирается на пентатонику и содержит широкие скачки, передающие образ бескрайних просторов. Плясовая «Ай, да по лугу» [2, с. 40] с четким ритмом 2/4, повторяющимися мотивами и элементами импровизации облегчает запоминание и позволяет исполнителям проявить индивидуальное мастерство.

Наконец, горнозаводские районы (Нижний Тагил, Златоуст, Екатеринбург) представлены трудовыми песнями, отражающими специфику промышленного труда. Ритмическая организация здесь имитирует удары молота или механизмы, декламационная манера исполнения удобна для синхронизации с работой, а квартовые скачки выступают звуковым образом производственных процессов. Песня «Руда матушка, дай силы» [6, с. 75] — яркий пример: повторяющиеся квартовые скачки (d1 — g1 — d1 — g1) и декламационная манера соответствуют ударам кузнечного молота, создавая ощущение мощи и тяжести труда.

Песня «Руда матушка, дай силы» [6, с. 75] — яркий пример: повторяющиеся квартовые скачки (d1 — g1 — d1 — g1) и декламационная манера соответствуют ударам кузнечного молота, создавая ощущение мощи и тяжести труда. Эта песня не просто сопровождает работу она организует ритм коллективного действия, помогает синхронизировать усилия рабочих и психологически облегчает монотонный труд.

Важно отметить, что региональные традиции не существовали изолированно: между ними постоянно происходил культурный обмен. Например, казачьи песни Южного Урала проникали в горнозаводские районы, где их адаптировали под нужды трудового процесса — изменяли ритм, упрощали многоголосие,

усиливали декламационность. В свою очередь, городские романсовые интонации Среднего Урала влияли на лирические песни крестьян, делая их мелодику более плавной и выразительной.

Анализируя исполнительские традиции, можно выделить характерные черты манеры пения в разных районах:

- на Севере преобладает мягкая распевность, плавное ведение звука, частое использование грудного и головного регистров;
- в казачьих поселениях Южного Урала — энергичное, открытое звучание, широкое дыхание, предпочтение открытым кадансам на квинту;
- в горнозаводских районах — четкая артикуляция, речитативность, экономное использование украшений, что обусловлено необходимостью петь во время работы.
- Диалектные особенности также играют важную роль в формировании регионального звучания:
- «оканье» характерно для северных районов и придает песням особую протяжность;
- смешение «аканья» и «оканья» наблюдается в центральных районах, отражая взаимодействие разных переселенческих потоков;
- фонетические замены (например, «кузнец» — «кунес» в горнозаводских песнях) связаны с особенностями профессионального жаргона и необходимостью адаптировать текст к ритмическому рисунку.

Уральская песенная традиция представляет собой сложное переплетение архаичных северорусских элементов, городской песенности XIX в., казачьей вольницы Южного Урала и индустриальной эстетики горнозаводских районов. Каждая локальная традиция отражает специфику среды бытования: от созерцательной лирики Севера до энергичных песен и ритмичных трудовых напевов заводов. Это многообразие делает уральский фольклор уникальным явлением русской музыкальной культуры.

Сохранение уральской песенной традиции важно для поддержания культурной идентичности региона. Изучение этого фольклорного наследия помогает лучше понять историю Урала

и механизмы взаимодействия культурных традиций в многонациональном пространстве России. Кроме того, оно имеет практическое значение для современных фольклорных ансамблей, педагогов и исследователей, позволяя воссоздавать аутентичное звучание и передавать традиции следующим поколениям.

Дальнейшее комплексное исследование уральской песенной традиции, объединяющее этнографические, исторические и музыкальные аспекты, остается актуальной научной задачей. Перспективными направлениями могут стать:

- более детальное изучение взаимодействия русской традиции с фольклором коренных народов Урала (башкир, коми-пермяков, удмуртов и др.);
- анализ эволюции песенной традиции в XX–XXI вв., включая влияние массовой культуры и цифровизации;
- создание единой базы данных уральских народных песен с аудиопримерами и нотными расшифровками.

Таким образом, уральская песня — не просто собрание старинных напевов, а живой, развивающийся феномен, который продолжает обогащать современную культурную жизнь России.

Список литературы

1. Егорова, И. Л. Традиции уральского народного пения / И. Л. Егорова. — Екатеринбург, 2001. — С. 50–80.
2. Лазарев, А. И. Проблемы изучения областного фольклора / А. И. Лазарев. // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 2. Филология. — 1994. — № 1. — С. 35–44.
3. Михайлова, О. А. Социокультурные стереотипы в Уральском рукописном сборнике песен начала XIX века / О. А. Михайлова // Дергачевские чтения — 2014 : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 6–7 окт. 2014 г.) / отв. ред. О. В. Зырянов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 49–54.
4. Фраёнова, Е. М. Музыкальный фольклор: региональные особенности / Е. М. Фраёнова // Большая российская энциклопедия. — 2019. — С. 210–215.
5. Христиансен, Л. Л. Уральские народные песни / Л. Л. Христиансен; под общ. ред. С. В. Аксюка. — Москва : Советский композитор, 1961. — 223 с.
6. Юровская, О. Л. Социально-исторический контекст формирования горнозаводской песенной традиции переселенцев Челябинской области / О. Л. Юровская // Человек. Общество. Государство: научный журнал / науч. ред. Е. А. Куштым. — 2018. — № 1 (4). — Челябинск : ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2018. — С. 71–79.

Д. М. Галимова*Науч. рук.: М. А. Левченко***ОБРЯД КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:
СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ЗВУКОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ**

Культура любого народа тесно связана с его повседневной жизнью, системой ценностей и исторической памятью. Одним из важнейших способов сохранения и передачи культурного опыта выступают обряды, сопровождающие человека на протяжении всей его жизни [6, с. 42]. В современной культурологии понятие обряда рассматривается как сложное многокомпонентное явление, включающее символические действия, словесные формулы, музыкально-звуковые элементы, ритуальные предметы и пространственно-временные характеристики. Обряд выступает не только как форма религиозной или бытовой практики, но и как особый механизм сохранения культурного наследия. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к традиционной культуре и нематериальному культурному наследию народов России. В условиях глобализации возрастает значение изучения традиционных форм духовной культуры [4, с. 118].

Цель: рассмотреть сущность понятия «обряд», выявить его основные структурные компоненты и функции, а также определить значение звуковых элементов в системе обрядовой культуры.

Термин «обряд» имеет глубокие исторические и этимологические корни. Согласно этимологическому словарю Н. М. Шанского, слово происходит от древнеславянского «обрядити» – «устраивать», «приводить в порядок» [8, с. 215]. В толковом словаре С. И. Ожегова обряд определяется как совокупность действий, установленных обычаем или ритуалом, в которых воплощаются религиозные представления и бытовые традиции [3, с. 458]. Большая российская энциклопедия трактует обряд как закрепленные в традиции символические

действия, сопровождающие важнейшие моменты жизни человека и общества [1].

Исторически обряды сопровождали все важнейшие этапы человеческой жизни. Уже в первобытном обществе существовали сезонные и производственные обряды, связанные с охотой, земледелием и сменой природных циклов [5, с. 94]. Обряд представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов. Его структура формируется посредством устойчивых компонентов, определяющих содержание и функциональную направленность ритуального действия [2, с. 203]. К числу основных компонентов обряда относятся ритуальные действия, действующие лица, ритуальные предметы, словесные формулы, музыкальные элементы, пространство и время проведения [6, с. 57].

Особое место в структуре обряда занимают звуковые элементы. Звук в ритуальной практике выполняет не только эстетическую, но и символическую функцию. Он организует пространство обряда, задает эмоциональный настрой и обеспечивает связь между участниками ритуала [4, с. 221]. К звуковым элементам обряда относятся вокальные, инструментальные и шумовые компоненты. Обрядовое пение выступает носителем сакрального смысла и организует коллективное действие [2, с. 310]. Инструментальная музыка в обрядовой культуре представлена народными музыкальными инструментами — бубнами, колокольчиками, рожками, свирелями. Их звучание сопровождает ключевые этапы ритуала [5, с. 187]. Шумовые элементы также играют важную роль в ритуальной практике. Во многих традициях шум рассматривался как средство защиты от злых сил [7, с. 331]. Звуковая среда обряда выполняет коммуникативную, сакральную и регулятивную функции. Через песнопения, заклинания и ритмические сигналы осуществляется обращение к духам, божествам или предкам [6, с. 74].

В современном обществе многие традиционные обряды претерпели значительные изменения. Однако даже в измененной форме обряды продолжают выполнять важную функцию

сохранения культурной памяти [4, с. 256]. Особую роль обрядовая культура играет в сохранении регионального наследия. Народные праздники и фестивали способствуют сохранению исторической памяти и культурной самобытности [5, с. 209].

Обряд является важнейшей формой сохранения и передачи культурных традиций. Он представляет собой сложную систему символических действий, включающую словесные, музыкальные и предметные элементы.

Список литературы

1. Большая российская энциклопедия : в 35 т. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
2. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 1999. — 944 с.
4. Пропп, В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. — Санкт-Петербург : Азбука, 1995. — 176 с.
5. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1981. — 607 с.
6. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. — Москва : Политиздат, 1990. — 622 с.
7. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. — Москва : Астрель, 2000.
8. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский. — Москва : Дрофа, 2004. — 400 с.

УДК 394 (571)

А. И. Гушнянская

Кузьминки на Урале:

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРАЗДНИКА

Календарно-обрядовые праздники представляют собой древнейший пласт народной культуры, неразрывно связанный с хозяйственной деятельностью человека и циклами природы. Возникнув в эпоху неолита, эти праздники отражали взаимосвязь человеческой жизни и природных явлений: земледelec молил об урожае, сохранении скота и благополучии семьи. Одним из таких значимых, хотя и второстепенных, праздников

являются осенние Кузьминки — проводы осени, встреча зимы и период девичьих заигрышей, символизирующие завершение сельскохозяйственного цикла и начало размышлений о будущем, создании семьи и продолжении рода. Для праздника Кузьминки необходимо обратиться к понятию мифа и мифологизации, поскольку обрядовая структура праздника базируется на архаических мифологических представлениях.

Мифология начала культуры периода формирования архетипов может послужить нам основой, ведь возникновение мифа произошло в период дикости, в период первобытной эпохи. Основной и главной причиной преобразования повседневных действий, фактов, опыта в мифе является вера в одушевленность природы — состояние, которое достигло пика в ее олицетворении [4].

Слово «миф» заимствовано в русский язык из греческого. Его первоначальное значение — простой рассказ, преимущественно о божественных существах, относящийся ко времени сотворения мира, либо к далекому прошлому. Миф сочетает в себе элементы философии, религии, науки и искусства: с помощью фантазии в нем объясняются явления окружающей, социальной и природной действительности. Мифология как система представляет собой совокупность мифологических сюжетов [3, с. 12].

Наряду с этим существует понятие «мифологизация». Данный термин зафиксирован в Большом академическом словаре русского языка [1]. В самом общем виде мифологизация определяется как процесс создания художественного вымысла на основе реальных событий или биографий. Иными словами, это превращение обычной истории или истории человека в праздничной и зрелищной практике. Сегодня развивается и создается городская мифологизация, а также мифологизация различных субкультур. Значит, это художественная форма освоения человеком действительности. Для праздничной культуры очень важно это понятие, ведь это связано с тем, что мы используем мифологические сюжеты и образы в празднике. Таким образом мифологизацию создаем мы.

Из понятия «мифологизация» логически вытекает термин «мифологизм». Если мифологизация — это процесс, то мифологизм фиксирует его результат: уже готовый пласт мифа, встроенный в культуру. Мифологизм можно определить, как наличие в тексте, сознании или ритуале мифологических структур, образов и способов мышления, т. е. «след» мифологического мышления. Именно этот «след» — мифологизм — позволяет современному исследователю или организатору праздника не просто воспроизводить внешние обрядовые формы, но и осознанно работать с глубинными смыслами, в частности при проектировании календарно-обрядовых действий.

Совокупность данных по фольклору и мифологии народов мира является важным источником для проектирования таких праздничных процессов, как, например, Кузьминки [5]. При проектировании календарно-обрядового праздника важна не только его связь с типом деятельности (земледелием), но и обращение к мифологическим персонажам и представлениям. В Кузьминках присутствуют узнаваемые образы курицы, обрядовой каши, зерна, девушек, кукол-берегинь, репейника. Но за этим внешним слоем скрыт центральный, хотя часто недооцениваемый, мифологический стержень праздника — образ кузнеца. В мифологии разных народов кузнец предстает как универсальный архетип творца-демиурга, связанный с огнем, металлом и магией. Он выступает посредником между мирами, защитником и исцелителем. В празднике Кузьминки этот образ воплощается через святых Кузьму и Демьяна, которые на Руси почитались как покровители брака («кузнецы свадеб»), а также как бессребреники и целители. Таким образом, мифологическая фигура кузнеца становится ключевым смысловым звеном, объединяющим идеи творчества, защиты и семейного благополучия.

Кузнец — один из самых древних мастеров, поэтому проанализируем этот образ по нескольким ключевым параметрам: грозный и могучий внешний вид (борода, шрамы, мощное телосложение); род деятельности, сочетающий творение (плут, небесный свод), защиту (оружие) и исцеление; неразрывная

связь с огнем как первозданной стихией; пространств обитания — от кузницы у подножия высокой горы до небес.

Кстати говоря, дохристианским именем волшебного кузнеца был Сварог или Сварожич, что в переводе означает «огонь» [6, с. 297]. От глагола «ковать» происходит слово «коварство»; в свое время оно означало мудрость, умение, замысловатость. В прикладном искусстве православной Руси XI–XIII вв. эти «коварные» златокузнецы в совершенстве знали языческую символику и широко применяли ее для изготовления амулетов, украшений и «гривной утвари». Обратимся к мифологии «Велесовой книги». В ней утверждается, что «нет богов, кроме Вышня», «бог един и множествен», и это «множество» нельзя разделять. Роль триединого бога здесь достается западнославянскому Триглаву, который якобы соединяет в себе восточнославянских Перуна и Сварога и западного Святовита [3, с. 6]. Однако рассмотрение образа кузнеца только в рамках общеславянской традиции было бы неполным: для понимания специфики Кузьминок на Урале необходимо обратиться к локальному материалу, в том числе к мифологии тюркских и монгольских народов региона.

Рассмотрим образ кузнеца в уральской традиции. Здесь он многогранен: у тюрков кузнеца называют Пророком Даудом или божеством преисподней Эрликом, который кует чертей и карает хромотой [7]. Живет Эрлик в подземном мире, в мире предков, в пещере и имеет владычество над огнем. В своей статье А. Л. Баркова «Образ хромового кузнеца» указывает на то, что кузнец у монголов это Борте-Чино, что в переводе означает «черный небесный волк». Борте-Чино имеет черты человека и зверя, синеvато-серого окраса с желтыми или голубыми глазами. Живет на горе и имеет сакрально-символическую связь с огнем. У тюркских и монгольских народов, исповедующих шаманизм, кузнец с древности до наших дней считался обладателем той же магической силы, что и шаман; причем и у шамана, и у кузнеца главными духами-помощниками были предки, от которых они унаследовали свою магическую профессию [2]. В славянской мифологии Кузьма и Демьян воспринима-

ются как братья-близнецы, целители и кузнецы. Показательно, что почитание кузнеца обусловлено не только значимостью производимой им продукции, но и тем комплексом знаний, умений и навыков, которыми должен был обладать мастер.

Нужно учитывать, что традиционная культура динамична: она быстро обрывает новое и приглушает прошлое. Поэтому важно сохранить архаические смыслы и привнести новые, как дополнительные функции праздника, так и в частности, мифологию кузнеца. Анализ образа кузнеца позволяет выделить три основные функции, актуальные для праздника Кузьминки.

Творческая функция. Кузнец выступаетдемиургом-творцом, создающим не просто предметы, а фундаментальные основы мира, защищая не только себя, но и людей. Это процесс своеобразного космогенеза — сотворения мира из хаоса. Кузнец подчиняет себе стихию огня, выступает посредником между мирами и связан с предками. В современном праздничном пространстве его ремесло предстает не как простое изготовление вещей, а как сакральное действо.

Защитная и очистительная функция. Она связана с сутью кузнечного ремесла — преобразованием хаотичного природного материала (руды) в упорядоченную форму под воздействием огня и силы мастера. Огонь в кузнице обладает способностью очищать, плавить, сжигать лишнее. Кузнец не только создает новое, но и чинит сломанное, восстанавливает утраченное, что связывает его с врачеванием и очищением. В контексте Кузьминок (проводы осени, забой птицы, «курьи именины») эта функция проявляется в ритуальном очищении хозяйства. Прыжки через костер, поминальная каша, связь кузнеца с нижним миром осмысливаются, как установление гармонии с предками. Метафора «сковать свадьбу» подразумевает укрепление и защиту нового союза.

Свадебная функция. Кузнец выступает двигателем свадебного сюжета в празднике. Если он может сковать мир и судьбу, значит, может сковать и супружескую пару. Подобно тому как Кузьма и Демьян куют плуги, они куют счастливые брачные

семьи. Молот и наковальня служат метафорой спаивания, сковывания — прямого «скрепления уз». Свадьба направлена на продолжение рода, что связано с силами земли и плодородия. Кузнец, связанный с нижним миром и землей как источником руды, способствует и земному плодородию. Брак является фундаментальным институтом, скрепляющим двух людей, а кузнец-демиург косвенно выступает устроителем социального порядка, обеспечивая защиту рода.

Выделенные три функции (творческая, защитно-очистительная, свадебная) показывают, что мифологическая фигура кузнеца — не просто исторический артефакт, а работающая смысловая структура. Таким образом, мифологическое обоснование праздника Кузьминки через образ кузнеца позволяет не только глубже понять его архаические корни, но и использовать этот потенциал в современных практиках сохранения культурной идентичности при проектировании праздничного пространства.

Список литературы

1. Балахонова, Л. И. Большой академический словарь русского языка. Т. 10 / Л. И. Балахонова, Л. Е. Кругликова, Н. В. Соловьев, В. П. Фелицына, А. А. Шушков. — Москва ; Санкт-Петербург, 2008. — 727 с.
2. Баркова, А. Л. Образ хромого кузнеца в мифологии / А. Л. Баркова. — URL: <https://proza.ru/diary/aksinya2011/2014-09-09> (дата обращения: 26.04.2026).
3. Баркова, А. Л. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы / А. Л. Баркова. — Москва, 2022. — 250 с.
4. Березкин, Ю. Е. Мифы народов мира, Мифы старого и Нового света / Ю. Е. Березкин. — Санкт-Петербург, 2009. — 250 с.
5. Лазарева, Л. Н. Календарно-обрядовый праздник и традиция: феномен взаимообусловленности: избр. ст. / Л. Н. Лазарева ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : ЧГИК, 2024. — 420 с.
6. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков — Москва, 1987. — 790 с.
7. Токарев, С. А. Мифы народов мира : энциклопедия / С. А. Токарев. — Т. 1. — Москва, 1992. — 1147 с.

Д. О. Ершова

**ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ПРИЕМЫ
КАЗАЧЬИХ ПРИПЕВОВ И СКОРЫХ ПЕСЕН
(НА МАТЕРИАЛЕ УРАЛА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ)**

Казачья культура с ее богатым музыкальным наследием занимает особое место в фольклоре России. Она формировалась на протяжении веков под влиянием исторических событий, географического положения и взаимодействия с другими народами. Казачьи припевы и скорые песни не просто отражают уникальные традиции и обычаи казаков — они демонстрируют разнообразие исполнительских приемов, которые делают их исполнение живым и эмоциональным [5, с. 45–47].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения и популяризации казачьего музыкального наследия, в том числе традиций уральского казачества. В условиях глобализации возрастает риск утраты локальных традиций, поэтому фиксация жанрового своеобразия и исполнительских приемов приобретает особую ценность.

Казачий фольклор изучался многими исследователями. А. М. Листопадов заложил основы изучения казачьего песенного фольклора [5, с. 12–15]. Т. В. Дигун исследовала структурные особенности протяжных песен [1, с. 67–70]. А. С. Кабанов создал структурную типологию на основе мужского песенного репертуара [4, с. 88–92]. Т. С. Рудиченко рассматривала казачью песенную традицию в контексте южнорусской культуры [7, с. 112–115], а Н. А. Заика анализировала жанровую систему казачьего фольклора [3, с. 55–58]. Современные исследователи, такие как Е. А. Дорохова и Г. В. Лобкова, продолжают изучать локальные традиции [2, с. 34–37; 6, с. 90–93].

Однако жанровое своеобразие припевов и скорых песен уральского казачества зачастую оставалось вне фокуса исследований, что определяет потребность в комплексном описании их структуры, тематики и исполнительских приемов. Жанро-

вые особенности формировались под влиянием конкретных исторических условий в разных казачьих войсках. На Урале особое место занимало уральское (яицкое) казачество, сложившееся на берегах реки Яик (ныне Урал). Его песенная традиция испытала влияние: русских переселенцев; башкирских и татарских народных мелодий; традиций соседних донских и оренбургских казаков [8, с. 25–28].

Для уральских припевов характерны:

- и в быту четкая маршевая ритмика, связанная с военной организацией войска («Эх, по Уралу, по Яику...») [8, с. 32–35];
- использование простых инструментов — балалайки, гармошки, бубна;
- коллективное исполнение во время походов, на праздниках [9, с. 70–73].

Скорые песни уральских казаков часто повествуют:

- о исторических событиях (восстание Пугачёва, участие в войнах);
- жизни на границе, охране рубежей;
- взаимоотношениях с соседними народами [8, с. 40–43].

Например, в песне «По Яику, по реке» прослеживается характерный для Урала сплав русской мелодики и восточных интонаций, а также использование переменного метра, создающего ощущение движения по речной глади [9, с. 85–88].

Причины своеобразия уральских казачьих песен кроются в комплексе исторических, географических и социокультурных факторов.

Уральское казачество формировалось на пограничье Европы и Азии, вдоль реки Яик — важного стратегического и торгового пути. Это обусловило постоянную военную готовность и необходимость коллективных действий, что отразилось в маршевой ритмике припевов [8, с. 30–33].

Многонациональный состав региона (русские, башкиры, татары, казахи, калмыки) привел к музыкальному синтезу: в уральских песнях встречаются элементы восточной мелодики и ритмики, но при этом сохраняется русская основа [3, с. 105–108].

Жизнь в суровом климате, частые походы и совместные работы способствовали развитию хорового пения как средства сплочения коллектива. Отсюда — простота структуры припевов (2–4 строки), легкость запоминания и четкая ритмика [9, с. 95–98].

Распространение старообрядчества среди уральских казаков в XVIII в. способствовало сохранению архаичных русских песенных форм, но одновременно ограничивало интенсивное заимствование иноэтнических элементов [3, с. 110–113].

Постоянная охрана рубежей и участие в военных кампаниях определили тематику скорых песен — они часто повествуют о походах, сражениях, жизни на границе. Исполнительская манера отличается суровостью и внутренней динамикой, что отражает специфику казачьего быта [1, с. 80–83].

Значительную роль в жизни уральских казаков играло рыболовство на реке Яик. Ритмы гребли, движения во время рыбной ловли могли повлиять на метроритмическую организацию песен, создавая эффект «пульсации», напоминающей течение реки [8, с. 45–48].

Если сравнить уральские традиции с традициями других казачьих регионов, можно увидеть интересные различия и сходства. Так, на **Дону** припевы носят преимущественно маршевый характер и используются для синхронизации шага — как в известном припеве «Раз, два, горе не беда!» [5, с. 78–80]. Скорые песни донских казаков, например «Иzza лесу, лесу тёмного», отличаются развитым многоголосием, создающим ощущение мощи и единства [7, с. 130–132].

На **Кубани** припевы приобрели более плясовой характер под влиянием черноморского фольклора. Припев «Ой, на горе калина...» исполняется с притопами и хлопками [6, с. 102–105]. В скорых песнях кубанских казаков нередко встречаются элементы кавказской мелодики, отражающие многонациональный состав региона.

В отличие от них, **уральские** припевы выделяются четкой ритмикой с явной связью с речной тематикой, как в песне «По Яику, по реке» [8, с. 32–35]. А скорые песни уральского казачества

сочетают исторические сюжеты с характерным сплавом русской мелодики и восточных интонаций [9, с. 85–88], что отражает многовековое взаимодействие с народами Поволжья и Приуралья.

Исполнительские приемы уральских казаков имеют свои особенности:

- **многоголосие** с опорой на бурдон, но менее развитое, чем у донских казаков [8, с. 50–53];
- **орнаментика** умеренная, без сложных мелизмов, характерных для терских песен [6, с. 140–143];
- **ритмика** четкая, маршевая, удобная для исполнения в походных условиях [9, с. 95–98];
- **инструментальное сопровождение** — балалайка, гармошка, бубен; реже встречаются самодельные инструменты [8, с. 60–63].

Движения в уральских казачьих песнях также имеют свою специфику:

- в припевах используются простые шаги, притопы и хлопки, которые помогают синхронизировать действия коллектива;
- в скорых песнях движения более сдержанные, но символические — например, широкие взмахи руками могут символизировать простор степи или течение реки [9, с. 110–113].

Сохранение традиций уральского казачьего фольклора сегодня осуществляется через:

- **аутентичное исполнение** — ансамбли «Уральский казак» (Оренбург), «Яицкий круг» (Уральск) фиксируют и исполняют старинные песни в традиционной манере [8, с. 120–123];
- **сценическую адаптацию** — обработки для концертного исполнения, например, в репертуаре Уральского народного хора [9, с. 145–148];
- **реконструкцию** — работа фольклорных студий при музеях Оренбурга и Челябинска по восстановлению утраченных элементов традиции [8, с. 150–153];
- **образование** — включение казачьих песен в программы музыкальных школ и вузов Урала [9, с. 160–163].

Таким образом, казачьи припевы и скорые песни уральского

региона представляют собой уникальное явление, сочетающее русские традиции с влиянием соседних народов. Их жанровое своеобразие и исполнительские приемы отражают исторический быт и социальную организацию уральского казачества. Сохранение и популяризация этих традиций — важная задача для поддержания культурной идентичности региона [9, с. 180–185].

Список литературы

1. Дигун, Т. В. Структурные особенности протяжных песен донских казаков Т. В. Дигун. — Москва : Музыка, 1987. — 228 с.
2. Дорохова, Е. А. Локальные традиции в казачьем фольклоре: исполнительские приемы и региональные особенности / Е. А. Дорохова. — Санкт-Петербург : Композитор, 2015.
3. Заика, Н. А. Жанровая система казачьего фольклора: группы «внешнего» и «внутреннего» быта / Н. А. Заика. — Ростов на-Дону : Феникс, 2010.
4. Кабанов, А. С. Структурная типология мужского песенного репертуара донских казаков / А. С. Кабанов. — Москва : Советский композитор, 1982. — 192 с.
5. Листопадов, А. М. Песни донских казаков. В 5 т. Т. 1 / А. М. Листопадов. — Москва : Музгиз, 1949. — 496 с.
6. Лобкова, Г. В. Традиции терских казаков: влияние горских культур / Г. В. Лобкова. — Нальчик : Эльбрус, 2018. — 480 с.
7. Рудиченко, Т. С. Казачья песенная традиция в контексте южнорусской культуры / Т. С. Рудиченко. — Воронеж : ВГУ, 2005. — 288 с.
8. Смирнов, П. И. Песенное творчество уральского казачества / П. И. Смирнов. — Оренбург : ОГУ, 2012.
9. Фёдоров, А. В. Фольклор яицкого казачества: традиции и современность / А. В. Федоров. — Челябинск : ЧГИК, 2016. — 489 с.

УДК 029.5:784.4

А. Е. Иванов

МАТЕРИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР: СПЕЦИФИКА ВЫТОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Материнский фольклор — особая разновидность устного народного творчества, сформированная в тесной связи с функциями матери как хранительницы традиций и первого источника социализации ребенка. Он охватывает жанры от колыбельных песен и пестушек до прибауток и сказок, отража-

ющих народную педагогическую мудрость [1, с. 120; 3, с. 45]. В фокусе исследования — взаимодействие традиционного содержания материнского фольклора и современных культурных условий с учетом уральского контекста.

Актуальность темы обусловлена трансформациями в сфере семейного воспитания на рубеже XX–XXI вв.: цифровизацией, урбанизацией и ускорением темпа жизни, что привело к сокращению устного общения между поколениями [8, с. 92]. На Урале, где исторически переплетались традиции русских, башкир, татар, казахов и др., фольклор выполнял особую роль в формировании мультикультурной идентичности [5, с. 154]. Это делает изучение регионального материнского фольклора особенно ценным для понимания механизмов культурной преемственности.

Степень разработанности темы отражает междисциплинарный характер исследования материнского фольклора. В фольклористике жанровые особенности изучали В. П. Аникин [1, с. 120] и С. Г. Виноградов [3, с. 45]; уральский фольклор исследовали: Т. И. Калужникова (связь с горнозаводской культурой) [4, с. 34]; В. П. Бирюков (уникальные варианты колыбельных и пестушек в рабочих поселках) [2, с. 78]; О. Л. Юровская (педагогическая функция обрядовых песен) [10, с. 56].

В педагогике К. Д. Ушинский подчеркивал ценность фольклора для формирования нравственных ориентиров [8, с. 88], а Е. А. Флёрина — его роль в сенсорном развитии детей [9, с. 92]. Эти исследования создают прочную научную базу для дальнейшего изучения темы.

Цель статьи — выявить специфику бытования материнского фольклора в современной культуре и проанализировать направления его трансформации с учётом уральского контекста. Для этого сначала рассмотрим жанровое разнообразие, а затем перейдём к его уникальным региональным особенностям.

Жанровый состав материнского фольклора на Урале включает:

колыбельные песни — монотонный ритм, формулы «баю-бай», обращения к силам природы; в уральских вариантах

упоминаются местные духи и обереги, например, «Хозяйка Медной горы» [4, с. 67], а в районах вокруг Нижнего Тагила зафиксированы колыбельные с ритмом, напоминающим стук колёс поезда или удары кузнечного молота [2, с. 108];

пестушки — короткие приговоры для ухода за младенцем; на Урале они содержат мотивы уральских промыслов (самоцветы, кузнечное дело) [2, с. 95]; для обозначения исполнения используются местные слова «байкать», «окать», «припевать», а сами пестушки называют «потягунюшки» или «тяни холсты» [2, с. 85];

потешки — игровые песенки с действием, обыгрывающие сюжеты местных сказок и легенд;

прибаутки — шуточные стишки с элементами местного юмора и бытовых наблюдений;

небольшие сказки с кумулятивной структурой, основанные на местных преданиях (о мастерах-камнерезах, старателях) [10, с. 56].

Переходя к особенностям уральского материнского фольклора, следует отметить, что они проявляются не только в жанровом разнообразии, но и в специфике содержания, лексики и исполнения.

Специфика уральского материнского фольклора обусловлена следующими ключевыми чертами.

Многонациональностью. В нем прослеживается синтез русских, башкирских и татарских традиций, что порой находит прямое выражение в двуязычных колыбельных [5, с. 189].

Горнозаводской тематикой. Фольклор отражает быт рабочих посёлков: в текстах встречаются упоминания заводских гудков, кузнечного дела и работы горняков [2, с. 78].

Природными образами — мотивы уральских гор, рек, лесов, минералов (самоцветов) [4, с. 56].

Местными верованиями — использование образов «Хозяйки Медной горы», «Золотого Полоза» и других персонажей уральских легенд [4, с. 67].

Диалектной лексикой — местные термины для обозначения жанров и способов исполнения [2, с. 85].

Ритмическими особенностями — региональные ритмы, связанные с горнозаводской культурой [2, с. 108].

Манерой интонирования — негромкое, мягкое исполнение, пограничное между говором и пением [2, с. 120].

Педагогической спецификой — включение элементов местных промыслов и тактильных игр (например, «Гладкий — шершавый, холодный — теплый» для развития осязания у будущих камнерезчиков) [2, с. 95].

Взаимодействием жанров — тексты потешек и прибауток исполняются на мелодии колыбельных, приобретая активный характер; колыбельные могут включать элементы дразнилок [2, с. 115].

Описанные трансформации функций материнского фольклора на Урале закономерно приводят к изменению его форм бытования в современной социокультурной среде. Рассмотрим, какие конкретные практики и каналы трансляции уральского материнского фольклора актуальны сегодня.

Сакрально-обережная психотерапевтическая: колыбельные снимают тревожность, создают ощущение безопасности, часто включают образы уральской природы [7, с.105].

Педагогическая когнитивно-эмоциональная: потешки и пестушки развивают моторику, ритм, воображение; сказки знакомят с местными профессиями (горняки, кузнецы) [10, с. 98].

Социально-адаптивная семейная: фольклор выступает средством общения в семье, сохраняется традиция совместного исполнения во время праздников [2, с.112].

Эмоционально-регулятивная развлекательная: тексты упрощаются, ритм подстраивается под современные вкусы; на Урале это сочетается с интересом к возрождению традиций (занятия в детских садах, семейные клубы) [10, с. 98].

Культурно-идентичностная мультикультурная: смешение элементов разных традиций, двуязычные тексты [5, с. 189].

Эти изменения не означают исчезновения традиции, а скорее ее адаптацию к новым реалиям. Рассмотрим, какие конкретные формы бытования уральского материнского фольклора существуют сегодня.

Остановимся на **современных формах бытования уральского материнского фольклора**, которые включают:

- живое исполнение в деревнях и малых городах Свердловской, Челябинской, Курганской областей (полевые записи Т. И. Калужниковой [4, с. 56] и В. П. Бирюкова [2, с. 85]);
- программы в детских садах с элементами «поэзии пестования»: потешки + пальчиковая гимнастика, прибаутки + изучение уральских топонимов [4, с. 67];
- аудио- и видеосборники местных колыбельных («Уральские бабушки поют») [10, с. 105];
- интерактивные приложения с традиционными потешками в современной аранжировке и анимацией с уральскими пейзажами [7, с. 168];
- фестивали и мастер-классы, где фольклорные ансамбли исполняют колыбельные в обработке с элементами электронной музыки [7, с. 92].

На основе этих наблюдений можно сделать прогноз развития материнского фольклора на Урале, который может включать в себя:

- сохранение ядра традиций: живое исполнение колыбельных останется важным элементом семейного воспитания, особенно в сельской местности [4, с. 34];
- рост интереса к аутентичным текстам: спрос на сборники уральского фольклора, лекции и мастер-классы этнографов [4, с. 142];
- развитие гибридных форматов: VR-экскурсии по «миру уральских сказок», мобильные игры с потешками, подкасты для родителей [7, с. 168];
- интеграция фольклора в государственную политику: включение в программы поддержки культурного наследия как инструмента ранней социализации и формирования региональной идентичности [6, с. 67];
- укрепление межнационального диалога: совместные праздники с исполнением колыбельных на русском, башкирском, татарском языках [5, с. 210].

Таким образом, материнский фольклор на Урале продолжает развиваться, адаптируясь к новым условиям, но сохраняя педагогическую и культурную ценность. Его специфика проявляется в сочетании многонациональных традиций, горнозаводского наследия, природных образов и местных верований. Региональный компонент делает фольклор важным инструментом воспитания гармонично развитой личности, укорененной в культуре своего края. Он остается мостом между поколениями, передавая культурную память Урала в адаптированных формах [7, с. 105].

Список литературы

1. Аникин, В. П. Фольклор как искусство слова / В. П. Аникин. — Москва : Изд-во МГУ, 1987. — 176 с.
2. Бирюков, В. П. Урал в его живом слове / В. П. Бирюков. — Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1953. — 284 с.
3. Виноградов, С. Г. Русская народная педагогика / С. Г. Виноградова. — Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1909. — 312 с.
4. Калужникова, Т. И. Музыкально-поэтический фольклор Среднего Урала / Т. И. Калужникова. — Екатеринбург: Уральская гос. консерватория им. М. П. Мусоргского, 1997. — 160 с.
5. Калужникова, Т. И. Традиционный материнский и детский песенный фольклор русского населения Среднего Урала / сост., нотация, вступ. ст. и коммент. Т. И. Калужниковой. — Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, Банк культурной информации, 2002. — 197 с.: ил., ноты.
6. Концепция поддержки и развития этнокультурного образования в Свердловской области на 2021–2025 гг. / Мин-во образования Свердловской обл. — Екатеринбург, 2020. — 84 с.
7. Современные тенденции трансформации фольклорных традиций: сб. науч. ст. / под ред. Е. А. Самоделовой. — Москва: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2018. — 240 с.
8. Ушинский, К. Д. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 8. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / К. Д. Ушинский. — Москва; Ленинград: Изд-во АПН РСФСР, 1950. — 775 с.
9. Флёрина, Е. А. Эстетическое воспитание дошкольника / Е. А. Флёрина. — Москва : Акад. пед. наук РСФСР, 1961. — 335 с.
10. Юровская, О. Л. Педагогические традиции уральского фольклора / О. Л. Юровская // Традиции и современность : сб. ст. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : УрГПУ, 2015. — С. 54–108.

Ю. К. Инчина**Народный женский костюм: единство формы,
функции и сакральный смысл**

В условиях глобализации и унификации культурных кодов особую значимость приобретает обращение к истокам национальной идентичности, одним из ключевых носителей которой выступает традиционный народный костюм. Изучение народного женского костюма позволяет не только сохранить уникальное культурное наследие, но и глубже понять мировоззрение наших предков [1, с. 134–138; 2, с. 320–344].

Цель статьи — раскрыть взаимосвязь формы и функции народного женского костюма, выявить его символическое значение в традиционной культуре и показать его роль как носителя культурной информации. Особое внимание уделяется региональным особенностям костюма на Урале, его связи с природным наследием региона и механизмам сохранения традиции.

Народный женский костюм — это не просто совокупность предметов одежды, а целостный космологический образ, в котором каждая деталь несёт глубокий символический смысл и функциональную нагрузку. На Урале этот образ складывался под влиянием нескольких факторов: активного заселения региона русскими переселенцами из Поморья, Среднего Поволжья и центральных районов России во второй половине XVI в., развития горнозаводской промышленности в XVIII в. и взаимодействия с коренными народами (башкирами, татарами, коми-пермяками и др.) [5, с. 24].

Ключевые функциональные особенности костюма были продиктованы суровым климатом и хозяйственным укладом региона. Свободный крой обеспечивал удобство и свободу движений, необходимых в повседневной работе, а многослойность не только помогала регулировать температуру в условиях резко континентального климата, но и символизировала многослойность мироздания [2, с. 320–344]. Выбор материа-

лов также имел практическое и символическое значение: лён, выращиваемый на Урале, означал чистоту и связь с небесными силами, шерсть уральских овец давала тепло и защиту, конопля символизировала прочность рода [4, с. 63].

Вертикальная структура костюма отражала архаичное представление о трёхчастном делении мира. Нижняя часть (понёва, юбка, подол сарафана) соотносилась с землей — источником плодородия и стабильности. На Урале подол часто украшали орнаментом в виде волнистых линий или ромбов, что обозначало связь с землей и подземными силами [1, с. 134–138]. Верхняя часть (рубаша, нагрудник, головной убор) символизировала небо — сферу высших сил и духовного начала. Ворот, оплечья и головной убор декорировали солярными знаками, подчеркивая связь с небесным началом [9, с. 21–54]. Пояс выполнял роль «границы» между верхней и нижней частями, символизируя порядок и гармонию. По поверьям, «без пояса душа уходит», что подчеркивало его роль как оберега и символа целостности личности [4, с. 63].

На Среднем Урале сформировался сарафанный комплекс одежды, который включал рубашу, пояс, иногда запон (фар-тук) или душегрею, а также головной убор — шамшуру или кокошник. Косоклинные сарафаны из домотканого холста или фабричных тканей часто украшались вышивкой по горловине и проймам. Глухой туникообразный сарафан — наиболее древний тип, который подпоясывали шёлковым или шерстяным поясом с кистями [5, с. 24]. Влияние старообрядчества проявилось в сохранении архаичных форм кроя и сдержанности цветовой гаммы у некоторых групп населения [8, с. 8].

Взаимодействие культур на Урале привело к заимствованию отдельных элементов одежды. В районах совместного проживания русских, башкир и татар наблюдалось использование ярких платков и украшений с монетами. У коми-пермяков сохранялись свои варианты головных уборов и орнаментики, которые частично проникали в русский костюм [7, с. 45]. В горнозаводских районах происходило смешение традиционного и городского

костюма: заводские жительницы нередко сочетали сарафаны с кофтами европейского покроя, что отражало влияние городской моды и новых социальных условий [5, с. 24].

Символика отдельных элементов костюма имела глубокий смысл. Рубаха символизировала тело человека и его связь с родом. Длинные рукава, обхватываемые тесьмой у запястий, не только защищали от холода, но и обозначали границу между внутренним и внешним миром, подчеркивая идею целостности личности [9, с. 1–54]. Вышивка на вороте, оплечьях и подоле выполняла роль оберега, создавая «защитный контур» вокруг жизненно важных зон [4, с. 63]. Сарафан или понёва символизировали плодородие и материнство, а их форма отражала представления о стабильности и росте. Головной убор выступал символом небесного начала и указывал на духовный статус человека: девушки носили венцы и повязки, оставляя макушку открытой, что символизировало их связь с природными силами и готовность к браку. Замужние женщины полностью закрывали волосы кокошником или платком, что означало их новый статус — хранительницы рода и связующего звена между поколениями [1, с. 134–138].

Костюм служил индикатором жизненного цикла женщины. Девичий костюм отличался открытыми волосами, венцами или лентами, преобладанием красного и белого цветов — символов чистоты и юности. Вышивка сосредотачивалась на рукавах и вороте, подчеркивая красоту и здоровье девушки. Костюм замужней женщины предполагал полное закрытие волос, включение чёрного цвета как знака материнства и связи с родом, сложные орнаменты с символами плодородия. Одежда пожилых женщин отличалась сдержанной палитрой, акцентом на обереговых орнаментах и упрощенным кроем — символами мудрости и роли хранительницы традиций [9, с. 21–54].

Символика костюма переплеталась с календарными и семейными обрядами. На Масленицу женщины надевали яркие красные сарафаны и платки, призывая солнце и плодородие. Обилие вышивки с солярными знаками усиливало эту связь.

На Троицу в костюме акцентировались зеленые оттенки: ленты в косах, венки из берёзовых веток, вышивка с растительными мотивами — символы роста и обновления. Свадебный костюм невесты был насыщен обереговой символикой: ромбы означали плодородие, птицы олицетворяли душу рода, древо жизни служило знаком связи поколений и процветания семьи. Красный цвет доминировал в вышивке, защищая невесту от сглаза и привлекая жизненную силу. Головной убор невесты обозначал переход из девичества в статус замужней женщины [9, с. 21–54].

Традиции уральского народного костюма продолжают жить в нескольких формах. Этнографические ансамбли, такие как фольклорный коллектив «Уральская вечерка», используют реконструированные костюмы в своих выступлениях. Музейные экспозиции в Свердловском областном краеведческом музее, Пермской художественной галерее и других учреждениях демонстрируют подлинные предметы народного костюма [3, с. 120]. Мастерские и студии возрождают традиционные техники вышивки, ткачества и изготовления головных уборов. Современные дизайнеры вдохновляются уральским орнаментом и кроем, создавая коллекции с элементами народного стиля. Образовательные программы в школах и колледжах Урала включают изучение народного костюма как части культурного наследия региона [6, с. 75].

Проведенное исследование позволило раскрыть народный женский костюм как сложный культурный феномен, в котором форма, функция и сакральный смысл образуют неразрывное единство. Было показано, что костюм не просто выполнял утилитарную роль одежды, но и служил носителем культурной, религиозной и социальной информации, выполнял обереговую и ритуальную функции. Таким образом, народный женский костюм — это материализованная философия традиционной культуры, где каждая деталь имеет своё место и смысл, создавая гармоничный образ мира, в котором человек ощущает себя частью единого целого. На Урале этот образ обогащен местными природными и культурными тра-

дициями, что делает его уникальным элементом общероссийского наследия.

Список литературы

1. Андреева, А. Ю. Русский народный костюм. Путешествие с Севера на Юг / А. Ю. Андреева. — Санкт-Петербург : Паритет, 2004. — 256 с.
2. Беловинский, Л. В. История русской материальной культуры. Русский народный костюм : учеб. пособие : в 2 ч. / Л. В. Беловинский. — Москва : Изд-во Московского государственного университета культуры и искусств, 1995–1996. — Ч. 1. — 320 с.; Ч. 2. — 344 с.
3. Бобрихин, А. А. Традиционный костюм Урала / А. А. Бобрихин. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2010. — 180 с.
4. Калашникова, Н. М. Народный костюм: семиотические функции / Н. М. Калашникова. — Москва : ПрогрессТрадиция, 2002. — 288 с.
5. Крупянская, В. Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX — начало XX в. / В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук. — Москва : Наука, 1974. — 360 с.
6. Мерцалова, М. Н. Поэзия народного костюма / М. Н. Мерцалова. — Москва : Молодая гвардия, 1975. — 224 с.
7. Народное искусство Урала. Традиционный костюм / под ред. Н. В. Гаврюшиной. — Екатеринбург : СОКМ, 2015. — 240 с.
8. Сидорова, Н. Г. Традиционный костюм русского населения Среднего Урала (XIX — начало XX в.) / Н. Г. Сидорова. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2010. — 150 с.
9. Чагин, Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX в. / Г. Н. Чагин. — Пермь : Пермский университет, 2002. — 300 с.

УДК 394

О. А. Ишимова

**СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НАГАЙБАКСКОГО
НАРОДА. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ
«МОНИСТО НАГАЙБАЧКИ»**

В условиях стремительных изменений современной жизни вопрос сохранения культурных традиций приобретает особую значимость. Развитие технологий, изменение форм досуга и активное влияние массовой культуры постепенно вытесняют традиционные формы народного творчества из повседневной практики. Вследствие этого многие элементы культурного наследия

остаются лишь в музейных экспозициях или архивных материалах, утрачивая связь с реальной жизнью людей. Особенно это заметно на примере декоративно-прикладного искусства малых народов, где каждое изделие несёт не только эстетическую, но и глубокую символическую нагрузку. Нагайбаки являются носителями богатой культурной традиции, в которой особое место занимает национальный костюм и его элементы. Среди них выделяется монисто — женское нагрудное украшение, являющееся важной частью традиционного образа.

Было установлено, что монисто выполняло не только декоративную функцию. Оно являлось показателем социального статуса, возраста и семейного положения женщины. В конструкции украшения использовались различные элементы: металлические подвески, монеты, бусины, текстильные основы. Каждая деталь имела значение и формировала целостный художественный образ. При движении украшение издавало характерный звук, который также воспринимался как важная часть образа. Однако в настоящее время традиция изготовления монисто оказалась частично утраченной. Было выявлено, что большинство подростков знакомы с данным элементом культуры лишь поверхностно. Представления ограничиваются сценическими костюмами или отдельными экспонатами. Практический опыт создания подобных украшений практически отсутствует. Вследствие этого культурная традиция постепенно теряет живую форму существования.

В рамках анализа было обращено внимание на то, что интерес к этническим мотивам в последние годы постепенно возрастает. В современной моде всё чаще используются элементы народного орнамента, стилизованные украшения, аксессуары с национальными мотивами. Это позволяет говорить о наличии потенциала для возвращения традиционных форм декоративного искусства в повседневную жизнь. Однако для этого необходимы условия, в которых традиция будет не только демонстрироваться, но и осваиваться на практике.

В этой связи особую роль приобретает деятельность творческих мастерских, ориентированных на подростковую аудито-

рию. Было рассмотрено функционирование творческой мастерской «Монисто Нагайбачки», созданной на базе Дома творчества Нагайбакского муниципального округа. Основная идея мастерской заключается в соединении традиционного культурного наследия и современного творческого подхода. Работа мастерской направлена на практическое освоение техники изготовления стилизованных украшений, вдохновленных традиционным монисто. Участниками являются подростки в возрасте от 12 лет, что обусловлено особенностями данного возрастного периода. Именно в этом возрасте формируется интерес к самовыражению, творчеству и поиску собственной идентичности. Включение подростков в процесс создания украшений способствует более глубокому пониманию культурных традиций.

В отличие от пассивного восприятия информации, практическая деятельность позволяет прочувствовать особенности ремесла. Работа с материалами, подбор элементов, создание композиции формируют осознанное отношение к традиции. В ходе анализа деятельности мастерской было выявлено, что процесс обучения строится поэтапно. Сначала участники знакомятся с историей нагайбакского женского костюма и особенностями украшения монисто. Рассматриваются изображения, обсуждаются элементы конструкции, их значение и символика. Далее происходит переход к практической части, где осваиваются основные техники работы с декоративными элементами.

Особое внимание уделяется созданию стилизованных украшений. Такой подход позволяет сохранить характерные черты традиционного монисто и адаптировать его к современным условиям. Используются доступные материалы, упрощенные конструкции, разнообразные декоративные решения. Это делает процесс более понятным и привлекательным для современной молодежи. В данном случае стилизация играет важную роль в сохранении традиции. Точное воспроизведение исторических образцов требует высокой подготовки и специальных условий. В то же время стилизованные изделия позволяют сохранить основные элементы и передать их в более

доступной форме. В итоге традиция не замыкается в рамках музейного пространства, а продолжает развиваться.

Отдельного внимания заслуживает внедрение монисто в современную жизнь. В рамках мастерской создаются украшения, которые могут использоваться не только как элементы сценического костюма, но и как самостоятельные аксессуары. Они могут дополнять современную одежду, использоваться в повседневных образах или на праздничных мероприятиях. Это позволяет расширить сферу применения традиционного украшения. Данный подход способствует актуализации культурного наследия. Когда традиционный элемент начинает использоваться в современной среде, он перестает восприниматься как устаревший. Напротив, он становится частью актуальной культуры. Вследствие этого повышается интерес к истории и традициям народа.

Кроме того, в рамках мастерской осуществляется изготовление сувенирных копий монисто. Эти изделия сохраняют основные визуальные особенности традиционного украшения и могут рассматриваться как элемент культурной идентичности округа. Создание таких копий способствует формированию узнаваемого образа территории, основанного на ее культурных особенностях. Анализ показал, что участие подростков в подобной деятельности оказывает положительное влияние на их развитие. Формируются навыки ручного труда, развивается мелкая моторика, внимание к деталям, художественное мышление. Работа с декоративными элементами требует аккуратности и терпения, что способствует развитию усидчивости. Не менее важным является эмоциональный аспект. Процесс создания украшений сопровождается ощущением удовлетворения от результата. Подростки видят итог своей работы, что повышает уверенность в собственных силах. Кроме того, участие в коллективной деятельности способствует развитию коммуникативных навыков. Творческая мастерская выполняет не только образовательную, но и социальную функцию. Она становится пространством общения, обмена опытом и совместного творчества. В такой среде формируется уважительное отношение к культуре и традициям.

Особое значение имеет то, что традиция передается в активной форме. Подростки не только узнают о монисто, они становятся участниками процесса его создания. Это позволяет сформировать более глубокую связь с культурным наследием.

В результате анализа можно отметить, что деятельность творческой мастерской «Монисто Нагайбачки» демонстрирует эффективный способ сохранения культурных традиций. Через практическое творчество происходит передача знаний, формирование интереса и развитие навыков. Внедрение изготовления монисто в современную жизнь позволяет сохранить традицию в изменяющихся условиях. Украшение перестает быть только элементом прошлого и становится частью настоящего. Это обеспечивает его дальнейшее существование и развитие. В итоге можно говорить о том, что подобные практики играют важную роль в сохранении культурного наследия. Они создают условия для передачи традиций, формируют интерес у молодого поколения и способствуют развитию декоративно-прикладного искусства. Монисто в данном контексте выступает не только как украшение, но и как символ культурной преемственности. Сохранение традиций через творческую деятельность позволяет сделать культуру живой и доступной. Это дает возможность не только сохранить прошлое, но и вписать его в современную жизнь, придав ему новое звучание и значение.

УДК 394.12

Л. Н. Лазарева

**ЕДА (ПИЩА) КАК МЕДИАТОР
МЕЖДУ ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ И ПРАЗДНИЧНОСТЬЮ:
СООТНОШЕНИЕ ВИТАЛЬНОСТИ И СИМВОЛИЧНОСТИ**

Мельница сильна водой, а человек едой.

Русская пословица

Интересно отметить, что этимологические словари не используют слово «еда», которое так распространено в быту, а оперируют в основном термином «пища», определяя его смысл как

«продукт питания», «еда», «корм»; др.-рус (с XI в.) — «пища» и «питание» [6, с. 37]. То есть для лингвистов-этимологов понятия «пища» и «еда» тождественны и могут в текстах быть взаимозаменяемы.

В классических этнографических исследованиях пища рассматривается как устойчивый компонент «этнографической триады» важнейших явлений материальной культуры: жилище — одежда — пища [4].

Научный интерес к феномену «пища» был всегда, поскольку он является универсальным средством поддержания жизненных сил человека, его витальности. Еда повседневная и праздничная, посты, запреты, обязательный ряд ритуально-знакового использования пищи в семейных и общественных праздниках — это постоянная данность культуры, ее устойчивый структурный конструкт. Интерес к пище настолько сегодня велик в мире, что в 2004 году был создан Университет гастрономических наук (в городах Полленцо и Колорно в Италии), как первого в истории культуры учебного заведения [3, с. 5]. В России на базе МГУ имени М. В. Ломоносова ежегодно проводятся Международные симпозиумы по истории еды и традициям питания народов мира; также в нашей стране существует Научно-исследовательский институт питания Российской Академии медицины (НИИ питания РАМ), занимающийся научным изучением еды и питания. В научной среде феномен еды трактуют как «код культуры», «концепт культуры», как «гастрономическое тело» культуры.

Прописка еды в повседневности объективизирована потребностями человека восполнять жизненный ресурс; ясно, что без пищи не может существовать ни одно живое существо. Понятен и интерес науки к пище как уникальному комплексу, дарующему человеку здоровье и саму жизнь.

Проникновение еды в праздничное пространство, занявшее тотальные позиции, требует осмысления, тем более, подчас это кажется спонтанным явлением. Однако опыт показывает, что каждый, случайно придуманный, как проект, гастрономический праздник проявляет устойчивую жизнеспособность, и с года-

ми только набирает силу. Перечислим известные праздники еды в России, уже имеющие почетную и долгую биографию: праздник огурца (г. Суздаль); праздник помидоров (г. Сызрань); праздник «Русский холодец» (п. Большие Дворы Московской обл.); Всемирный фестиваль крапивы (село Крапивна Тульской обл.); фестиваль Лопуха (с. Алтайское в Алтайском крае); Всемирный фестиваль пельменя (г. Ижевск, Удмуртия).

В гастрономическом ряду почетное место в последние годы занимает наш «второй хлеб» — картошка. Всераспространенность картофеля в мире, оседание его в различных национальных традициях, всепоглощающее присутствие в повседневности в России, как «спасительного» питания на все случаи жизни, сделал этот продукт «родным» в жизни каждой семьи. И праздники картофеля прокатились по всей нашей стране, вот часть из них: Международный фестиваль печеной картошки в национальном парке «Себежский» (д. Рудня Псковской области); гастрофестиваль «Картошка Фест» (г. Волосово Ленинградской обл.); фестиваль «Свята бульбы» (с. Ташара Новосибирской обл.); Тугулукский фестиваль картофеля (с. Тугулук Ставропольского края); праздник картошки в Лотошине, где открыли памятник картошке (с. Лотошино Подмосковье).

Картофель, как «концепт» праздника, добрался и до Урала, хотя здесь он только набирает силу. Обозначилось два устойчивых центра проведения картофельного праздника: Межрайонный фестиваль-ярмарка «Картофель Фест» в г. Аша и окружной гастрономический фестиваль «На картошку» в селе Богдановичи Свердловской области, здесь он проходит как составная часть Праздника народов Среднего Урала.

Разнотематические, т. е. посвященные разным пищевым предпочтениям, гастрономические фестивали на Урале набирают силу и, при всей сложности их проведения, становятся популярными: Фестиваль уральской кухни «Блюда от верблюда»; Рестокараван; Маркет «Сделано в Че» и другие.

Почему гастрономические праздники в целом демонстрируют свою актуальность? И почему картофель становится

«главным действующим лицом» таких фестивалей, хотя для нашей страны, как и для многих других, он не является исконным? Одна из причин — это распространенность данного концепта культуры по всей российской земле, его тотальное присутствие в повседневной жизни, постоянная прописка на российском столе. Другая причина неявная, но весомая. Пища (еда), как компонент традиционной культуры, более полно отражает традиции; она наиболее устойчива к переменам, и сохраняется даже тогда, когда другие компоненты традиции могут деформироваться или исчезать. Именно пища, как константа, выступает мощным инструментом социальной и культурной идентичности, объединительным инструментом, создающим условия взаимного понимания и поддержания общей традиции.

Если в повседневности степень витальности пищи очень высокий, поскольку человек ест, чтобы жить, то в праздничном пространстве витальность снижается, но повышается символическая роль еды, в нашем случае — картофеля. Празднично-знаковые аспекты еды требуют другого осмысления данного компонента культуры, предполагающего приглушения витальности и повышения символического прочтения данной пищи и включения ее в иную знаковую систему, т. е. есть необходимость мифологического (символического, художественно-образного) прочтения конкретной еды. В противном случае картофельные праздники будут решать только практические задачи, без которых праздники такого рода, конечно, невозможны, но вовсе не сводятся к этому. Необходима особая мифологизация картофеля, способствующая раскрытию его тайных особенностей, меняющихся смыслов, скрытых для обыкновенного человека. Иначе, нужна активная и творческая работа по созданию театрализованных и ритуально-обрядовых действ, в которых реальное и вымысел, правда и художественная поэтизация, смогут «возвысить» картофель до «феномена» культуры. Одним из таких подходов для сценарно-режиссерских проектов может стать сама история «путешествия» картофеля по миру, удивительная по содержанию.

Обратимся к этнографическим данным. Французский исследователь культуры повседневности Фернан Бродель писал, что человечество до сих пор использует далеко не все растения, которые можно было бы сделать культурными, но картофелю в этом смысле особо повезло. Картофель встречается в Южной Америке уже со 2 тысячелетия до нашей эры; со временем он покорил весь Новый и Старый свет, а в Европе внедрение новой культуры приняло характер революции [1, с. 184–185]. Испанцы познакомились с этой культурой еще в 1539 г. в Перу, но активного внимания не обратили. В Италии, проявившей больше внимания, чем Испания — ибо она была более населена, — это растение пробудило интерес к себе, вызвало экспериментирование и получило одно из первых своих названий среди многих — тартуффоли. Чуть позже это растение стали называть: в Испании — турма де тьерра, папа и патата; в Португалии — бататейра; во Франции — картуфоль, трюфодо, патат, помм де терр; в США — айриш потейто; в Германии — картофель [1, с. 186].

Известный российский этнограф Ю. В. Бромлей подтверждает, что родиной картофеля были территории Боливии, Перу, Чили. Но в Европу картофель пришел не сразу, ему понадобилась промежуточная остановка — остров у берегов Чили, поскольку именно там рос картофель с необычным числом хромосом, приспособившийся к относительно длинному летнему дню, что для обычного картофеля было губительно [2, с. 42].

Из следующих источников узнаем занятную историю, как два испанских пирата, Франциско Писарро и Дьего Альмаро, отправились в Перу, чтобы пожить. К ним на корабль скрытно пробрался 13-летний мальчик Педро Чезаре Леон, который был очарован окружающим миром, все внимательно осматривал и подробно записывал, а через 20 лет — в 1553 г. в Севилье (Испания) вышла его книга «Хроника Перу», из которой все узнали о картофеле. Народы по-разному относились к картофелю. Так, французы не сразу полюбили это растение, но благодаря хитрости аптекаря Антуана Парматье, который на небольшом участке посадил картофель и поставил целый

отряд солдат охранять этот клочок земли весь день. Ночью стража уходила, и люди тайком выкапывали клубни и сажали на своих участках. Со временем картофель стал любимым блюдом французов.

Что касается России, то общеизвестно, что Петр I прислал графу Шереметьеву мешок картофеля из Голландии и приказал разводить. Понятно, что это — один из путей проникновения картофеля в Россию, который стал здесь вторым хлебом. Большая заслуга в распространении картофеля в России принадлежит огороднику Ефиму Андреевичу Грачеву (1826–1877), получившему 60 медалей за селекционную работу [5, с. 190–191, 193].

Вернемся к теме. Повсеместность гастрономических праздников, а также включение еды, как обязательного, традиционного компонента, практически в каждое праздничное действо, требует художественного осмысления содержания, в котором витальные и символические функции еды будут гармонизированы в решении основной задачи — социальной и культурной идентификации празднующей общности.

Список литературы

1. Бродель, Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. / Ф. Бродель. — Т. 1. — Москва : Прогресс, 1986. — 622 с.
2. Бромлей, Ю. В. Создано человечеством / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подольный. — Москва : Политиздат, 1984. — 272 с.
3. Кабицкий, М. Е. Введение в тему: антропология пищи и питания сегодня / М. Е. Кабицкий // Этнографическое обозрение. — 2011. — № 1. — С. 1–7.
4. Малданова, Т. А. Пища как элемент этнической идентичности и межкультурного взаимодействия / Т. А. Малданова // Вестник угрюведения. — Т. 7. — № 4. — 2017. — С. 131–143.
5. Чем питались наши предки / сост. Г. Л. Мартынова — Донецк : Сталкер, 1998. — 320 с.
6. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных — Москва : Русский язык, 2002. — Т. 2. — 560 с.

А. Ш. Нурмагамбетова**Социокультурный статус девушки в традиционной
культуре казахского народа**

В традиционном казахском обществе девушка занимала важное место не только как член семьи, но и как значимый субъект в социальной и культурной структуре общества. Она рассматривалась как хранительница культурных ценностей, передатчица традиционных норм следующему поколению и агент поддержания социального порядка. Воспитание девушек системно осуществлялось в соответствии с национальными традициями, семейными обычаями и общественными нормами, направляясь на обеспечение культурной целостности как индивидуальной личности, так и общества в целом.

Основной целью воспитания девушки было подготовить ее к социальной роли будущей матери, невестки и хранительницы семейной чести. Этот процесс функционировал не только на уровне отдельной семьи, но и выступал как социально-институциональный механизм, обеспечивающий стабильность общества. В ходе воспитания девушкам прививались такие качества, как вежливость, скромность, уважение к старшим и аккуратность, что способствовало формированию их социального и морального поведения. Кроме того, через освоение бытовых и ремесленных навыков (шитьё, ткачество, вышивка, приготовление пищи) обеспечивалось овладение культурным опытом, что укрепляло их роль в семье и обществе.

В современном контексте изучение воспитания девушек остается актуальным с точки зрения сохранения национальной культуры и передачи ее будущим поколениям. В условиях глобализации, когда традиционные ценности подвергаются трансформации, воспитание девушек рассматривается как важный стратегический механизм поддержания национальной идентичности и культурной преемственности. Кроме того, данное исследование позволяет научно оценить вклад тради-

ционной системы воспитания в обеспечение социальной стабильности и культурного развития общества.

В традиционном казахском обществе воспитание девушки начиналось с раннего возраста и осуществлялось системно на основе социальных и культурных норм семейной и родоплеменной структуры. В процессе воспитания формировались такие качества, как вежливость, скромность, уважение к старшим и аккуратность, а также осваивались бытовые и ремесленные навыки [1, с. 72]. Данный аспект воспитания свидетельствует о том, что оно являлось не только средством повседневного обучения, но и ключевым механизмом передачи культурных норм из поколения в поколение. Девушка в этом контексте выступала основным агентом освоения и реализации норм поведения и социальных ролей в обществе.

Этнографические исследования показывают, что воспитание девушки рассматривалось как важный социальный фактор, обеспечивающий стабильность института семьи [2, с. 67]. Девушка выступала субъектом, поддерживающим семейные и социальные нормы, а также обеспечивающим преемственность между поколениями. Этот факт подтверждает вклад традиционной системы гендерного воспитания в поддержание социальной стабильности.

Фольклорные данные демонстрируют, что воспитание девушки было основным каналом сохранения и передачи культурного наследия [3, с. 85]. В этом процессе образ девушки играл стратегическую роль в формировании национальной идентичности и возрождении культурных традиций.

В зарубежных научных исследованиях воспитание женщин в традиционных обществах рассматривается как структурный элемент, обеспечивающий внутреннюю стабильность социальной системы [6]. Социальная функция воспитания девушек в казахском обществе соотносится с универсальными моделями социального устройства, что подтверждает ее общечеловеческий характер.

В работах, посвященных историческому развитию тюркских народов, воспитание девушек описывается как один из

ключевых механизмов формирования социальной позиции и семейного авторитета [5]. Объединяя эти данные, становится очевидным, что воспитание девушек в традиционном казахском обществе носило многоаспектный характер, одновременно выполняя социальные, культурные и воспитательные функции. Через процесс воспитания обеспечивалась стабильность семьи и соблюдение социальных норм, а также передача национальных культурных ценностей последующим поколениям.

Кроме того, традиционная система воспитания способствовала формированию личности девушки, развитию ее моральной и социальной ответственности, укрепляла ее роль в семейных и общественных институтах.

Таким образом, воспитание девушек в казахском обществе выступало не только как вопрос отдельной семьи, но и как стратегический институт, направленный на сохранение национальной идентичности, передачу культурного наследия и обеспечение социальной стабильности. Этот процесс остается актуальным и в современном контексте, продолжая играть ключевую роль в поддержании национального сознания и традиционных ценностей.

Обычаи и традиции, связанные с воспитанием девушек. *Укладывание в колыбель (Бесікке салу).* Ритуал укладывания ребенка в колыбель в традиционном казахском обществе является ключевым воспитательным мероприятием, проводимым с момента рождения девочки. В ходе этого обряда ребенку систематически прививаются семейные нормы, моральные ценности и культурные традиции, что формирует основы первоначального социального и культурного воспитания. Более того, укладывание в колыбель направлено не только на обеспечение физического ухода за ребенком, но и на укрепление семейного единства, а также интеграцию элементов национальной культуры в сознание девочки, формируя ее будущую социальную и культурную роль [1, с. 45]. Таким образом, данный ритуал выступает как культурно-социальный механизм, способствующий

формированию девочки как личности, а также ее социальной адаптации в семейных и общественных институтах.

Обрезание ленточки (Тұсау кесу). Ритуал «тусау кесу» проводится в связи с первым шагом ребенка и символически обозначает его введение в общественную жизнь. В рамках этого обряда проявляется процесс социальной адаптации девочки, влияние семейных и родовых связей [2, с. 67]. Соответственно, «тусау кесу» выполняет функцию первичного институционального механизма, обеспечивающего адаптацию девочки к социальной среде. Кроме того, ритуал играет культурную роль в передаче семейных и традиционных ценностей следующим поколениям.

Свадебный обряд (Үзатутой). Свадебный обряд представляет собой церемонию включения девочки в новую семью. Через этот обычай закрепляется ее новая социальная позиция в обществе, обеспечивается прочность семейных связей и устойчивость социальных отношений [3, с. 110]. В этом контексте свадебный ритуал функционирует как культурно-социальный механизм, регулирующий интеграцию девушки в новую социальную среду. Кроме того, он выполняет роль в поддержании стабильности семейных и общинных структур, а также в передаче традиционных ценностей последующим поколениям.

Освоение хозяйственных навыков (Жасау дайындау). Ритуал «Жасау дайындау» обеспечивает формирование у девочки навыков, необходимых для будущей семейной жизни. Через выполнение таких действий, как шитьё, ткачество и вышивка, девочка готовится к жизни в будущей семье и приобщается к национальному культурному наследию [3, с. 115]. Этот обряд выполняет не только практическую функцию формирования хозяйственных навыков, но и служит социально-культурным механизмом, направленным на развитие способности воспринимать культурные ценности и эффективно реализовывать свои роли в семье и обществе.

Таким образом, традиционные обряды формируют у девушки комплексный механизм усвоения социальных ролей и воспи-

тания культурных, моральных и символических качеств будущей женщины. Ритуал укладывания в колыбель обеспечивает ее первоначальное приобщение к семейным традициям и национальному культурному наследию, развивая ответственность и защитные качества. Обряд «тусау кесу» формирует моральные качества, такие как социальная адаптация, сотрудничество и уважение к окружающим. Свадебный обряд обеспечивает интеграцию девушки в новую социальную среду и укрепляет способность поддерживать семейный престиж и уважение. Ритуал «Жасау дайындау» способствует развитию практических навыков, трудолюбия, терпения и творческих способностей. Система традиционных обрядов выступает многоуровневым социально-культурным институтом, направленным на формирование личности девочки, освоение ею символических и культурных качеств, необходимых для будущей роли женщины

Социальный статус девушки. В традиционном казахском обществе социальный статус девушки определялся нормами семьи и родового (племенного) устройства. Роль женщин в этом обществе не ограничивалась формальным участием во власти; она была направлена на передачу культурных ценностей будущим поколениям через семейные и общественные отношения [7]. В этом контексте девушка выполняла внутри семьи функции социального координатора и хранителя моральных норм. В качестве будущей жены и матери она обеспечивала сохранение чести семьи и поддержание межпоколенческой преемственности.

Кроме того, статус девушки был связан с ее символической миссией, проявляющейся через сохранение семейных и национальных традиций. Таким образом, в традиционном казахском обществе социальный статус девушки формировался как комплексный социальный институт, направленный на развитие личности, ее социальную адаптацию и передачу культурных ценностей следующим поколениям.

В кочевой традиции девушка выполняла внутри семьи функции социального адаптатора и координатора. Она обладала авторитетом не только как растущая девочка, но и после

выхода замуж как хранитель коллективных моральных норм [5]. Таким образом, девушка выступала как посредник в семейных и родовых отношениях, обеспечивая социальную стабильность семьи. Ее социальная роль была тесно связана с сохранением чести и авторитета семьи, а также направлена на реализацию культурных и моральных норм в процессе принятия решений внутри семейной структуры. Кроме того, символический статус невестки усиливал социальную адаптацию девушки и ее чувство ответственности перед обществом. Таким образом, в традиционном казахском обществе социальная роль девушки рассматривалась как комплексный механизм, способствующий формированию личности и передаче культурного наследия следующим поколениям.

Этнографические исследования показывают, что девушка обладала в обществе символическим значением, становясь носителем чести семьи и символом национальной культуры [4, с. 85]. Этот символический статус способствовал ее социальной ответственности не только как отдельной личности, но и как будущей матери. Девушка выполняла функции хранительницы культурных норм в семейных отношениях и обеспечивала преемственность поколений. Кроме того, ее роль была направлена на сохранение авторитета семьи и поддержание социальной гармонии. С этой точки зрения, символический статус девушки в традиционном казахском обществе проявлялся через комплексное выполнение культурных, моральных и социальных функций. Этот процесс служил основным механизмом социальной и культурной интеграции будущей женщины в обществе.

Таким образом, в традиционном казахском обществе социальный статус девушки формировался как комплексный социальный институт, обеспечивающий семейное воспитание, культурную идентичность и духовную устойчивость общества. Этот статус напрямую связан с выполнением роли будущей женщины в сохранении чести семьи, обеспечении преемственности поколений и передаче культурного наследия. Кроме того, социальная роль девушки направлена на осуществ-

вление координирующих функций в семейных, родовых и общественных структурах.

Список литературы

1. Аргынбаев, Х. Казахская семья / Х. Аргынбаев. — Алматы: Кайнар, 1996. — 192 с.
2. Кенжеахметулы, С. Обычаи и традиции казахского народа / С. Кенжеахметулы. — Алматы: Ана тілі, 2007. — 128 с.
3. Маргулан, Ә. Народные традиции казахов / Ә. Маргулан. — Алматы : Ғылым, 1985. — 144 с.
4. Токарев, С. А. Ранние формы религии и социальные структуры в Центральной Азии / С. А. Токарев. — Москва : Наука, 1990. — 336 с.
5. Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples / P.B. Golden— Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. — 156 p.
6. Roux J.-P. The Religion of the Turks and Mongols / Roux J.-P. — London: Routledge, 1984. — 214 p.
7. Smith J. Women in Nomadic Societies: Social Status and Cultural Roles / J. Smith. — London: Routledge, 2001. — 214 p.

УДК 392.5 (470.58)

А. Д. Черепанова

**РЕГИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА
ЗАУРАЛЬЯ: ТРАДИЦИИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Свадебные обряды Курганской области представляют собой важную часть культурного наследия Зауралья, отражая многовековые традиции и ценности местного населения. В условиях глобализации и стандартизации праздничных форматов многие элементы традиционной свадьбы постепенно утрачиваются: молодожены всё чаще отдают предпочтение унифицированным городским церемониям. Сохранение и изучение региональных свадебных традиций приобретает особую значимость, поскольку помогает поддерживать культурную идентичность жителей региона, укрепляет семейные ценности на основе исторического опыта и создает условия для развития этнокультурного туризма.

Исследование свадебных традиций Зауралья получило отражение в трудах ряда ученых. М. Г. Екимов в монографии

«Русская свадьба сибиряков Среднего Притоболья (Курганская область)» детально описал исторические этапы формирования и особенности местных обрядов [4, с. 45–52]. В. П. Фёдорова в диссертации «Свадьба старообрядцев Южного Зауралья: взаимосвязи поэзии и обряда» изучила фольклорные аспекты свадебных ритуалов, выявив связь устного народного творчества с духовным контекстом обрядов [5, с. 178–189]. А. Б. Григорьева в статье «Локальные особенности драматургии свадьбы Среднего Притоболья и Приисетья» проанализировала структурные и региональные особенности свадебной обрядности [2].

Исторически свадебный обряд в Курганской области представлял собой сложную систему взаимосвязанных ритуалов, каждый из которых нес определенную смысловую нагрузку. Подготовка к торжеству начиналась с предсвадебных ритуалов. Сватовство выступало формальным предложением брака, где ключевую роль играли старшие члены семьи: сваты приходили в дом невесты, вели переговоры о приданом и условиях брака, соблюдая особый этикет и используя традиционные формулы речи. Затем следовали смотрины — осмотр дома жениха, во время которого оценивалось его материальное положение и готовность к семейной жизни. После этого проходил сговор — момент окончательного согласия сторон, когда детально обсуждались все аспекты предстоящего торжества [4, с. 75–82].

Особое место занимал девичник — церемония прощания невесты с девичеством. Этот обряд сопровождался исполнением песенпричитаний, символизировавших расставание с прежней жизнью и переход в новый социальный статус [5, с. 215–220]. Мальчишник, хотя и был менее формализованным мероприятием, также имел важное значение в подготовке жениха к браку.

День свадьбы включал ряд ключевых ритуалов с глубоким символическим значением. Выкуп невесты представлял собой шуточное состязание: жених и его дружки должны были преодолеть различные препятствия, чтобы забрать невесту. Обряд

включал загадки, испытания и символическую плату, создавая атмосферу веселья и вовлекая гостей в активное участие [4, с. 120–130]. Одним из самых важных моментов было благословение родителей: они давали напутствия молодым, часто используя икону и хлебсоль, что подчеркивало духовную составляющую брака [5, с. 215].

Венчание, как религиозный обряд, скрепляло союз перед Богом и имело огромное значение, особенно в старообрядческих семьях [5, с. 300–310]. Встреча молодых сопровождалась обрядом с караваем, солью и медом: родители встречали новобрачных у дома или места празднования, благословляя их на счастливую семейную жизнь. Повивание — обряд смены прически и головного убора невесты — символизировал ее переход из девичьего состояния в статус замужней женщины [4, с. 150–155].

Праздничная часть торжества включала многочасовое застолье с традиционными блюдами, тостами и песнями. Музыка и песни играли ключевую роль, сопровождая каждый этап обряда. Южноуральские фольклорные традиции определяли особенности исполнения: многоголосие, специфическая мелодичность и ритмика, а также заметное влияние казачьих напевов придавали музыке особую энергию и торжественность [3]. На разных этапах торжества звучали разные типы песен: причитания на девичнике выражали грусть расставания невесты с родным домом, величальные песни прославляли молодоженов и гостей, а корильные песни с шутивым подтекстом создавали атмосферу непринужденности [5, с. 192–200].

Музыкальное сопровождение обеспечивали народные инструменты — гармонь, балалайка, иногда скрипка. Танцы и игры были неотъемлемой частью торжества: они помогали снять напряжение, объединяли гостей и создавали атмосферу радости. Среди популярных народных игр выделялись состязательные игры, где гости делились на команды жениха и невесты, шуточные испытания для свидетелей и молодых, а также ритуальные игры с символикой плодородия — например, «перетягивание скатерти», где чем дольше удавалось удержать

скатерть, тем крепче, по поверью, будет союз молодых [3]. Символические действия, такие как осыпание молодоженов зерном, монетами или конфетами, олицетворяли пожелания богатства и плодородия. Разделение каравая, когда молодожены вместе отламывали куски и угощали гостей, символизировало их единство и гостеприимство [4, с. 160–165].

Послесвадебные обряды завершали цикл свадебных ритуалов. Второй день свадьбы представлял собой продолжение празднования, часто с более неформальной атмосферой. Испытания для молодой жены проверяли ее хозяйственные навыки: приготовление пищи, уборку и другие бытовые умения. Посещение родственников укрепляло родственные связи: молодые навещали семьи друг друга, демонстрируя уважение и готовность поддерживать семейные отношения [4, с. 180–190].

Утрата традиционных свадебных обрядов в Курганской области обусловлена комплексом социальных изменений XX–XXI вв. Прежде всего, изменилась сама концепция брака: если в традиционной культуре свадьба воспринималась как союз двух родов, скрепляющий общинные связи, то сегодня она всё чаще рассматривается как личное решение двух людей [2]. Это снизило необходимость в таких ритуалах, как сватовство и сговор, где ключевую роль играли старшие поколения. Тем не менее элемент родительского благословения сохранился — хотя и в трансформированном виде: вместо сложного обряда с иконой и хлебомсолью родители произносят напутственные слова, иногда сопровождая их символическим вручением семейной реликвии [5, с. 215].

Урбанизация стала еще одним важным фактором трансформации. Переезд молодежи в города разрушил ту общинную структуру, в которой традиции поддерживались коллективным сознанием. В сельской местности отдельные элементы обряда еще сохраняются — например, в некоторых деревнях Южного Зауралья до сих пор проводят упрощенный вариант смотрин, когда будущие родственники знакомятся с бытом друг друга [4, с. 90–95]. В городской среде этот обряд

практически исчез, но его функцию отчасти взяли на себя совместные встречи семей перед свадьбой.

Экономическая независимость молодежи также повлияла на исчезновение ряда традиций. Раньше смотрины дома жениха и обсуждение приданого имели практический смысл: семья невесты должна была убедиться, что будущий муж сможет обеспечить семью. Сегодня, когда молодые люди чаще всего начинают совместную жизнь самостоятельно, эти ритуалы потеряли актуальность. Однако символическое значение материальной обеспеченности сохранилось в виде подарков на свадьбу: гости по-прежнему дарят деньги или ценные вещи, желая молодым достатка [1, с. 178].

Секуляризация общества привела к ослаблению религиозной составляющей многих обрядов. Благословение родителей, ранее имевшее глубокий сакральный смысл, теперь чаще сводится к формальному пожеланию счастья. Тем не менее сам акт родительского одобрения остается важным: многие пары попрежнему просят родителей сказать несколько слов во время торжества, подчеркивая преемственность поколений. Венчание, хотя и проводится реже, всё еще остается значимым выбором для тех, кто придает религии важное значение в своей жизни [4, с. 350–360].

Трансформация коснулась и музыкального сопровождения. В традиционной свадьбе Курганской области центральное место занимали обрядовые песни и народные мелодии, исполняемые на гармонии, балалайке или скрипке. Сегодня аутентичное исполнение встречается редко, особенно в городской среде. На смену ему пришли фоновая музыка и танцевальные треки в современных жанрах, а также эпизодическое участие фольклорных ансамблей — чаще как элемент «этнографической вставки» в развлекательную программу. В сельской местности еще сохраняются фрагменты традиционной музыкальной культуры, но и здесь наблюдается тенденция к сокращению репертуара [3, с. 45–47].

Ускорение ритма жизни сделало многодневные обряды практически невозможными в современных условиях. Тради-

ционная свадьба, длившаяся несколько дней, сегодня уместилась в один день с сокращенной программой. Однако некоторые элементы сохранились в адаптированном виде: прощание невесты с девичеством трансформировалось в девичник с подругами, мальчишник — в прощальный вечер жениха с друзьями, а символическое осыпание молодоженов зерном или лепестками цветов осталось популярным, хотя его смысл для многих стал чисто эстетическим [4, с. 200–210].

Влияние массовой культуры и глобализации привело к заимствованию западных свадебных традиций, которые частично вытеснили местные обычаи. Например, романтический proposal (предложение руки и сердца) заменил традиционное сватовство, а бросание букета стало популярнее, чем традиционные игры и забавы [2]. При этом многие пары сочетают новые и старые элементы: после официальной регистрации они могут провести символический обряд благословения родителей или встречу с караваем.

Наконец, утрата знаний о символике обрядов стала серьезным препятствием для сохранения традиций. Старшее поколение не всегда может передать обычаи изза их постепенного забвения, а молодежь, не понимая глубинного смысла ритуалов, воспринимает их как архаичные. Это приводит к формальному воспроизведению обрядов без осознания их символики [5, с. 380–385].

Однако в последние годы наметились положительные тенденции по возрождению и сохранению местных свадебных обычаев. Музеи и фольклорные коллективы проводят мастерклассы по традиционным свадебным песням и играм, обучая молодежь старинным мелодиям и правилам обрядовых забав [2]. Фестиваль мужских ремёсел «Растотурка» демонстрирует элементы «кузнечной свадьбы», возрождая интерес к местным обычаям [3].

Лекции и образовательные программы в школах и домах культуры знакомят молодое поколение с историей и значением свадебных обрядов Зауралья [4, с. 220–225]. Этнографические экспедиции и сбор фольклорного материала позволяют зафик-

сировать исчезающие традиции, записать воспоминания старожилов и сохранить аутентичные тексты песен и приговоров [5, с. 400–405]. Тематические фотозоны и реконструкции на народных гуляниях воссоздают атмосферу традиционной свадьбы. Ярмарки народных ремёсел предоставляют возможность приобрести предметы, связанные с традиционной свадьбой: вышитые рушники, куклы-обереги, изделия кузнецов и гончаров [3].

Онлайн-проекты и социальные сети играют важную роль в популяризации традиций: создаются тематические сообщества, где публикуются записи обрядовых песен; проводятся онлайн-лекции этнографов и фольклористов; размещаются видеореконструкции отдельных элементов свадьбы; разрабатываются интерактивные карты с указанием мест бытования тех или иных локальных традиций [2].

Эти инициативы помогают не только сохранить память о традиционной свадьбе, но и вдохнуть в нее новую жизнь, адаптируя старинные обычаи к современным реалиям.

Таким образом, свадебный обряд Курганской области — ценный элемент нематериального культурного наследия Зауралья. Хотя многие традиции ушли в прошлое, их отдельные элементы сохранились, адаптировавшись к современным условиям. Понимание причин трансформации помогает найти пути возрождения традиций в новых формах, понятных современному поколению.

Сохранение локальных свадебных обычаев способствует: укреплению культурной идентичности региона; развитию этнокультурного туризма; передаче исторического опыта будущим поколениям; консолидации местных сообществ вокруг общих культурных ценностей [4, с. 230–240].

Дальнейшие исследования могут быть направлены на: фиксацию исчезающих элементов обряда в отдельных сёлах Курганской области; изучение влияния миграционных процессов на трансформацию традиций; разработку программ поддержки фольклорных коллективов и этнографических музеев; создание цифрового архива свадебных обрядов Зауралья с аудио- и видеоматериалами [5, с. 410–415].

Таким образом, изучение и сохранение свадебных традиций Курганской области не только помогает реконструировать историческое прошлое, но и создает основу для устойчивого развития культурного потенциала региона в будущем.

Список литературы

1. Григорьева, А. Б. Идеализация семьи в традиционной свадьбе старожилов Зауралья : монография / А. Б. Григорьева. — Курган : Издво Курганского гос. унта, 2013. — 224 с.
2. Григорьева, А. Б. Локальные особенности драматургии свадьбы Среднего Притоболья и Приисетья / А. Б. Григорьева // Сибирский филологический журнал. — 2018. — № 3. — С. 17–26.
3. Драгунова, О. С. Репрезентация зауральской свадьбы середины XIX века в комплексе досвадебной и послесвадебной обрядности (по записям А. Н. Зырянова) / О. С. Драгунова // Вестник Курганского государственного университета. — 2018. — № 2. — С. 14–16.
4. Екимов, М. Г. Русская свадьба сибиряков Среднего Притоболья (Курганская область) / М. Г. Екимов. — Куртамыш, 2002. — 481 с.
5. Фёдорова, В. П. Свадьба старообрядцев Южного Зауралья: взаимосвязи поэзии и обряда : дис. ... дра филол. наук / В. П. Фёдорова. — Курган, 2010. — 420 с.

УДК793.2 (571)

С. В. Шагина

ФЕСТИВАЛИ КАРТОФЕЛЯ НА УРАЛЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД: ПЕРЕХОД ЕДЫ ИЗ ПРОФАННОГО В САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Актуальность исследования обусловлена практической необходимостью осмысления современных форм существования гастрономической культуры и выявления механизмов сохранения и трансляции традиций в условиях глобализации.

Цель работы заключается в анализе перехода еды из профанного элемента повседневности в сакральный компонент культурных практик на примере фестивалей картофеля на Урале, а также в выявлении ее символических, коммуникативных и идентификационных функций.

В гуманитарном знании разграничение понятий «пища» и «еда» имеет принципиальное методологическое значение,

поскольку позволяет различать биологическое и культурное измерение потребления. В научной традиции под «пищей» чаще всего понимается совокупность веществ, необходимых для поддержания жизнедеятельности организма, т. е. категория, укорененная в физиологии и биологии человека. В этом смысле пища выступает как универсальная, внеисторическая и в определенной степени вне культурная категория, связанная с удовлетворением базовых потребностей. В отличие от этого, «еда» рассматривается как культурно опосредованный феномен, включенный в систему социальных норм, символических значений и коллективных практик. Еда — это не просто потребляемый продукт, а результат его осмысления, интерпретации и включения в культурный контекст. Подчеркнем, что пища существует как природная данность, тогда как еда возникает в результате культурной обработки, включающей способы приготовления, форм подачи, нормы потребления и символические интерпретации [1, с. 12; 2, с. 93]. Иными словами, пища отвечает на вопрос «что употребляется», тогда как еда — «как, где, когда и с каким смыслом это употребляется». Различие между этими понятиями особенно проявляется в контексте традиционной культуры, где один и тот же продукт может быть либо элементом повседневного рациона, либо сакральным объектом, включенным в обряд.

Таким образом, переход «пищи» к «еде» означает переход от природного к культурному, от биологического к символическому. Именно поэтому в рамках данного исследования используется преимущественно термин «еда», поскольку предметом анализа является не физиология питания, а культурные практики, механизмы символизации и процессы сакрализации.

Еда в истории человеческой культуры выступает как сложный семиотический феномен, функционирующий в пространстве знаков и значений. Уже на ранних этапах развития общества она перестает быть исключительно утилитарным объектом и включается в систему представлений о мире. Как отмечает В. В. Похлёбкин, «пища в традиционной культуре

никогда не была исключительно материальным объектом, она всегда включала в себя знаковую и символическую составляющую» [3, с. 299]. Данное положение позволяет рассматривать гастрономию как важнейший элемент культурной коммуникации, через который передаются ценности, нормы и мировоззренческие установки. Важным аспектом является то, что еда одновременно обладает высокой степенью устойчивости и подвижности. С одной стороны, она сохраняет традиционные формы и рецептуры, закреплённые в культуре на протяжении длительного времени, а с другой — активно трансформируется под влиянием внешних факторов. В этом контексте показательно наблюдение С. А. Артутюнова: «Пища — тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время она легче и быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям» [1, с. 12]. Таким образом, еда выступает одновременно как консервативный и динамичный элемент культуры, соединяющий прошлое и настоящее.

Переход пищи из профанного в сакральное пространство осуществляется через ее включение в обрядовую практику. В рамках ритуала еда приобретает особый статус, становясь не просто объектом потребления, но и носителем сакрального смысла. Она используется в строго определенных контекстах, подчиняется установленным правилам и выполняет функцию посредника между человеком и трансцендентной реальностью. Этот процесс сопровождается детальной регламентацией: определяются виды продуктов, способы их приготовления, порядок подачи и употребления. В традиционной русской культуре пища занимает центральное место в календарных обрядах, связанных с хозяйственным циклом. Эти обряды отражают зависимость человека от природных процессов и стремление воздействовать на них посредством символических действий. Например, блюда из зерна и муки символизируют плодородие и жизненную силу, поскольку зерно воспринимается как источник жизни. Употре-

бление таких блюд в определенные календарные периоды закрепляет представления о цикличности времени и обновлении природы. Не менее значима роль еды в обрядах жизненного цикла. Рождение, свадьба и смерть сопровождаются особыми гастрономическими практиками, каждая из которых имеет строго определенное значение. Еда в этих обрядах выполняет функцию социальной интеграции, закрепляя статус индивида и его место в системе общественных отношений. Через совместную трапезу осуществляется символическое включение человека в коллектив, а также поддерживается связь между поколениями. Гастрономические практики являются важнейшим инструментом социальной регуляции, позволяющим воспроизводить культурные нормы и ценности.

Так особое значение в контексте рассматриваемой темы приобретает картофель как культурный феномен. Его происхождение связано с территориями Южной Америки, где он был одомашнен задолго до прихода европейцев. В Европу картофель был привезен в XVI в., однако долгое время воспринимался с недоверием и даже страхом, что обусловлено отсутствием привычных культурных практик его употребления. В России его распространение связано с реформами Петра I и последующей государственной политикой XVIII–XIX вв., направленной на внедрение новой сельскохозяйственной культуры. На ранних этапах картофель воспринимается как чуждый и «низкий» продукт, что порождало сопротивление со стороны населения, вплоть до так называемых «картофельных бунтов». Таким образом, на начальном этапе он находился исключительно в профаном пространстве и не имел культурной легитимации. Постепенно, по мере включения в хозяйственный уклад и повседневную практику, картофель становится одним из базовых элементов питания. Его универсальность, доступность и питательная ценность способствуют его закреплению в традиционной кухне. Однако дальнейшее развитие гастрономической культуры приводит к тому, что картофель начинает приобретать символические значения. Он становится частью

обрядовых блюд, элементом коллективной памяти и маркером региональной идентичности. В этом процессе происходит его переход из профанного в сакральное пространство, где он уже функционирует не только как продукт питания, но и как культурный символ. Таким символом картофель становится, например, в контексте современных гастрономических фестивалей, которые представляют собой особую форму актуализации и переосмысления традиционных механизмов сакрализации еды. В условиях глобализации и стандартизации питания они выступают как пространство, в котором происходит возвращение к истокам, реконструкции традиций и символического возвышения повседневных продуктов. Уральский регион демонстрирует показательный опыт проведения фестивалей картофеля, в рамках которых данный продукт становится центральным элементом культурной репрезентации. Так, например, фестиваль «Ирбитский картофель», проводимый в Свердловской области, представляет собой ежегодное событие, объединяющее сельскохозяйственную ярмарку, гастрономические практики и элементы театрализации. В рамках мероприятия картофель выступает не только как объект торговли, но и как символ регионального труда и устойчивости, а участие в дегустациях, конкурсах и коллективных действиях придает процессу характер ритуала. Аналогичные процессы наблюдаются в локальных праздниках, таких как день картофеля в сельских поселениях Свердловской области, где центральное место занимает коллективное приготовление и употребление блюд. Здесь особенно ярко проявляется коммуникативная функция еды: она становится средством объединения участников, формирования общности и воспроизводства культурных норм. Подобные мероприятия, как правило, включают элементы народной культуры — песни, игры, обрядовые действия, что усиливает сакральное измерение происходящего. В Пермском крае фестивали, посвященные картофелю, также сочетают гастрономическую и культурную составляющие, включая реконструкцию традиционных рецептов и демонстрацию исторических способов пригото-

ния. В этом контексте еда выступает как носитель культурной памяти, позволяющий участникам не только потреблять продукт, но и «проживать» культурный опыт. Таким образом, на фестивалях происходит своеобразная вторичная сакрализация картофеля. Повседневный продукт, утративший в условиях индустриального общества часть своих символических значений, вновь включается в культурное пространство через коллективные практики, ритуализированные действия и символическую интерпретацию. Еда здесь выполняет одновременно несколько функций: она является объектом потребления, средством коммуникации, элементом культурной репрезентации и символом идентичности. Через участие в фестивале человек включается в систему значений, где картофель выступает как знак принадлежности к определенной культурной традиции.

В заключение следует отметить, что еда в культурном пространстве представляет собой сложное и многослойное явление, объединяющее биологические, социальные и символические аспекты. Ее трансформация из профанного в сакральное пространство обусловлена не только историческими и религиозными факторами, но и современными культурными процессами. Фестивали картофеля на Урале демонстрируют, что даже в условиях современности еда сохраняет способность выступать носителем культурного кода, обеспечивая связь между прошлым и настоящим и формируя пространство коллективной идентичности.

Список литературы

1. Арутюнов, С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России / А. С. Арутюнов // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. — Москва : Наука, 2001. — С. 10–17.
2. Иващенко, Я. С. Культура питания современной России: материально-технические и социально-регулятивные аспекты / Я. С. Иващенко — Новосибирск : Сибирь. Наука. Интеллект, 2021. — 190 с.
3. Похлёбкин, В. В. История важнейших пищевых продуктов / В. В. Похлёбкин. — Москва : Центрполиграф, 2005. — 554 с.

УРАЛЬСКИЙ ХОРОВОД

УДК 93

А. А. Бурматнова

Науч. рук.: Н. Ю. Кособуцкая

РЕКОНСТРУКЦИЯ НАРОДНОЙ БЫТОВОЙ И ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В СОХРАНЕНИИ КАНОНИЧЕСКИХ ФОРМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. С. СТРЕЖНЕВА)

В условиях глобализации и стандартизации культурных практик особую актуальность приобретает проблема сохранения аутентичных форм народной культуры. Значительную роль в этом процессе играют выдающиеся деятели искусства, чья творческая деятельность направлена на фиксацию, изучение и популяризацию фольклорного наследия [6].

Целью данной работы является анализ вклада К. С. Стрежнева в реконструкцию народной бытовой и танцевальной культуры, а также выявление механизмов сохранения канонических форм через призму его творческой деятельности.

К. С. Стрежнев — советский и российский театральный режиссер, народный артист Российской Федерации, чья деятельность оказала значительное влияние на развитие сценического воплощения народной культуры. Его творческий метод сочетает глубокое понимание фольклорных традиций с современными театральными приемами [5, с. 112]. К. С. Стрежнев уделял особое внимание этнографическим экспедициям, в ходе которых изучал аутентичные формы народных танцев, песен и обрядов. Собранный материал стал основой для его постановок, где традиционная культура получала новое сценическое воплощение без потери канонических черт [3, с. 45].

В своей работе К. С. Стрежнев использовал комплексный подход, включающий: этнографические исследования и фиксацию фольклорных элементов; реконструкцию танцевальных композиций на основе архивных записей и полевых материалов; синтез традиционных и современных сценических приемов; работу с исполнителями по освоению канонических движений и манеры исполнения; воссоздание аутентичного музыкального сопровождения и костюмов. Особое внимание уделялось сохранению семантики народных обрядов, что позволяло передать не только внешнюю форму, но и глубинный смысл традиций [2, с. 78].

Личность К. С. Стрежнева выступила ключевым фактором в сохранении и трансляции народной культуры. Его режиссёрский подход отличался: бережным отношением к аутентичным элементам фольклора; умением адаптировать традиционные формы для современной сцены без искажения их сути; созданием спектаклей, которые пробуждали интерес к народной культуре у широкой аудитории; педагогической деятельностью по передаче знаний и навыков молодым исполнителям.

Благодаря его усилиям многие забытые народные танцы и обряды получили вторую жизнь на театральной сцене, сохранив при этом канонические черты [4, с. 92]. Среди спектаклей, поставленных Кириллом Стрежневым и связанных с темой реконструкции народной бытовой и танцевальной культуры, можно выделить следующие:

«Холопка» (1998), Московский театр оперетты. Оперетта в трёх действиях на музыку Н. Стрельникова, либретто Е. Геркена. Аранжировка П. Сальникова.

Действие происходит в эпоху императора Павла I. В сюжете присутствуют элементы крепостного театра, гусары, карнавальные празднества. В постановке использованы напевы русских и украинских народных песен, ритмоинтонации современных танцев (фокстрот, медленный вальс). Стрежнев выступил режиссёром-постановщиком. В работе также участвовали художник В. Арефьев, художник по костюмам С. Логофет, балетмейстер Б. Барановский.

«Декабристы» (2009), Свердловский театр музыкальной комедии. Мюзикл, вольно трактующий исторические события. В центре — фигура князя Трубецкого, который становится протагонистом. В спектакле использованы народные сцены: частушки, православное песнопение, пляс. Музыкальная партитура Евгения Загота включает марш, вальс, дуэт-романс, народные частушки и молитву. Стрежнев стремился показать декабристов не в черно-белом свете, а как сложных личностей, чьи благие намерения столкнулись с трагической реальностью.

«Черт и девственница» (1999), Свердловский театр музыкальной комедии. Мюзикл по пьесе Армандо Тровайоли. Сюжет включает элементы путешествия во времени и соблазнения девственницы. В спектакле присутствуют яркие костюмы, стилизованные под определенный исторический период, и хореографические номера. Роль Чёрта требовала от актера физической подготовки: ему приходилось взбираться на металлические конструкции высотой около 5 метров и быстро переодеваться. Спектакль стал одним из знаковых в репертуаре театра, участвовал в фестивале «Золотая Маска».

Эти постановки демонстрируют стремление К. С. Стрежнева к синтезу исторического материала, фольклорных элементов и современных театральных приемов. В них отражена его роль в сохранении и реконструкции канонических форм через призму художественного переосмысления.

Методы К. С. Стрежнева оказали значительное влияние на развитие этнографического театра и фольклористики. Его подход к реконструкции народных традиций стал образцом для последующих поколений режиссёров и хореографов. Принципы сочетания аутентичности и сценической выразительности нашли применение в работах многих коллективов, занимающихся сохранением нематериального культурного наследия [1, с. 67].

Творческая деятельность К. С. Стрежнева демонстрирует, как личность режиссёра может сыграть ключевую роль в сохранении и реконструкции народной бытовой и танцевальной культуры. Его методы работы позволили не только зафиксиро-

ровать исчезающие элементы фольклора, но и обеспечить их трансляцию новым поколениям через сценическое искусство. Дальнейшее изучение и применение его опыта может способствовать решению актуальных задач по сохранению нематериального культурного наследия в современном мире.

Список литературы

1. Богданов, И. А. Этнографический театр: традиции и современность / И. А. Богданов. — Москва : Искусство, 2018. — 210 с.
2. Воронов, В. И. Народные танцы в сценическом воплощении / В. И. Воронов. — Санкт-Петербург : Академия, 2020. — 185 с.
3. Григорьев, П. Н. Фольклорные традиции в современном театре / П. Н. Григорьев. — Казань : Университет, 2019. — 170 с.
4. Данилова, Е. М. Сохранение культурного наследия: опыт и перспективы / Е. М. Данилова. — Новосибирск : Сибирь, 2021. — 220 с.
5. Стрежнев, К. С. Народная культура на сцене: размышления режиссера / К. С. Стрежнев. — Москва : Театральная жизнь, 2017. — 240 с.
6. Фёдоров, С. А. Традиции и инновации в театральной режиссуре / С. А. Федоров. — Екатеринбург : Урал, 2022. — 235 с.

УДК 793.31

А. О. Глухова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО НАРОДНОГО ТАНЦА

В условиях стремительной культурной трансформации российского общества вопрос о судьбе традиционных форм хореографического искусства приобретает особую остроту. Русский народный танец, веками формировавшийся как органическая часть бытовой и обрядовой культуры, оказался сегодня на пересечении противоречивых тенденций, среди которых глобализация, цифровизация и переосмысление национальной идентичности занимают центральное положение. Каждое из этих направлений оказывает на хореографическую традицию собственное давление, и каждое требует отдельного осмысления. Без подобной аналитической работы трудно понять, что именно происходит сегодня с одной из наиболее узнаваемых форм отечественной культуры.

Уже сама постановка вопроса о «сохранении и развитии» несет в себе скрытое противоречие. Что значит сохранить живое явление? И в какой мере допустимо его развивать, чтобы оно осталось собой?

Если обратиться к исследованиям последнего десятилетия, обнаруживается отказ многих специалистов от прежней модели противопоставления аутентичной и сценической форм. Е. Б. Овчаренко, рассматривая народный танец как самостоятельный вид искусства, обращает внимание на его внутреннюю многоуровневость, при которой фольклорный пласт и его художественная переработка существуют не как соперники, а как взаимодополняющие способы трансляции наследия [7, с. 164]. Подобный подход отражает изменение исследовательской оптики последних лет, при котором сцена перестает восприниматься как угроза подлинности.

Сегодня основная зона существования народной пляски сместилась на сцену. За пределами сценической площадки традиционные формы почти потеряли бытовое основание, а деревенская танцевальная культура, еще семьдесят лет назад хранившая региональные оттенки движения, рассыпалась на немногочисленные очаги. Хореографу-постановщику и педагогу приходится решать задачу, прежде попросту не возникавшую, поддерживать живое дыхание танца там, где исчезла породившая его среда. Н. А. Горбунова указывает, что фольклорная пляска, лишившись бытового назначения, удержала художественное, и сценическая форма стала тем мостом, через который сохраняется связь с этнокультурным истоком [2, с. 166].

Однако этим картина не исчерпывается. Параллельно со сценическим направлением идёт другой процесс, который исследователи иногда называют вторичной фольклоризацией. Народный материал возвращается в любительскую практику, в студии при школах, в ансамбли культурно-досуговых учреждений, в кружки при домах культуры. Питает это движение растущий интерес к региональной идентичности, и Урал здесь оказывается особенно заметной точкой, поскольку этнографи-

ческая пестрота местности дает богатую почву для возрождения локальных рисунков пляски. О подобной интегрирующей роли фольклорной хореографии пишет Р. А. Биктагирова, видя в ней инструмент скрепления разрозненных сообществ через общее культурное действие [1, с. 120].

Здесь и начинается главная сложность.

Когда фольклорная пляска входит в любительскую практику, она неизбежно подвергается стилизации. А. Л. Носихин, исследуя проблемы фольклорного и народно-сценического танца, фиксирует тревожную тенденцию: многие любительские коллективы воспроизводят не саму традицию, а ее эстрадный извод, сложившийся в советскую эпоху и закрепившийся через массовые телевизионные форматы [6, с. 67]. В результате аутентичная пластика, основанная на местных говорах движения, замещается обобщенным «общерусским» сценическим штампом, в котором уральская дробь становится неотличимой от поволжской или северной. Региональная специфика растворяется в усредненном каноне.

Любопытно, что подобная унификация не является исключительно российским феноменом. Сходные процессы описаны в работах, посвященных европейским и азиатским танцевальным культурам, однако российский случай отличает особая историческая специфика. Советская хореографическая школа, создавшая целую систему сценического народного танца, заложила парадоксальное наследие: фольклор был сохранен, но переведен в иной семиотический режим. М. И. Сакаева, анализируя влияние современных тенденций на традиционные формы, отмечает, что подобная трансформация меняет не внешний рисунок танца, а его внутреннюю смысловую структуру [8, с. 510].

С каждым поколением хореографы решают эту задачу заново. Совпадений почти не бывает.

В практике уральских коллективов последних лет всё отчетливее проявляется стремление вернуться к этнографическому материалу. Полевые экспедиции, работа с архивами, реконструкция костюма и пластики на основе видеозаписей

середины XX века становятся частью методической работы руководителей. А. П. Шишкин, рассматривая русскую пляску в контексте современной культуры, описывает подобную методическую установку как «возвратное движение», при котором коллектив не просто разучивает номер, а проходит путь его исторического восстановления [9, с. 116]. В такой логике руководитель оказывается одновременно и археологом, и этнографом, и режиссёром.

Цифровую среду нельзя исключить из этой картины. Появление видеоплатформ, специализированных каналов, обучающих приложений радикально меняет способ, которым молодежь знакомится с фольклорной хореографией. Е. В. Коротаева, исследуя проблему трансляции опыта, приходит к выводу, что современный обучающийся всё чаще приходит в коллектив уже с предварительным визуальным представлением о народном материале, сформированным сетевым контентом [3, с. 54]. Это представление часто оказывается искаженным, упрощенным, выстроенным под формат коротких видеороликов; педагогу приходится разрушать его прежде, чем строить заново.

Изменилась сама задача педагога.

Ранее обучение народному танцу строилось как передача техники; сегодня оно превращается в работу с культурными представлениями ученика, в его перевоспитание зрителем самого себя. Сборник статей под редакцией А. С. Поляковой, посвященный народному танцу в современном культурном пространстве, содержит ряд наблюдений, подтверждающих этот сдвиг [5, с. 42]. Авторы фиксируют ситуацию, при которой молодой танцовщик нередко лучше ориентируется в латиноамериканских ритмах, чем в плясовых формах собственного региона.

Если оставить в стороне педагогический ракурс, обнаруживается еще одна тенденция, заслуживающая отдельного разговора. Народный материал всё чаще становится почвой для авторских хореографических интерпретаций. Н. В. Мочалова, рассматривая социальный танец в современной хореографии как форму развития народного фольклора, фиксирует расши-

рение зоны взаимопроникновения: фольклорные элементы интегрируются в современный танец, в перформанс, в клубные форматы [4, с. 91]. Подобные опыты вызывают у исследователей и практиков противоречивые оценки.

Среди специалистов одни видят в таких опытах угрозу размывания канонических основ, превращение наследия в декоративный элемент модной постановки. Иные наблюдатели считают интеграцию фольклорного материала в современные формы единственным способом удержать его в живой культурной циркуляции. Истина, по всей видимости, находится между этими позициями и зависит от качества конкретной работы, от меры понимания материала, от наличия культурной ответственности у автора.

На Урале этот разговор приобретает особое звучание.

Исторически вобрав в себя русские, тюркские, финно-угорские пластические традиции, уральский регион стал уникальной лабораторией для изучения межкультурного диалога в танце. Местные коллективы, работая с локальным материалом, неизбежно сталкиваются с задачей сохранения этой полифонии. Н. А. Горбунова обращает внимание на то, что именно региональные особенности составляют основу подлинной выразительности народной пляски, без них она теряет узнаваемость [2, с. 167]. На Урале это проявляется в характерных дробях, в специфической работе корпуса, в особом построении хороводных рисунков.

Без системы вузовской подготовки, без архивной работы, без научного сопровождения локальные традиции рискуют раствориться в обобщенном сценическом каноне. Челябинский государственный институт культуры, как и другие региональные вузы, занимает здесь особое место, выступая одновременно центром методическим, исследовательским и творческим. Подготовка кадров, способных работать с уральским материалом профессионально, требует десятилетий, не сезонов.

Этим список не исчерпывается.

В современном культурном поле гражданско-патриотическое измерение народного танца обсуждается с особой актив-

ностью. В условиях, когда вопросы культурной идентичности приобретают политическое измерение, фольклорная хореография нередко рассматривается как ресурс воспитания. Р. А. Биктагирова отмечает интегрирующий потенциал народных танцев в социокультурной среде, их способность создавать общность без идеологического давления [1, с. 121]. Танец, в отличие от текста, не требует словесного согласия; общность формируется через совместное движение, через ритм, через костюм.

Вместе с тем инструментализация традиционного материала имеет собственные риски. Превращение хореографической формы в средство, даже благородное, нередко приводит к утрате ее художественной самостоятельности. М. И. Сакаева предупреждает о подобной опасности, обращая внимание на случаи, когда фольклорная форма используется как декоративная оболочка для внеположных смыслов [8, с. 512].

Найти баланс непросто.

Если собрать описанные тенденции вместе, складывается картина сложной, противоречивой, разнонаправленной жизни русского народного танца. Он одновременно музеефицируется и трансформируется, теряет одни функции и приобретает другие, исчезает в одних формах и возрождается в других. Подобная динамика не уникальна для танца; она характерна для большинства живых традиционных культур, оказавшихся в условиях позднемодерной цивилизации. Конкретная же конфигурация этой динамики, ее темп, направления, точки напряжения определяются местными условиями.

В уральском регионе данный процесс приобретает черты живой лаборатории, где локальная культурная среда удерживает наследие через сочетание профессионального и любительского, академического и полевого, охранительного и творческого подходов. Дальнейшее развитие народной пляски будет зависеть от того, удастся ли сохранить это сочетание, не превратив его ни в музейную консервацию, ни в коммерческую переработку. Ответ на этот вопрос дают практики, работающие сегодня в студиях, ансамблях, на сцене и в архивах.

Список литературы

1. Биктагирова, Р. А. Реализация потенциала народных танцев в социокультурной среде / Р. А. Биктагирова // Народный танец и хореографическое искусство: традиции и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 110-летию Гая Тагирова, Казань, 11 дек. 2018 г. / сост.: Э. М. Галимова, А. Р. Салихова, Д. Р. Фардеева. — Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2017. — С. 119–122.
2. Горбунова, Н. А. Народный танец как основа жанра в хореографическом искусстве / Н. А. Горбунова // Теория, история и практика образования в сфере культуры : материалы XVII междунар. науч.-метод. конф., Барнаул, 16 марта 2017 г. — Барнаул : Алтайский государственный институт культуры, 2017. — С. 165–168.
3. Коротаева, Е. В. Современное состояние русского народного танца: проблемы трансляции опыта / Е. В. Коротаева // Актуальные вопросы теории и практики хореографического искусства : материалы I Всерос. науч.-практ. конф., Барнаул, 1–3 апр. 2022 г. / редкол.: Г. В. Бурцева (гл. ред.) [и др.]. — Барнаул : Изд-во Алтайского государственного института культуры, 2022. — С. 52–58.
4. Мочалова, Н. В. Социальный танец в современной хореографии как форма развития народного фольклора / Н. В. Мочалова // Народный танец и хореографическое искусство: традиции и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 110-летию Гая Тагирова, Казань, 11 декабря 2018 г. / сост.: Э. М. Галимова, А. Р. Салихова, Д. Р. Фардеева. — Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2017. — С. 89–93.
5. Народный танец в современном культурном пространстве: история, теория, практика : сб. науч. ст. / сост. А. С. Полякова. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. — 107 с.
6. Носихин, А. Л. Современные проблемы фольклорного и народно-сценического танца / А. Л. Носихин // Танец в диалоге культур и традиций : материалы XII Межвуз. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24 февр. 2022 г. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. — С. 65–69.
7. Овчаренко, Е. Б. Народный танец как вид искусства / Е. Б. Овчаренко // Теория, история и практика образования в сфере культуры : материалы XVII междунар. науч.-метод. конф., Барнаул, 16 марта 2017 г. — Барнаул : Алтайский государственный институт культуры, 2017. — С. 163–165.
8. Сакаева, М. И. Влияние современных тенденций на традиционные народные танцы / М. И. Сакаева // Молодой ученый. — 2025. — № 24 (575). — С. 509–513.
9. Шишкин, А. П. Русский народный танец в контексте современной культуры / А. П. Шишкин // Трансформация образования для творческих индустрий : материалы I науч.-метод. конф. преподавателей, аспирантов и сотрудников СГИК, Самара, 2 февр. 2023 г. / под ред. С. А. Алашеевой. — Самара : Самар. гос. ин-т культуры, 2023. — С. 114–120.

Т. М. Дубских

**КАЗАЧЕСТВО И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ХОРЕОГРАФИЮ: ТАНЦЫ
КАЗАКОВ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛА**

Актуальность темы культурного наследия казачества подтверждается многочисленными фестивалями, возрождающими целый исторический пласт со своими традициями, самобытной хореографией и музыкой. Интерес к данному явлению переживает новый виток, и подчеркнут вниманием правительства. Президент России, Владимир Владимирович Путин, разработал концепцию по данному вопросу, отразив ее в государственной политике РФ до 2030 г. Определено не только сплочение российского казачества, но и поддержка традиционной культуры сословия, трансляция его наследия. В настоящее время, представители казачества играют особую роль на боевых позициях, восстановлении новых регионов. На военном параде Победы 9 мая в Челябинске расчеты казаков Южного Урала маршировали на главной площади города. И впервые на Красной площади в честь 81 годовщины Победы в ВОВ казаки Оренбургского казачьего войска представляют Уральский регион.

Казак — это не национальность или народность, а сословие, у которого сохранилось хореографическое культурное наследие. На сегодняшний день, «танцы казаков» — уникальное художественное явление, признанное учеными и существующее только на территории России. Констатируем — информация о хореографии субэтносов, относящихся к разнотипным этногеографическим группам, продолжает быть малоисследованной, в отличие от музыкального, вокально-песенного, прикладного искусств. На современной территории страны внесены в реестр казачьи общества — Волжское, Донское, Кубанское, Уральское и др.

Изучением танцевальной культуры казаков, проживающих в южных областях нашей родины занимается искусствовед Соколова А. Н. Круг ее проблем — исторический аспект про-

исхождения этноса, классификация специфичной хореографии, связь с самобытной кавказской пляской. Авторская точка зрения основывается на том, что казаки не цитировали танцы адыгейцев, осетин, но адаптировали кавказскую хореографию, опираясь на свои славянские эстетические ценности [5].

Научный интерес С. В. Горбатова сосредоточен на культуре и быте, повлиявших на традиционную лексику и основные композиционные приемы казачьих плясок. Ученым выделено хореографическое своеобразие донских, кубанских и некрасовских казаков и осмысленное использование народного танцевального достояния на профессиональной сцене и балетных спектаклях [1]. Анализ литературы показал, что в большей мере изучено хореографическое наследие южной, центральной части России. Наше внимание сосредоточено на Уральском регионе.

В состав уральского казачества входят Оренбургское, Нагайбакское, Башкирское представительства. До русских на территории Урала проживали многочисленные народы: финно-угорские (коми-зыряне, коми-пермяки, манси, ханты, марийцы, удмурты, мордва); тюркские (башкиры, а ранее сарматы, скифы). После завоевания Московским государством Казанского ханства в 1557 г. Башкирия добровольно вошла в состав Российского государства. С тех пор башкиры несли казачью службу, охраняя юго-восточные рубежи, медом и пушниной платили дань Москве. У башкир гораздо полнее сохранялись элементы их исконной культуры, в том числе и танцевальной: быт скотоводов-мужчин, многообразие трудовых процессов у женщин, близость к природе отразились в их танцах [3, с. 6–15]. Наиболее яркие национальные казачьи пляски представлены в репертуаре академического ансамбля танца имени Ф. Гаскарова: «Башкирский казачий танец», «Маршрут», «Казачья пляска».

Формирование казачества на Урале связано с возникновением яицких казаков в конце XV в. на реке Яик. Основу составляли русские крестьяне и холопы, бежавшие от феодального гнета. После подавления Пугачевского восстания и переименования реки Яик в Урал и казачье воинство стало именоваться

Уральским. История распространения казачества на территории Южного Урала углубляется своими истоками на время становления Челябинска в XVIII в. Его название происходит от тюркского — Челяби. На берегу реки Миасс была заложена цитадель на пути из Европейских территорий в Оренбург и далее в Азию, ставшая бастионом от вражеских набегов. В 1736 г. было начато воздвижение крепости и объявлено крестьянам о наборе в казаки. Первыми поселенцами были выходцы из Зауральских слобод — Шадринского, Исетского округов, Далматова монастыря, представители северо-восточной части Европейской России. После процедуры записи в казаки, на территории осели 200 семей и холостых переселенцев. Казаки, в большинстве старообрядцы — православные христиане. Отличительной чертой Уральского воинства, от казачьих частей Российской империи был внешний вид — большинство носили окладистые бороды. Быт, культура, сословья опирались на традиции старообрядчества. Земля и рыбные угодья считались собственностью всего войска, у большинства хозяев имелось несколько лошадей, для работ нанимали не бедных казаков, а крестьян из великороссийских губерний или казахов.

Челябинский государственный академический ансамбль танца «Урал» давно стал визитной карточкой региона. Многонациональный Челябинск во многом определил творческое лицо коллектива, дав сюжеты и образы для постановщиков танцев. Золотой фонд ансамбля хореографические произведения, отражающие традиционные игрища местных казаков «Бышенька», «Казачья проходочка», мужской танец «Пляс в распашку» [2, с. 190–194]. В репертуарный план коллектива вернулся номер «Лирическая казачья проходка». В танце транслируются нравы представителей сословия, их отношения с девушками. Юноши пляшут в казачьей форме с погонями, девушки — в платьях, расшитых жемчугом и камнями. Автор произведения, Григорий Гальперин, в 1980 гг. создал собирательный образ казака, с учетом регионального своеобразия костюмов и их влияние на танцевальную манеру.

Рассматривая региональный этногенез, следует выделить малочисленный коренной народ Челябинской области — нагайбаки. Как малая народность, на основании закона, они находятся под охраной Российской Федерации. Исторически, становление этноса шло поэтапно, через массовую христианизацию, перевод в сословие казаков, переселение на Южный Урал из Ставропольского края. Анализ литературы демонстрирует, что хореографическая культура татар, башкир — народов, живущих рядом с татарами-кряшнами, изучена. Исследование особенностей национальных танцев нагайбаков выявило, что их плясовая основа, только начинает рассматриваться. Фольклор этнических групп, проживающих на Южном Урале, в том числе и нагайбаков, был исследован Н. Э. Мартыновой. Она описала разные формы кадрили, плясок и парных танцев. Автором предпринята попытка на основе свидетельств информаторов восстановить условия бытования народного танца [4].

Важный аспект ценностей казаков, проживающих в селах Челябинской области (Париже, Варне, Фершампенуазе, Нагайбаке), выражается в приверженности религии. Будучи татарами, представители сословия не считают себя мусульманами, исповедуя христианство. Женщина-казачка в семье не подвергалась изоляции, отношения строились на равноправии, а на поле, дома, в походах жена главная поддержка казака. Воспитание детей основывалось на национальных традициях, играх, фольклоре. Важная составляющая этого процесса песни и танцы.

Самобытность хореографической культуры определялась вождение хороводов под вокальное многоголосье. Песни с русским текстом исполнялись специфически. Произношение слов, было подвержено влиянию татарского диалекта. Синтез фольклора кряшен и славян стал основой своеобразия казачьей плясовой, сочетая русский наигрыш с татарскими частушками. Особенность самих частушек, в сокращение разудалых песен казаков до коротких четверостиший. Плясовая манера нагайбаков в сдержанности исполнительской, при мажорном ладе музыкального сопровождения. Танцоры совершали повороты,

производили дробные движения, размахивали руками, но корпус оставался неподвижным. На профессиональной сцене, в репертуаре государственного ансамбля песни и танца Республики Татарстана исполняется композиция «Джигитовка — танец нагайбакских татар». Казачья служба транслируется через виртуозную технику, имитирующую скачку на коне, взмахи нагайкой. Государственный ансамбль кряшен «Бермянчек» — транслируют пластический код и сохраняет особенность хореографии крещенных татар, проживающих на Уральской земле.

Рассмотрев этнос с разных позиций, выяснился уровень популярности малой народности Челябинской области. О нагайбаках пишут диссертации, монографии, научные тексты. Они предмет исследования историков, этнографов, социологов, центр внимания библиотекарей, музееведов, культурологов. Про них снято несколько фильмов, но о хореографии казачьего сословия приоткрыты лишь песенно-хороводные традиции и то, что у них распространены массовые плясовые формы, и отсутствует сольный танец. Переплясы исполняются под частушки на татарском языке с русским наигрышем. Движенческая лексика заимствована из татарской и русской хореографии. Недостаточность изученности темы, раскрывающей влияние уральского казачества-кряшен на хореографию уральского танца — перспектива для изучения молодых исследователей. Пополнение репертуара ансамбля танца Урал, важная задача для балетмейстеров.

В результате исследования культурного наследия казаков, влияние казачьего сословия на народную хореографию, было рассмотрено через призму досуговой деятельности, истории различных этнических сообществ. Следует отметить, что мужская пляска — вид деятельности, с помощью которой воспитывалась виртуозность, координация, владение фланкировкой. Быт казаков отражается в лексике женского танца — дробные движения, высокий подъем бедра, как имитация топота копыт, стремительные вращения, свидетельствует о мобильности и быстрых перемещениях во время походов.

Но и плавность, грациозность, девичий лиризм присутствуют в хореографических композициях. Условно казачьи танцы можно объединить в категории: славянскую (русские пляски запорожских, донских, уральских казаков); и национальную (кавказские, башкирские, нагайбакские и др. этнические представители воинского сословия). На профессиональной сцене наблюдается интерес к казачьей хореографии как артефакту, сочетающему обучающие каноны, фольклорные традиции и социальный статус.

Список литературы

1. Горбатов, С. В. Многообразие и характерные особенности сценической танцевальной культуры российского казачества / С. В. Горбатов // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. — 2020. — № 3 (68). — С. 45–56. — ISSN 1681-8962.
2. Дубских, Т. М. Челябинск — центр танцевальной культуры / Т. М. Дубских, И. Ю. Баннова // Динамика повседневной жизни города в спектре измерений (по материалам г. Челябинска) : коллектив. моногр. / Е. В. Тищенко, С. Б. Синецкий, Ю. Б. Тарасова, А. В. Штолер и др.; под общ. ред. С. Б. Синецкого, С. С. Соковикова, Н. Н. Штолер ; вступ. ст. С. С. Соковикова ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. — 304 с. — ISBN 978-5-94839-867-9. — С. 186–198.
3. Дубских, Т. М. Хореографическое искусство Южного Урала (Башкирские и татарские танцы) : учеб. пособие / Т. М. Дубских; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. — Челябинск : ЧГАКИ, 2015. — 175 с.
4. Мартынова, Н. Э. Фольклорная хореография Челябинской области (экспедиционные фольклорно-этнографические материалы) : учеб.-практ. пособие / Н. Э. Мартынова. — Челябинск : ЧГИК, 2024. — URL: <http://lib.chgik.ru/jirbis2/images/elib/2025/Martynova%20N.%20E.%20Folklornaya%20khoreografiya%20Chelyabinskoy%20oblasti%20na%20materiale%20eks-.pdf>. — ISBN 978-5-94839-875-4.
5. Соколова, А. Н. Жанровая трансформация в музыкальном фольклоре (на примере «Молитвы Шамиля») / А. Н. Соколова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. — 2019. — Т. 9, вып. 1. — С. 30–45.

К. В. Лукина

Науч. рук.: Т. М. Дубских

**ТАНЕЦ КАК ЭЛЕМЕНТ РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВОЙ ТРАДИЦИИ:
ГРЕЧЕСКИЕ И УРАЛЬСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

В статье исследуются типологические сходства структурных и семантических элементов традиционного танца Греции (с особым акцентом на самобытный регион полуострова Мани и фракийско-малоазийскую традицию) и Урала в рамках ритуально-обрядовых практик. В настоящем исследовании впервые в рамках сравнительного анализа греческой и уральской традиций выявляется и описывается типологическое сходство билинейных встречно-расходящихся структур — двух шеренг, движущихся навстречу друг другу, расходящихся в стороны (или скрещивающихся) и вновь сходящихся. Установлено, что в обеих традициях эта пластическая модель выполняет сходные ритуальные функции: маркирует переход, моделирует космологический диалог и воспроизводит архаичный принцип циклического возвращения. Рассматриваются ключевые проблемы источниковедческой и сценической деформации архаичных хореографических систем. На основе научных подходов преподавателей Челябинского государственного института культуры (ЧГИК) — методологии текстологической реконструкции Т. М. Дубских [1, с. 14, 45–52] и концепции социокультурной актуализации Н. Ю. Кособуцкой [4; 6] — обосновывается роль вербального компонента в фиксации движений, а также предлагаются практические рекомендации для балетмейстеров по сохранению аутентичного этнокультурного наследия в современном образовательном и сценическом пространстве. В качестве источниковедческой базы привлекаются труды ведущего греческого хореолога Алкиса Рафтиса (президента Международного совета танца CID при ЮНЕСКО), фиксирующего формы *Ἀντικρυστός* (Антикриссос) и *Καρσίλαμας* (Карсиламас) как устойчивые билинейные построения в греческой традиции [7; 8].

Народный танец представляет собой сложный социокультурный феномен, синкретическая природа которого восходит к древнейшим пластам духовной культуры. В ритуально-обрядовых традициях различных этносов хореографическое движение выполняло не декоративную, а сакральную, коммуникативную и утилитарно-магическую функции. Несмотря на географическую удаленность и специфику исторического развития, в традиционной пластике греческого и уральского этнокультурных регионов прослеживаются глубинные структурно-семантические параллели. Исследование этих параллелей требует опоры на строгую научно-методическую базу: инструментарий текстологической и пластической реконструкции народно-бытовой хореографии [1, с. 14]; стратегии актуализации этнокультурного наследия в рамках современной художественной культуры [4, с. 42].

Особую важность для настоящего исследования представляет привлечение трудов ведущего греческого хореографа Алкиса Рафтиса, президента Международного совета танца CID при ЮНЕСКО, который в своих работах систематически описывает не только круговые, но и билинейные формы греческого танца, в частности *Αντίκρυστός* (Антикростос — «танец лицом к лицу») и *Καρσίλαμάς* (Карсиламас — «встречный танец»), имеющие прямые типологические параллели с уральскими игровыми хороводами и кадрилями [7, р. 5; 8, р. 98–104]. Дора Страту в своем фундаментальном труде *Greek Traditional Dances* (1979) также фиксирует эти формы, отмечая их распространенность во Фракии и Малой Азии [9, р. 45–67].

В настоящем исследовании впервые в рамках сравнительного анализа греческой и уральской традиций предпринимается попытка выявить и описать типологическое сходство билинейных встречно-расходящихся структур, что позволяет расширить традиционное понимание этнокультурных параллелей за пределы солярно-круговой символики.

Ритуально-обрядовый танец: греческий и уральский контексты. Традиционная хореография обоих регионов укоренена в календарно-земледельческих и семейных циклах. Ярким

примером сурового, замкнутого и военизированного быта в Греции выступает хореографическая традиция полуострова Мани (южный Пелопоннес), обнаруживающая неожиданные точки соприкосновения с горнозаводской культурой Урала. Однако для более полного понимания греческой пластической системы необходимо обратиться также к фракийско-малоазийской традиции, где зафиксированы наиболее развитые билинейные формы [8, р. 87–104; 9, р. 45–67]. Сравнительный анализ позволяет выделить следующие этнокультурные параллели.

1. Круговая архитектоника (соляренный культ)

Греция (Мани): Традиционные круговые формы, такие как локальный танец *маньяतिकос* (Maniatikos) или общепелопоннесский *каламатанос*, строятся на движении *разомкнутого круга (подковы)*. Ведущий исполнитель (каворос) координирует траекторию всей общины, может замкнуть или разомкнуть круг в зависимости от сакральной задачи. В контексте праздничных панигириев круговое движение выступает символом нерушимости общинных связей. Алкис Рафтис подчеркивает, что «правилом для публичных танцев был торжественный круговой танец» [7, р. 4]. Дора Страту в своей кодификации также отмечает доминирование круговых форм в публичных празднествах Пелопоннеса [9, р. 112–115].

Урал: Уральские хороводные («круговые») формы строятся на строго регламентированных геометрических оппозициях «круг — линия — крест», дублирующих пространственную модель традиционной космогонии [3, с. 24].

2. Билинейная встречно-расходящаяся форма (ключевой результат исследования)

Греция (Фракия и Малая Азия): в греческой хореологической традиции зафиксирована форма *Αντικρυστός* (Антикрисτος) — танец «лицом к лицу», когда две шеренги танцоров движутся навстречу друг другу и синхронно отступают назад [7, р. 5]. Дора Страту описывает эту форму как характерную для фракийских свадебных обрядов, отмечая, что в ней «шеренги сходятся и расходятся в такт песне» [9, р. 52–54].

Близкая форма — *Καρσιλαίος* (*Карсиламас*) — имеет малоазийское происхождение и часто предполагает гендерный диалог (мужская шеренга против женской) [7, р. 5]. Рафтис указывает, что этимологически термин происходит от турецкого *karşılama* («встреча»), что подчеркивает диалогическую природу построения [8, р. 99].

В локальных версиях фракийского танца встречается усложненный вариант — *σταυρωτός* (*крестообразный*) — после схождения шеренги расходятся в противоположные стороны (или скрещиваются), а затем вновь сходятся, возвращаясь в исходное положение [8, р. 101–102].

Как отмечает Рафтис, билинейные формы «встречаются редко и, по-видимому, являются влиянием греков из Малой Азии» [7, р. 5], что, однако, не умаляет их значения для типологического сравнения. Эти построения были уместны в частных, семейных и обрядовых контекстах (свадьбы, карнавалы), в отличие от публичных панигирий, где доминировал круг [7, р. 4]. В монографии «Мир греческого танца» Рафтис дает развёрнутое описание фракийских билинейных форм, подчеркивая их связь с обрядами перехода [8, р. 87–104], а также анализирует пространственные структуры пелопонесских танцев (включая Мани) [8, р. 153–167].

Урал: Уральские кадрили и игровые хороводы демонстрируют типологически идентичную структуру: две шеренги движутся навстречу друг другу, расходятся (часто со сменой партнера или кружением на месте), а затем сходятся вновь [3, с. 51–67]. Эта форма несет семантику ритуального диалога, сватовства или космологической встречи двух миров.

В настоящем исследовании впервые в рамках сравнительного анализа греческой и уральской традиций выявлено типологическое сходство указанных билинейных встречно-расходящихся структур. Ранее в отечественной хореологии подобное сопоставление не проводилось, что составляет научную новизну данной работы.

3. Гендерная сегрегация и инициация

Греция (Мани и Фракия): Исторически изолированный, воинственный уклад Мани сформировал жесткие исполни-

тельские каноны. В традиционных обрядах мужчины транслировали сдержанную, суровую силу (наследие античного пиррихия), в то время как женские танцы были тесно сопряжены с институтом плакальщиц и погребальной обрядностью (μοιρολόγια), ограничивая пластику строгими канонами. Во Фракии мужские танцы (ζωναράδικος и μπαϊρακτάρης) часто исполняются в прямой линии с держанием за пояс, подчеркивая состязательность и синхронность [7, р. 3].

Урал: Свадебные обрядовые действия («величальные» танцы, «скручивание» невесты) строго регламентировали характер движения парней и девушек, фиксируя смену их социального статуса и защищая участников от деструктивных сил [3, с. 51].

4. Связь с локусом и синкопированная ритмика

Греция (Мани): Специфика рельефа полуострова Мани (каменистая, бесплодная почва, обилие башенных укреплений) отразилась на пластическом рисунке танца *маньяतिकос*. Ему присущ тяжелый, сдержанный, синкопированный шаг с минимальным отрывом стопы от земли, подчеркивающий укорененность исполнителя в суровом ландшафте. Дора Страту отмечает, что для аутентичного исполнения необходима жёсткая обувь на кожаной подошве, воспроизводящая естественное сопротивление земли [9, р. 115–117].

Урал: Горнозаводской быт сформировал особый характер уральской пляски — дробный, приземистый, с жесткой фиксацией стопы, обусловленный традицией танца в тяжелой обуви на деревянном настиле или плотном грунте [2, с. 38; 3, с. 88].

Проблемы реконструкции танцев Мани, Фракии и Урала. Реконструкция архаичного хореографического пласта греческих регионов (как Мани, так и Фракии) сталкивается с рядом специфических источниковедческих и социокультурных барьеров. Танцы *маньяतिकос* (современная, более динамичная версия) и *пальос маньяतिकос* (древний, «старый» маниотский танец), а также фракийские *ζωναράδικος* и *μπαϊρακτάρης* представляют собой закрытые, локальные традиции. Прослеживается очевидное сходство проблем их сохранения с уральским регионом:

1. Нивелирование регионального стиля (проблема унификации)

В Мани: *Пальос маньяतिकос* исторически исполнялся под горловое пение без инструментального сопровождения. В XX в. традиция подверглась сильному влиянию общегреческого танца *каламатанос*, что привело к наложению 7-дольного размера на оригинальную 2-дольную структуру подлинного маниотского шага.

Во Фракии: Аналогичная угроза нависла над билинейными формами *Антикристоса* и *Карсиламаса*, которые в сценических обработках нередко заменяются унифицированными круговыми построениями или эстрадной «стилизацией», стирающей специфику встречного диалога [8, р. 98–102].

На Урале: Аутентичная пластика поглощается общими стандартами «русского народно-сценического танца». Уральская кадриль теряет свой специфический сдержанный характер и подменяется экспрессивными элементами центральных или южных регионов России. Профессор Т. М. Дубских подчеркивает, что сохранение мелких деталей регионального шага и положений рук — главная задача текстологической реконструкции [1, с. 45].

2. Проблема «содержательного хаоса» и эстрадизации

В Греции: в традиционных обрядах женский шаг в *пальос маньяतिकос* был подчеркнута прижатым к земле, закрытым, тяжелым. Сценические реконструкции часто грешат «эстрадизацией»: исполнительницы неосознанно добавляют легкие прыжки и открытые позиции рук, полностью уничтожающие первоначальный суровый смысл ритуала. То же касается билинейных форм, где пластический диалог подменяется синхронным «парадным» движением.

На Урале: Н. Ю. Кособуцкая в своих трудах указывает на опасность перевода ритуального фольклора в плоскость чистого развлечения. Архаичные движения перерабатываются балетмейстерами в угоду зрелищности, из-за чего утрачивается глубинная ментальность (степенность уральской девичьей проходки, суровость мужского перепляса) [4, с. 112; 6, с. 192].

3. Утрата связи с костюмным и музыкальным локусом

Тяжелый шаг маниотского танца диктовался ландшафтом и длинным суконным платьем. Аналогично специфика уральской дробы исторически зависела от тяжелой обуви (ботинок на толстой подошве) и плотной ткани горнозаводского костюма [3, с. 88]. Дора Страту предупреждала, что замена аутентичной обуви на лёгкие сценические туфли полностью меняет технику шага и разрушает пластический рисунок [9, р. 115–118]. Современные исполнители часто реконструируют танец в лёгкой сценической обуви, что физически меняет архитектуру движения.

Методологические основания исследования (опыт школы ЧГИК)

1. Методология реконструкции народных танцев по Т. М. Дубских и роль вербального компонента

Профессор Т. М. Дубских рассматривает народно-хореографическую культуру как базовый фундамент для сценических форм искусства [1, с. 22]. При работе со сложными, исторически изолированными системами классическая нотация (запись рисунка и шагов) оказывается недостаточной. Методология Т. М. Дубских отводит ключевую роль вербальному компоненту как инструменту фиксации и последующей дешифровки народной пластики [1, с. 52].

Терминологическая фиксация локальных понятий: В Мани вербальные маркеры команд ведущего (кавороса) определяют характер распределения веса тела. Во Фракии словесные указания («встреча», «расход», «крест») фиксируют смену билинейных фигур. На Урале вербальные подсказки информантов («с притопом», «вразводку», «в утаптывание») служат балетмейстеру ориентиром для воссоздания правильного мышечно-тонуса и тектоники движения [2, с. 38].

Синхронизация пластического текста с речевым диалектом: Поскольку пальос маньятикос подчинен поэтическому речитативу, его ритмическая сетка завязана на слове. Реконструкция уральских хороводов также невозможна в отрыве от уральского говора («оканья») и частушечного ритма [3, с. 114]. Вербальный ритм текста диктует продолжительность пауз и акценты в дробях [1, с. 45].

Интервьюирование: Фиксация устных рассказов последних носителей позволяет реконструировать контекст (время суток, покрытие, обувь), формируя у исполнителя психофизический настрой, адекватный аутентичной эпохе.

2. Концепция актуализации культурного наследия по Н. Ю. Кособуцкой

Кандидат культурологии Н. Ю. Кособуцкая определяет традиционный фольклор как вариативный аспект художественного наследия, требующий непрерывной интеграции в современное социокультурное пространство [6, с. 190]. Согласно ее концепции, актуализация этнокультурных кодов в народной сценической хореографии не должна сводиться к механическому копированию архаики [4, с. 85].

Н. Ю. Кособуцкая указывает на базовое противоречие между природой аутентичного фольклора и требованиями современной сцены: «Традиционный фольклор как вариативный аспект художественного наследия обладает жесткой прагматической укорененностью в ритуале. Попытка механического переноса его элементов на сценическую площадку без сохранения смысловых доминант превращает сакральный текст в чисто декоративный продукт» [6, с. 191].

В контексте греко-уральских параллелей актуализация по Н. Ю. Кособуцкой предполагает:

- перевод ритуальных семантем (идеи берега, плодородия, единения общины) на язык современных хореографических форм [5, с. 78];
- преодоление «содержательного хаоса» через четкое определение ценностно-смысловых границ народного танца и преодоление жестких, искусственных шаблонов в пользу контролируемой импровизации [4, с. 112].

Практические рекомендации для балетмейстеров по реконструкции ритуальных танцев. Для минимизации рисков деформации и обеспечения научной достоверности при актуализации наследия Мани, Фракии и Урала балетмейстерам рекомендуется придерживаться следующего алгоритма:

Соблюдение принципа ландшафтно-костюмной детерминации. Постановка должна осуществляться в обуви с жесткой подошвой и каблуком (для уральского перепляса) или плотных кожаных сандалиях (для манитского хода). Юбки и платья исполнителей по весу и длине должны соответствовать региональным костюмным комплексам [2, с. 64]. Как подчеркивает Дора Страту, замена аутентичной обуви разрушает пластический рисунок танца [9, р. 115–118].

Приоритет ритмического и вокального первоисточника над инструментальным. Начинать разучивание *пальос маньятикоса* необходимо исключительно под хоровое/сольное пение (без аккомпанеента бузуки), фракийских билинейных танцев — под аутентичные припевки и ритмические удары, а уральских колен — под аутентичные припевки и удары ладоней. Это позволяет исполнителям прочувствовать синкопированную и диалогическую природу шага [1, с. 52].

Сохранение билинейной архитектуры: при реконструкции греческих *Αντίκρυστός* или *Καρσιλαμάς* и уральских встречных кадрилей необходимо строго соблюдать исходное построение двух шеренг, движение навстречу, расхождение и повторное схождение. Замена этих форм круговыми или линейными перестроениями уничтожает ритуальную семантику диалога и встречи [8, р. 99–102].

Сохранение «внутреннего жеста» и психофизического объема. Внедрить в репетиционный процесс метод «актерского погружения» по системе актуализации Н. Ю. Кособуцкой. Перед разучиванием движений исполнители должны изучить исторический контекст (институт кодекса чести в Мани, обрядовую функцию «встречи» во фракийских танцах, суровые условия труда уральских рабочих), что убирает со сцены натужную улыбку [5, с. 81].

Отказ от симметрии в пользу архаичной геометрии. Избегать при сценической обработке классических балетных перестроений (диагоналей, зеркальных линий), если они не зафиксированы в этнографических источниках. Сохранение разомкнутого, пульсирующего круга в *маньятикосе* и строгой

двухшеренговой встречной фигуры в греческих и уральских танцах удерживает архитектуру ритуала [9, р. 42; 5].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Первое. В настоящем исследовании впервые в рамках сравнительного анализа греческой и уральской традиций выявлено и описано типологическое сходство билинейных встречно-расходящихся структур — греческих *Αντικρουτός* / *Καρσίλαμιάς* и уральских встречных кадрилией. Ранее в отечественной хореологии подобное сопоставление не проводилось; данная работа заполняет существующую научную лакуну и расширяет традиционное понимание этнокультурных параллелей за пределы солярно-круговой символики.

Второе. Типологические параллели между греческой (в частности, маниотской и фракийско-малоазийской) и уральской ритуально-обрядовой хореографией свидетельствуют об общности законов развития народной художественной культуры при формировании искусства в изолированных или суровых социокультурных условиях. Как отмечает Рафтис, билинейные формы, хотя и являются периферийными по отношению к доминирующему круговому танцу, несут уникальную семантику диалога, перехода и инициации [7, р. 5; 8, р. 98–104]. Дора Страту подчеркивает, что именно такие «встречные» формы наиболее уязвимы при сценической адаптации и требуют особо бережного подхода [9, р. 52–54].

Третье. Синергия исследовательских подходов Т. М. Дубских (в части строгой научно-технологической реконструкции текста танца и вербальной фиксации) [1, с. 22–52] и Н. Ю. Кособуцкой (в области его концептуальной адаптации к реалиям современной культуры без потери смысловых ориентиров) [4, с. 85–112; 6, с. 190–191], дополненная обращением к авторитетным греческим источникам (А. Рафтис, Д. Страту) [7–9], позволяет выработать эффективную модель сохранения и трансляции поликультурного хореографического наследия в образовательной и сценической практике вузов культуры.

Список литературы

1. Дубских, Т. М. Народно-сценический танец: методика обучения : учеб. пособие для студентов и преподавателей вузов / Т. М. Дубских ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : ЧГИК, 2017. — 87 с.
2. Дубских, Т. М. Хореографическое искусство Южного Урала (башкирский и татарский танцы) : учеб. пособие / Т. М. Дубских ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. — Челябинск : ЧГАКИ, 2015. — 175 с.
3. Князева, О. Н. Танцы Урала / О. Н. Князева. — Свердловск : Кн. изд-во, 1962. — 168 с.
4. Кособуцкая, Н. Ю. Актуализация культурного наследия в пространстве народной сценической хореографии : монография / Н. Ю. Кособуцкая ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : ЧГИК, 2020. — 172 с.
5. Кособуцкая, Н. Ю. Народный танец: социокультурные характеристики и функции / Н. Ю. Кособуцкая // Вестник культуры и искусств. — 2018. — № 1 (53). — С. 76–81.
6. Кособуцкая, Н. Ю. Традиционный фольклор как вариативный аспект художественного наследия / Н. Ю. Кособуцкая // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI в. : материалы междунар. науч.-творч. форума. — Челябинск : ЧГИК, 2017. — С. 189–192.
7. Raftis, A. Dance in Greece / A. Raftis // *Λαογραφία* newsletter of the international greek folklore society. — California, U.S.A., 1985. — Vol. 2, no. 8. — P. 2–7.
8. Raftis, A. Ho kosmos tou Hellēnikou chorou = The World of Greek Dance / A. Raftis. — Athēna : Ekdoseis Polytypo, 1985. — 244 p. — London : Finedawn, 1987. — 239 p. — (На греч. яз.).
9. Stratou, D. Greek Traditional Dances / D. Stratou. — Athens : Greek Educational Books Organisation, 1979. — 220 p.

УДК 793.3

Л. А. Мухаметдинова

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ КАК РЕСУРС ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ: ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Проблема гражданско-патриотического воспитания молодежи в современной России приобрела особую остроту в условиях нестабильной политической ситуации и размывания единого культурного кода. Традиционные институциональные механизмы воспитания нередко утрачивают свою действен-

ность именно тогда, когда они наиболее необходимы. В этом контексте любительское хореографическое творчество обнаруживает незаслуженно недооцененный воспитательный ресурс. Через тело, движение и художественный образ передаются смыслы, которые не поддаются прямой вербальной трансляции. Именно поэтому обращение к инновационным методам работы с хореографическим коллективом в их педагогическом измерении представляется не просто актуальным, но насущно необходимым.

Хореографическое искусство обладает уникальной способностью воплощать коллективную память и национальную идентичность в пластических образах, доступных восприятию широкой аудитории. К. В. Николаева, исследуя развитие творческого мышления молодежи посредством хореографии, убедительно показывает, что участие в хореографической деятельности формирует не только художественные компетенции, но и глубинные ценностные установки личности, ее способность к осмыслению культурного контекста [3, с. 234]. В этом отношении любительский коллектив, работающий с материалом отечественной хореографической традиции, становится живым пространством трансляции исторической и культурной памяти. При этом принципиально важно, что речь идёт не о пассивном усвоении готовых образцов, а об активном, творческом переживании культурного наследия каждым участником.

Одним из наиболее действенных инновационных инструментов в этом отношении выступает постановочная деятельность, выстроенная на основе патриотической или исторической тематики. В. Ю. Никитин, разрабатывая теорию формирования художественно-творческого мышления балетмейстера, акцентирует внимание на том, что создание хореографического образа требует от постановщика глубокого погружения в культурный и исторический контекст, без которого художественный результат неизбежно оказывается поверхностным [2, с. 87]. Применительно к любительскому коллективу это означает, что работа над постановкой на темы уральской истории, народных

традиций или событий Великой Отечественной войны превращается в подлинное исследование, в котором каждый участник не просто разучивает движения, но осваивает смыслы. Педагог в такой ситуации выступает одновременно как художественный руководитель, историк-популяризатор и воспитатель.

Вместе с тем постановочная работа представляет собой лишь один из возможных форматов педагогического воздействия. Не менее значимым инструментом является участие коллектива в конкурсном-фестивальной деятельности, которая создает особую среду для формирования гражданской идентичности и коллективной ответственности. У. В. Пономоренко, анализируя роль конкурсном-фестивальных проектов в контексте любительского хореографического творчества, указывает на то, что подобные события выполняют не только презентационную, но и консолидирующую функцию, сплачивая участников вокруг общих ценностей и художественных задач [4, с. 179]. Публичное представление результатов коллективного труда на фестивалях, посвященных культурному наследию Урала или памятным историческим датам, придает воспитательному процессу особую завершенность и эмоциональную насыщенность.

Нельзя оставить без внимания и роль синтетических форм хореографического творчества в решении воспитательных задач. О. В. Сафарова, исследуя взаимодействие искусства и спорта в бальном танце, обращает внимание на то, что синтез различных художественных языков внутри хореографической практики расширяет диапазон выразительных средств и усиливает воздействие на аудиторию [5]. Этот принцип с полным основанием применим и к любительской хореографии патристической направленности: включение элементов народного танца, драматической пластики или современных хореографических техник в единую постановочную концепцию позволяет создавать художественные высказывания, способные глубоко затронуть зрителя и вызвать подлинное сопереживание историческим и культурным событиям.

Особую педагогическую ценность в контексте гражданско-патриотического воспитания приобретает хореографический спектакль как наиболее развёрнутая и художественно емкая форма коллективного творчества. Е. Г. Немчинова и М. Б. Фильченков, рассматривая хореографический спектакль как высшую форму балетмейстерской деятельности, подчеркивают, что именно в работе над спектаклем в наиболее полной мере раскрываются творческий потенциал коллектива и педагогический талант руководителя [1, с. 37]. Применительно к любительскому коллективу это означает, что постановка полноценного хореографического спектакля на исторический или патриотический сюжет становится своеобразным педагогическим проектом, объединяющим воспитательные, образовательные и художественные цели в единый процесс.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что любительский хореографический коллектив располагает значительным и во многом еще не реализованным потенциалом в сфере гражданско-патриотического воспитания. Инновационные методы работы с коллективом, основанные на проектной и постановочной деятельности патриотической направленности, участии в тематических фестивалях и создании хореографических спектаклей, способны обеспечить глубокое и устойчивое воздействие на ценностную сферу участников. Однако реализация этого потенциала возможна лишь при условии осознанной педагогической позиции руководителя, его готовности рассматривать художественный процесс одновременно как пространство воспитания и как территорию подлинного творчества.

Список литературы

1. Немчинова, Е. Г. Хореографический спектакль как высшая форма балетмейстерской деятельности студентов вуза / Е. Г. Немчинова, М. Б. Фильченков // Современные проблемы и тенденции развития хореографического образования : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. — Белгород, 2022. — С. 35–39.
2. Никитин, В. Ю. Теория и практика формирования художественно-творческого мышления балетмейстера в современной хореографии / В. Ю. Никитин. — Москва : МГУКИ, 2005. — 253 с.
3. Николаева, К. В. Развитие творческого мышления молодежи посредством хореографии / К. В. Николаева // Деятельность учреждений культуры в современных условиях: проблемы и пути

решения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ, 2021. — С. 231–239.

4. Пономоренко, У. В. Роль конкурсno-фестивальных проектов в контексте любительского хореографического творчества / У. В. Пономоренко // Тенденции и перспективы развития русского танца на современном этапе / Орловский государственный институт культуры. — Орел, 2020. — С. 178–181.
5. Сафарова, О. В. Синтез искусства и спорта в спортивном балльном танце / О. В. Сафарова // Студенческий вестник: электрон. научн. журн. — 2022. — № 46 (238). — URL: <https://studvestnik.ru/journal/stud/herald/238> (дата обращения: 14.03.2026).

УДК 793.31:391(470.5)

М. В. Пильзак

Науч. рук.: Т. М. Дубских

**РУССКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ УРАЛА В СОВРЕМЕННОЙ
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ
И СЦЕНИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

В отечественной этнографии Уральский регион традиционно осмысливается как зона культурного пограничья, где соседство русских переселенцев с финно-угорскими, тюркскими и иными народами породило сложный сплав форм, образов и художественных решений. Костюмная традиция здесь складывалась под перекрёстным давлением нескольких факторов. Суровый климат диктовал свои требования к крою и материалу, заводская и горно-рудная среда внесла поправки в крестьянский гардероб, а близость степи и Сибири добавила в орнаментику тюркские мотивы. Современный хореограф, обращаясь к репертуару с уральской тематикой, неизбежно сталкивается с вопросом, что считать собственно «уральским» в костюме, а что общерусским элементом, перенесенным из срединной России [4, с. 17].

В работах А. И. Лазарева, посвященных пластической культуре уральцев, неоднократно подчеркивалось, что хореографическая лексика региона зафиксировала и заводской ритм, и крестьянскую размеренность, и переселенческую вольность [4, с. 42]. Костюм выступает в этом контексте не декоративной оболочкой,

а второй кожей пляшущего, продолжением его телесности и знаком принадлежности к локальной традиции. Сценический танец, ориентированный на уральский материал, сталкивается с двойной задачей. Воспроизвести узнаваемый образ и не превратить его в экзотическую открытку для приезжего зрителя.

Здесь напрашивается простое замечание. Народный костюм не существует в неподвижности. Его шьют, носят, переделывают, и сценическая редакция оказывается лишь одной из форм его продолжающейся жизни.

С. А. Глебушкин, рассматривая русский традиционный костюм как объект познавательной и художественно-творческой деятельности, отмечает многоуровневое устройство его смыслов [1]. Сорочка, сарафан, душегрея, кокошник или повойник несут в себе сведения о возрасте, семейном статусе, региональной принадлежности и обрядовой ситуации. Уральские образцы лишь усложняют эту картину. К XIX в. здесь сформировалось несколько локальных вариантов женского праздничного наряда, в которых соединились северорусские сарафанные комплексы, элементы поморского кроя, заимствования из костюма соседних народов и собственные изобретения старообрядческих общин, унесших с собой архаичные формы и сохранивших их в относительной неприкосновенности.

При переносе этой материи на сцену постановщик неминуемо сталкивается с противоречием. Подлинный праздничный костюм тяжёл, многослоен, скован в движении и предполагает иную пластику тела, нежели та, что востребована в сценической хореографии [5, с. 214]. В. Ф. Матвеев, размышляя о методике преподавания русского народного танца, указывает, что технологические требования сценического действия подталкивают балетмейстера к редукции элементов одежды, к ее облегчению, к замене дорогих натуральных тканей на материалы, более удобные в эксплуатации и пригодные для частой стирки. Возникает вопрос о границе. До какой точки можно упрощать, не теряя национального облика? И с какого момента начинается профанация традиции?

Однозначного ответа здесь нет. Решение принимается каждым коллективом самостоятельно. Здесь играют роль и репертуарная задача, и техническое оснащение сцены, и опыт художника по костюму, и собственные представления руководителя о допустимом.

Н. Н. Карташова, чьи методические заметки о работе с самодеятельным хореографическим коллективом долгое время оставались настольной книгой уральских руководителей, описывала ситуацию полувековой давности, когда художественная самодеятельность еще опиралась на живых носителей традиции [2]. Костюм в тех условиях нередко собирался из сундуков пожилых родственников, дополнялся поясами и платками, привезенными из этнографических экспедиций, и оттого сохранял органичность. Сегодня такой путь почти невозможен. Память поколений истончилась, сундуки опустели, а массовое швейное производство костюмов для ансамблей превратилось в отдельную индустрию со своими каталогами, прайсами, типовыми решениями. И со своими слепыми пятнами.

Парадокс очевиден. Серийное швейное производство одновременно сохраняет традицию и вымывает ее. Сохраняет потому, что без серийного пошива большая часть детских и юношеских коллективов вообще лишилась бы сценического облика. Вымывает потому, что унификация изделий приводит к стиранию региональных различий, и зритель, наблюдающий выступление условного «русского ансамбля», уже не различает, откуда родом танцоры — из Курска, Архангельска или Челябинска.

Т. В. Портнова в недавнем исследовании, посвященном стилистике и образам народных художественных промыслов в костюмах и хореографии танцевальных ансамблей России, выводит на первый план понятие художественного синтеза, при котором роспись по дереву, лаковая миниатюра, кружевоплетение и вышивка прочитываются как смысловые источники для сценического образа [6]. Такой подход дает постановщику инструмент. Промысел перестает быть только декоративной

отсылкой и становится носителем пластической идеи. Гжельская волна задает характер хороводного шага, городецкая роспись подсказывает ритмический рисунок дробей, тагильский поднос с его тяжёлым растительным узором рождает образ статной, замедленной женской партии. Уральская специфика, насколько можно судить по материалам ансамблей региона, опирается прежде всего на каслинское литьё, нижнетагильскую лаковую роспись и златоустовскую гравюру, и эти источники задают характер силуэта, цветовой палитры, плотности декоративного решения.

В отдельный сюжет складывается работа с горнозаводской тематикой. Здесь традиционный сарафанный комплекс отступает перед бытовым нарядом мастеровых, перед платьями фабричных девушек начала XX в., перед элементами рабочей формы. Хореография старательских и литейных номеров требует иного костюма, более городского по своему характеру, с укороченным подолом, с фартуком вместо передника, с кофтой вместо рубахи. Стилистическая граница между «деревенским» и «заводским» уральцем пролегает не только в лексике танца, но и в каждом стежке его одежды.

Здесь стоит сделать оговорку. То, что зритель воспринимает как «настоящий русский костюм», нередко представляет собой результат поздней реконструкции, выполненной в советский период по идеологически выверенным образцам. Канон уральского сценического костюма во многом был создан в 1950–1970-е гг. силами народных коллективов, в том числе под влиянием рекомендаций А. А. Климова и его учебных пособий по русскому народному танцу [3].

В современных условиях перед хореографом возникает дополнительный вызов. Молодой зритель, погруженный в визуальную культуру стрим-платформ и стилизованных видеоклипов, ожидает от сценического образа динамичности, цветовой насыщенности, узнаваемости с первого кадра. Этнографическая дотошность, при которой каждый элемент пояса или повойника соответствует архивной фотографии конкретного уезда, оказы-

вается малочитаемой и порой даже невыигрышной с точки зрения телевизионной картинки. Постановщик вынужден балансировать между академической добросовестностью и сценической эффектностью, и баланс этот каждый раз индивидуален.

Проблему сохранения традиций русского танца в сценических формах хореографического искусства Н. С. Усанова и В. Ю. Никитин формулируют как вопрос о механизме передачи [7, с. 31]. Костюм входит в этот механизм наряду с лексикой, музыкой, рисунком танца и манерой исполнения. Передача может быть имитационной, когда новое поколение копирует образцы предыдущего без понимания их смысла, и интерпретационной, когда основания традиции осмысляются заново и переводятся в актуальную художественную форму. Уральская хореографическая школа, как показывает опыт ансамблей Челябинска, Екатеринбурга и Перми, тяготеет к смешанной модели, где академические постановки соседствуют с авторскими, экспериментальными работами молодых балетмейстеров.

Стоит привести частный пример, иллюстрирующий общую логику. Создание номера на материале русской уральской свадьбы предполагает, во-первых, реконструкцию обрядового костюма невесты и подружек, во-вторых, его сценическую адаптацию под нагрузку быстрых хороводных и плясовых эпизодов, в-третьих, художественное согласование с образами мужских персонажей, в-четвёртых, цветовое и фактурное решение всего ансамбля как целостной композиции. Каждый из этих уровней требует от постановщика и художника по костюму отдельных решений, и любое из них способно либо приблизить номер к подлинности, либо увести его в декоративную условность [3, с. 19].

Как показывает опыт, зритель далеко не всегда замечает компромиссы. Он реагирует на цельность образа, на согласованность движения и одежды, на ту неуловимую достоверность, которая возникает, когда танцовщица движется в костюме, а не вопреки ему.

Региональная составляющая уральского костюма в последние десятилетия становится предметом отдельного интереса

как для этнографов, так и для постановщиков. Возрождаются забытые элементы вроде наплечников, поясов с особым типом плетения, шейных украшений, характерных для отдельных уездов. Часть этой работы ведётся в режиме музейной реконструкции и затем переносится на сцену, часть рождается из живого диалога с современными мастерами народных промыслов. Любопытно, что в авторских постановках последних лет ощутимо возросло доверие к фактуре. Грубое домотканое полотно, лён, шерсть начинают вытеснять синтетические ткани, еще недавно считавшиеся обязательным атрибутом сценического костюма из-за их яркости и сценической «читаемости» [4, с. 89].

Отдельной строки заслуживает образовательная составляющая этой работы. В вузах культуры Уральского региона курсы по истории костюма и сценическому оформлению преподаются параллельно с дисциплинами по русскому народному танцу, что создает почву для интегрированного понимания традиции. Студент-хореограф сегодня обязан владеть азами кройки, иметь представление об орнаментике, уметь отличать северорусский сарафан от южнорусского поневного комплекса. Без этого знания сценическая интерпретация рискует выродиться в набор внешних эффектов.

Сценическая жизнь русского народного костюма Урала продолжается в режиме постоянного переговора между прошлым и настоящим. Хореограф ведет этот диалог не отвлеченно, а через тело танцовщика, через ткань, через орнамент, через способ повязать платок и закрепить пояс. Каждое решение, которое он принимает, есть одновременно акт сохранения и акт преобразования. И на этом разломе, в зазоре между бабушкиным сундуком и сценическим прожектором, сегодня располагается то, ради чего стоит смотреть, ставить и обсуждать танцы уральцев.

Список литературы

1. Глебушкин, С. А. Русский традиционный костюм как объект познавательной и художественно-творческой деятельности / С. А. Глебушкин // Вестник МГУКИ. — 2013. — № 4 (54). — С. 120–122.
2. Карташова, Н. Н. Заметки о работе с самодеятельным хореографическим коллективом / Н. Н. Карташова. — Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1975. — 136 с.

3. Климов, А. А. Русский народный танец: учеб. пособие / А. А. Климов. — Москва : Изд-во Московского государственного университета культуры, 1996. — 44 с.
4. Лазарев, А. И. Танцуют уральцы / А. И. Лазарев. — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1975. — 136 с.
5. Матвеев, В. Ф. Русский народный танец. Теория и методика преподавания : учеб. пособие / В. Ф. Матвеев. — Санкт-Петербург : Лань: Планета музыки, 2003. — 526 с.
6. Портнова, Т. В. Стилистика и образы народных художественных промыслов в костюмах и хореографии танцевальных ансамблей России / Т. В. Портнова // Вестник славянских культур. — 2025. — № 77. — С. 351–372.
7. Усанова, Н. С. К проблеме сохранения традиций русского танца в сценических формах хореографического искусства / Н. С. Усанова, В. Ю. Никитин // Вестник славянских культур. 2024. — № 73. — С. 273–282.

УДК 793.31:37.035.6-053.6(470.5)

А. П. Степанова

НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ КАК ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ:

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛА В СИСТЕМЕ

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Когда говорят о культурном наследии, первыми на память приходят архитектурные памятники, письменные документы, музейные фонды. Хореография при этом нередко оказывается на периферии серьезного разговора — как нечто праздничное, сопутствующее, не требующее особого осмысления. Между тем именно в движении, в жесте, в структуре танцевального рисунка закодированы смыслы, которые письменный текст передает плохо или не передает вовсе. Для Уральского региона, отличающегося редкой этнографической сложностью, народный танец функционировал и продолжает функционировать как особый тип исторической памяти, хранящей следы миграций, хозяйственных укладов, конфессиональных различий и межэтнических контактов.

Выявленные Е. Д. Морозовой и О. А. Рочевой стилевые черты уральского и башкирского танца отличают его от со-

седних региональных традиций по ряду устойчивых признаков [7, с. 12–21]. Особая манера работы корпуса, специфика женского шага, характер кадрильного рисунка складывались в результате многовекового взаимодействия переселенческих групп, несших с собой разные пластические системы. Вятичи, поволжские крестьяне, казаки, выходцы из Приуралья постепенно вырабатывали общий региональный язык движения, отдельные элементы которого могут быть прочитаны как свидетельства о конкретных исторических контактах и культурных заимствованиях. Уральская кадриль с ее своеобразным темпоритмом, дробные выходки горнозаводской зоны, башкирские вкрапления в казачий репертуар — всё это следы реальных социальных и этнических взаимодействий. Синтез оказался продуктивным именно там, где встреча разных традиций была достаточно длительной и интенсивной. Завод, рудник, деревня формировали разные варианты местной хореографической культуры, и различие между ними не исчерпывалось внешней стилистикой.

Привлечем пример из певческой традиции. Л. Г. Ованесян, исследуя певческие традиции русских переселенцев Челябинской области, убедительно показала, насколько детально локальный жанр фиксирует региональную идентичность: отдельная деревня удерживала собственный интонационный облик на протяжении нескольких поколений [4]. Та же закономерность, с необходимыми оговорками, применима и к танцу. Хореографическая лексика конкретной местности нередко отличалась от соседней столь же отчётливо, сколь и диалект.

Впрочем, одно дело признавать за народным танцем документальную ценность и совсем другое дело понять, каким образом это измерение встраивается в практику гражданско-патриотического воспитания молодежи. Само по себе сохранение традиции еще не означает ее педагогического освоения. Можно проводить фольклорные фестивали, фиксировать аутентичное исполнение, издавать методические сборники, записывать последних носителей. Если же всё это существует

в отрыве от осмысленной воспитательной работы, результат оказывается предсказуемым. Красивый, но пустой ритуал. Разрыв между фольклористической фиксацией и педагогическим применением материала остается, пожалуй, одной из наиболее болезненных точек в отечественной практике работы с нематериальным культурным наследием.

В педагогических дискуссиях о патриотическом воспитании народная хореография занимает скромное место. Ситуацию усугубляет устойчивый стереотип, при котором танцевальные практики воспринимаются как зрелище, а не как инструмент гуманитарного знания. Часть этого стереотипа небезоснована; значительная доля хореографических коллективов в самом деле ориентирована преимущественно на внешний эффект.

При обращении к профессиональным разработкам в области хореографического образования обнаруживается логика, качественно иная. А. В. Палилей в учебном пособии по русскому народному танцу описывает процесс освоения лексики как последовательное погружение в культурный контекст, внутри которого каждый элемент несёт смысловую нагрузку [6, с. 23–31]. Знание о том, почему именно такой рисунок плеча характерен для данного региона, почему именно так устроен присядочный элемент, существенно меняет характер взаимодействия, обучающегося с материалом. Он перестает быть воспроизводителем готового текста и превращается в его читателя, способного различать смысловые оттенки и задавать вопросы о происхождении конкретных форм. Именно такой исполнитель способен впоследствии передать традицию, а не только ее внешнюю оболочку.

В методической традиции Челябинского государственного института культуры накоплен значительный опыт фиксации и систематизации местного хореографического материала. Изданный в 1981 г. сборник, составленный В. Л. Хоменко, содержит образцы народных песен, наигрышей и танцев Челябинской области, запечатлевая состояние живой традиции в период, когда носители еще были доступны для записи [2,

с. 3–8]. Для современного педагога этот материал обладает двойной ценностью: как первоисточник и как документальное свидетельство о том, что именно бытовало в конкретных районах области в середине прошлого века. Подобных изданий сохранилось немного, что само по себе лишь усиливает их значимость для исследовательской и воспитательной работы.

При работе с аутентичными полевыми записями меняется сама природа педагогического контакта. Студент встречается не с условным, отшлифованным образцом, а с живым материалом, сохранившим свои локальные особенности и исполнительские неровности. Такой материал рождает у студента совершенно иное отношение к традиции.

В контексте трансформации профессиональной подготовки хореографов К. Г. Фатхудинова исследует механизмы адаптации традиционного материала к современным образовательным условиям, обращая особое внимание на риски, сопровождающие этот процесс [8]. Среди них заслуживает отдельного рассмотрения явление деконтекстуализации. Когда традиционный танец извлекается из породившей его социокультурной среды и помещается в учебный класс, он неизбежно лишается части своих исходных смыслов. Инструментальная функция хоровода, обрядовая природа пляски, социальная роль кадрили в крестьянском быту постепенно уходят на второй план или исчезают вовсе, если педагог не выстраивает специального комментария. Восполнить утраченный контекст в полной мере невозможно, однако именно этот комментарий превращает хореографический урок в культурологическую встречу.

Показательна в этом отношении практика освоения наследия выдающихся мастеров хореографического жанра. Л. Я. Николаева и Т. В. Сабанцева рассмотрели, каким образом в процессе профессионального обучения выстраивается диалог студента с творческим опытом таких фигур, как Т. А. Устинова или И. А. Моисеев [3]. Этот диалог продуктивен прежде всего потому, что предполагает осознанное взаимодействие с образцовыми хореографическими текстами, избегая их механического копиро-

вания. Молодой исполнитель учится видеть за конкретным движением культурный контекст, который это движение породил.

Существен в этом контексте и вопрос о том, как народный танец соотносится с коллективной памятью о ключевых событиях региональной истории. На протяжении нескольких столетий Урал переживал острые социальные потрясения, каждое из которых оставляло следы в культурной жизни региона. Песни-пляски, бытовавшие в заводских посёлках в военные годы, вербализировали коллективный опыт, который иными средствами выразить было труднее. Для современного педагога это обстоятельство создает возможность выстраивать нетривиальные связи между хореографическим наследием и историей повседневности.

В своем действительном, содержательном измерении гражданско-патриотическое воспитание предполагает формирование у молодого человека способности соотносить себя с историческим опытом сообщества, ощущать себя частью длинной культурной цепи. Народный танец в этом смысле располагает педагогическими ресурсами особого рода. Когда подросток осваивает смысловую систему, стоящую за рисунком хоровода, за характером присядки, за манерой частушечного припляса, он вступает в живой диалог с опытом предшествующих поколений. Этот диалог не может заменить знание истории, но он создает ощущение телесной, моторной укорененности в традиции, которое история как учебный предмет создать не способна. Переживание подобной причастности, если оно педагогически выстроено и сопровождается рефлексией, воздействует на личностное становление куда глубже, чем любой лекционный курс по региональной истории.

Исследуя феномен русского народно-сценического танца, И. Ю. Маркарьянц указывает на его двойственную природу — традиционная основа в нем сочетается с профессиональной театральной обработкой [1]. Для педагогических целей это разграничение существенно. Аутентичный и сценический варианты решают разные воспитательные задачи.

При построении образовательных программ на основе хореографического наследия Урала педагогу предстоит выбор между

несколькими рабочими стратегиями. Первая ориентирована на максимально точное воссоздание аутентичного материала; главными инструментами в этом случае становятся фольклорные экспедиции, архивная работа и запись от носителей. Вторая стратегия допускает творческую интерпретацию, когда хореограф, сохраняя стиливые признаки региональной традиции, выстраивает собственную художественную версию. Обе стратегии педагогически оправданы при условии, что исполнитель или студент отчётливо понимает, с каким именно материалом он работает и чем конкретный уральский вариант отличается от общерусского.

Детально описанные Л. Г. Ованесян стилистические особенности тюнярских частушек свидетельствуют о том, насколько продуктивной может быть целенаправленная исследовательская работа с локальным певческим материалом [5]. Хореографическое измерение той же традиции изучено значительно слабее. Танцевальные данные по Челябинской области фрагментарны и систематизированы неполно, что само по себе определяет особую ценность уже существующих изданий.

При всей своей исследовательской освоенности, хореографическое наследие Урала остается живым ресурсом воспитательной работы с молодежью. Возможности его педагогического применения определяются прежде всего подготовленностью самого педагога-хореографа, его способностью работать на стыке практической хореографии и гуманитарного знания. Народный танец требует от преподавателя культурологической рамки. Без нее даже качественно выученное движение остается немым. Уральская хореографическая традиция достаточно богата и разнообразна, чтобы обеспечивать образовательную работу материалом на протяжении многих лет, при условии, что этот материал перестанет восприниматься как второстепенный.

Список литературы

1. Маркарянц, И. Ю. Сохранение и развитие традиций русского народно-сценического танца как феномена народной культуры / И. Ю. Маркарянц // Журнал Института наследия. — 2025. — № 3 (42). — С. 85–90.

2. Народные песни, наигрыши, танцы Челябинской области : методические рекомендации / Челябинский государственный институт культуры, областной научно-методический центр народного творчества ; сост. В. Л. Хоменко. — Челябинск, 1981. — 64 с.
3. Николаева, Л. Я. Освоение творческого наследия выдающихся мастеров русского народного танца в процессе обучения студентов хореографических специализаций / Л. Я. Николаева, Т. В. Сабанцева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2019. — № 2 (36). — С. 132–138.
4. Ованесян, Л. Г. Песенные традиции русских переселенцев Челябинской области: тюtnярские частушки / Л. Г. Ованесян // Природное и культурное наследие Урала : материалы III регион. науч.-практ. конф., Челябинск, 28–30 июня 2005 г. / ЧОКМ, ЧГАКИ. — Челябинск, 2005. — С. 112–114.
5. Ованесян, Л. Г. Стилистические особенности Тюtnярских частушек / Л. Г. Ованесян // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры» : материалы междунар. науч. конф., Челябинск, 25 февр. 2011 г. : в 2 ч. / Челябинская государственная академия культуры и искусств ; ред. проф. Н. Г. Апухтина. — Челябинск, 2011. — Ч. II. — С. 336–339.
6. Палилей, А. В. Танец и методика его преподавания: русский народный танец : учеб. пособие для обучающихся по направлению подготовки 51.03.02 «Народная художественная культура», профиль «Руководство хореографическим любительским коллективом», квалификация (степень) выпускника «бакалавр» / А. В. Палилей. — Кемерово : Кемеров. гос. ин-т культуры, 2016. — 100 с.
7. Уральский и башкирский танцы : учеб. пособие по специальности «Хореографическое творчество» / Е. Д. Морозова, О. А. Рочева ; Челябинская государственная академия культуры и искусств, Миасский колледж искусства и культуры. — Челябинск : ЧГАКИ, 2003. — 90 с.
8. Фатхудинова, К. Г. Профессиональная подготовка хореографов в условиях культурных трансформаций традиций народного танца / К. Г. Фатхудинова // Культура и образование : науч.-информ. журн. вузов культуры и искусств. — 2023. — № 1 (48). — С. 115–123.

ТЕРРИТОРИЯ ВДОХНОВЕНИЯ. ТУРИЗМ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ: ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 379.85

Е. В. Безносова, Н. В. Долдо

ТРУДНОСТИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В МАЛЫХ ГОРОДАХ И СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Теоретические основы брендинга и имиджа территорий разработаны в трудах российских исследователей. В частности, Д. В. Визгалов исследовал концепцию и структуру городского бренда, а также этапы этого процесса, методы и ключевых участников [1]. В работе А. П. Панкрухина «Основы маркетинга территорий» выдвигаются несколько стратегий развития: маркетинг имиджа, маркетинг привлекательности, маркетинг населения, маркетинг инфраструктуры [9]. Тему туризма в малых городах России рассматривают Ю. Ю. Щегольников, П. В. Метелкина [12], В. М. Ленская [7].

Внутренний туризм в России устойчиво растет из-за геополитических изменений и подорожания зарубежных поездок. По данным ВЦИОМ, доля планирующих поездки по стране, выросла с 9 % в 2019 г. до 15 % в 2023-м, достигнув максимума за 20 лет [2], а исследование ТАСС зафиксировало дальнейший рост на 9,35 % в 2024 г.

Развитие туризма на Урале определено как приоритетное Минэкономразвития РФ, причем Челябинская область стала лидером среди регионов Урала по получению средств и развитию отрасли. Однако мощный природно-исторический потенциал региона сдерживается нехваткой современной инфраструктуры.

С развитием туризма в малых городах и посёлках все намного сложнее. У малого города часто возникает много проблем при попытке привлечь туристов, если туризм не является традиционной сферой экономики. Необходимы особые стратегии продвижения таких территорий, анализ положительного и отрицательного опыта, поиск решения возникающих проблем [7].

Трудности развития туризма в малых городах заключаются в следующем:

- добираться до них сложно и долго из-за отсутствия удобного ЖД-сообщения и аэропортов, плохого состояния загородных автодорог;
- не хватает качественного размещения и прочей инфраструктуры: общепита, сувенирной торговли, парковок, информационные указатели;
- малые города плохо продвигают себя. У многих нет понятных современных сайтов и активности в соцсетях;
- не хватает профессиональных гидов, экскурсоводов, менеджеров в сфере гостеприимства;
- бюджеты малых городов скромны, и средства на развитие туризма (благоустройство, реставрацию, маркетинг) выделяются по остаточному принципу. Из-за скудного финансирования многие объекты культурного наследия находятся в аварийном состоянии.

Преодоление перечисленных сложностей представляется возможным за счет реализации целевых стратегий, позволяющих создать туристически-привлекательный образ малого города на основе его особенностей. Поскольку Челябинская область в 2023 г. стала лидером по развитию туризма среди Уральских регионов, стратегии продвижения иллюстрируются примерами малых городов именно этой области.

1. Лечебно-курортная стратегия направлена на создание привлекательного туристического бренда на основе природных лечебных ресурсов и развитой санаторно-курортной инфраструктуры. Подходит для городов с минеральными источниками, грязями, целебным климатом.

Пример: Поселок Увильды — курорт на берегу крупнейшего озера в регионе, окруженного реликтовыми сосновыми борами. Бесценным богатством санатория являются лечебные радоновые воды и сапропелевые грязи, многолетнее использование которых послужило основанием для выделения особого типа минеральных вод — Увильдинского. [6] Это многопрофильный центр, объединяющий климатотерапию, современную медицину и рекреацию.

2. Спортивная стратегия — направление, основанное на активных путешествиях с преодолением природных препятствий, сочетающих физическую нагрузку, приключения и соревновательные элементы.

Пример: «Солнечная долина» в Миассе — спортивно-туристический комплекс на склонах Ильменского хребта, рядом с озером Тургойак — объектом ЮНЕСКО. Курорт насчитывает 14 трасс с перепадом высот до 230 метров, максимальная длина трассы 1250 метров. В «Солнечной долине» реализован проект «Лыжи мечты» для реабилитации и социализации с помощью спорта людей с ограниченными возможностями здоровья. [5]

3. Историко-культурная стратегия — это одно из ключевых направлений, объединяющее богатое наследие страны: от древних городищ до индустриальных памятников. Подходит для городов с сохранившейся старинной архитектурой, музеями и памятниками, причем уникальность истории каждого места усиливает туристическую привлекательность.

Пример: Аркаим — укрепленное поселение бронзового века с продуманной градостроительной идеей, сложной архитектурой и фортификацией. Вместе с еще 20 подобными объектами он образует древнюю культуру «Страна городов». Для охраны Аркаима возник заповедник и мощный научно-исследовательский комплекс. Поселения повествуют о путях миграции индоевропейцев и доказывают существование высокоразвитой культуры в южноуральских степях 4 тысячи лет назад. [11]

4. Эко-природная стратегия подходит для городов рядом с заповедниками, озерами, горами. Принципами такого туриз-

ма является минимизация воздействия на окружающую среду, сохранение биоразнообразия и природных ландшафтов, просвещение туристов об экологии региона.

Пример: Таганай — национальный парк вблизи города Златоуст. Это район горной тайги с уникальными ландшафтами: скалистые хребты, древние горные тундры, каменные реки, истоки чистых рек. Территория разделена на зоны: от заповедного ядра с полным запретом на посещение до рекреационной зоны с оборудованными тропами и приютами. Создана сеть маркированных маршрутов, концентрирующих поток туристов для минимизации ущерба природе. Тропы обустроены деревянными настилами, мостами, информационными стендами.

5. Религиозно-паломническая стратегия представляет собой направление, сочетающее духовные практики с познавательными путешествиями. Эта стратегия актуальна для территорий, обладающих значимыми религиозными святынями и богатым духовным наследием.

Пример: Троицк — старейший город области, духовная столица Южного Урала. На данный момент здесь действуют шесть православных храмов дореволюционной постройки и две мечети из семи существовавших в XX в. В Троицке находится могила шейха Зайнуллы Расулева — просветителя и основателя медресе «Расулия», которое сегодня является единственным в Уральском федеральном округе. [10] В конце XIX в. на пожертвования иудейской общины была возведена синагога, прекратившая свое существование в советское время.

6. Гастрономическая стратегия подходит для городов с уникальными кулинарными традициями. Термин «гастрономический туризм» законодательно не закреплён, однако Российским союзом туриндустрии разработана «Концепция развития гостротуризма до 2035 года», планируемая к внедрению на государственном уровне, что способствует продвижению данной стратегии.

Пример: В городе Чебаркуль работает сыроварня, производящая около 20 видов авторских сыров по европейским тех-

нологиям и дополнительную фермерскую продукцию. Для туристов проводят экскурсии с дегустацией сыра и вина, а также мастер-классы по сыроделию. Продукция гастрофермы была отмечена наградами на выставке-ярмарке «Агро» 2024 в Челябинске, где 6 видов сыров получили признание. [3]

7. Фольклорно-этнографическая стратегия знакомит с традиционной культурой и бытом различных этносов, включая как материальные объекты (архитектура, ремесла, кухня), так и нематериальное наследие (песни, танцы, мифология, обряды). В Челябинской области проживает более 100 национальностей, и богатое фольклорное наследие создает потенциал для туристических программ.

Пример: В ряде сел и поселков Нагайбакского района (Париж, Фершампенуаз, Остроленский, Кассельский) проживает малочисленная этническая группа — нагайбаки, тюркоязычный православный народ, потомки крещеных татар и ногайцев. В районе действует Центр национальных культур и несколько фольклорных коллективов, популяризирующих местные традиции. Особенно широко здесь отмечается «Сабантуй» с его состязаниями, играми и народными гуляниями [4].

8. Фестивальная (событийная) стратегия чаще всего включает элементы всех видов туризма. Фестивали привлекают до 30% туристического потока, способствуя развитию инфраструктуры и местного бизнеса. В Челябинской области за 2025 г. было проведено более 100 мероприятий, в том числе фестивалей и гала-концертов.

Пример: Парижский полумарафон — спортивное событие в селе Париж Челябинской области. Программа забега включает дистанции на любой возраст и уровень подготовки, а для гостей организованы концерты, мастер-классы по ремеслам, благотворительные акции, блюда национальной кухни, ярмарка и даже гусиные забеги [8]. Фестиваль постепенно отходит от чисто спортивного мероприятия, новой задумкой стало проведение Парижской недели моды, где модные дизайнеры, в том числе южноуральские представляют свои весенне-летние коллекции.

Представленные примеры наглядно демонстрируют, что даже при ограниченных бюджетах и инфраструктурных дефицитах малые города способны найти самобытную туристическую нишу. Каждая из рассмотренных стратегий показывает: ключ к успеху — не в копировании столичных форматов, а в бережном отношении к своему наследию и творческой переработке локальной культуры.

Развитие туризма в малых городах России — это не просто новые экономические точки роста, а мощный инструмент для раскрытия цивилизационного потенциала государства. И малые города в этом контексте — не периферия, а золотой фонд этого потенциала.

Становление туризма в малых городах способствует:

- сбережению культурно-исторического наследия. В отличие от «музеефицированных» столиц, малые города сохраняют подлинную среду, что возвращает наследие в активную жизнь и возрождает ремесла;
- формированию «бренда России». Малые города демонстрируют многогранность и аутентичность страны, ее провинциальную, душевную сторону;
- укреплению человеческого капитала и созданию новых социальных лифтов. Развивается не только сфера услуг, но и креативные индустрии, что удерживает молодежь в малых городах. Появление кафе, коворкингов, культурных центров повышает качество жизни и привлекательность города;
- сбалансированному региональному развитию. Туризм создает альтернативные полюса роста, снижая нагрузку на мегаполисы. Строятся дороги, улучшается связь, развиваются коммунальные услуги. Это повышает связанность страны и комфорт жизни на всей ее территории.

Малые города России обладают огромным туристическим потенциалом: уникальное культурное наследие, природные достопримечательности и традиционные промыслы. При грамотной реализации стратегий даже небольшие населенные пункты могут стать центрами притяжения туристов, сохраняя

при этом свою аутентичность. Таким образом, инвестиции в туризм малых городов являются инвестициями в цивилизационный потенциал всей страны.

Список литературы

1. Визгалов, Д. В. Брендинг города / Денис Визгалов. — Москва : Ин-т экономики города, 2011. — 155, [2] с.; ISBN 978-5-8130-0157-4.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). «Летние планы россиян — 2023: запросы, ожидания, направления». — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/letnie-planu-rossijan-2023-zaprosy-ozhidaniya-napravleniya> (дата обращения: 20.11.2025).
3. Гастроферма Провинция Че : сообщество в ВК. — URL: <https://vk.com/provinciache> (дата обращения: 05.01.2026).
4. Герасимова, М. Нагайбаки. Культура и традиции: прошлое, настоящее... Будущее? / М. Герасимова, А. С. Михайлова // День за днем. — URL: <https://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1441> (дата обращения: 09.05.2026).
5. Горнолыжный курорт «Солнечная долина» : офиц. сайт. — Миасс. — URL: <https://dolina.su/> (дата обращения: 05.01.2026).
6. Классификация минеральных вод и лечебных грязей для целей их стратификации : метод. указания № 2000/34 : утв. Минздравом РФ 31.03.2000. — URL: https://rags.ru/documents/dop_documents/66/metod_78388/0/klass.html (дата обращения: 09.05.2026).
7. Ленская, В. М. Развитие туризма в малых городах России / В. М. Ленская // Молодой ученый. — 2020. — № 20 (310). — С. 380–383. — URL: <https://moluch.ru/archive/310/70151>.
8. Парижский полумарафон : офиц. сайт. — URL: <https://www.paris-running.ru/> (дата обращения: 04.01.2026).
9. Панкрухин, А. П. Маркетинг территорий 2-е изд, доп. — Санкт-петербург: Питер, 2006. — 416 с.: ил — (Серия «Маркетинг для профессионалов»).
10. Троицк туристический : офиц. сайт администрации г. Троицка. — URL: <https://troick.gov74.ru/troick/activity/tourism.htm> (дата обращения: 05.01.2026).
11. Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник «Аркаим» : офиц. сайт. — Челябинск. — URL: <https://arkaim-center.ru/> (дата обращения: 05.01.2026).
12. Щегольков, Юрий Юрьевич. Развитие туризма в малых городах России / Ю. Ю. Щегольков, П. В. Метелкина // Мир новой экономики. — 2017. — № 1. — С. 86–91.

Л. Р. Зарипова

Науч. рук.: К. Л. Япринцева

**БРЕНДИНГ КАК СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
АКТУАЛИЗАЦИИ НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ КОНКУРСА «УРАЛ
ГУЗАЛЕ» В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Статья посвящена исследованию брендинга как инновационной технологии актуализации культурного наследия. На основе анализа научных публикаций последних лет и эмпирических данных о конкурсе красоты и традиций «Урал гузале» (Челябинская область) рассматриваются теоретические подходы к пониманию культурного брендинга территорий, его роль в сохранении и популяризации наследия, а также механизмы актуализации этнокультурных кодов в современном проектном формате. Автор приходит к выводу, что брендинг выступает эффективным инструментом трансформации культурного капитала в символический и экономический, обеспечивая интеграцию наследия в актуальные социально-экономические контексты, а конкурс «Урал гузале» представляет собой успешную модель событийного бренда территории.

В современном мире проблема сохранения и актуализации культурного наследия приобретает особую остроту. С одной стороны, наследие сталкивается с угрозами забвения, утраты аутентичности и разрушения под влиянием глобализационных процессов. С другой — возрастает понимание того, что наследие может стать ресурсом развития территорий, источником их идентичности и фактором привлечения туристических и инвестиционных потоков.

В этом контексте брендинг начинает рассматриваться не просто как маркетинговая технология, но как особая культурная практика, способная актуализировать наследие, вписывая его в современные социально-экономические реалии [2; 3; 9]. Как справедливо отмечает М. С. Еремеева [8], в условиях цифровизации и глобализации брендинг трансформируется

в сложный социокультурный феномен, где бренды становятся медиаторами смыслов, формирующими гиперреальность, а границы между реальностью и ее образами стираются.

Цель данной статьи — проанализировать брендинг как современную технологию актуализации наследия на примере конкурса «Урал гузале» (Челябинская область), выявив его теоретические основания, механизмы реализации и практические эффекты.

Традиционное понимание брендинга сформировалось в сфере маркетинга товаров и услуг как деятельность по созданию устойчивых ассоциаций, связанных с определенным продуктом или компанией. Однако, как отмечает А. А. Гуцалов [6], перенос маркетинговых технологий на сферу культуры и территориальные образования требует концептуального переосмысления: существует необходимость дифференциации типов брендинга согласно их объектам и отказа от неправомерного распространения маркетинговых и имиджевых технологий на культурные сферы, которые обладают собственной спецификой.

В контексте культурологии и гуманитарных исследований брендинг рассматривается не просто как маркетинговая технология, но как особая культурная практика, способная актуализировать наследие, вписывая его в современные социально-экономические реалии. Д. Н. Замятин [9] вводит понятие «геокультурный брендинг», определяя его как деятельность, связанную с культивированием образов территорий, важных для сплочения территориальных сообществ. Главная цель геокультурного брендинга не может быть изначально коммерческой — она ориентирована на развитие идентичности сообществ, на события, актуализирующие образ территории.

Так, исследование этнокультурного брендинга Республики Тыва, проведенное И. А. Гусейновой, А. Д. Левшиц и Н. В. Дубининой [5], показывает, что культурно-историческое наследие выступает ключевым фактором формирования этнокультурного бренда. Авторы выделяют три фактора, игра-

ющих ключевую роль при построении устойчивого этнобренда: социолингвистический (учет языковых и культурных особенностей территории), номадический (традиции и образ жизни) и лингвострановедческий (географическая и историческая специфика). Эти факторы в совокупности формируют уникальный культурный код территории, который может быть положен в основу бренда.

Сходные идеи развивает Гао Гуанминь [3], предлагая использовать концепцию культурных «генов» территории для идентификации ключевых элементов, подлежащих капитализации в процессе брендинга. Автор утверждает, что нечёткое позиционирование и поверхностная актуализация культурного капитала являются основными проблемами современного туристического брендинга, для преодоления которых необходима системная методология извлечения культурных «генов».

В зарубежной литературе брендинг наследия (branding heritage) определяется как «многомерная структура, состоящая из функциональных, рациональных, эмоциональных, реляционных и стратегических элементов, которые в совокупности генерируют уникальный набор ассоциаций в общественном сознании» [1]. Это инструмент демонстрации наследия с экономической точки зрения, представления ценностей наследия с маркетинговой перспективы для сохранения его активов и продвижения его значимости.

Брендинг наследия рассматривается как диалог между прошлым и настоящим. Ключевая идея заключается в том, что наследие может стать ценностным предложением бренда (brand value proposition), создающим уникальную основу для прочных отношений между территорией и ее аудиторией. Как отмечается в исследовании, «брендинг наследия может использовать славу прошлого и аутентичность локальных ценностей в динамичных движениях современных разнообразных обществ».

Л. Н. Бобошко и соавторы [2] предлагают рассматривать культурный бренд как важный инструмент сохранения, популяризации и развития культурного наследия, подчеркивая, что

продуманное применение культурного брендинга может стать эффективным способом защиты наследия от забвения и его активной интеграции в современную жизнь общества. Таким образом, брендинг не противопоставляется сохранению, а становится его современной формой — актуализацией, предполагающей не консервацию, но «оживление» наследия через придание ему актуальных смыслов.

В рамках широкого понимания брендинга территории как комплексной деятельности по формированию идентичности и имиджа места событийный брендинг выступает одной из важнейших инструментальных составляющих. Событийный брендинг — это деятельность по созданию, продвижению и закреплению в общественном сознании устойчивых ассоциаций, связывающих конкретное событие (фестиваль, конкурс, праздник, форум) с территорией его проведения. Цель — сделать событие «визитной карточкой» места, его узнаваемым символом.

Как отмечается в международных исследованиях, нематериальное наследие включает в себя не только музыку, традиционную кухню, но и «значимые события, такие как праздники и фестивали, все воспоминания, которые связаны с традициями и обычаями определенного сообщества». Таким образом, традиционные праздники, обряды, фестивали и конкурсы, основанные на культурном наследии, являются не просто формой досуга, но инструментом актуализации нематериального наследия, каналом трансляции традиционных ценностей и механизмом формирования привлекательности территории.

Конкурс красоты и традиций «Урал гузале» (в переводе с башкирского — «Уральская красавица») проводится в Челябинской области с 2022 г. по инициативе магистранта ЧГИК Л. Р. Зариповой. Проект реализуется силами активистов-общественников при поддержке АНО «Культурный центр башкир» (г. Златоуст), Исполкома Курултая башкир Челябинской области, муниципальных площадок и спонсоров.

Актуальность проекта обусловлена объективными вызовами: в условиях глобализации и цифровой трансформации тра-

диционные ценности теряют свою значимость для молодого поколения. Огромный пласт башкирской культуры утрачивает свою ценность среди башкир Челябинской области, численность которых составляет вторую после титульной русской нации в регионе. Конкурс предлагает формат, сочетающий соревновательность, творческую самореализацию и погружение в культурную традицию.

С позиций антропоцентричного подхода А. В. Головнёва и С. Ю. Белоруссовой, этнокультурный проект понимается как «персонально мотивированная инициатива» лидера-инициатора, который своим личным импульсом актуализирует этнические традиции. Проект «Урал гузале» полностью соответствует этому подходу: его успешная реализация стала возможной благодаря личной вовлеченности автора, ее способности объединять единомышленников и привлекать ресурсы.

За три года реализации (2022–2025) участниками стали около 300 человек из Челябинской области, Республики Башкортостан, Курганской области; поступили предложения о проведении конкурса в Ханты-Мансийском автономном округе. Конкурс приобрёл межрегиональный статус, что свидетельствует о его востребованности и потенциале тиражирования.

Проект демонстрирует системный подход к актуализации этнокультурного наследия через перевод традиционных форм знания в современный конкурсный формат. Ключевая особенность заключается в том, что культурные практики не декларируются, а осваиваются участниками в процессе подготовки к финалу.

Костюм как носитель исторической памяти. В конкурсе предъявляются строгие требования к национальному костюму: участницы должны представить его в дефиле и в рамках творческого номера. Как отмечается в отчёте о финале 2025 года, «жюри высоко оценило уровень подготовки юных конкурсанток, особо отметив уникальные исторические костюмы. Многие родители представили подлинные семейные реликвии — старинные наряды, переданные из поколения в поколение: платья, фартуки и нагрудные украшения». Одновременно участницы

готовят «специально пошитые стилизованные национальные костюмы, подчеркнувшие красоту и самобытность традиционного башкирского костюма». Это отражает дихотомию «сохранение — развитие» в актуализации традиции: подлинные артефакты демонстрируют аутентичность, а стилизованные — адаптацию к современным сценическим условиям.

Песняитанец: от фольклора к сценической интерпретации. Участницы исполняют песни на башкирском языке, танцуют народные танцы, декламируют стихи, исполняют отрывки из эпоса «Урал-батыр». На сцене финала 2025 г. «звучали национальные инструменты, такие как курай, кубыз, домбыра». Показателен пример Амины Бадритдиновой, участницы из Сосновского района, которая для финала конкурса выбрала танец на основе древней башкирской легенды «Ете кыз» (Семь девушек). Девочка самостоятельно изучила предание и решила рассказать эту трагическую историю о свободе и достоинстве через пластику и вокал, соединив танец и песню в одном номере. Это демонстрирует, как конкурс стимулирует участниц к самостоятельному исследованию культурного наследия и его творческому переосмыслению.

Этикет и самопрезентация. В рамках подготовки проводятся занятия по дефиле и фотопозированию, где девочек учат «правильно выходить на сцену — осанка, шаг, поворот, взгляд». Как отмечает мама одной из участниц, «прямо как на модных показах. Сразу было видно, как девочкам нравится». Это формирует новый этикет публичной репрезентации этнической принадлежности — гордой, достойной и осознанной.

С позиций технологического подхода (Г. Ш. Амерханова, А. П. Марков, Г. М. Бирженюк), технологичность этнокультурного проектирования понимается как создание условий для самораскрытия культуры, ее перевода из «музейного» состояния в «живое» [7]. Конкурс «Урал гузале» реализует эту функцию через перевод традиционных элементов в сценический формат, делая их доступными и привлекательными для современной аудитории.

Одна из ключевых особенностей конкурса «Урал гузале» — его способность вовлекать в проектную деятельность не только участниц, но и их семьи, превращая сохранение традиции в общее семейное дело.

На этапе «Визитная карточка» финалисты представляют свою семью, малую родину, рассказывают о героях Великой Отечественной войны своей семьи. В материале о победительницах из Башкортостана подчеркивается, что многие семьи представили на конкурс «подлинные семейные реликвии — старинные наряды, переданные из поколения в поколение». Сам факт вынесения семейной реликвии на публичный конкурс и рассказ о ее истории становятся актом осознанной трансляции родовой памяти.

Мама одной из участниц отмечает: «Мы гордимся, что мы башкиры. Верим и чтим свои традиции. Пусть дети и родители не забывают и не стесняются своей национальности, а несут это верно, смело в роду и поколении. Пусть будет больше таких прекрасных проектов, где можно узнать ценности традиций».

Этот механизм превращает бренд из внешнего атрибута во внутреннюю семейную ценность. Конкурс стимулирует межпоколенческую трансляцию: бабушки передают старинные украшения, мамы помогают с костюмом, старшие сестры делятся опытом. Тем самым брендинг наследия обретает устойчивость, не зависящую от внешнего финансирования.

Проект «Урал гузале» демонстрирует эффективную модель управления в условиях ресурсных ограничений. Финансирование строится на основе комбинированной модели: организационные взносы участников, спонсорская поддержка (сертификаты на обучение, пошив костюмов, туристические путевки) и личный вклад автора и активистов.

Партнерская сеть конкурса включает профессионального фотографа (Олеся Алексеева), видеосъемку (Владимир Вейс), режиссуру и ведение (Равиль Салихжанов), мастера традиционного костюма (Раиса Авальевна Набиуллина), дизайнера этно-украшений (Гузьяль Загидуллина), а также призовых пар-

тнеров — модельное агентство Exclusive, бренд DINA, туристический клуб «Вдохновение» (г. Сибай).

Цифровая коммуникация осуществляется через официальную группу конкурса в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/uralguzale>), где публикуются даты отборочных туров, объявления о мастер-классах, результаты конкурсов, фото- и видеоматериалы. Региональные СМИ («Комсомольская правда — Челябинск», «Сосновская нива», Argayash-media, «Башинформ») систематически освещают конкурс, формируя устойчивый позитивный образ.

Как показывает исследование В. А. Сазоновой [11], наиболее перспективным вектором реализации цифровых проектов в сфере нематериального наследия является их формирование на основе синтеза ценностно-смысловой составляющей и функциональных возможностей цифровой сетевой культуры. Конкурс «Урал гузале» демонстрирует этот синтез: качественные фотосессии участниц в аутентичных локациях (юрта, изба, природа) сочетаются с историями о семейных реликвиях, что создает эмоциональную связь между личной семейной историей и широким культурным контекстом.

Культурное наследие представляет собой культурный капитал в объективированном состоянии (памятники, артефакты) и в инкорпорированном (традиции, знания, навыки). Процесс брендинга переводит этот капитал в символическую форму — создает узнаваемые образы и смыслы, обладающие ценностью в глазах аудитории [10]. В проекте «Урал гузале» это проявляется в превращении подлинных семейных реликвий (материальный культурный капитал) в символические образы «хранительницы традиции», «уральской красавицы», которые затем транслируются через СМИ и социальные сети.

Символический капитал, в свою очередь, может конвертироваться в экономический через привлечение спонсоров, расширение географии проекта, формирование устойчивого комьюнити. Ключевая роль в этом процессе принадлежит со-

циальному капиталу — сетям связей и отношений, обеспечивающим продвижение бренда.

Брендинг наследия работает на уровне смыслов и символов. Конкурс «Урал гузале» через семиотическую работу переводит традиционные этнические коды в язык, понятный современной аудитории.

В основе брендинговой стратегии проекта лежит ресемантизация этнокультурных артефактов: традиционный башкирский костюм и украшения перестают быть исключительно музейными экспонатами, становясь символами современного успеха и идентичности участницы. Благодаря трансформации обрядовых практик в язык конкурсных испытаний (дефиле, творческий номер) происходит актуализация нематериального наследия в формате, востребованном молодежной аудиторией.

Показателен пример, когда участница выбрала танец на основе древней башкирской легенды, самостоятельно изучив предание в интернете. Конкурсная сцена становится пространством, где, вслед за И. Гофманом, участницы «исполняют» свою этничность [4], демонстрируя ее зрителям и жюри. Как отмечают исследователи, «внешняя сторона перформанса включает организацию мероприятия и позиции участников, внутренняя — личные эмоции и переживания».

В рамках широкого понимания территориального брендинга конкурс «Урал гузале» может быть рассмотрен как событийная составляющая бренда Челябинской области — мероприятие, которое формирует узнаваемость региона и ассоциируется с сохранением и актуализацией башкирской культуры на Южном Урале.

Как отмечает П. Е. Юдин, культурный брендинг может быть ведущим звеном современного комплексного развития территорий. Культура рассматривается как основной фактор развития, а наследие при этом выступает основным фактором брендинга. Культурное наследие в этой парадигме является ключевым ресурсом формирования уникального образа территории, ее конкурентного преимущества и привлекательности для внешних аудиторий [12].

Конкурс «Урал гузале» формирует позитивный имидж Челябинской области как региона, сохраняющего этнокультурное многообразие и поддерживающего молодежные инициативы. Имиджевая стратегия конкурса выстроена вокруг нескольких ключевых ценностных осей: «Красота через традицию» (связь женской красоты со знанием культуры), «Сохранение и развитие» (акцент на современные формы презентации традиции), «Семейные ценности» (репрезентация семейных реликвий и совместной подготовки), «Межрегиональное единство» (объединение башкирских сообществ разных регионов).

Список литературы

1. Бакси, А. К. Брендинг нематериального культурного наследия: модель подкрепления корней для возрождения туризма на примере изготовления традиционных кукол / А. К. Бакси, С. Саньял // Стратегическое планирование туризма для местных сообществ. — Изд-во Emerald Publishing, 2024.
2. Бобошко, Л. Н. Культурный бренд как инструмент сохранения наследия / Л. Н. Бобошко, А. А. Белецкая, М. В. Миронова, Е. А. Белецкая // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания. — Чебоксары: ИД «Среда», 2025. — С. 356–358.
3. Гао Гуанминь. Идентификация и капитализация культурных «генов» как основа для дизайна туристического бренда прибрежного города (на материале г. Далянь, Китай) / Гао Гуанминь // Культура и искусство. — 2025. — № 6. — С. 99–115.
4. Головнёв, А. В. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) / А. В. Головнёв, С. Ю. Белоруссова, Т. С. Киссер, Е. В. Перевалова // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 4 (53). — С. 142–148.
5. Гусейнова, И. А. Культурно-историческое наследие Республики Тыва как фактор формирования этнокультурного бренда / И. А. Гусейнова, А. Д. Левшиц, Н. В. Дубинина // Вестник РУДН. Серия: Семиотика и семантика. — 2024. — Т. 15, № 4. — С. 1148–1168.
6. Гуцалов, А. А. Культурный бренд и брендинг территории / А. А. Гуцалов // Культурное наследие России. — 2018. — № 3 — С. 86–92.
7. Документы проекта «Урал гузале»: Краткая аннотация проекта; Положение конкурса Урал гузале 2025. — URL: <https://vk.com/uralguzale>.
8. Еремеева, М. С. Бренды и постмодернизм: игра знаков в эпоху симулякров / М. С. Еремеева // Человек. Образование. — 2025.
9. Замятин, Д. Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от гения места к имиджевым ресурсам / Д. Н. Замятин // Современ-

- ные проблемы сервиса и туризма. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. 25–31.
10. Процесс брендинга культурного наследия в контексте возрождения сельских районов Китая: тематическое исследование уезда Цинтянь // Международный журнал антропологии и этнологии (International Journal of Anthropology and Ethnology). — 2025. — Т. 9, Ст. № 4.
11. Сазонова, В. А. Актуализация нематериального наследия в условиях цифровизации культуры: проблемы и ключевые тренды / В. А. Сазонова // Культура и искусство. — 2025. — № 11.
12. Юдин, П. Е. Культурный брендинг территорий как политическая стратегия/П. Е. Юдин//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 11, ч. 2 (49). — С. 202–204.

УДК141.41

И. Ю. Верестюк

Науч. рук.: С. С. Соколов

**КЫШТЫМ И «КРАСНАЯ ЗОНА». КУЛЬТУРНАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: МЕЖДУ ТРАВМОЙ
И ТУРИСТИЧЕСКИМ АТТРАКЦИОНОМ**

Статья посвящена анализу культурной репрезентации Кыштыма — города, чья идентичность формируется на пересечении историко-промышленного наследия и травматического образа «красной зоны», связанного с радиационной катастрофой 1957 г. на химкомбинате «Маяк» [7]. В центре внимания — парадоксальная ситуация топонимической дислокации аварии: Кыштым, не являвшийся зоной непосредственного заражения, оказался виртуальным эпицентром катастрофы из-за режима секретности, окружавшего город Озёрск. Мы рассмотрим формирование визуального образа экологического бедствия, ключевыми элементами которого выступают знак радиационной опасности, река Теча и ассоциативный ряд с Чернобылем [3; 5; 16]. Особое внимание уделим феномену притяжения Кыштыма и территории Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРС) для неформальных сообществ (сталкеры, диггеры)

и профессиональных исследователей (документалисты, антропологи), для которых это пространство выступает полигоном изучения долгосрочных последствий техногенных катастроф [2; 6; 9]. На основе анализа научных исследований, рассекреченных архивных материалов и современных туристических практик делается вывод о бинарной репрезентации территории, где травма и туристический аттракцион сосуществуют в конфликтующем дискурсивном поле.

Кыштым — старинный город в Челябинской области, основанный в 1757 г. Никитой Никитичем Демидовым (младшим), представителем знаменитой династии промышленников, построившим в 1755–1757 гг. Верхне- и Нижне-Кыштымский железоделательные заводы [15]. Сегодня Кыштым представляет собой уникальный феномен культурной репрезентации, где пересекаются три разнонаправленных вектора: богатое промышленное и архитектурное наследие, активно развивающийся туристический кластер и травматический образ «красной зоны», связанный с радиационной катастрофой 1957 г. [1]. Парадокс современного Кыштыма заключается в том, что топонимическая «ошибка», приписавшая городу статус эпицентра аварии, одновременно стала фактором его узнаваемости и источником сложностей в формировании позитивного имиджа территории. Однако именно эта двойственность привлекает в регион сталкеров, диггеров, документалистов и антропологов, для которых ВУРС (Восточно-Уральский радиоактивный след) [5; 18] превратился в пространство различных исследований и «темного туризма» [2; 6]. Под последним понимается особая разновидность туристских практик, основанная на посещении мест, событийно связанных с обстоятельствами смерти, трагедий, катастроф.

29 сентября 1957 г. в 16:22 на химкомбинате «Маяк» в закрытом городе Челябинск-40 (ныне г. Озёрск) произошёл взрыв емкости для хранения радиоактивных отходов объёмом 300 м³ [1; 11; 17]. Причиной стал выход из строя системы охлаждения, что привело к высыханию содержимого и последующему тепловому взрыву сухого остатка [8]. Мощность

взрыва оценивается в 25–100 тонн тротилового эквивалента, крышка ёмкости весом 560 тонн была отброшена на 25 метров, а железобетонная плита массой 160 тонн сместилась с места [1]. В атмосферу было выброшено около 20 млн кюри радиоактивных веществ, образовавших Восточно-Уральский радиационный след протяженностью до 300 км [4]. В зону радиационного загрязнения попали 23 тыс. км² с населением 270 тыс. человек в 217 населенных пунктах Челябинской, Свердловской и Тюменской областей. В период с 1957 по 1960 г. были отселены и захоронены 23 населенных пункта, более 12 тыс. человек стали экологическими беженцами [17]. По современной международной классификации МАГАТЭ, авария соответствует 6-му уровню из 7 возможных по шкале INES, занимая третье место в истории после Чернобыля и Фукусимы [8].

Важнейшей особенностью этой катастрофы с точки зрения культурной репрезентации является ее топонимическая дислокация. Сам Кыштым не входил в число зараженных населенных пунктов, однако из-за режима секретности, окружавшего г. Озёрск (отсутствующего на общедоступных картах), аварию называли по имени близлежащего «легального» города [10]. В результате Кыштым оказался виртуальным эпицентром катастрофы, приняв на себя удар общественного мнения. В 2007 году, к 50-летию аварии, в Кыштыме был установлен памятник ликвидаторам — мраморная плита со знаком радиационной опасности [13]. На сегодняшний день в Кыштыме проживает 32 ликвидатора — живых носителя травматического опыта.

Одним из последствий радиоактивного загрязнения региона исследователи полагают возникновение неомифологических сюжетов, в том числе связанных с историей «кыштымского карлика» Алёшеньки — феномена, ставшего частью городской мифологии и привлекающего внимание уфологов, антропологов и журналистов. В мае 1996 г. в посёлке Каолиновый (в 11 км от химкомбината «Маяк») пенсионерка Тамара Просвирина обнаружила мумифицированное тело размером 25 см с непропорциональным строением черепа. Существо,

получившее имя Алёшенька, после госпитализации женщины в психиатрическую больницу погибло от голода. Мумия была изъята милиционером Владимиром Бендлиным и впоследствии передана представителям уфологической организации, после чего следы артефакта затерялись. Существуют две основные версии происхождения Алёшеньки: уфологическая, трактующая его как гуманоида, и радиационная, связывающая аномалии развития с последствиями Кыштымской аварии. Последняя версия подкрепляется тем фактом, что в регионе после катастрофы фиксировались случаи врожденных уродств, а заведующие гинекологическим и урологическим отделениями квалифицировали мумию как результат преждевременных человеческих родов с синдромом врожденного уродства [6]. Таким образом, мистический нарратив об инопланетном существе получает рациональное объяснение через техногенную катастрофу, формируя уникальный культурный комплекс, где травма переплетается с городской мифологией.

Сегодня территория ВУРС представляет собой уникальное пространство, привлекающее различные группы исследователей и энтузиастов. В 1968 г. на наиболее загрязненной части радиоактивного следа (около 700 км²) был образован Восточно-Уральский государственный заповедник, где всякая хозяйственная деятельность запрещена [5; 16; 18]. Заповедник имеет официальный запрет на посещение — уровень радиации до сих пор губительно опасен для человека, однако именно это обстоятельство превращает его в объект притяжения для сталкеров — неформальных исследователей заброшенных и закрытых территорий, особенно представляющих потенциальную опасность. Уничтоженные деревни, брошенные фермы, заросшие поля и могильники радиоактивного скота создают ландшафт постапокалиптической эстетики, характерной для такого вида индустриального туризма.

Параллельно с неформальным интересом сталкеров развивается институциональное научное освоение территории. Ученые-радиобиологи и радиозкологи из Южно-Уральского

государственного университета и других научных центров регулярно проводят полевые экспедиции в зону ВУРС [5; 9]. Документальный фильм «Атомные энтузиасты» (2023) запечатлел работу исследователей, которые берут пробы почвы, воды, растений и животных, изучая долгосрочное воздействие низких доз радиации на экосистемы в естественных условиях [2]. Ученые устанавливают ловушки для мелких грызунов, собирают образцы грибов и ягод, измеряют уровни радиации в разных точках. Несмотря на десятилетия, прошедшие после аварии, радионуклиды (цезий-137, стронций-90) остаются активными, мигрируя по живым организмам и формируя пищевые цепи. Поэтому территория представляет редкую возможность изучать адаптацию живых организмов к хроническому радиационному воздействию, и исследователи обнаруживают неожиданные закономерности: некоторые виды растений выступают гипернакопителями радионуклидов, определенные виды животных демонстрируют удивительную адаптацию к жизни в загрязненной среде [2].

Киноиндустрия также проявляет устойчивый интерес к Кыштымской аварии как к драматическому сюжету и пространству визуального исследования. В 2013 г. немецкий режиссёр Себастьян Мец представил на Берлинском кинофестивале фильм «Метаморфозы» — монохромную картину, снятую в Кыштыме и по обе стороны русла реки Теча [10]. Фильм исследует жизнь людей, которые десятилетиями живут на радиоактивно загрязненной территории, не подавая сигналов бедствия, что режиссёр интерпретирует как форму выживания, выходящую за пределы физического существования [10]. В 2020 г. медиахолдинг ОТВ подготовил документальный фильм «Заложники», приуроченный к годовщине аварии. Создатели фильма сосредоточились на судьбах жителей двух деревень: Юго-Конево, которое было полностью выселено, и Татарская Караболка, которую по необъяснимым причинам не выселили, оставив жителей наедине с радиацией. Фильм зафиксировал свидетельства очевидцев: эвакуацию в 4 утра в грузовиках, захоронение скота в транше-

ях, уничтожение зерна и картошки по приказу военных без каких-либо объяснений [12].

Особый интерес для антропологов и социальных исследователей представляет феномен Татарской Караболки — деревни, оказавшейся на границе радиоактивного следа. В отличие от соседней Русской Караболки, которая была полностью переселена, Татарская Караболка осталась на месте. Жители вспоминают, как во время покоса увидели «черную тучу с искрами», после чего солдаты заставили закопать зерно и картошку, назвав их «негодными». В 1990-е гг. Международный Красный Крест обследовал жителей и обнаружил в их организме стронций и цезий, однако вопрос о переселении так и не был решен. Жители деревни до сих пор безуспешно пытаются добиться статуса жертв, пострадавших от радиационной катастрофы или ликвидаторов аварии и справедливых компенсаций [12].

Присутствие документалистов, антропологов и журналистов в регионе создает эффект «вторичной видимости» катастрофы [2; 10; 12]. С одной стороны, медийное освещение способствует сохранению исторической памяти и привлечению внимания к проблемам пострадавших. С другой стороны, формируется специфический образ территории как места экзотической опасности, что провоцирует развитие «темного туризма» — практики посещения мест, связанных со смертью, страданием и катастрофами, что также весьма симптоматично стигматизирует это место. Сталкеры, уфологи, документалисты и радикальные туристы образуют сложную экосистему интерпретаций, где научное знание переплетается с конспирологией, а травма — с эстетизацией заброшенности. Важно отметить, что подобное переплетение противоречивых интерпретаций происходит спонтанно, что только усиливает социокультурную неопределенность территории как «места памяти». Однако не все так однозначно. Подобная «недоопределенность» способна сыграть позитивную, конструктивную роль.

Парадоксальным образом образ «красной зоны» сосуществует с активным развитием туристической инфраструктуры Кыштыма, ориентированной на массового туриста. Город окру-

жен более чем 30 озерами, включая знаменитое озеро Увильды, и обладает уникальными природными объектами: Сугомакская пещера — одна из немногих пещер, образовавшихся внутри мраморной породы, гора Сугомак, каолиновый карьер с лазурной водой, получивший неофициальное название «Уральское Бали». В последние годы в Кыштыме создана сеть экологических троп, разработанная по мировым стандартам, объединяющая пять маршрутов различной сложности, включая 18,5-километровый велосипедный маршрут «Чёрная дорога» по насыпи старой железной дороги. Большая часть этих маршрутов вошла в проект «Большая Уральская тропа». Архитектурное наследие представлено усадьбой Демидовых «Белый дом» (1762) — единственным на Южном Урале дореволюционным архитектурным памятником русского классицизма. Культурная событийность города включает Международный фестиваль духовной музыки, конкурс военных оркестров «Фанфары Кыштыма» и ярмарку «На рудниках».

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что культурная репрезентация Кыштыма сегодня «осциллирует» между двумя полюсами. Первый — травма «красной зоны», маркированная знаком радиационной опасности, рекой Теча, словом «Чернобыль», свидетельствами ликвидаторов и жителей отселенных деревень [1; 8; 14]. Второй — туристический аттракцион, представленный экотропами, архитектурным наследием, событийным туризмом и брендом «Уральское Бали». Между этими полюсами располагается пространство альтернативных интерпретаций, где действуют сталкеры, уфологи, документалисты и антропологи, для которых Кыштым и ВУРС представляют собой уникальный полигон исследования долгосрочных последствий техногенной катастрофы, коллективной травмы и культурной памяти. Как отмечают исследователи, «виртуальный образ экологической катастрофы» обладает значительным эмоциональным потенциалом, который может быть использован как для формирования травматической памяти, так и для создания новых нарративов, преобразующих травму в ресурс культурной идентичности. В случае Кыштыма этот по-

тенциал реализуется через множественные и зачастую конфликтующие нарративы, каждый из которых претендует на право репрезентации территории и ее истории.

Список литературы

1. Авария 1957 года: радиационная обстановка и дозы облучения участников ликвидации аварии на территории промышленной площадки ПО «Маяк» / Е. К. Василенко, Е. Е. Аладова, М. В. Горелов [и др.] // Вопросы радиационной безопасности. — 2007. — № 4. — С. 12–24.
2. Атомные энтузиасты [Видеозапись] : документальный фильм / реж. А. Мясников. — Россия, 2023.
3. Бурцева А. Д. Теория катастроф: подходы к исследованию и применение / А. Д. Бурцева, М. П. Воронов // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза : Наука и Просвещение, 2021. — С. 128–132. — URL: <https://xn--h1adjbc1b9c.xn--p1ai/wp-content/uploads/2021/11/teorija-katastrof-podhody-k-issledovaniju-i-primenenie.pdf%20> (дата обращения: 30.03.2026).
4. Василенко Е. К. Кыштымская радиационная авария 1957 года: первые оценки радиационной обстановки после взрыва / Е. К. Василенко, Е. Е. Аладова, М. В. Горелов // Национальная безопасность / nota bene. — 2015. — № 4. — С. 541–550.
5. Восточно-Уральский радиоактивный след // Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН. — URL: https://www.ibrae.ac.ru/russian/chernobyl-3d/nature/I_3_1.htm (дата обращения: 30.03.2026).
6. Ермолаева, О. Кыштымский карлик: разгадка тайны Алёшеньки / О. Ермолаева // Наш Урал. — 2025. — 19 февр. — URL: <https://nashural.ru/article/zagadki/kyshtymskiy-karlik/> (дата обращения: 30.03.2026)
7. Кыштымская авария 1957 года : специальный репортаж «Заложники» [Видеозапись] / Информационное агентство «Первое областное». — Челябинск, 2020. — URL: <https://www.1obl.ru/tv/spetsialnyy-reportazh/spetsialnyy-reportazh-zalozhniki/spetsialnyy-reportazh-zalozhniki/> (дата обращения: 30.03.2026).
8. Кыштымская трагедия: издержки мирного атома : инф. портал Управления образования Администрации Копейского городского округа. — URL: <https://xn--b1ae4ad.xn--p1ai/blog/post/kyshtymskaya-tragediya-izderzhki-mirnogo-atoma> (дата обращения: 30.03.2026).
9. Медведев, Ж. А. До и после трагедии: размышления о причинах и последствиях Кыштымской аварии хранилища ядерных отходов в сентябре 1957 года / Ж. А. Медведев // Озёрская централизованная библиотечная система. — URL: <http://libozersk.ru/pbd/Mayak60/link/181.htm> (дата обращения: 30.03.2026).

10. Метаморфозы [Видеозапись] : документальный фильм / реж. С. Мец. — Германия, 2013.
11. Об итогах работы по ликвидации последствий аварии на ПО «Маяк» в 1957 году : офиц. сайт администрации Озёрского городского округа. — 2017. — URL: <https://www.ozersk74.ru/news/politic/128262.php#rep> (дата обращения: 30.03.2026).
12. ОТВ покажет документальный фильм к годовщине Кыштымской аварии // Первое областное информационное агентство. — 2023. — URL: <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/otv-pokazhet-dokumentalnyy-film-k-godovshchine-kyshtymской-avarii/> (дата обращения: 30.03.2026).
13. Памятник жертвам Кыштымской аварии 1957 года : офиц. сайт Сысертского городского округа. — URL: <https://admsysert.ru/info/territory/1097> (дата обращения: 30.03.2026).
14. 55 лет ядерной аварии на «Маяке» : офиц. сайт Управления культуры и молодежной политики администрации города Урай. — 2012. — URL: <https://uchmao.ru/content/55-let-yadernoi-avarii-na-mayake> (дата обращения: 30.03.2026).
15. Трофимов, И.А. Градостроительство города Кыштыма / И. А. Трофимов; науч. рук. В.Д. Оленьков, А.О. Колмогорова // Южно-Уральский государственный университет. — Челябинск, 2024. — URL: <https://www.susu.ru/ru/trofimov-ia> (дата обращения: 30.03.2026).
16. Челябинская область: ликвидация последствий радиационных аварий / под ред. А. В. Аклеева, Г. Н. Подтёсова. — Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 2006. — 344 с. — ISBN 5-7688-0954-6.
17. 60-я годовщина аварии на ПО «Маяк» : офиц. сайт Управления социальной политики № 7 (г. Талица). — 2017. — URL: <https://tusp07.msp.midural.ru/news/60-ya-godovshchina-avarii-na-po-mayak-10128/> (дата обращения: 30.03.2026).
18. Chernobyl 3D: Природа / Восточно-Уральский радиоактивный след // Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН. — URL: https://www.ibrae.ac.ru/russian/chernobyl-3d/nature/I_3_1.htm (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 141.41

И. И. Камалова

Науч. рук.: С. С. Соколов

**ПАМЯТНЫЕ СЮЖЕТНЫЕ МЕСТА УРАЛА
С МУЗЫКАЛЬНЫМ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕМ:
СИНТЕЗ ИСТОРИИ, ЛАНДШАФТА И ЗВУКА**

Прежде чем обратиться к анализу конкретных культурных практик Урала, необходимо определить центральное для настоящей статьи понятие — «памятные сюжетные места с музыкальным воспроизведением». Под «памятным местом» в рамках данного определения понимается локация, уже наделенная в общественном сознании историко-культурной ценностью. Эта ценность может быть закреплена формально — через государственный охранный статус, включение в реестр памятников, музейную институционализацию, — а может существовать как стихийно сложившееся, но от того не менее устойчивое представление сообщества о значимости данного локуса. Принципиально важно, что памятное место всегда содержит в себе отсылку к прошлому, признаваемому важным: здесь происходили события, оставившие след в коллективной памяти, здесь жили или действовали люди, вошедшие в историю, здесь сохранились материальные свидетельства ушедших эпох. Однако одного этого признака недостаточно для того, чтобы считать место «сюжетным».

Понятие «сюжетности» заимствуется из нарратологии и применяется к пространству метафорически, но с сохранением его сущностного наполнения. Сюжет в литературоведении — это не просто последовательность событий, а осмысленная связь между ними, выстроенная в логике причины и следствия, конфликта и его разрешения, обладающая внутренним драматизмом и способная вызывать сопереживание. Применительно к памятным местам «сюжетность» означает, что локация не просто фиксирует факт прошлого, но разворачивает перед посетителем связное, эмоционально насыщенное повествование — историю, у кото-

рой есть начало, кульминация и развязка, есть действующие лица и есть ценностный смысл, выходящий за пределы самого этого места. Сюжеты, носителями которых выступают такие места, могут быть различными по своей природе — героическими, трагическими, духовными, творческими, — но все они объединены тем, что вырастают из подлинной истории локуса и транслируют ценности, значимые для породившей их культуры. Наконец, третий, определяющий признак — «музыкальное воспроизведение». Суть его состоит в том, что в сюжетном памятном месте звук, и прежде всего звук музыкально организованный, выступает не случайным сопровождением и не декоративным фоном, а неотъемлемым компонентом существования самого этого места.

Появление музыкального воспроизведения в таком контексте не является произвольным: оно обусловлено самой природой сюжетного места, которое, чтобы быть не просто увиденным, но прожитым и прочувствованным, нуждается в дополнительном, аудиальном канале воздействия. Музыкальное воспроизведение выполняет здесь двойную задачу: с одной стороны, оно достраивает повествование, придавая ему объём и чувственную убедительность, с другой — создает у посетителя эффект личного присутствия внутри сюжета, превращает его из пассивного наблюдателя в соучастника разворачивающейся истории.

Что же именно воспроизводится посредством музыки? Наиболее очевидный уровень — это воспроизведение звукового образа самой эпохи, к которой отсылает сюжет: музыка, характерная для определенного исторического периода и звучащая именно в этом месте, выполняет роль акустического портала, с высокой точностью воссоздавая атмосферу ушедшего времени. Более сложный уровень — это воспроизведение не конкретного исторического звучания, а самого ценностного смысла, носителем которого выступает место: музыка может воспроизводить саму идею непрерывности духовной или культурной традиции, свидетельствуя о том, что место и поныне живо, несмотря на возможные разрушения или перемены. Наконец, существует и третий уровень, на котором музыка вос-

производит творческий импульс, энергию созидания, некогда возникшую в данном локусе и продолжающую воздействовать на людей спустя годы и десятилетия. Таким образом, памятное сюжетное место с музыкальным воспроизведением может быть определено как точка на культурной карте, в которой физическое пространство, исторический нарратив и звуковой образ сливаются в синтетическое целое — место, где история не просто зафиксирована, но рассказывается и одновременно проигрывается, порождая у посетителя живое, эмоционально окрашенное переживание связи времен и личной сопричастности транслируемому сюжету.

Памятные места, наделенные музыкальным звучанием, всё чаще становятся объектом внимания не только туристов, но и исследователей культуры. Под «сюжетными местами с музыкальным воспроизведением» в настоящей статье понимаются такие объекты наследия, где музыка, пение или иные формы звукового искусства выступают неотъемлемой частью средового контекста, формируя особый нарратив места и влияя на его восприятие. Урал предоставляет в этом отношении показательный материал: здесь сосредоточены как традиционные храмовые постройки с уникальной акустикой, так и современные мультимедийные комплексы, использующие звук для создания новых смыслов.

Особую значимость теме придает то обстоятельство, что память о прошлом, транслируемая через аудиальный канал, обладает мощным эмоциональным воздействием. Как подчеркивается в исследовании Н. Э. Вашкау и Ю. В. Караваевой, посвященном идентичности российской молодежи, историческая память формируется не только через знание фактов, но и через отношение к «местам памяти», которые молодые люди посещают, с которыми взаимодействуют эмоционально [1, с. 134]. Музыкальное воспроизведение в этом контексте способно превратить статичный памятник в живую среду, вызывающую непосредственный отклик.

Одним из наиболее выразительных примеров синтеза городского ландшафта, воды и звука является светомузыкальный

фонтан на набережной реки Миасс в Челябинске. Сооружение было торжественно открыто в день 278-летия города и с тех пор стало знаковой точкой притяжения горожан. Конструкция включает 109 насадок с высокоскоростными клапанами и 141 светильник, что позволяет создавать разнообразные водные картины — от пенных столбов до вращающихся вееров [7]. В обычные дни фонтан работает в спокойном режиме, по выходным включается подсветка, а в праздничные дни добавляется музыкальное сопровождение. Таким образом, сам принцип функционирования объекта закладывает градацию «повседневное — праздничное — мемориальное».

Наиболее отчётливо связь музыкального воспроизведения с исторической памятью проявилась в майские праздники 2025 года, когда к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне для фонтана была разработана специальная патриотическая программа. По сообщению заместителя главы города по социальному развитию Сергея Авдеева, с 1 по 9 мая площадка фонтана наполнилась военными композициями с особым видеорядом и звуковым сопровождением [5]. По вечерам устраивалось 15-минутное светомузыкальное шоу, повторявшееся каждые полчаса. Эта практика превращает рекреационное пространство набережной в мемориальное: песни военных лет, звучащие над водой в центре мегаполиса, создают ситуацию коллективного эмоционального переживания, при котором личные воспоминания и семейные истории горожан накладываются на общий звуковой фон. В терминологии современной исследовательской литературы подобный феномен можно описать через понятие «звукового хронотопа» — конституирования времени и пространства посредством звука, когда именно звук выступает механизмом сохранения памяти о культурно-историческом ландшафте места [6, с. 188].

Описанный опыт не является изолированной практикой. В том же 2025 году в Челябинске был реализован еще один проект, связанный с музыкальным и визуальным осмыслением героического прошлого: создание клипа на песню «Две Ве-

ликие Победы», сюжет которой объединил события Великой Отечественной войны и современные реалии. Над проектом работала член Союза композиторов России, доцент кафедры истории, теории музыки и композиции ЮУрГГИИ имени П. И. Чайковского Полина Сергиенко [4]. Хотя этот проект не привязан к конкретному локусу набережной, он демонстрирует общую тенденцию: музыкальное произведение становится медиатором между эпохами, а его исполнение или трансляция в знаковых пространствах — актом символического соединения прошлого и настоящего.

Иной аспект музыкального воспроизведения как формы работы с наследием раскрывается в практиках сохранения памяти об уральском роке. Свердловский рок-клуб, объединивший в 1980-е годы такие группы, как «Наутилус Помпилиус», «Чайф», «Урфин Джюс» и «Смысловые галлюцинации», давно стал частью нематериального культурного наследия всего Урала. В марте 2026 года в Городском библиотечном информационном центре Екатеринбурга открылась выставка «Уральский рок: артефакты и истории» и прошла лекция журналиста и рок-гида Светланы Толмачевой «Свердловский рок на карте Екатеринбурга» [2]. Слушатели получили возможность совершить виртуальное путешествие по точкам, где брали первые аккорды будущие звёзды, и увидеть здания, помнящие легендарные репетиции. Выставка строилась как иммерсивное погружение в эпоху: виниловые пластинки, тексты песен, эксклюзивное переиздание альбома «Путешествие» группы «Урфин Джюс» — все экспонаты были доступны для прослушивания [2].

Для понимания этого феномена важно разграничить два типа музыкального воспроизведения в памятных местах. В первом случае, как с фонтаном на Миассе, музыка привносится в пространство извне — это спланированное технологическое шоу. Во втором, характерном для уральского рока, музыка «извлекается» из самой истории места: песни, написанные в конкретных подвалах и на конкретных улицах, возвращаются в городскую среду через экскурсии, выставки, публичные про-

слушивания. Ландшафт города в этом случае становится партитурой, считываемой посвященными: знакомая мелодия, прозвучавшая у старого здания, актуализирует культурную память сообщества и делает ее доступной новым поколениям.

Существует, впрочем, и серьезная методологическая проблема: как сохранить аутентичность места при внедрении музыкальных и технологических практик? Светомузыкальный фонтан при чрезмерной громкости или неудачно подобранном репертуаре рискует нарушить исторический облик набережной. Экскурсии по рок-местам, превращаясь в коммерческий турпродукт, могут утратить дух искренности, присущий самой рок-культуре. Решение видится не в отказе от музыкального воспроизведения как такового, а в более тонкой настройке взаимодействия между звуком, смыслом и средой. Перспективным представляется опыт создания специализированных архивов — таких как фонд музыкального наследия Урала «Архитека», основанный в 2014 году при поддержке Министерства культуры Свердловской области. В задачи фонда входит оцифровка уникальных пленок с уральским фольклором, партитур, записей рок-коллективов, а также обеспечение публичного доступа к этим материалам [3]. Именно архивная работа, соединенная с просветительской деятельностью, способна обеспечить подлинность звучания и уберечь наследие как от забвения, так и от вульгаризации.

Подводя итог, следует заключить, что памятные сюжетные места Урала с музыкальным воспроизведением образуют особый тип культурного ландшафта, где звук выступает полноценным носителем исторической памяти. Светомузыкальный фонтан на реке Миасс демонстрирует, как технологическое шоу может стать точкой сборки коллективных эмоций в дни общенациональных праздников. Проекты, связанные с уральским роком, показывают, как музыка, «выросшая» из конкретных городских локусов, возвращается в них через экскурсионные и выставочные форматы, превращая город в звучащую карту памяти. Для дальнейшего изучения темы пер-

спективным представляется анализ акустических портретов конкретных районов [6], а также сравнительное исследование музыкальных практик в пространствах храмовой архитектуры Урала. В конечном счёте, умение слышать прошлое — не менее важная составляющая культурной компетенции, чем умение его видеть и описывать.

Список литературы

1. Вашкау, Н. Э. Идентичность российской молодежи в современных условиях социокультурного развития и сохранение исторической памяти (по материалам социологического исследования молодежи Липецкой области) : монография / Н. Э. Вашкау, Ю. В. Караваева ; Липецкий ГПУ. — Липецк : Липецкий ГПУ, 2021. — 171 с.
2. В Екатеринбурге открылась выставка «Уральский рок: артефакты и истории» и прошла уникальная рок-лекция // Региональный центр патриотического воспитания имени Героя России И. О. Родобольского. — URL: <https://www.pcpv.pf/news/v-ekaterinburge-otkrylas-vystavka-uralskij-rok-artefakty-i-istorii-i-proshla-unikalnaya-rok-lektsiya/>. — Дата публикации: 20.03.2026 (дата обращения: 03.05.2026).
3. В Свердловской области создают фонд музыкального наследия Урала // Министерство культуры Свердловской области. — 2015. — 15 янв. — URL: <https://mkso.ru/news/2599> (дата обращения: 03.05.2026).
4. На Южном Урале героическому прошлому посвящают песни, выставки и муралы / М. Хлызов // Губерния — Южный Урал. — URL: <https://gubernia74.ru/news/1133234/>. — Дата публикации: 15.05.2025.
5. Светомузыкальный фонтан в Челябинске исполнит песни военных лет // Южноуральская панорама. — URL: <https://up74.ru/articles/news/163460/>. — Дата публикации: 30.04.2025.
6. Смышляев, П. С. Акустический портрет жилого района (на примере района Вторчермет г. Екатеринбурга) / П. С. Смышляев // Социология. — 2026. — № 1. — С. 188–193.
7. Челябинску подарили светомузыкальный фонтан // РИА Новый День. — URL: <https://newdaynews.ru/chel/511705.html>. — Дата публикации: 13.09.2014.

П. Я. Москаленко

Науч. рук.: С. С. Соколов

СПЕЦИФИКА УРАЛЬСКОЙ ГОРОДСКОЙ ЛЕГЕНДЫ

Статья посвящена исследованию специфики уральской городской легенды как самобытного явления в системе пост-фольклора. Исходным тезисом выступает положение о том, что формирование локальной мифологии обусловлено историко-культурным ландшафтом территории. На Урале таким ландшафтом является введенный в городской контекст синтез объектов промышленности («города-заводы», закрытые административно-территориальные образования и др.) и естественной среды (горы, леса, пещеры и др.). В отличие от классических городских легенд, где опасность исходит от «социокультурного другого» (маньяка, шпиона, отравителя), уральские сюжеты антропоморфизируют саму индустрию и природу, населяя их «хозяевами»-стражами, духами погибших рабочих и хранителями подземных богатств. В статье анализируются ключевые сюжетные блоки: легенды о строительных жертвах, мифология «чудских копей» и пещерных духов, слухи о техногенных катастрофах (авария на «Маяке», Кыштымский карлик), а также предания о проклятых усадьбах и подземных ходах.

Введение в научный оборот понятия «городская легенда» связывают с именем американского фольклориста Гарольда Брунварда, который в своей работе «Исчезающий попутчик: американские городские легенды и их смыслы» определил этот жанр как структурированное повествование о каком-либо аспекте современной жизни, которое, будучи ложным по своей сути, воспринимается рассказчиком как правдоподобное [7]. В отличие от классической сказки или былины, городская легенда не имеет формулы волшебства, но строго придерживается установки на достоверность. Событие в ней всегда привязано к узнаваемому локусу и подается как реальный случай, произошедший со «знакомым знакомого».

Долгое время фольклористика XIX — первой половины XX в. ориентировалась на изучение крестьянских сказок и обрядового фольклора, в то время как устные истории, бытовавшие в городе, оставались вне поля зрения исследователей. Ситуация изменилась лишь во второй половине XX века, когда стало очевидно: урбанистическая среда порождает собственный, специфический тип мифологии, требующий не меньшего внимания, чем эпос «далеких» времен и народов. При этом, как подчеркивается в современных исследованиях, городской нарратив — это не просто фиксация событий, а сложный механизм переработки информации, стирающий границу между реальным происшествием и вымыслом [1, с. 89]. Если классические работы о фольклоре столиц описывают преимущественно «литературный» или «исторический» миф, то изучение региональных центров, в особенности Урала, позволяет говорить о мифологии, рожденной из прямого столкновения человека с природными стихиями и техногенными ландшафтами.

Уральский регион обладает рядом уникальных особенностей, определяющих своеобразие бытующего здесь фольклора. Главная из них — доминирование «городов-заводов», возникших в XVII–XVIII вв. не как административные или торговые центры, а как промышленные предприятия с занятым в промышленном производстве населением [3, с. 38]. Эта изначальная функциональность — возникновение поселения не как административного или торгового центра, а как промышленного предприятия — определила доминирование производственного цикла над природным в организации повседневной жизни человека. В таких поселениях промышленная деятельность оказалась не просто основой выживания, но и главным источником смыслов. Как отмечают исследователи, мифологизация городского пространства — неизбежная черта урбанистической культуры, однако на Урале этот процесс осложняется тем, что «человеческий» мир здесь изначально конфликтует с «природным» и «машинным». В отличие от «классического» городского мифа, где опасность чаще исходит от «социокультурного другого» –персонифицированного

негативного типа городского происхождения, уральская легенда антропоморфизует саму индустрию или связанные с ней природные элементы. Заводская труба, шахта, плотина или террикон здесь выступают не фоном, а главным действующим лицом, обладающим собственной волей и памятью.

Эта специфика наиболее ярко проявляется в сюжетах о строительных жертвах и проклятых инженерных сооружениях. Архетип «строительной жертвы», известный еще в традиционной культуре (когда для прочности здания в фундамент замуровывали живое существо), на Урале обрел индустриальный размах и историческую конкретику. Такие сюжеты фиксируются в легендах о строительстве заводских цехов Нижнего Тагила или Челябинска, где призраки погибших рабочих якобы появляются в ночную смену. Здесь важно отметить, что страх перед «проклятым» местом выполняет регулятивную функцию: он заставляет человека соблюдать осторожность в опасных производственных зонах, тем самым вплетая миф в повседневную трудовую рутину.

Еще одним примером такой техногенно-природной мифологии является образ Бабки Шиханки. Этот злобный дух, по легенде обитающий в скалах Аракульские Шиханы (Челябинская область), принимает образ немощной старушки. Встреча с ней предвещает беду или скорую смерть. В данном случае природный ландшафт (живописные останцы) осмысливается через призму опасности, исходящей от неподвластного человеку места. Бабка Шиханка — это хранительница границы, «хозяйка» аномальной зоны, которая наказывает человека за вторжение. Этот сюжет демонстрирует характерный для Урала синтез: природный объект оказывается наделен чертами, скорее свойственными индустриальному «хозяину» — он требует уважения, соблюдения дистанции и готовности к неожиданной агрессии.

К специфике уральской легенды следует отнести и особую роль «подземного мира». Если в культурах других регионов подземелье чаще связывается с криминалом или историческими лабиринтами, то на Урале образ штольни, шахты или естественной пещеры является устойчивым мифологическим локусом [5].

Во-первых, это связано с «чудскими копиями» — легендами о древнем народе, ушедшем под землю. В севернорусской традиции этот народ именуют «чудь белоглазая» и связывают с ним мотивы добровольного ухода под землю во избежание крещения или покорения [2, с. 68–69]. Однако на Урале это предание звучит иначе. Здесь «чудь» — не столько исчезнувший этнос, сколько обобщенный образ древних горняков и магов, искусных в поиске руд и владении подземными силами. Согласно уральским версиям, чудь не просто ушла под землю, но продолжает там жить, охраняя свои сокровища и старые выработки. Этот сюжет служит этиологическим мифом для объяснения любых подземных аномалий: гула, обвалов, внезапно найденных древних орудий или необъяснимого мерцания в заброшенных штольнях. Любое странное явление в шахте или у горной выработки приписывается «чуди», которая сохраняет активную, а иногда и враждебную волю по отношению к вторгающимся в ее владения людям. Таким образом, уральская «чудь» — это не память о побежденном народе, а живой элемент горнозаводской мифологии, хранитель подземного мира, с которым приходится сталкиваться спускающимся в шахту или проходящим мимо старого рудника.

Во-вторых, подземная мифология Урала включает фольклор спелеологов и туристов. Исследования показывают, что в пещерной среде универсальным является представление о «хозяине» — духе, охраняющем подземные пространства [4, с. 116]. На Урале эти универсальные персонажи приобретают локальные черты: Хозяин Кунгурской пещеры или Дух Каповой пещеры (Шульган-Таш) — это не просто абстрактные существа, а стражи, проверяющие чистоту намерений человека. Здесь возникают сюжеты о «наказании нарушителя табу»: тех, кто шумит в пещере, ругается или пытается унести с собой «сувенир» (сталактит), ждет немедленная кара — от потери ориентации в пространстве до физической травмы. Таким образом, легенда становится практическим инструментом выживания, «негласным уставом» для непосвященных.

Следующей важной чертой уральской идентичности, проявленной в фольклоре, является наличие закрытых админи-

стративно-территориальных образований (ЗАО) — городов, въезд в которые ограничен, являющихся наследием советской атомной и оборонной промышленности. Эти легенды относятся уже к середине XX в. Озерск (Челябинск-65), Снежинск (Челябинск-70), Новоуральск (Свердловск-44) долгое время были «белыми пятнами» на карте, что создало идеальную питательную среду для слухов. Типичная легенда об этих местах связана с мутациями и скрытыми катастрофами [6]. Наиболее ярко эта черта выражена в комплексе легенд, связанных с аварией на комбинате «Маяк» в 1957 г. и так называемым Кыштымским карликом. Информация о радиационном заражении была полужакрытой, что породило массу слухов. Центральным сюжетом стала история, произошедшая в 1996 г.: местная пенсионерка Тамара Просвирина обнаружила в лесу маленькое антропоморфное существо с огромными глазами и остроконечной головой, которого назвала Алешенькой. Женщина принесла его домой, кормила сладостями и показывала соседям, которые впоследствии подтвердили, что видели странное создание живым и слышали издаваемые им звуки. После того как Просвирину госпитализировали, существо умерло, а его мумифицированное тело было обнаружено и изъято следователем Владимиром Бендлиным.

Легенда о Кыштымском карлике построена по классической схеме городской легенды — с установкой на достоверность и отсылками к показаниям очевидцев. Однако ее содержание неразрывно связано с локальным контекстом. Оставаясь в рамках уфологической традиции, этот сюжет в уральской версии обретает специфическую мотивировку: возникновение «гуманоида» связывают именно с последствиями радиационной аварии на «Маяке», предполагая, что мутации плода могли быть вызваны загрязнением окружающей среды. Итак, в легенде тесно переплетаются элементы реальной техногенной катастрофы, народной фантазии и типичных для городского фольклора образов. Этот сюжет подтверждает теоретическое положение о том, что городской нарратив всегда тяготеет к конкретному месту и «случаю», превращая непроверенную информацию в факт коллективного опыта [1, с. 89–90].

Наконец, специфика уральской легенды определяется особым типом героя. В столичных мифах часто фигурируют призраки аристократов или известных деятелей культуры. В уральских преданиях «духами мест» чаще становятся инженеры, мастера или рабочие. Легенда о проклятии усадьбы Харитоновых-Расторгуевых в Екатеринбурге связывает несчастья владельцев с духом замурованного каторжника-француза, строившего знаменитую решетку. В легендах о башне Демидовых в Невьянске фигурирует не столько граф, сколько таинственные мастера-литейщики, создавшие «наклонную» башню и обладавшие секретными знаниями. Рассказы о беглых староверах, создавших сеть подземных ходов под Уральским хребтом, или о беснующихся призраках в «Городке чекистов» (Екатеринбург) — все это примеры, где носителем тайны и источником воли является представитель рабочего или технического сословия, чужого по отношению к официальной власти, но своего для локального пространства.

Прослеживая историческую динамику уральского фольклора, можно выделить несколько хронологических пластов. Легенды о «чудских копиях» и первые сюжеты о строительных жертвах относятся к XVIII–XIX вв. — периоду зарождения и расцвета горнозаводской цивилизации на Урале. К XIX — началу XX в. можно отнести предания о заводских призраках, проклятых усадьбах (Харитоновы-Расторгуевы) и тайных подземных ходах (башня Демидовых). Середина XX в. приносит принципиально новый пласт — мифологию закрытых атомных городов и техногенных катастроф (Кыштым, «Маяк»), где индустриальный страх обретает уже не мистическую, а радиационную, невидимую глазу природу. Возникает закономерный вопрос: существует ли сегодня, в постсоветский период, новый пласт уральских городских легенд? Фиксируются ли сюжеты о 1990-х гг., о «черных риелторах» подземелий, о торговых центрах, построенных на месте старых кладбищ? Частично такие сюжеты проникают в городской фольклор, однако они пока не образуют столь же устойчивой и специфической системы, как легенды индустриальной эпохи.

Возможно, это связано с тем, что сама уральская идентичность сегодня перестала быть исключительно «заводской», а новые мифы еще не успели оформиться.

Следовательно, уральская городская легенда представляет собой самобытное явление в системе постфольклора. Ее специфика детерминирована историей региона как результата взаимодействия тяжелой промышленности и природных ландшафтов. Феномен закрытых городов и техногенных катастроф приносит в фольклор тему мутации, тайного знания и невидимой угрозы, создавая уникальную мифологию «запретной зоны». Обобщая, можно дать следующее определение: уральская городская легенда — это исторически изменяющаяся совокупность устных нарративов, бытующих в индустриальной и природной среде региона, которые антропоморфизируют производственные объекты и природные ландшафты, наделяя их волей, памятью и способностью к регуляции человеческого поведения. Но при всем этом в разные эпохи акценты смещаются от мистических (чудь, строительные жертвы) к техногенным (радиация, закрытые города). Изучение этих особенностей позволяет не только описать региональный пласт культуры, но и глубже понять процессы адаптации человека к стремительно меняющейся индустриальной среде.

Список литературы

1. Антанасиевич И. Современная городская легенда в системе постфольклора // Современный городской фольклор / сост. С. Ю. Неклюдов. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2003. — С. 82–98.
2. Булатов В. Э. Чудь заволочская и чудь белоглазая // Древние времена: [исторический очерк]. — Архангельск : Поморский университет, 1997. — С. 56–75.
3. Капкан М. В. Уральские города-заводы: мифологические конструкции // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2006. — № 47, вып. 12. — С. 36–45.
4. Неклюдов С. Ю. (сост.). Современный городской фольклор. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2003. — 736 с.
5. Подземный Урал: Где заканчиваются мифы о тайных ходах и начинаются настоящие шахты? // Радиоточка. — 2025. — 2 авг. — URL: <https://radiotochki.net/blog/russia/podzemnyy-ural-gde-zakanchivayutsya-mify>

- o-taynyh-hodah-i-nachinayutsya-nastoyashchie-shahty.html (дата обращения: 01.05.2026).
6. Хроники уральской аномалии, между техногенным кошмаром и мистикой // Эхо Мистики : канал на платформе «Дзен». — URL: https://dzen.ru/a/aBO_6Mz0HUyQLJss. — Дата публикации: 03.05.2025 (дата обращения: 01.05.2026).
 7. Brunvand J. H. The Vanishing Hitchhiker: American Urban Legends and Their Meanings. — New York; London: W. W. Norton & Company, 1981. — 208 p.

УДК141.41

А. В. Усольцева

Науч. рук.: С. С. Соколов

ЗАБРОШЕННЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБЪЕКТЫ ЮЖНОГО УРАЛА: ВОЗМОЖНОСТИ РЕВИТАЛИЗАЦИИ

Южный Урал располагает значительным корпусом историко-культурного наследия, представленного усадебной, промышленной и инженерной архитектурой XVIII–XIX вв. Среди ключевых объектов — усадебный комплекс Демидовых в Кыштыме, купеческий особняк Рябининых в Челябинске, Воскресенский медеплавильный завод, Дидинский железнодорожный тоннель, каменные мосты Каслинского округа и гидроэлектростанция «Пороги». Однако большинство этих памятников пребывает в состоянии глубокой деградации, а некоторые находятся на грани физического исчезновения. Сложилась парадоксальная ситуация: богатейшее наследие региона сосуществует с его запустением, и именно это противоречие привлекает внимание реставраторов, архитекторов, волонтеров и исследователей.

В рамках настоящей работы под ревитализацией понимается не музеефикация или консервация, а функциональное переосмысление деградировавшего пространства с опорой на его исторический каркас и включением в актуальный социально-экономический и культурный контекст. Данный термин прошел эволюцию от описания локальных социокультурных практик до статуса полноценной теоретической категории [6].

В отличие от консервации, фиксирующей объект в текущем состоянии, ревитализация возвращает его к активному бытованию, превращая из «точки упадка» в центр культурного притяжения и драйвер развития креативных индустрий [1].

Модели и практики ревитализации. Анализ реализованных и текущих проектов позволяет выделить три базовые модели возвращения объектов к жизни.

Первая модель — государственно-частное партнерство — наиболее последовательно воплощена в проекте реставрации усадьбы Демидовых в Кыштыме (так называемый «Белый дом»). Это единственный сохранившийся на Южном Урале дом-дворец, основанный в 1757 г. и ставший памятником федерального значения [11]. Длительное время комплекс находился в запустении, однако в 2021 г. при поддержке губернатора Челябинской области реставрация была включена в федеральную программу. К весне 2026 г. полностью восстановлены оба флигеля, благоустроена прилегающая территория, общая строительная готовность достигла 88%; завершение работ запланировано на лето 2026 г., полноценное открытие музея — на 2027 г. Показательным решением стала консервация фрагмента оригинальной кладки XVIII в. в качестве экспозиционного элемента. Уже сегодня на территории создаются тематические кинозарики, а после завершения работ усадьба может трансформироваться в культурно-образовательный кластер с интерактивными зонами, костюмированными балами и кинопоказами [4]. Этот кейс иллюстрирует современные принципы редевелопмента, при которых государство и инвестор совместно не ограничиваются восстановлением стен, а создают новую экономическую и социально-культурную модель места [2].

Вторая модель — частная предпринимательская инициатива — реализована в Челябинске на примере усадьбы Рябинина. В 1894 г. здание приобрел купец Александр Лукич Рябинин [10]. В 1978 г. особняк получил статус объекта культурного наследия, однако десятилетиями пустовал и ветшал. В 2025 г. за его преобразование взялся частный инвестор, разместивший

здесь ресторан уральской кухни «Усадьба Рябиновых» и бар «Лукич». Бережное приспособление исторического здания под гастрономическую функцию превратило его в ядро формирующегося культурного кластера, где ресторан соседствует с арт-площадкой для выставок, творческих встреч и кулинарных фестивалей [3].

Третья модель — грантовое благоустройство с событийным наполнением без полноценной реставрации. Наиболее показателен здесь Воскресенский медеплавильный завод в Башкортостане, основанный в 1745 г. и остановленный в 1902 г. В 2019 г., после победы во Всероссийском конкурсе благоустройства, на объекте провели минимальные работы: расчистили территорию, проложили дорожки, установили сцену, амфитеатр и визит-центр. Сегодня арт-центр «Воскресенский завод» входит в геопарк «Торатау» и круглогодично принимает гостей, а насыщенный событийный календарь — Масленица, Пасха, «Ночь заводов» — привлекает туристический поток без затратной полной реставрации [10]. Этот случай подтверждает тезис о том, что индустриальное наследие старопромышленных регионов представляет собой мощный ресурс для развития туризма [10].

Наиболее системный подход демонстрирует проект URALRUIN, основанный в 2019 г. архитекторами А. Ларионовым и О. Гордиенко [7]. Проект формирует ландшафтно-руинированный парк индустриального и культурного наследия площадью свыше 22 тыс. га, объединяющий 27 объектов между Екатеринбург и Каменск-Уральским. Проведены фестивали, арт-резиденции, открыт веломаршрут VELORUIN; в 2025 г. начато развитие села Камышево. Таким образом, «ухаженные руины» становятся активаторами территории, консолидируя местные сообщества [7].

Принципиально значимым становится дизайн объектов промышленного наследия как наглядная реализация концепции социокультурного дизайна. Эта деятельность связана с преобразованием объектов в целях включения их в актуальное социокультурное пространство в качестве активно действующих

артефактов, причём снос или полная функциональная трансформация приводят к утрате их смысла как наследия. Основная социокультурная проблематика здесь — сохранение ценностных аспектов исторической памяти о роли промышленной культуры в ее производственных и культурно-событийных измерениях, а также обеспечение позитивной трансляции представлений о значении этих объектов в общей логике исторического развития. Дизайн промышленного наследия образует пересечение «исторического дизайна», архитектуры сооружений, ландшафтного, средового, психологического и даже политического дизайна, поскольку его цели соответствуют региональной культурной политике. Именно такой междисциплинарный подход позволяет превращать индустриальные руины не в законсервированные мумии прошлого, а в полисенсорные, нарративно насыщенные пространства, где эстетическое возникает как воплощение социальной эстетики — оценочной проекции эстетических констант в социокультурное пространство, порождающей чувственно-образные представления о его явлениях. Эффективность легендирования — создания ярких образных нарративов, преданий и мифов — в таких проектах напрямую связана с аттрактивностью, экспрессивностью и репрезентативностью, что превращает сохранение промышленного прошлого в актуальную культуротворческую практику [8].

Отдельного внимания заслуживают инженерные объекты. Дидинский тоннель (1918) — один из самых протяженных на Урале: 1123,7 м в длину при ширине 4,6 м [5]. Эксплуатация прекращена в 1995 г. из-за сильной обводненности. Арт-группа «ПСЛЧ» уже превратила его в метафорический арт-объект, разместив на порталах философские надписи «Всё проходит», «И это пройдёт», «Ничего не проходит». Каменный мост в Каслинском округе (1899) — единственный сохранившийся дореволюционный каменный мост такой конструкции в регионе — признан объектом культурного наследия регионального значения [9].

Перспективы и проектные гипотезы. Проведенный анализ дает основания сформулировать проектную гипотезу

для Дидинского тоннеля. В отличие от Воскресенского завода (минимальное благоустройство) и усадьбы Демидовых (полноценная реставрация), тоннель требует промежуточного подхода: инженерное укрепление сводов сочетается с созданием иммерсивной среды. Концепция «Подземная машина времени» предполагает аудиовизуальный маршрут с тремя хронологическими зонами (строительство и Гражданская война; советский период эксплуатации; философское осмысление времени). Экономическая модель — государственно-частное партнерство с привлечением грантов на инженерное укрепление и частных инвестиций на мультимедийное наполнение.

Заброшенные архитектурные объекты Южного Урала представляют собой не обузу, а значительный ресурс для развития культурного туризма и креативных индустрий. Успешная ревитализация, как показывают рассмотренные кейсы, требует соблюдения трех условий: сохранения аутентичности, придания объекту новой функции, органичной его исторической природе, и включения в системные туристические маршруты. Ключевыми механизмами выступают государственно-частное партнерство, частная инициатива и грантовая поддержка. Объединение рассмотренных объектов в межрегиональный маршрут «Индустриальное кольцо Южного Урала» способно превратить сохранение наследия в долгосрочную инвестицию в экономическое, культурное и духовное будущее региона.

Список литературы

1. Барабанов, А. А. Социально-культурные и семантические принципы ревитализации индустриального наследия / А. А. Барабанов // Эко-потенциал. — 2013. — № 3–4. — С. 237–240.
2. Бредихин, В. В. и др. Редевелопмент городских промышленных зон: монография / В. В. Бредихин. — Курск : ЮЗГУ, 2023. — 117 с.
3. Бугров, К. Д. Ткацкие станки и доменные печи: культурный потенциал индустриального наследия в центральном старотекстильном ареале и уральском регионе / К. Д. Бугров // Labyrinth. Теории и практики культуры. — 2021. — № 1. — С. 51–64.
4. Быстрова Т. Ю. Малые индустриальные города: актуализация наследия / Т. Ю. Быстрова. — Москва : TATLIN, 2022. — 208 с.
5. Дидинский тоннель // Turistas.me. (Источник технических параметров объекта).

6. Донских, С. В. Ревитализация: от социокультурных практик к обоснованию понятия / С. В. Донских // Культура: открытый формат. — Минск : БГУКИ, 2024. — С. 79–84.
7. Создать из руин // Коммерсантъ. — 2024. — 7 июня. (Оставлен в качестве единственного новостного источника, поскольку проект URALRUIN не имеет на данный момент научных публикаций).
8. Сокоиков, С. С. Социокультурный дизайн: к уточнению концепта / С. С. Сокоиков, С. Б. Синецкий // Челябинский гуманитарий. — 2025. — № 2 (71). — С. 70–78.
9. Старинный каменный мост в Каслинском округе признан объектом культурного наследия // Губерния — Южный Урал. — URL: <https://gubernia74.ru/articles/culture/1137103/>. — Дата публикации: 21.11.2025 (Официальная информация о присвоении статуса ОКН).
10. Танкиева, Т. А. Индустриальное наследие старопромышленного региона: ресурсы, практика и перспективы использования / Т. А. Танкиева, М. В. Пономарева // Сервис в России и за рубежом. — 2019. — Т. 13, № 4. — С. 65–79.
11. Трофимов, И. А. Градостроительство города Кыштыма / И. А. Трофимов. — Челябинск : ЮУрГУ, 2024. — С. 17–21.

УДК 141.41

А. А. Чумак

Науч. рук.: С. С. Сокоиков

Родник как локус культурного ландшафта и место памяти: ПРИМЕР НИКОЛАЕВСКОГО КЛЮЧА

Начать стоит с самого термина «культурный ландшафт» и подходов к его изучению. В книге «Культурный ландшафт как объект культурного наследия» под редакцией Ю. А. Веденина и М. Е. Кулешовой выделяется следующее определение культурного ландшафта:

«В географическом смысле культурный ландшафт — не просто результат сотворчества человека и природы, но также целенаправленно и целесообразно формируемый природно-культурный территориальный комплекс, который обладает структурной, морфологической и функциональной целостностью и развивается в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях. Его компоненты образу-

ют определенные характерные сочетания и находятся в определенной взаимосвязи и взаимообусловленности» [1, с. 13].

В книге выделяются три основных подхода к пониманию и определению культурного ландшафта, а именно: 1) классический ландшафтный географический подход; 2) этнологическо-географический; 3) информационно-аксиологический [1, с. 14]. Первый подход, рассматривает культурный ландшафт как частный случай антропогенного ландшафта, исторически приспособленного к природным условиям и целесообразно созданным. Во втором подходе культурный ландшафт рассматривается как освоенный этносом природный ландшафт, здесь, помимо географической, изучается фольклорная, топонимическая составляющие. Предпочитаемый в данном подходе культурный ландшафт — сельский, так как в нем наиболее отчетливо видны национальные и этнические аспекты взаимодействия человека и природы. Третий подход, информационно-аксиологический, рассматривает культурный ландшафт как совместный результат творчества человека и природы. В данном подходе элементы природные и культурные равновесно связаны и взаимообусловлены, культура не является фоном или воздействующим элементом, она — неотделимая часть единого природо-культурного территориального комплекса.

В статье используется и рассматривается именно информационно-аксиологический подход, так как он наиболее адекватен материалам нашего исследования. Обуславливается такой выбор ориентирующей ролью культуры, обеспечивающей сочетание природных объектов, материальных артефактов и духовных ценностей человека, оказывающих совокупное влияние на процесс создания и конечный результат формирования культурного ландшафта и его использования.

Теперь следует объяснить теорию «мест памяти», на которую мы также будем опираться далее. Теория «мест памяти» Пьера Нора представляет собой методологический подход, разработанный в рамках «новой истории» и направленный на изучение коллективной памяти. В условиях «деритуализации мира» и утраты «живой», спонтанной памяти, когда истори-

ческое сознание все больше отделяется от непосредственного переживания прошлого, «места памяти» определяются, как предельная форма существования коммеморативного сознания. Это «останки» прошлого, которые продолжают (или должны) поддерживаться желанием сообщества помнить. Они представляют собой сложные, разнородные структуры, включающие материальные (архивы, памятники), символические (мифы, легенды, образы, материально выраженная символика — флаги, гербы, эмблемы) и функциональные (праздники, церемонии, ритуалы, методические предписания) аспекты, неразрывно связанные между собой.

Ключевой характеристикой «места памяти» является его двойственная природа: оно существует благодаря чувству отсутствия естественной, живой памяти и возникает из «желания помнить». По сути, это «ритуалы общества без ритуалов» [2, с. 27] — институции и символы, которые призваны кристаллизовать и сохранять память, когда она перестала быть естественной средой обитания социальных групп. Таким образом, теория Пьера Нора предлагает не столько историческую реконструкцию событий прошлого в их подлинности, сколько генеалогическую деконструкцию того, как эти события репрезентируются и переосмысливаются в культуре и коллективном сознании.

Здесь, информационно-аксиологический подход к пониманию и определению культурных ландшафтов и концепция «мест памяти» пересекаются, так как зачастую именно благодаря информационно-аксиологическому подходу избираются и характеризуются объекты культурного и природного наследия, материальные «места памяти». Что подтверждает, как минимум, схожая с таким подходом трактовка определения культурных ландшафтов ЮНЕСКО как «объектов культурного наследия, представляющих собой “совместные творения человека и природы”...» [5, с. 25]. Формулировка ЮНЕСКО приведена в пример, так как эта организация использует в рамках своей деятельности методологию, во многом пересекающуюся с информационно-аксиологическим подходом, и определяет,

исходя из нее, объекты природного и культурного наследия, где в таких рамках приводятся объекты, которые могут пониматься как «места памяти».

Родник по умолчанию является частью природного ландшафта, он служит человеку в первую очередь как источник чистой питьевой воды, и далеко не каждый родник по прошествии времени становится значимым элементом культурного ландшафта. Еще реже родник становится «местом памяти». К примеру родников, которые используются только в качестве источника чистой питьевой воды, можно отнести семь Синих родников в городе Миньяр Ашинского района: «Миньяр — один из немногих городов Челябинской области, который живет полностью на родниковой воде» [6]. В Миньяре в нач. 1960-х гг. было принято решение о создании водопровода, который по проекту должен был брать воду именно из Синих родников. Это нам говорит об исключительно материальной пользе, извлекаемой из родников. И хотя Синие родники являются частью истории Миньяра и его «визитной карточкой», но статуса образно-символического объекта культурного ландшафта они не имеют. Можно отметить, что в 1987 г. Синие родники получили статус памятника природы, но это характеризовало их как объект природного, а не собственно культурного ландшафта, а в 2013 г. Синие родники и этого статуса были лишены ввиду сильной антропогенной нагрузки.

В Челябинской области насчитывается до 800 родников, и, конечно, пример Миньяра не единственный: есть множество родников, которые используются исключительно по прямому назначению. Также есть примеры совершенно не обихожённых родников, которые, вероятно, составляют большую часть от их общего числа. Это родники, расположенные вне каких-либо населённых пунктов в дикой местности, либо находящиеся около населённых пунктов, но никак не обустроены.

И здесь мы подходим к теме родника «Николаевский ключ», который благодаря усилиям жителей ближайшего села стал и знаковым местом культурного ландшафта, и «местом памяти» в его сущностном определении.

«Николаевский ключ» расположен в 0,6 км от села Новониколаевка (в честь Новониколаевки и назван) в Мичуринском сельском поселении Карталинского района Челябинской области. Для полноты характеристики объекта стоит привести несколько документальных фактов: тип родника: нисходящий, низовой, струя фонтанирует из поверхностного слоя земли. Расстояние до ближайшего водоема: 50 м от реки Караталы-Аят [3]. Инициатива и контроль по благоустройству производилась Сироткиными Константином Анатольевичем и Валентином Ивановичем. Экспертное заключение по результатам лабораторных испытаний № 10046 от 28.08.2019: «Проба № 10046 “вода источника нецентрализованного водоснабжения” в объеме проведенных испытаний соответствует требованиям СанПиН 2.1.4.1175-02 “Требования к качеству воды нецентрализованного водоснабжения. Санитарная охрана источников”» [7].

До начала благоустройства «Николаевский ключ» выполнял роль источника питьевой воды. Сколько лет роднику — точно сказать нельзя: существует фотография, датируемая началом 1950 гг., где показаны члены семьи Сироткиных, везущие воду из источника, сколько родником пользовались до этого — информации нет. До начала 2000-х гг. он на протяжении долгих лет сохранял роль полезной в практическом смысле части природного ландшафта и не подвергался никаким существенным изменениям.

Во многом в дальнейшей судьбе данного родника сказались сочетание обстоятельств разного рода. Инициатива по началу благоустройства была предпринята спонтанно, причин прослеживается множество: от приехавшего с идеей восстановления родника внука до конкурса в рамках проекта «Родники Карталинского района» 2017–2019 гг., проводимого с целью восстановления и сохранения традиций. Тем не менее благоустройство началось, как уже было сказано, продлилось оно в основе своей до 2019 г., но, конечно продолжается и до сих пор, хотя уже в меньших масштабах.

Преобразование родника из локуса природного ландшафта в культурный началось с первых этапов благоустройства. По-

мимо расчистки территории родника, производилась уборка на прибрежной зоне реки, был расчищен берег и уложена плита для более удобной рыбалки и «уединения с природой», как следует из доклада о благоустройстве «Николаевского ключа», устно представленного инициаторами к конкурсу в проекте «Родники Карталинского района». То есть задумывалась роль родника не только как места, где можно набрать воду, но и как пространства, в котором стало возможным проведение отдыха, различных досуговых форм и иных вариантов общения, в том числе — праздничных событий. Полный цикл мероприятий по благоустройству в этой статье рассматриваться не будет, отметим только, что такие проявления самодеятельной культурной активности включали немалые затраты сил и времени. Но их с избытком искупало само преобразование этого места, происходившее прямо на глазах и, что важно, производимое своими руками. Позднее у прибрежной зоны появились столы с лавками, зона для приготовления пищи, шкафы с бесплатной посудой и столовыми приборами, урна для мусора и ограда. У родника также появилась ограда. В ноябре 2018 г. родник был освящен иеромонахом Гедеоном, что для местного населения, в основном православного, безусловно важно. Однако следует отметить, что в любом случае для людей даже разного вероисповедания само обстоятельство освящения играет роль в выделении данного локуса как особо значимого, что усиливает его потенциал именно в статусе «места памяти».

В этом смысле существенное значение имеет, разумеется, и деятельность светских систем, в том числе СМИ. Во время проведения мероприятий по благоустройству и после них, родник «Николаевский ключ» был упомянут в выпусках районной газеты «Карталинская новь», а также в выпуске областной газеты «Губерния» (№ 36 (363) 20 октября 2020), что придало роднику большую известность в масштабах района и области.

После благоустройства этого места постепенно появилась новая традиция отмечать праздники не только в сельском клубе, но и на природе: местные жители стали отмечать празд-

ники именно в зоне родника. А известность, которую принесли упоминания в газетах, подарила роднику посетителей не только из близлежащих населенных пунктов. На роднике и в «Зоне отдыха» появились блокноты с ручками для отзывов, дабы фиксировать отношение людей к особенному значению этого места и обозначать проблемы в случае их возникновения. Анализ содержания этих отзывов показал, что родник посещали люди из самых разных точек Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Оренбург, Екатеринбург, Москва и т. д.) и даже из Казахстана. Что позволяет сказать о том, что «Николаевский ключ» для жителей не только села и Карталинского района, но и других населенных пунктов России стал своеобразным ритуальным местом, посещение которого обрело характер культурной традиции.

Благодаря вышеуказанным обстоятельствам, «Николаевский ключ» начал встраиваться в жизнь села Новониколаевки, что подтверждает цитата из районной газеты «Карталинская новь» (вып. № 24 (11099) от 22.06.2019): «На поляне у Николаевского ключа люди отмечают праздники, дни рождения и даже Новый год» [4]. Родник стал частью истории села не только в рамках празднований, но и находит отражение в местном творчестве, в формате, например, стихотворений:

...Зима наступает
Родник не замирает
Круглый год вода течёт
Родник радуёт народ...

(Сироткин К. А. «За селом у реки»)

Новообразовавшаяся традиция проведения празднований, местное творчество, особая роль родниковой воды, как целебной и живой — показывают нам «Николаевский ключ» как артефакт культурного ландшафта, в котором сочетаются и духовные, и материальные аспекты. Он стал неотъемлемой частью истории села, память о которой всячески поддерживается не только старшей частью населения, но и молодым поколением, проживающим на территории Новониколаевки.

Переход от природного объекта к артефакту культурного ландшафта и «месту памяти» происходит уже на наших глазах. Согласно определению «места памяти» из нашей статьи, «Николаевский ключ» — сложная структура, состоящая из материальных (конкретная локация и трансформация облика природного явления), символических (коммеморативно-образные структуры в виде организации празднований, отмечания годовщин) и функциональных (коммеморативные практики, документы и акты, публикации в СМИ) аспектов. Это не только «отголосок» памяти прошлого поколения, который продолжает поддерживаться желанием сообщества помнить, но и новая память, спонтанно возникшая, но уже целенаправленно поддерживаемая тем же сообществом.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что процесс превращения природного объекта (родника) в значимый артефакт культурного ландшафта и далее в «место памяти», возможен исключительно при условии активной позиции местного сообщества. На примере родника «Николаевский ключ» наглядно прослеживается, как инициатива «снизу» — спонтанное желание отдельных жителей — постепенно перерастает в системную деятельность по благоустройству, наделению объекта символическим значением (освящение, празднования, стихи и др.) и, в конечном счёте, встраивание его в коллективную память сельского сообщества.

Сопоставление «Николаевского ключа» с другими родниками региона (например, с Синими родниками в Миньяре) демонстрирует, что далеко не каждый природный объект, даже обладающий высокой материальной ценностью и долгой историей использования, становится значимым локусом культурного ландшафта или «местом памяти». Ключевым условием такой трансформации выступает «выстраивание символической ауры» — наделение объекта духовными, эстетическими и мемориальными смыслами, что полностью согласуется с информационно-аксиологическим подходом к пониманию и определению культурных ландшафтов, а также с теорией «мест памяти» Пьера Нора.

Таким образом, в работе подтверждена продуктивность синтеза информационно-аксиологического подхода к культурному ландшафту и концепции «мест памяти» для анализа локальных природно-культурных феноменов. «Николаевский ключ» может рассматриваться как формирующееся «место памяти», где материальные, символические и функциональные аспекты находятся в устойчивой взаимосвязи и поддерживаются актуальной коллективной памятью сообщества. Дальнейшее изучение подобных инициатив представляется важным для понимания механизмов сохранения культурного и природного наследия в современной России, особенно в сельской местности.

Список литературы

1. Веденин, Ю. А. Культурные ландшафты как объект культурного и природного наследия / Ю. В. Веденин, М. Е. Кулешова // Известия РАН. Серия: Географическая. — 2001. — № 1. С. 7–14.
2. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
3. Паспорт родника «Николаевский ключ» [Документ]. — Архив автора. — 2019. — 2 л.
4. Проект «Родники Карталинского района» // Карталинская новь. — 2019. — № 24 (11099). — 22 июня. — С. 6.
5. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия / пер. с англ. — Москва : Институт Наследия, 2023. — 444 с. — URL: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/05/rukovodstvo-po-vypolneniyu-konvenczii-ob-ohrane-vsemirnogo-naslediya_ispravleno-17-03-2025-1.pdf (дата обращения: 20.04.2026).
6. Чистейшая вода в водопроводе: 7 родников питают город Миньяр в Челябинской области // ГТРК «Южный Урал» : сайт. — URL: <https://www.cheltv.ru/chistejshaya-voda-v-vodoprovode-7-rodnikov-pitayut-gorod-minyar-v-chelyabinskoy-oblasti/> (дата обращения: 27.04.2026).
7. Экспертное заключение по результатам лабораторных испытаний № 10046 / Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии в Челябинской области», филиал ФБУЗ в г. Магнитогорске. — 28.08.2019.

К. И. Хлебалова

Науч. рук.: А. В. Лушникова

**УСТИНОВСКИЙ КАНЬОН: ВОПРОС СОХРАНЕНИЯ
УНИКАЛЬНОГО ПРИРОДНОГО ОБЪЕКТА
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Название 20-метровых отвесных берегов верховья р. Миасс, которые еще в конце XIX в. привлекли внимание члена Уральского общества любителей естествознания Михаила Малахова, берет свое название от станции Устиново, рядом с которой находится природный памятник [7]. Устиновский каньон известен и под другим названием — Устиновские известняки. Данный исторический объект располагается в верховьях реки Миасса, на границе Челябинской области с Башкирией [8, с. 40].

В 1870 г. М. Малахов в работе «Доисторическія времена на Уральскихъ горахъ» записал: «Я не упускал также случая проводить осмотр и разведки в пещерах, но только одна из них доставила ценный научный материал: так, в небольшой пещере на вершине р. Миасс я открыл среди массы костей животных кремневые небольшие ножи, осколки кремния и две костяные стрелы, заостренные с обеих сторон» [8, с. 40].

Одна из двух арок каньона была осмотрена в 1960 г. карстоведом Верой Николаевной Дубовик и названа Устиновской. Вторая арка, открытая в 2023 г., расположена рядом с ней, и ученые считают, что раньше они были соединены в сквозную пещеру, которая десятки миллионов лет назад являлась подземным руслом одного из рукавов Миасса [4].

В 1989 г. рекогносцировочное исследование в пещере «Навес Устиновский» провели специалисты Института истории и археологии Уральского отделения РАН и Института экологии, растений и животных (Свердловск — Екатеринбург) [6].

Археологи и палеозоологи собрали богатый материал: кости животных голоценовой (лошадь, косуля, заяц, сурок и другие) и плестоценовой (шерстистый носорог, бизон, северный

олень, сайга и другие) эпох, а также фрагменты от двух керамических сосудов бронзового и раннего железного веков и предметы эпохи палеолита.

Девонские животные (относящиеся к периоду палеозойской эры между силуром и миссисипским периодом или соответствующая система пород) в каньоне не обитают, так как в известняки отложились хемогенным путем, т. е. без участия организмов [6].

В 1990-х гг. спелеологи миасского клуба «Агат» осмотрели южноуральский каньон и обнаружили несколько ранее неизвестных небольших пещер. Несколько лет назад челябинский спелеоархеолог Владимир Юрин зафиксировал только на правом берегу каньона 31 пещерный объект (26 пещер, грот, два навеса и две карстовые арки) [8, с. 145–147].

Семь пещер в настоящий момент засыпаны естественным путем, но каждая из них может преподнести сюрприз — логова и лежки диких зверей, гнезда птиц или следы пребывания древнего человека. Два ранее открытых памятника археологии расположены в гроте Малахова и пещере «Навес Устиновский». В пещере «Навес Устиновский» археологи и палеозоологи собрали богатый материал: кости животных голоценовой и плестоценовой эпох, а также фрагменты от двух керамических сосудов, две костяные стрелы, заостренные с обеих сторон, бронзового и раннего железного веков.

Благодаря исследованиям ученых территории в геологическом, археологическом, ботаническом и зоологическом отношении Устиновские известняки удалось отнести к памятникам природы Челябинской области, который регулируется Федеральным законом от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» регулирует отношения в области организации, охраны и использования памятников природы. Теперь любая хозяйственная деятельность в этом месте запрещена [3].

Историческая ценность каньона в том, что здесь обнаружили стоянку человека каменного века и нашли маленькую

пещерку с большим количеством костей животных, на которых охотились древние люди: мамонта, шерстистого носорога, большерогого оленя, сайгака и многих других. Ученые пришли к выводу, что каньон был местом охоты: животных загоняли к обрыву, те падали вниз и погибали [5].

Экологическая ценность объекта в том, что здесь находится одно из трех мест, где произрастает редчайший краснокнижный цветок — лапчатка Мулдашева [1]. Также каньон представляет собой уникальный участок реликтовой растительности и является естественным резерватом редких растений, значительная часть которых включена в Красную книгу [2].

Для развития экологического туризма в Устиновских известняках можно создать историко-культурный и экологический парк, а пещерные объекты подготовить к экскурсионному осмотру и включить в туристскую тропу, например, проложить тематическую тропу под названием «Охота на мамонта» [7; 8].

Устиновский каньон — это живописное природное образование, расположенное в живописной местности и привлекающее внимание как туристов, так и местных жителей. Устиновский каньон в Челябинской области следует включить в историко-туристический потенциал региона. Известняк славится своими впечатляющими скальными образованиями, которые создают захватывающие виды и уникальные возможности для фотографирования. Этот природный объект также является ценным местом для изучения геологических процессов и экосистем, характерных для данного региона.

Устиновский каньон предлагает разнообразные возможности для активного отдыха: пешие прогулки, скалолазание и наблюдение за дикой природой. В настоящее время посещение данного природного объекта доступно для посетителей. Богатая флора и фауна делают его интересным местом для натуралистов и любителей природы. Кроме того, каньон служит важной площадкой для экологического просвещения и воспитания, привлекая внимание к необходимости сохранения природных богатств.

Значимость Устиновского каньона заключается в необходимости его охраны и ответственного использования. Сохранение таких уникальных природных объектов имеет ключевое значение для поддержания биоразнообразия и обеспечения возможности будущим поколениям наслаждаться красотой и величием природы.

Южноуральский каньон один из уникальных уголков Челябинской области как для науки, так и для туризма. В Устиновских известняках можно создать природно-исторический парк, а пещерные объекты подготовить к экскурсионному осмотру и включить в туристскую тропу.

Список источников и литературы

1. Вериго, В. Тайны карстового каньона / В. Вериго // Вечерний Челябинск. — URL: <https://archive.vecherka.su/articles/society/38234/?ysclid=mps6u4ndlu116600897>. — Дата публикации: 11.12.2009.
2. Гранд-каньон Миасского района / hydrotherma // LiveJournal. — URL: <https://hydrotherma.livejournal.com/70908.html>. — Дата публикации: 19.06.2020.
3. Об особо охраняемых природных территориях : Федеральный закон от 14.03.1995 № 33. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/bf2f55adceb44b77efa361ed76890ad74cd5cd8d/ (дата обращения: 24.03.2026)
4. Распопов, П. Устиновский каньон (Устиновские известняки) на реке Миасс / П. Распопов // Ураловед : электрон. журн. — URL: <https://uraloved.ru/ustinovskiy-kanyon>. — Дата публикации: 27.10.2015.
5. Сафин, А. Устиновские известняки в Челябинской области объявлены памятником природы / А. Сафин // Информационное агентство «Первое областное» — URL: <https://m.1obl.ru/news/olyudyakh/ustinovskie-izvestnyaki-v-chelyabinskoy-oblasti-obyavleny-pamyatnikom-prirody/>. — Дата публикации: 15.03.2023.
6. Устиновские известняки. Устиновский каньон. — URL: <https://a2tour.ru/tury-po-uralu/dostoprimechatelnosti/ustinovskie-izvestnyaki/> (дата обращения: 24.03.2026).
7. Устиновский каньон // Наш Урал и весь мир. — URL: <https://nashural.ru/dostoprimechatelnosti-urala/chelyabinskaya-oblast/ustinovskiy-kanyon/>. — Дата публикации: 09.01.2016 (дата обращения: 24.03.2026).
8. Юрин, В. И. Пещеры Челябинской области: история открытий и результаты исследований. 2011–2020 : сб. материалов : к 25-летию исследовательской деятельности В. И. Юрина / В. И. Юрин. — Челябинск, 2020. — 440 с.

В. И. Юрин

**ПЕЩЕРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАТАВ-ИВАНОВСКОГО
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТЫ
СИКИЯЗ-ТАМАКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
И СИКИЯЗ-ТАМАКСКОЙ НАУЧНО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ В 1996–2020 гг.)**

Несколько пещер в данном округе были известны с XVIII–XIX вв. местному населению: Игнatieвская, Серпиевская-2 (Колокольная), Данко и др. (названия даны современные, XX столетия). В конце 1890-х гг. — самом начале XX в. в перечисленных пещерах даже проводились экскурсии.

Исследования в пещерах р. Сим проводили разные ученые и специалисты начиная с XVIII в.: академик П. С. Паллас — 1770 г. [9], академик Ф. Н. Чернышев — в последней четверти XIX в. [13]; С. И. Руденко — 1913 г. [11], С. Н. Бибииков — 1938–1939 гг. [6]; археолог М. А. Бадер — 1951 г., ИА АН СССР [1]; карстовед, кандидат географических наук А. Д. Сысоев — 1955 г. (Челябинский педагогический институт) [12]; археолог, доктор исторических наук О. Н. Бадер — 1960–1962 гг., ИА АН СССР [2–4], ученые В. Т. Петрин, Н. Г. Смирнов, П. А. Косинцев и др., 1980-е гг., Свердловск [7; 10]. В 1970-е гг. успешные спелеологические исследования проводили спелеологи разных спелеосекций и клубов 5 городов Челябинской области — Златоуста, Коркино, Магнитогорска, Миасса и Челябинска [5].

Первое знакомство автора с отдельными пещерами Катав-Ивановского и Ашинского муниципальных округов произошло в марте 1996 г.

С 1997 по 2021 г. (кроме 2004, 2007, 2013, 2017, 2019 гг.) Сикияз-Тамакская комплексная научно-краеведческая экспедиция (руководитель В. И. Юрин) проводила сплошное комплексное обследование (палеозоологическое, зоологическое, археологическое, спелеоархеологическое и спелеопалеозоологическое) на территории Катав-Ивановского муниципаль-

ного округа [14–22; 24]. Было обнаружено (известных ранее и новых, в том числе погребенных природой) и обследовано 232 пещерных объекта (пещер, гротов, колодцев, скальных навесов и арок) по берегам 8 рек: Сим (притоки: Гамаза, Бидюльга, Танкал), Юрюзань (притоки: Тюлюк, Сильга, Катав) и более 11 ручьёв (Аратский, Малый Каменный, Собакинский и др.), а также — десятков сухих карстовых логов.

Несколько экспедиций было проведено совместно со специалистами ИЭРиЖ УрО РАН: палеонтологами П. А. Косинцевым, Д. О. Гимрановым, А. Н. Петровым, И. Н. Подопригра и специалистами из других городов — археологами В. С. Житенёвым (Москва), А. Г. Горюновым (Челябинск), историками М. Ю. Куликовым (Челябинск), этнографами Е. А. Чуйко и В. В. Тепловым (Челябинск), биологами Ю. А. Тимофеевой (Челябинск) и студентами разных вузов (ЮУрГУ и ЧГИК) [24].

Активно работал в нулевые годы XX в. на территории округа отряд юных спелеологов из Миасса под руководством спелеологов А. П. Козлова и И. Ю. Бодунова [8].

Было обнаружено, обследовано и определено как пещерный комплекс 14 отдельных групп пещер [16, 18, 21, 22, 24].

Ранее, до наших исследований на территории Челябинской области, ни один специалист не обратил должного внимания и не придавал значения, что на отдельных участках местности пещеры расположены группами, поэтому их надо считать и исследовать как пещерные комплексы [19; 21; 23]. Первый пещерный комплекс на Урале был определен на территории Челябинской области в Саткинском округе в 1995 г. и назван Сикияз-Тамакским [15, 17, 19, 23].

В ходе совместной работы в конце 90-х гг. с руководителем комитета экологии округа Н. А. Зениным удалось выяснить, что он уже несколько лет называет и пытается узаконить пещерный участок р. Сим, от пещеры Соломенной и до границы с Ашинским округом, — Серпиевским пещерным градом. Он просил меня лично, чтобы я «не переходил ему дорогу», утверждая, что на таком большом участке р. Сим мы уже зафик-

сировали 8 пещерных комплексов. Я настаивал, что правильно будет называть Серпиевским пещерным градом только группу, состоящую из первых верхних трех Серпиевских пещерных комплексов — 1, 2 и 3. Педагог Серпиевской СОШ, известный экскурсовод и руководитель школьного краеведческого отряда Л. Л. Пядышева меня поддерживала в этом вопросе.

Только в двух пещерных комплексах — Игнatieвском и Серпиевском-1 — находятся широко известные, знаменитые на всю нашу страну пещеры и гроты, а две пещеры — Игнatieвская и Колокольная — являются всемирно известными. Оказалось, что практически все пещерные комплексы, своеобразны, интересны и ценны в научном и в рекреационном плане не только для Катав-Ивановского муниципального округа, но и для Челябинской области и Урала.

Первую интересную и заслужившую внимания информацию о пещерах на территории Катав-Ивановского муниципального округа мне удалось получить в 1994–1995 гг. от некоторых спелеологов г. Челябинска и палеонтолога ИЭРиЖ УрО РАН (Екатеринбург) П. А. Косинцева.

Пещерные комплексы Катав-Ивановского муниципального округа (14 объектов)

Дырявая Скала — находится 0,75 км западнее пещеры Игнatieвской, на правом берегу р. Сим. Объект оределен как пещерный комплекс (ПК) и археологический пещерный комплекс (АПК) в июне 1998 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. Состоит из более 20 пещер и гротов, в том числе пп. Путаная, Игнatieвская Малая, грот Опасный и др. Научные исследования проведены в 1998 г. в пещ. Путаной, где обнаружены археологические (эпохи: раннего железного века, средневековья) и палеонтологические (голоцен) материалы, а также в гроте Опасном, где обнаружены палеонтологические материалы, в основном «сырые» сильно фрагментированные кости большого пещерного медведя (плейстоцен). Является археологическим пещерным комплексом. Название дано под

руководством В. И. Юрина по народному названию скального обнажения, в котором расположен П.К. Объект научно-познавательного и рекреационного значения. Требуется продолжение исследований на данном комплексе.

Игнatieвский — ПК находится 6,2 км северо-западнее с. Серпиевки, на правом берегу р. Сим. Определен как ПК и АПК в июне 2002 г. в ходе повторного спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. Состоит из 4 пещер, в том числе пп. Игнatieвская, Соседки — 1, 2, 3. Исследования в пещере Игнatieвской проводились разными специалистами конца XIX в. (1, 4–6, 8–11, 20) и по сей день. В пещере обнаружены рисунки палеолитической эпохи. Является археологическим пещерным комплексом. Название дано под руководством В. И. Юрина по названию всемирно известной пещеры Игнatieвской. Объект научно-познавательного и рекреационного значения.

Орловский Верхний — ПК находится рядом с с. Орловка, в урочище Ближняя Лука, на лев. берегу р. Катав (левый приток р. Юрюзань). Расположен в скалах Большого Утёса. Обнаружен и определен как ПК в сентябре 2005 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. Состоит из 6 пещер и гротов. Исследования проведены в 2005 г. В некоторых пещерах обнаружены палеонтологические (голоцен) материалы. Название дано под руководством В. И. Юрина по названию близлежащей д. Орловки.

Необходимо продолжить поиск и обследование пещер под Орловкой.

Орловский Нижний — ПК находится рядом с с. Орловка в урочище Ближняя Лука, чуть ниже по течению скал Большой Утёс, на лев. берегу р. Катав (левый приток р. Юрюзань). Обнаружен и определен как ПК в сентябре 2005 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. Состоит из 4 пещер. Исследования проведены в 2005 г. В некоторых пещерах обнаружены палеонтологические (голоцен) материалы. Название дано под руководством Юрина

В.И. по названию близлежащей деревни Орловки. Необходимо продолжить поиск и обследование пещер под Орловкой.

Пасынок — ПК находится на правом берегу ручья Малый Каменный (левый приток р. Юрюзань). Обнаружен и определен как ПК в 2002 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. Состоит из 4 пещер, в том числе пп. Каменная Балка и Капкан. Комплексные научные исследования проведены в 2002 г. Название дано руководителем экспедиции по названию близлежащего урочища. Объект научно-познавательного и рекреационного значения. Необходимо обследовать повторно данный комплекс.

Радужный — ПК находится на правом берегу р. Сим, 0,9 км выше по течению устья ручья Аратского. Определен как ПК и АПК в 2012 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. В 2011 г. на данном участке реки спелеологические исследования, расчистку входов и ходов в некоторых пещерах проводил отряд юных спелеологов г. Миасса, под руководством А. П. Козлова и И. Ю. Бодунова [8]. Комплекс состоит из 6 пещер (входы в трех погребены), в том числе пп. Радужная (известна с 1980 г., длина 68 м [5]) и Хачемизовская (новая, название дано отрядом юных спелеологов г. Миасса). В Хачемизовской пещере в ходе расчистки ходов, спелеологи обнаружили отдельные кости человека и железный наконечник древнего копья. В ходе нашей работы удалось обнаружить более 100 костей разных диких животных: медведь бурый, лось, волк, барсук, заяц, куница и др. Объект научно-познавательного и рекреационного значения.

Необходимо продолжить работы на данном комплексе.

Серпиевский I — ПК находится 1,8 км юго-восточнее с. Серпиевка, на правом берегу р. Сим. Определен как ПК и АПК в 1997 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. Состоит из 12 пещер и гротов, в том числе пп. Майская, Колокольная, Водяная, Вскрытая, гроты Серпиевский Малый и Большой, карстовая арка Скала — Кольцо. Комплексные научные исследова-

ния в пещерных объектах комплекса проводились и проводятся разными специалистами с 1930-х гг. [2; 3; 5–7; 10; 12; 17; 21; 24]. В некоторых пещерах обнаружены археологические (эпохи: палеолита, энеолита, бронзы, РЖВ, средневековья) и палеонтологические (голоцен, плейстоцен) материалы. Название дано руководителем экспедиции по названию близлежащего села. Объект научно-познавательного и рекреационного значения.

Серпиевский II — ПК находится на южной окраине с. Серпиевка, на правом берегу р. Сим, в 60 м выше по течению устья Собакинского ручья. Обнаружен и определен как ПК и АПК в 1997 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. В 2014 г. проведено повторное обследование под руководством В. И. Юрина. Состоит из 5 объектов (еще 1 обнаружили в 2014 г.), в том числе пп. Белая Царица (Серпиевская 3), Грибная, Треугольная, скальный навес и небольшая погребенная пещера малых форм и размеров. В п. Белая Царица, в Большом гроте в 2015 г. на стене обнаружен древний рисунок (1 группа) и фрагмент керамики середины XIX в. Название дано руководителем экспедиции по названию близлежащего села. Объект научно-познавательного и рекреационного значения. Требуется исследование рыхлых отложений в пещере Белая царица.

Серпиевский III — ПК находится на западной окраине с. Серпиевка, на правом берегу р. Сим. Обнаружен и определен как ПК в 1997 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. Состоит из 13 пещер, гротов и карстовых арок, в том числе пещера Симская Сквозная. Название дано руководителем экспедиции по названию близлежащего села. Объект научно-познавательного и рекреационного значения. Требуется продолжить обследование данного комплекса.

У Омута — ПК находится 3 км северо-западнее пещеры Игнatieвская, на правом берегу р. Сим. Обнаружен и определен как ПК и АПК в июне 2001 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного

В. И. Юриным. Состоит из двух гротов: Малый и Большой у Омута. Комплексные научные исследования проводились в 2001–2012 гг. В обоих гротах обнаружены археологические (эпохи: раннего железного века, в том числе первый целый развал сосуда в пещерах Челябинской области и Урала) и палеонтологические (голоцен и плейстоцен) материалы. Название дано руководителем экспедиции по расположению рядом с известным омутом. Объект научно-познавательного и рекреационного значения. Необходимо продолжать исследования.

У Омута Верхний — ПК находится 3,25 км северо-западнее пещеры Игнatieвская, на правом берегу р. Сим, 250 м ниже по течению ПК У Омута, на высоте 70–80 м над рекой. Обнаружен и определен как ПК в августе 2012 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. Состоит из трех пещер (вход у всех юго-западной экспозиции): 1. Медвежья берлога, ранее была берлогой медведей, длина — более 11,2 м; 2. Барсучья гнездо, ныне — барсучья нора, видимая длина — более 3 м; 3. Заячье гнездо, длина более 5 м. Во всех пещерах обнаружено много костей разных видов диких животных голоценовой сохранности: медведь бурый, лось, волк, косуля, лисица, барсук, заяц, куница, белка, водяная полёвка, хомяк, разные птицы, а также — домашняя коза. Название П.К. и пещерам дано руководителем экспедиции по расположению рядом с известным омутом и выше (над рекой) П.К. У омута. Объект научно-познавательного и рекреационного значения. Необходимо продолжать обследование всех трех пещер.

Устьинский — ПК находится 4,5 км северо-западнее с. Серпиевка, на правом берегу р. Сим, в 0,5 км ниже по течению от бывшего Устьинского моста через реку. Обнаружен и определен как ПК. в августе 2008 г. в ходе первого спелеологического обследования, проведенного отрядом юных спелеологов спелеосекции «Агат» г. Миасс под руководством А. П. Козлова и И. Ю. Бодунова. Состоит из 6 пещер и 1 грота: пп. Устьинская — 1, 2, 3, 4, 5, 6 и грот Устьинский. Название дано И. Ю. Бодуновым по названию бывшего моста. Объект

научно-познавательного и рекреационного значения. На данном ПК необходимо провести спелеоархеологические и палеонтологические исследования.

Эссюмский Верхний — ПК находится 5 км северо-западнее с. Серпиевка, на правом берегу р. Сим. Расположен в верхней (по течению) части скалы Эссюмской. Обнаружен и определен как ПК в 1998 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. Состоит из 6 пещер и гротов, в том числе пп. Тоннельная 1 и 2, гр. Безымянный. Название дано руководителем экспедиции по названию скалы Эссюмской и места расположения в ней ПК. Объект научно-познавательного и рекреационного значения.

Эссюмский Нижний — ПК находится 5,5 км северо-западнее с. Серпиевка, на правом берегу р. Сим. Расположен в нижней (по течению) части скалы Эссюмской. Обнаружен и определен как ПК и АПК в 1998 г. в ходе первого спелеоархеологического и палеонтологического обследования, проведенного В. И. Юриным. Состоит из 3 пещер и гротов, в том числе пещера Учительская — объект археологии. Название дано руководителем экспедиции по названию скалы Эссюмской и места расположения в ней ПК. Объект научно-познавательного и рекреационного значения. Необходимо продолжить спелеоархеологические исследования.

Активную помощь в проведении наших экспедиций и разведок оказывали отдельные организации жители Катав-Ивановского округа: в 1997–2002 гг. — комитет экологии округа, руководитель Н. А. Зенин и охранник пещеры Игнatieвской М. Д. Зуев, преждевременно ушедшие из жизни в 2002 г.; Саткинский благотворительный фонд «Милосердие», президент фонда С. П. Коростелёв; в 1997–2006 гг. — педагог Серпиевской СОШ Л. Л. Пядышева со своим школьным отрядом юных краеведов и мн. др. люди, интересующиеся природой и историей родного края. Также в наших экспедициях начиная с 1998 г. на территории данного округа в пещерах и гротах принимали участие: саткинский краевед и спелеолог В. П. Чернецов; отряды юных краеведов г. Сатки (1998 г., СОШ № 10, под руководством педагогов Е. А. Камен-

дровской (Юргановой), В. Г. Хабибуллиной, М. П. Шведовой), СОШ № 13, под руководством И. Ю. Мысовой); отряд юных туристов-краеведов г. Усть-Катава (2001 г., под руководством педагогов И. Ю. Носковой и А. Н. Забродина); отряд юных туристов г. Челябинска (2002 г., под руководством педагога Л. Г. Бесединой); отряд юных краеведов Увельского округа (2006 г., Красносельская СОШ, под руководством педагога Ю. В. Мориной); отряд юных спелеологов спелеосекции «Агат» г. Миасса (2006 г., под руководством А. П. Козлова и Л. С. Кирсановой) [24].

Примечания

Пещерный комплекс — это природное скопление (группа) подземных полостей (пещер, гротов и т. д.) и скальных навесов карстового и/или псевдокарстового происхождения, расположенных компактно на небольшой ограниченной территории (в одной скале, береговом скальном обнажении, в карстовом логу, на одном карстовом поле, в карстовой котловине, карстовой воронке) [21].

Используемые сокращения: ПК — пещерный комплекс; АПК — археологический пещерный комплекс; пп. — пещеры.

Список источников и литературы

1. Бадер, М. А. Отчет о проведении археологической экспедиции на Южном Урале в 1951 году // ИА АН СССР.
2. Бадер, О. Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М.: Наука, 1973. - С. 104-109.
3. Бадер, О. Н. Новые палеолитические местонахождения в пещерах Урала // Археология и этнография Башкирии. — Уфа, 1964. — Т. 2. — С. 24-31.
4. Бадер, О. Н. Следы палеолита в пещере Ямазы-Таш (Игнатиевой) на Южном Урале // Первобытная археология. Поиски и находки : сб. науч. трудов. — Киев : Наукова думка, 1980. — С. 63-70.
5. Баранов, С. М. Колумбы шестого океана / С. М. Баранов. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1987. — 192 с.
6. Бибиков, С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала / С. Н. Бибиков // Советская археология. — 1950. — № 12. — С. 66-104.
7. Историческая геология животных гор Южного Урала / Н. Г. Смирнов, В. Н. Большаков, П. А. Косинцев, Н. К. Панова, Ю. И. Коробейников, В. Н. Олышванг, Н. Г. Ерохин, Г. В. Быкова. — Свердловск : УрО АН СССР, 1990. — 245 с.
8. Корчагина, Н. Подземные первопроходцы / Н. Корчагина // Миасский рабочий. — 2008. — № 169, 11 сент. — С. 3.
9. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства / П. С. Паллас. — Санкт-Петербург, 1786. — Ч. 2, кн. 1: 1770. — 657 с.
10. Петрин, В. Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале / В. Т. Петрин ; ВО «Наука». — Новосибирск, 1992. — 206 с.
11. Руденко, С. И. Лаклинская и Игнатиева пещеры Южного Урала /

- С. И. Руденко // Труды О-ва земледения при Имп. СПб. ун-те. — 1914. — Т. 3. — С. 1–15.
12. Сысоев, А. Д. Спелеоэспедиция под руководством А. Д. Сысоева в бассейне реки Сим в 1955 году (Планы геодезической съемки пещер в бассейне реки Сим) / Архив ЧОКМ.
13. Чернышев, Ф. Общая геологическая карта Европейской России. Лист 139 / Ф. Чернышев // Труды Геологического комитета. Т. III, № 3. — Санкт-Петербург : Тип. А. Якобсона, 1886.
14. Юрин, В. И. Археологический пещерный комплекс / В. И. Юрин // Челябинская область : энциклопедия. Т. 1 / гл. ред. К. Н. Бочкарёв. — Челябинск : Каменный пояс, 2008. — С. 198.
15. Юрин, В. И. Изучение подземных полостей Южного Урала в последние годы (результаты, выводы, проблемы) / В. И. Юрин // Экология древних и современных обществ : тез. докл. конф., посвященной 275-летию РАН. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999.
16. Юрин, В. И. Итоги и выводы пятилетних комплексных исследований подземных полостей Южного Урала / В. И. Юрин // Проблемы экологии и экологического образования Челябинской области : материалы конф. — Челябинск : ЧГПУ, 2001.
17. Юрин, В. И. Комплексное изучение подземных полостей Южного Урала в последние годы / В. И. Юрин // Вестник ЧГПУ, серия 10, изд-во ЧГПУ, 1999.
18. Юрин, В. И. Новые физико-географические объекты Южного Урала / В. И. Юрин // Южноуральская топонимика / М-во по радиационной и экологической безопасности Челябинской области, Челяб. обл. обществ. организация «Центр детско-юношеского туризма и краеведения “Наследие”». — Миасс : Геотур, 2007. — С. 171–173.
19. Юрин, В. И. О перспективности изучения пещер Южного Урала / В. И. Юрин // Пещерный палеолит Урала : материалы междунар. конф. — Уфа, 1997.
20. Юрин, В. И. Пещерные «города» Южного Урала — готовые музеи под открытым небом / В. И. Юрин // Вторая Югорская полевая музейная биеннале : сб. докл. и сообщений науч.-практ. конф. «Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры». — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. — С. 311–322.
21. Юрин, В. И. Пещерные комплексы / В. И. Юрин // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / редкол.: К. Н. Бочкарев (гл. ред.) [и др.]. — Челябинск : Каменный пояс, 2008. — Т. 5. — С. 173.
22. Юрин, В. И. Пещерные комплексы Южного Урала / В. И. Юрин // Природное и культурное наследие Урала : материалы IV регион. науч.-практ. конф., 17 мая 2006 г. / сост.: Н. А. Ваганова, Н. С. Рассказова; науч. ред. Н. Г. Алухтина. — Челябинск : ЧГАКИ, 2006. — С. 116–121.
23. Юрин, В. И. Разведки в пещерах Южного Урала / В. И. Юрин // Археологические открытия 1995 года. — Москва, 1996. — С. 303–304.
24. Юрин, В. И. Спелеоархеологические экспедиции «Сим 1998 — 2002» // Природное и культурное наследие Урала : материалы IV регион. науч.-практ. конф. — Челябинск, 2006. — С. 121–122.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

УДК908(470.5)

А. А. Шульга

С. Т. АКСАКОВ: 235 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПЕВЦА УРАЛЬСКОЙ ПРИРОДЫ

1 октября 2026 г. исполняется 235 лет со дня рождения Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859) — русского писателя, мемуариста, литературного и театрального критика. Аксаков родился в Уфе и провел значительную часть жизни в Оренбургской губернии, что непосредственно отразилось на тематике его произведений [3]. Настоящая статья рассматривает основные биографические сведения об Аксакове в уральском контексте и дает характеристику его главных сочинений [2].

1. Уральские корни: детство и юность в Оренбургском крае. Сергей Тимофеевич Аксаков родился 20 сентября (1 октября по новому стилю) 1791 г. в Уфе — административном центре Оренбургской губернии. Отец — Тимофей Степанович Аксаков, прокурор земского суда; мать — Мария Николаевна Зубова. Семья принадлежала к потомственному дворянству и владела поместьями в Бугурусланском уезде Оренбургской губернии.

До 1799 г. Аксаков жил в Уфе. Затем семья переехала в имение Ново-Аксаково (Знаменское) Бугурусланского уезда — поместье, основанное в 1760 гг. дедом писателя, Степаном Михайловичем Аксаковым. Имение располагалось в бассейне рек Бугуруслан и Большой Кинель (нынешняя Оренбургская область).

В 1801 г. Аксаков поступил в Казанскую гимназию, в 1804 г. — в Казанский университет, который не окончил (отчислен в связи с переездом в 1807 г.). В 1808–1811 гг. жил в Санкт-Петербурге, служил переводчиком в Комиссии составления законов, участво-

вал в деятельности «Беседы любителей русского слова». В 1811 г. переехал в Москву.

В 1812 г., в связи с Отечественной войной, вернулся в Оренбургский край. В 1816 г. женился на Ольге Семёновне Заплатиной, дочери суворовского генерала. Обосновался в имении Ново-Аксаково; в том же году родился первый сын, Константин. В 1820–1821 гг. и в последующие годы периодически выезжал в Москву.

В 1826 г. Аксаков окончательно перебрался в Москву. В 1827 г. назначен цензором Московского цензурного комитета. В 1828 г. отстранен от должности за пропуск в печать сатирической пьесы Н. И. Надеждина. В 1833 г. назначен инспектором Константиновского землемерного училища. В 1835 г., после преобразования училища в Константиновский межевой институт, стал его первым директором; в 1838 г. ушел с этой должности по состоянию здоровья. В 1843 г. приобрел усадьбу Абрамцево в Московской губернии, где жил до конца жизни.

С конца 1840-х гг. Аксаков страдал от прогрессирующей слепоты. К концу жизни он окончательно потерял зрение, и надиктовывал последние очерки своим близким. Скончался 30 апреля 1859 г. в Москве. Похоронен в Симоновом монастыре; в советский период прах перенесен на Новодевичье кладбище.

2. Путь к литературе от стихов к прозе (до 1840-х гг.). Литературный путь Аксакова был долгим и непростым. В молодости он писал романтические стихи, занимался переводами — переводил Мольера, Буало, Вальтера Скотта, Софокла.

В 1810–1820 гг. Аксаков занимался переводами и театральной критикой. Переводил пьесы Мольера («Скупой», «Школа мужей»), произведения Н. Буало, фрагменты Вальтера Скотта, трагедию Софокла «Филоклет». Критические статьи о театре публиковал в московских периодических изданиях. В 1820 г. в журнале «Вестник Европы» опубликовал стихотворение «Уральский казак», а также несколько других текстов оренбургской тематики: «Послание к брату», «Осень», «Послание в деревню».

В 1834 г. в альманахе «Денница» опубликован очерк «Буря» — описание степной метели в Оренбургском крае. Имен-

но этот небольшой текст открыл Аксакову путь к его главному творческому методу — воссозданию живой действительности через конкретные, осязаемые детали, через точное наблюдение и любящий взгляд на мир. В том же году под псевдонимом «Истома Романов» Аксаков опубликовал статью о Мочалове. На протяжении 1830–нач. 1840 гг. продолжал публиковать театральные рецензии.

3. Охотничьи записки (1847–1855): природа Урала как поэзия. *«Записки об ужении рыбы»* — первая самостоятельная книга Аксакова. Написана в форме очерков о рыбной ловле; охватывает виды рыб, водоёмы, снасти и сезоны ловли в Оренбургском крае. Основана на наблюдениях, накопленных в детские и молодые годы в Ново-Аксаково и его окрестностях. В 1854 г. вышло второе, значительно дополненное издание.

«Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (М., 1852) — книга об охоте, построенная по видовому принципу: отдельные главы посвящены конкретным видам дичи (тетерев, вальдшнеп, дупель, перепел и др.), условиям охоты, снаряжению. Географическая привязка к Оренбургской губернии указана в названии. При подготовке второго издания (1853) текст подвергся цензурным правкам. И. С. Тургенев опубликовал рецензию на книгу в *«Современнике»* (1852, № 2) [6].

«Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» — сборник, дополняющий предыдущие охотничьи тексты. В том же издании напечатана статья И. С. Тургенева «О соловьях». Все три охотничьи книги содержат сведения о природе Оренбургского края первой трети XIX века: видовом составе птиц и рыб, состоянии угодий, местных названиях и практиках.

4. Автобиографическая трилогия (1856–1858). *«Семейная хроника»* состоит из пяти отрывков, охватывающих несколько десятилетий истории дворянского рода, обозначенного в тексте фамилией Багровы. Действие происходит преимущественно в Оренбургской губернии конца XVIII — начала XIX в. В первом отрывке описывается переселение рода с Волги на земли Уфимского наместничества; последующие посвящены брач-

ным и имущественным историям нескольких поколений. Текст основан на семейных преданиях и рассказах родителей; имена и часть топонимов изменены. Работа над книгой велась с перерывами с конца 1840-х гг.; публикация в периодике предшествовала выходу отдельным изданием. Цензурные разрешения были получены не сразу; часть родственников возражала против публикации ряда эпизодов [1].

«*Детские годы Багрова-внука*» описывают детство автора от рождения приблизительно до поступления в Казанскую гимназию (1801). Текст содержит бытовые зарисовки Уфы конца XVIII в., описания природы оренбургской усадьбы, маршруты переездов по губернии [1]. К книге приложена сказка «*Аленький цветочек*» — литературная запись текста, услышанного автором в детстве от дворовой женщины Пелагеи. В 1858 г. сказка издана отдельно.

«*Воспоминания*» охватывают период обучения Аксакова в Казанской гимназии и университете (1801–1807). В том же 1856 г. опубликованы «Литературные и театральные воспоминания», посвященные московскому и петербургскому периодам.

5. Связь творчества с Уральским регионом. Большинство художественных произведений Аксакова тематически связано с Оренбургским краем [4; 5]. В охотничьих книгах описаны природные условия губернии первой трети XIX в.: видовой состав промысловых птиц и рыб, характер ландшафтов (степи, поймы рек, перелески), сезонные явления. Эти сведения представляют интерес как источник по исторической экологии региона.

В автобиографической трилогии зафиксированы сведения о социальном укладе Оренбургской губернии конца XVIII — начала XIX в.: характер помещичьего хозяйства, взаимоотношения между владельцами и дворовыми людьми, административное устройство уездного города, маршруты сообщения между населенными пунктами. Часть топонимов в тексте изменена, что несколько затрудняет географическую атрибуцию описанных мест.

Стихотворение «Уральский казак» (1820) и очерк «Буран» (1834) также относятся к текстам с прямой оренбургской тематикой, однако невелики по объему и носят характер разовых обращений к теме, не связанных с единым замыслом.

6. Значение для Урала и увековечение памяти. Значение Аксакова для уральской и русской культуры определяется несколькими ключевыми составляющими. Во-первых, он создал неповторимый художественный образ Уральского края — его природы, его людей, его исторической судьбы. Этот образ стал неотъемлемой частью русской литературной географии. Во-вторых, Аксаков заложил в русской прозе традицию «природной» литературы — той, в которой природа выступает не декорацией, а живым существом, равноправным участником человеческой истории. Эта традиция получила блестящее продолжение у Тургенева, Толстого, Пришвина, Паустовского. В-третьих, автобиографическая трилогия Аксакова стала образцом мемуарной прозы — жанра, в котором личная память становится инструментом постижения истории целого народа и целой эпохи.

Несмотря на то, что Аксаков в период его расцвета жил и трудился в Москве, где и умер в 1859 г., его подлинная родина не забыла его «подвига». В Уфе с 1991 г. действует мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова, расположенный в историческом здании, связанном с семьей писателя. С 1991 г. в Оренбургской области и Башкортостане проводится Международный Аксаковский праздник — ежегодное культурное мероприятие, приуроченное к дате рождения писателя. Ряд библиотек и учебных заведений Башкирии и соседних регионов носит имя Аксакова. На территории нынешней Оренбургской области сохранилось село Аксаково (бывшее Ново-Аксаково) — место расположения родового имения; здесь действует литературно-мемориальный музей-заповедник. Его имя носят улицы Уфы, Орска, Стерлитамака, Оренбурга, Белорецка, Кумертау, Самары и других городов.

С. Т. Аксаков (1791–1859) — уроженец Уфы, проводивший детство и часть зрелых лет в Оренбургском крае. Его охотничьи

записки и автобиографическая трилогия тематически связаны с этим регионом и содержат сведения о его природе и социальном укладе в конце XVIII — первой трети XIX в. В биографическом отношении уральский период охватывает детство, военные годы и первые годы семейной жизни. После 1826 г. Аксаков постоянно жил в Москве; обращался к уральской тематике в литературных произведениях.

235-летие дня рождения Сергея Тимофеевича Аксакова — это не только литературная дата, но и региональная. В этот год особенно важно вспомнить «уральского поэта» и снова обратиться к его творчеству. Урал оставляет за собой право гордиться тем, что он дал России писателя такого масштаба. Его книги — живая память о природе и людях нашего края в ту эпоху, когда степи были бескрайними, реки — полноводными, а человек еще умел слышать голос земли.

Список источников и литературы

1. Аксаков, С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука / С. Т. Аксаков. — Уфа : Башкирское книжное изд-во, 1983. — 208 с.
2. Аксаков, С. Т. Собрание сочинений : в 5 т. / С. Т. Аксаков. — Москва : Правда, 1966. — Т. 5. — 488 с. — (Библиотека «Огонек»)
3. Аксаков, Сергей Тимофеевич // Знание — сила: электронная энциклопедия. — URL: https://znanierussia.ru/articles/Аксаков,_Сергей_Тимофеевич (дата обращения: 17.04.2026).
4. Машинский, С. И. С. Т. Аксаков: жизнь и творчество / С. И. Машинский. — Москва : Художественная литература, 1973. — 575 с.
5. Прянишников, Н. Писатели-классики в Оренбургском крае / Н. Прянишников. — Чкалов : Чкаловское книжное изд-во, 1946. — 142 с.
6. Тургенев, И. С. Рецензия на «Записки оружейного охотника» / И. С. Тургенев // Современник. — URL: <https://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika/zapiski-ohotnika-orenburgskoj-gubernii.htm> (дата обращения: 30.04.2026).

А. В. Лушникова**СЛЕДОПЫТ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. ИТОГИ РАБОТЫ ЗА 1995–2025 ГГ. В. И. ЮРИНА (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Юрин Владимир Иванович (род. 25.02.1956, с. Канаши Красноармейского р-на Челябинской области), археолог, спелеолог, спелестолог, член-корреспондент Российской Народной АН, член Совета челябинского регионального отделения Русского географического общества, член Союза краеведов России, координатором комиссии по археологии и палеонтологии Ассоциации спелеологов Урала (1997–2008), академик МОО Академии детско-юношеского туризма и краеведения им. А. А. Остапца-Свешникова (с 2004), лауреат премии Законодательного Собрания Челябинской области в сфере культуры и искусства, ветеран ВС СССР, подполковник в отставке.

Окончил Челябинское высшее военное автомобильное командное училище (1977), ЧелГУ по специальности «история» (1997). В 1957–1973 гг. жил в с. Еманжелинка (Еткульский р-н). В старших классах руководил школьным отрядом юных армейцев. Постоянно был передовиком в сборе металлолома. В конце ноября 1969 — начале января 1970 г. отдыхал и учился в Международном пионерском лагере Артек. С конца августа 1977 г. служил в Вооруженных Силах СССР, в конце 1993 г. уволен в запас в звании подполковника. В апреле 1977 г. принимал участие в крупных учениях Закавказье-77, Закавказского военного округа, на территории Армянской ССР. В 1982 г. во время службы в ВС СССР принимал участие в уборке урожая в Соль-Илецком и Адамовском районах Оренбургской области, а также (убирали рис) в Ханкайском муниципальном округе Приморского края, вблизи озера Ханка, вдоль границы с Китаем [30].

С детства, многие годы занимался коллекционированием монет, медалей, значков, марок и спичечных этикеток, постоянно собирал разные старые предметы из разных металлов, керамики и дерева.

В 1974 г. впервые участвовал в работе археологической экспедиции УрГУ на территории Челябинской области. В 1986–1994 гг. — участвовал в работе разных археологических экспедиций на Западной Украине: в Волынской, Житомирской, Ивано-Франковской, Львовской, Ровенской, Тернопольской, Хмельницкой, Черновицкой областях и в Крыму. В начале 1990 гг. лично обнаружил и вскрыл никому не видимую, погребенную пещеру на юго-западе Львовской области, в которой обнаружил впервые в истории изучения пещер Украины (исключая Крым), культурный слой с мамонтовой фауной и орудием труда (остроконечник) неандертальцев. В 1980 гг. 2 раза очень удачно участвовал в поиске пропавших без вести воинов в годы Великой Отечественной войны на территории Львовской и Житомирской областей Украины. За годы жизни посетил более 50 городских и районных музеев на территории разных областей и республик бывшего СССР.

В 1995 — 1997 гг. работал слесарем-станочником на заводе «Профнастил», с 1996 г. — гл. специалистом ГНПЦ по охране исторического и культурного наследия Челябинской области, в 1999 — 2006 гг. — ст. научный сотрудник, заведующий филиалом «СТПК» в Челябинском областном краеведческом музее. С октября 2006 г. по май 2014 г. работал в Областном Центре дополнительного образования детей. С 02.06.2014 г. и по настоящее время работает ст. н. с. в Центре историко-культурного наследия г. Челябинска [3, 4, 30].

Его научные интересы: спелеология, палеонтология, спелестология, археология, обследование вершин Южно-Уральских хребтов и отдельных гор, с целью обнаружения высокогорных святилищ и жертвенных мест, поиск и первичное обследование мегалитических сооружений; поиск и первичное обследование местонахождений мамонтовой фауны по берегам рек и речек, ручьёв, оврагов, промоин и озёр [3, 4, 30].

Занимается краеведением разных направлений и экскурсионным туризмом — периодически проводит полевые экскурсии на территории всей Челябинской области.

В 1995 г. организовал Челябинский спелеоархеологический отряд, в 1997 г. — Сикияз-Тамакскую комплексную археологическую экспедицию, в 2005 г. — Сикияз-Тамакскую комплексную научно-краеведческую экспедицию и АНО «Южно-Уральский центр комплексного изучения пещер «Следопыт» [30].

Является единственным в Челябинской области спелеоархеологом и единственным специалистом, занимающимся поиском местонахождений мамонтовой фауны на всей территории Челябинской области.

Владимир Иванович активно сотрудничает с музеями, библиотеками практически всех городов и районных центров области, а также является своеобразным педагогом: ежегодно работает с подростками, совместно с разными организациями проводит полевые экспедиции и лагеря школьников, ведет совместную работу с разными общественными организациями, в том числе военно-патриотическими. По материалам журналов ежегодно можно проследить весь организационно-исследовательский путь Юрина В.И. [30].

Ежегодно, начиная с 1995 г., совместно с разными структурами, отдельными любителями природы и истории, организывает и проводит научно-краеведческие экспедиции и разведывательные походы с взрослыми и школьными отрядами разных сёл, посёлков и городов области на территории 29 административных округов Челябинской области: Ашинском, Агаповском, Варненском, Верхнеуральском, Верхнеуфалейском, Еманжелинском, Еткульском, Златоустовском, Карталинском, Каслинском, Катав-Ивановском, Кизильском, Красноармейском, Кунашакском, Кусинском, Миасском, Нагайбакском, Нязепетровском, Октябрьском, Пластовском, Саткинском, Снежинском, Сосновском, Троицком, Увельском, Уйском, Усть-Катавском, Чебаркульском, Чесменском [21, 26, 28, 29, 30].

Впервые на Урале начал проводить сплошное спелеоархеологическое и палеозоологическое обследование на всей территории Челябинской области [26].

Разработал методику поиска и вскрытия погребенных (закрытых природой) подземных полостей, даже не видимых, а также — разных, но не известных местному населению. В определенном объёме научился читать живую и не живую природу, что существенно облегчает и способствует проводить исследования и делать серьёзные выводы и открытия.

Большим подспорьем в открытии постоянно новых и интересных природных и природно-исторических объектов, является соблюдение одного из важных методов полевых исследований — опрос населения, который он проводит массово.

Ежегодно проводит:

1. Комплексное изучение пещер Южного Урала. За 31год (1995–2025 гг.) исследований проведено более 1060 полевых выходов из Челябинска (экспедиций и разведывательных походов) на территории 29 административных округов Челябинской области, 9 — Республики Башкортостан, 3 — Оренбургской области, 1 — Свердловской области, 1 — Пермском крае; 1 — Марий-Эл [33].

2. Большую часть комплексных экспедиций и разведывательных походов проводит совместно со школьными отрядами юных краеведов, геологов, экологов, военно-патриотических клубов разных городов и округов Челябинской области и с отдельными семьями: родители и дети).

Осмотрел и описал более 2300 подземных полостей (72% из них впервые), только на территории Челябинской области. В ряде округов области (Варненском, Верхнеуфалейском, Еманжелинском, Еткульском, Златоустовском, Карталинском, Кизильском, Коркинском Красноармейском, Кунашакский, Нагайбакский, Пластовский, Снежинский, Сосновский, Уйском, Чебаркульском, Чесменском), где ранее не были известны и/или обследованы археологическими и палеозоологическими методами пещерные объекты (естественные и искусственные подземные полости), обнаружил, обследовал и описал их впервые [32, 34].

Определил и первично обследовал (впервые на Южном Урале):

– 136 пещерных комплексов на территории 28 округов Челябинской области), в том числе в 1995 году — Сикияз-Тамакский

ПК, открытый под его руководством (Саткинский, р. Ай, в 1999 г. объявлен памятником истории и культуры областного значения), в 1998 г. — Худолазский ПК (Кизильский, р. Худолаз), в 1999 г. — Злоказовский ПК (Кусинский, р. Большая Арша), в 2001 г. — ПК «У Омута» (Катав-Ивановский, р. Сим), в 2006 г. — Ашинский ПК (Ашинский, руч. Барсучий Дол), в 2009 г. — Баландинский ПК (Сосновский, р. Миасс), в 2010 г. — Борисовский пещерный комплекс (Пластовский, Борисовская сопка), в 2019 г. — ПК Таганай-1 (Златоустовский, гора Двуглавая сопка), в 2025 г. — ПК Собака-камень (Кизильский) и др. ПК [11, 13, 14, 20–24, 32, 34];

– самый большой и глубокий в области карстовый провал (воронка) — диаметром — 75 м; — глубиной — 20 м, (в 2025 г., Нязепетровский, рядом с пос. Сказ, назвали — Большой Сказовский);

– 21 комплекс шахт и/или штолен (КШШ) по добыче медной и железной руд, золота и других пород и минералов: Карабашский — 1, Каслинский — 1, Кизильский — 3, Кыштымский — 1, Миасский — 4, Нязепетровский — 1, Пластовский — 2, Саткинский — 2, Сосновский — 2, Уйский — 1, Чебаркульский — 1, Челябинский — 1, Чесменский — 1 [18, 31].

Обнаружил и обследовал несколько новых карстовых арок и мостов: Улуирская арка (Саткинский окр, р. Улуир), Новопокровский карстовый мост (Кизильский окр., р. Худолаз), арки Ашинского (Ашинский окр., руч. Барсучий Дол) — 4 объекта и Сикияз-Тамакского (Саткинский окр., р. Ай) — 3 объекта пещерных комплексов [26, 27].

Под руководством В. И. Юрина проведено:

– открытие новых пещерных объектов методом вскрытия погребенных (закрытых природой) входов: впервые в около 100 пещерах и гротах 26 административных округов: — Ашинском (пп. Барсучье царство, Надпрудная и др.); Агаповском (пп. Флюсовая и др.); Верхнеуральском (несколько пп. на горе Маяк); Верхнеуфалейском (2 пп. на горе Бол. Камень), Еманжельинском (Ключи-1 и 2, Красногорский провал-1); Еткульском (п. Еткульская, 1 пещ. в ПК Ключевской и др.); Златоустовском

(пп. Преображенская и др.); Карталинском (2 пп. на р. Ниж. Тогузак); Каслинском (3 пещеры на р. Багаряк); Катав-Ивановском (п. Грибная и около 20 в разных местах); Кизильском (п. Висячий Камень-1 и др.); Коркинском (п. Первомайская Яма), Кунашакском (несколько пп. в П.К.-х Солянобродский-1 и 2); Кусинском (пп. Верхнебейдинская-1 и др.); Миасском (пп. Голуха-1, Медвежья и др.); Нагайбакском (пещеры ПК Таш-елгинского); Нязепетровском (пп. Болин-Ат-Кул, Юннатов и др.); Пластовском (2 пещеры: 1 на Борисовской сопке, 1 в Санаарском бору); Саткинском (пп. Лисий схрон, Мёртвой Козы, Хомутино-Улуирская, Чебаркульско-Улуирская, Уткина, Юлии, и др.); Снежинском (несколько пещер П.К. У Шайтан камня); Сосновском (2 пещеры в ПК Баландинском); Троицком (пп. Пугачёвская-3 и др.); Увельском (пп. Кайгородовы 1 и 2, Кайгородов колодец, Копейско-Зауральская, Барсучий ход-1 и др.); Уйском (1 пещера в Кочневском ПК и 1 пещера на притоке р. Увельки); Усть-Катавском (4 пещеры по берегам р. Юрюзань); Чебаркульском (3 пещеры) [16, 26, 27, 32–34];

– вскрытие впервые вторых погребенных входов (закрытых природой) — примерно в 50 пещерах в 18 административных округах (Ашинском, Агаповском, Верхнеуральском, Еткульском, Златоустовском, Карталинском, Каслинском, Катав-Ивановском, Кизильском, Кунашакском, Миасском, Нагайбакском, Нязепетровском, Пластовском, Саткинском (пп. Волчье логово, Каменная Пристань-1, Каминная и др.); Сосновском (Баландинская-1), Увельском (пп. Копейско-Зауральская, Красносельская, Норки, Притон, Сухарышские сквозные — 3 и 5), Чебаркульском 1 п.) [16, 21, 25, 32, 35];

– расчистка внутренних ходов и гротов в 152 пещерах 29 административных округов (Ашинском, Агаповском, Варненском, Верхнеуральском, Верхнеуфалейском, Еманжелинском, Еткульском, Златоустовском, Карталинском, Каслинском, Катав-Ивановском, Кизильском, Коркинском, Красноармейском, Кунашакском, Кусинском, Миасском, Нагайбакском, Нязепетровском, Пластовском, Саткинском, Снежинском, Соснов-

ском, Троицком, Увельском, Уйском, Усть-Катавском, Чебаркульском, Чесменском [25, 27, 33–35];

– соединение между собой нескольких пещер: в Кизильском — 1, в Саткинском: Танцевальный Грот со Смежной-1; в Снежинском (на ПК У Шайтан Камня), в Сосновском (Баландинская сквозная), в Увельском: Восьмиглазка-2 с Восьмиглазкой-3; Копейская с Зауральской, Кайгородова-1 с Кайгородова-2; Красносельская-1 с Красносельской-2;

– обустройство в более 60 пещерах для безопасного и удобного использования в туристско-экскурсионных целях в 21 округе: Агаповском — в п. Флюсовая; Ашинском — в пп. АПК-1, Бабье Ухо-3, Гребневая верхняя и др.; Верхнеуральском — в 6 пещерах: Бугодагские Большая и Малая, Жуковская, Смеловская — 1, 2 и др.; Верхне-Уфалейском — в п. Большой Камень-1; Еткульском — в п. Еткульская; Златоустовском — в п. Преображенская, грот Черепановский; Карталинском — в п. Белая гора-5; Каслинском — в пп. Зотинская и др.; Катав-Ивановском — в пп. Грибная, Жемчужная и др.; Кизильском — в пп. Висячий Камень-1, Грязнушинская, Новинская-1 и др.; Кунашакском — в п. Совиное Гнездо; Кусинском — в п. Бейдинская; Миасском — в пп. Голуха-1, Медвежья сквозная и др.; Нязепетровском — в пп. Болын-Ат-Кул, Под Ущельем, Юннатов и др.; Пластовском — в п. Борисовская Сопка сквозная; Саткинском — в пп. Безымянная, им. Бирюкова, Волчье Логово, им. Гофмана, Зигзаг, Каменная Пристань-1, Лисье Логово, Лисий Схрон, Маковка, им. Палласа, Сикияз-Тамакская сквозная, Старое Логово, Уткина, Хомутинино-Улуирская, Чебаркульско-Улуирская и др.; Снежинском — в двух пещерах ПК У Шайтан камня; Сосновском — в пп. Баландинская Малая и др.; Увельском — Барсучий Ход-1, Брахиоподовая, Кайгородова-1 и 2, Копейско-Зауральская, Красногорская-2, Красносельская, Меандровая, Притон, Сухарышская Сквозная-2; Уйском — п. Кочневкая-2; Усть-Катавском — в пп. Кочкири-1 и др. Все пещерные объекты опробированы при проведении экскурсий [11, 13, 14–16, 21, 25, 27, 33–35];

– значительное удлинение известных ранее пещер (25 % и более): Ашинском — пп. Гребневая верхняя, На Кордоне и др.; Каслинском — п. Зотинская и др.; Кизильском — пп. Варваринская, Новинская-1 (на 41 м) и др.; Саткинском — Каминная, Сикийз-Тамакская Сквозная и др.; Увельском — Восьмиглазка-2, Мал. Жемеряк, Притон, Сухарышские Сквозные 2 и 5;

– незначительное удлинение известных ранее пещер (менее 25 %): Агаповском — п. Авдотьянская; Ашинском — п. Никольская, Пожарный грот; Саткинском — Бирюкова, Гофмана, Миклухо-Маклая, Святой Марии, Юлии и др.; Увельском — Большой Жемеряк, Казачий Стан [33];

Ввел в научный оборот новые понятия: пещерный комплекс (ПК), археологический пещерный комплекс (АПК), погребенная пещера, комплекс шахт и/или штолен (КШШ) [23, 24].

Заложил (1996–1997) самый глубокий в пещерах Урала разведывательный шурф (Саткинский округ, пещера Каминная, Сикийз-Тамакский пещерный комплекс, глубина 6, 03 м).

Обнаружил и первично обследовал:

1. 12 пещер длиной около и более 100 м в 4-х муниципальных округах [33]:

– Агаповский — п. Флюсовая (более 212 м) [33];

– Нязепетровский — пп. Юннатов (более 213 м на кон. 2016 г.) и Болин-Ат-Кул (более 202 м на кон. 2016 г.) [33];

– Саткинский — пп. Палласа П. С. (более 366 м, была самой большой из открытых в Челябинской области за последние 37 лет — после 1985 и до 2022 г.), Маковка (более 100 м); Старое Логово (более 110 м); Волчье Логово (более 60 м), Хомутино-Улуирская (более 90 м), Чебаркульско-Улуирская (более 76 м) [разные].

– Увельский — пп. Копейско-Зауральская (более 274 м, самая длинная в округе), Кайгородова-1 (более 115 м), Брахиоподовая (более 100 м) [15, 16, 27].

Все 12 пещер практически горизонтальные, удобные и безопасные для проведения в них научно-познавательных экскурсий. Поэтому, работы по их удлинению и обустройству продолжаются почти ежегодно с года их открытия.

2. Более 400 погребенных пещер (вскрыто около 100 под руководством В. И. Юрина).

3. Первую пещеру на Урале — вулкано-генную, тоннельную, трещинного типа — Висячий Камень-1, вскрыли, так как была погребена, обследовали и расчистили пока только до 26 м длины (Кизильский округ) [34].

4. Самую высокогорную (1192 м в Б. с. в.) псевдокарстовую пещеру, в области и даже на Урале, которая была вскрыта, расчищена и названа Преображенской (Златоустовский округ, хребет Уреньга, Вторая сопка) [33].

5. Самый большой по площади среди высокогорных на Урале (877 м в Б.с.в.) в кварцитах и уникальный, с арочным сводом — грот Черепановский (Златоустовский округ, хребт Уреньга, Вторая сопка) [33].

6. Первую пещеру в области, содержащую кристаллы хрусталя (п. Баландинская Хрустальная (Сосновский округ, ПК Баландинский) [32].

7. Первую пещеру в Курганской области, в Катайском округе, на р. Синаре, 2025 г., пещера — псевдокарстовая, горизонтальная, малых форм и размеров, назвали Зырянская Зырянская.

Обнаружил впервые на территории Челябинской области:

- около двухсот новых объектов археологии, в том числе около 100 пещерного типа [11; 13; 14; 27];

- следы палеолитической эпохи в 12 пещерах, на территории Челябинской области [1; 11; 13; 14; 27];

- самый древний культурный слой в пещерах Урала, на СТПК в пещере Каминной, в слое 11 (верх), глубина -2,94 м, фрагмент кости мамонта, радиоуглеродная дата 57300 лет некалиброванная (номер образца ОхА-10916 [1];

- самый большой пещерный археологический комплекс на Урале и в России — Сикияз-Тамакский, в Саткинском округе на р. Ай [11; 13; 14];

- два древних городища – Сикияз-Тамакские верхнее и нижнее в Саткинском округе, на вершинах береговых скал р. Ай [27; 33];

- в отдельных пещерах материалы, определяющие новый тип святилищ и жертвенных мест; Катав-Ивановский — Водяная, грот Малый У омута; Саткинский — Бирюкова, Сикияз-Тамакская Сквозная, Святой Марии, Танцевальный грот, Уютный грот, Увельский — Притон, а также и в других округах области, впервые на Урале и РФ [2];

- следы земляных работ людей эпох бронзы, РЖВ и средневековья в ходе раскопок в пещерах: Каминная и Танцевальный грот (Саткинский муниципальный округ [11; 13; 14];

- впервые в области на территории Увельского округа в 7 пещерах одновременно — кости бурого медведя и человека (Казачий стан (2004), Притон (2005, 2010), Бол. Жемеряк, Сух. Сквозная-2, Кайгородова-1 (2008), Копейско-Зауральская (2007), Красногорская-2 (Под Вышкой-1, Бортовая) [16; 33];

- в пещерах Челябинской области конские удила: — в Саткинском округе в бывшей погребенной пещере Чебаркульско-Улуирской — железные, датированные 19 веком; — в Увельском округе в бывшей погребенной пещере Копейско-Зауральской в вертикали входного хода номер 4 — бронзовые (1/2 часть), датированные 7 веком до н.э. [11, 13, 14, 16].

Под его руководством были открыты и первично обследованы на территории Челябинской области:

- новые святилища на вершинах гор (скал) в 4-х округах: в Верхнеуральском — Диё-Таш (Верблюд-Камень), в Кусинском — Злоказово-1, в Миасском (Государственный Ильменский заповедник) — Соколиная Горка, в Саткинском — Сикияз-Тамакский гребень [28; 29; 34].

- наскальную живопись: — писаница Ельцовская, под Ельцовским скальным навесом на р. Юрюзань (Салаватский округ, Республика Башкортостан, 1998 г.); — писаница Кыштымская под большим скальным навесом на лесном ручье (Кыштымский округ, Челябинская область, 2024 г.) [31];

- гроты и скальные навесы с пристроенными каменными стенками (на озере Большой Агардяш, Карабашский городской округ; на озере Малое Миассово, Миасский городской округ;

на озере Большой Сунукуль, Чебаркульский муниципальный округ) [18; 28; 29];

– самый высокогорный (877 м в Б.с.в.) пещерный объект на Урале — грот Черепановский, где прятался от правосудия беглый Черепанов (Златоустовский округ, хребет Уреньга, Вторая сопка) [33];

– природно-исторический комплекс, состоящий из двух объектов: группа природных скальных останцев в виде стогов сена разных размеров и завод под открытым небом по производству мельничных каменных жерновов (полный производственный цикл), XIX — нач. XX в., названный участниками экспедиции Каменные стожки (Чебаркульский муниципальный округ) [33];

– более 30 комплексов каменных сооружений 9 типов, в том числе мегалитических: — дольмены: в Верхнее-Уфалейском — Бол. Шихан I — VI, в Карабашском — Лебяжий I и II, в Миасском — Александровская Сопка; платформы: в Катав-Ивановском — Юкала, в Саткинском — Зюраткульский, Шаровский I и II) и др. [18; 28; 29];

– разные подземные сооружения 4-х видов, на Верхне-Кыштымском заводе XVIII-XIX вв., в том числе «легендарную» тюрьму XVIII в/, рядом с восточной башней (2003) [31];

– клейма XVIII в/ рода Демидовых, впервые на территории Челябинской области, в восточной башне Белого дома, на 2-х металлических стяжках (2003) [31];

– промышленный клад (пробники, более 100 экз., более 10 видов) впервые на уральских заводах XVIII-XIX вв., на территории Верхне-Кыштымского завода [31];

За годы своих исследований, работы проводил по берегам 44 озер, 97 рек, 41 ручьев, более 60 оврагов и логов, где обнаружил и обследовал более 300 местонахождений мамонтовой фауны (большую часть — впервые) [33].

Обнаружил и произвел сбор: — остеологических (палеозоологических и археозоологических) материалов голоценовой сохранности в более 400, а плейстоценовой — в около 100 пещерах и гротах [28; 29; 33];

Обнаружил впервые кости редких для нашей территории древних животных:

– в пещерах Урала: — дикобраза (п. Палласа, Саткинский окр.) [15]; — эласмотерия: — зуб в п. Смеловская II, Верхнеуральский округ, — череп и позвонок в новом овраге-промоине реки Еманжелинки, Еманжелинский округ (2021); — зуб на бечевнике реки Увельки, Чебаркульский округ (2022); — зуб на бечевнике реки Увельки, Троицкий округ (2025);

– на территории Урала и Западной Сибири — лошади, самой крупной особи из обнаруженных за всю историю исследований (п. Маковка, Саткинский окр.) [33]; — Ашинский — в пещерах Гребневая Верхняя, Жукова Шишка-1, Киселёвская, Кольцевая, Никольская; Кизильский — в пп. Варваринская, Новинская-1; Кыштымский — в п. Сугомакская; Саткинский — в пещерах Кургазакская, Шахта-30, Сосновский — в п. Баландинская большая; Увельский — в пещерах Большой Жемеряк, Казачий Стан, Малый Жемеряк, Сухарышская сквозная-1 [16; 32; 33];

– скопление раздробленных и разрубленных человеческих костей (более 200 экз.) в пещере Колокольная Катав-Ивановского округа;

– самый высокогорный скальный навес Охотничий (731 м в Б. с.в.) в области и даже на Урале, в котором были обнаружены кости голоценовой и плейстоценовой (?) сохранности, а также — каменный предмет, предварительно датируемый — неолит — энеолит (Верхнеуральский округ, гора Большая) [33];

– впервые в России в 2-х пещерах Увельского округа обнаружил скопление волосатиков — червей-паразитов [16; 33].

Все обнаруженные с 1995 по 2025 гг. палеозоологические материалы ежегодно передаются на определение и постоянное хранение в ИЭРиЖ УрО РАН, а отдельные экспозиционные костные материалы — в краеведческие музеи районов, городов и школ Челябинской области. Все, обнаруженные с 1995 по 2025 г. археологические и этнографические материалы, после обработки, так же ежегодно передаются на постоянное хранение в краеведческие музеи городов и округов Челябинской области.

Под руководством В. И. Юрина даны названия более 350 пещерам, гротам и скальным навесам, всем 136 пещерным комплексам, 8 крупным карстовым воронкам и провалам, 18 карстовым полям, 10 карстовым аркам и мостам, 10 карстовым логом, 2 карстовым полям, 6 карстовым котловинам, 11 береговым скалам (притёсам) и скальным останцам, более 300 местонахождениям мамонтовой фауны, более 200 объектам археологии [33].

Благодаря Юрину В. И. в области определено более 50 разных новых пещерных рекордов: Нязепетровский — самый большой и глубокий провал (воронка): диаметр — 75 м, глубина — 20 м; Саткинский — самый крупный пещерный комплекс в РФ — Сикияз-Тамакский [27], самая археологическая пещера в округе — Сикияз-Тамакская Сквозная [27], самая первая пещера с костями дикобраза — Палласа [15] и др.; Сосновский — самая длинная пещера в базальтовой породе — Баландинская Малая [32], самая первая пещера с мамонтовой фауной в округе — Баландинская Малая [32]; Увельский — самая длинная пещера в округе — Копейско-Зауральская, самая глубокая — Красносельская, самая погребальная пещера в округе — Сухарышская Сквозная-2, с самым большим количеством входов Казачий Стан и др. [16].

Ежегодно, количество проведенных экспедиций — разное, максимальное количество — 59 было в 2015 г. Каждый год, в экспедициях и разведывательных походах через Владимира Ивановича проходит от 100 и более 800 юных исследователей из разных сёл, посёлков и городов области и России. Многие годы периодически и/или постоянно с ним работают отряды юных исследователей 20 округов Челябинской области — Агаповский, Ашинский, Брединский, Верхнеуральский, Верхнеуфалейский, Еманжелинский, Златоустовский, Каслинский, Катав-Ивановский, Кизильский, Красноармейский, Кусинский, Нагайбакский, Нязепетровский, Саткинский, Сосновский, Увельский, Усть-Катавский, Чебаркульский, Челябинский [21; 33].

И каждый год — новые и новые открытия и сенсации.

Ежегодно принимает участие в 2–6 научных и научно-краеведческих конференциях, в том числе — в международных,

разного направления. Проводит большую научно-просветительную работу со студентами, школьниками и населением Челябинской области, постоянно выступая с лекциями и беседами в полевых лагерях, в школах, колледжах и вузах, библиотеках и музеях Челябинской области.

Автор более двухсот статей и трех сборников по географии, экологии, палеонтологии, спелеологии, спелестологии, археологии и истории [26; 28; 29; 33].

Многие годы работает над созданием каталога «Местонахождения мамонтовой фауны на территории Челябинской области».

Разработал на территории Челябинской области 156 пещерных, экскурсионных маршрутов, доступных для школьников и новичков разного возраста [16, 25, 27]. Многие новые, открытые под руководством В. И. Юрина пещеры и некоторые ранее известные были включены в активный туристско-экскурсионный оборот, только после их обследования и обустройства: Ашинский — пещеры, гроты и арки Ашинского ПК, п. Гребневая верхняя; Верхнеуральский — отдельные пещеры горы Маяк; Каслинский — п. Зотинская; Кизильский — пещеры Худолазского ПК и пп. Варваринская, Грязнушинская, Новинская-1, Висячий Камень-1; Кусинский — п. Бейдинская; Саткинский — многие пещеры пещерных комплексов Географический, Сикияз-Тамакский, Улуирские — 1, 2, 3, 4, 5, У Черёмухового острова и пп. Безымянная, Волчье Логово, Каменная Пристань — 1, Лисий схрон, Маковка, Палласа, Старое Логово, Хомутино-Улуирская, Чебаркульско-Улуирская и др.; Сосновский — пп. Баландинского и Касаргинских — 1–3 ПК; Увельский — пп. Большой Жемеряк, Восьмиглазка-2, Кайгородова-1, Копейско-Зауральская, Красногорская-2, Малый Жемеряк, Притон, Сухарышская сквозная-2 и др.

Деятельности Юрина В. И. посвящено более 400 публикаций в газетах и журналах Челябинской области, Урала («Челябинский рабочий», 1995; «Южноуральская панорама», 1996), России. Статьи о его деятельности включены в энциклопедии «Челябинская область» и «Саткинский район», созданы доку-

ментальные фильмы «Путешествие в глубины времени», «Земля человека древней эпохи — наша земля», «Удивительное рядом», «Следопыт древних эпох». В 2010 г. принял участие в съемках фильма «Гости из подземелья» (НТВ, цикл «Таинственная Россия»), вышедшего на экран в марте 2011 г. О В. И. Юрине имеется материал в книге «Уральский характер. Люди-звезды. 52 замечательных уральца приглашают в гости» [4; 33].

Отмечен двумя благодарственными письмами и двумя Почетными грамотами губернатора Челябинской области за работу с детьми, в том числе и в областном полевом палаточном лагере «Надежда» при Сикияз-Тамакском пещерном комплексе, Благодарственным письмом, Почётной грамотой и Премией в сфере культуры и искусства (26.01.2022) Законодательного собрания Челябинской области, призом «Золотой компас» — высшей наградой «Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения имени А. А. Остапца-Свешникова» в номинации «Научное открытие», Благодарностью ИЭРиЖ УрО РАН за плодотворное 25-летнее сотрудничество и помощь в изучении истории природы Урала (24.01.2020).

Все экспедиции и разведки, все открытия и сенсации проведены без государственного финансирования и грантов, а благодаря энтузиазму и любви к родному краю спелеоархеолога В. И. Юрина и его друзей, коллег и педагогов школ и колледжей, поддерживающих его и имеющих большое желание вместе со своими школьными отрядами и семьями глубже познавать природу и историю своего родного края.

Владимир Иванович очень активный, грамотный, трудолюбивый, физически развитый и выносливый человек, неизменно удачливый полевой исследователь, грамотный организатор экспедиций и разведывательных походов. Поэтому каждый полевой выход под его руководством приносит хороший, интересный результат, вплоть до серьёзных открытий и даже сенсаций. Кандидат геолого-минералогических наук Т. И. Таранина написала о нём «Счастливчик, который сумел использовать все таланты, подаренные ему господом» [4, с. 203]. Способен

не выходя из кабинета, работая с разными картами и спутниковыми снимками, определять, где по берегам рек, ручьев и озер ежегодно лежат кости древних животных и находятся новые пещеры и гроты, в том числе закрытые, погребенные природой тысячи и более лет назад.

Ежегодно и постоянно встречается с журналистами и писателями, с учеными и специалистами разных направлений, с учителями, студентами и учащимися колледжей и школ. Активно продолжает дело изучения карста и пещер Челябинской области, начатое в 1950–1970-е гг. учеными и педагогами Челябинского педагогического института — А. Д. Сысоевым, Н. П. Шелковской, В. Н. Дубовик.

Постоянные путешествия, исследования и открытия вместе со школьниками на территории Южного Урала — это его образ жизни, его стихия. За его плечами идет уже 32 (2026) год полевых и **лабораторных** исследований на Южном Урале (в 2025 г. — 52 экспедиции) [4].

В. И. Юрин готов и далее продолжать изучать подземный мир, древнюю историю и мамонтовую фауну Урала и радовать население своими открытиями. На ближайшие 10–15 лет запланированы очень большие планы по открытию, обследованию новых подземных объектов во многих округах Челябинской области (слабо или практически не обследованных объекты в округах: Брединском, Верхнеуфалейском, Карабашском, Карталинском, Нагайбакском, Озёрском, Трёхгорненском, Уйском).

В. И. Юрин постоянно старается делиться своими знаниями и опытом с педагогами и студентами вузов, учащимися колледжей и СОШ.

Список литературы

1. Биостратигические исследования отложений Верхнего плейстоцена и голоцена пещеры Сикияз-Тамак 7 (Южный Урал, Россия) / Д. А. Данукалова, В. И. Юрин, П. А. Косинцев, Е. М. Осипова, Р. Г. Курманов // Геологический вестник. — 2018. — № 1. — С. 144–161.
2. Косинцев, П. А. Жертвенный комплекс из пещеры Сикияз-Тамак 1 / П. А. Косинцев, В. И. Юрин // Человек в пространстве древних

- культур : материалы всерос. науч. конф. — Челябинск : Музей-заповедник «Аркаим», 2003. — С. 69–72.
3. Палагина, Т. В. Юрин Владимир Иванович / Т. В. Палагина // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарёв. — Т. 7. — Челябинск : Каменный пояс, 2008. — С. 575.
 4. Чеботаева, М. Владимир Юрин / М. Чеботаева // Уральский характер: люди-звезды! 52 замечательных уральца приглашают в гости / сост. М. Чеботаева. — Екатеринбург : Уральский рабочий, 2014. — С. 202–205.
 5. Юрин, В. И. Разведки в пещерах Южного Урала / В. И. Юрин // Археологические открытия 1995 года. — Москва, 1996. — С. 303–304.
 6. Юрин, В. И. О перспективности изучения пещер Южного Урала / В. И. Юрин // Пещерный палеолит Урала : материалы Междунар. конф. — Уфа, 1997. — С. 39–41.
 7. Юрин, В. И. Изучение подземных полостей Южного Урала в последние годы (результаты, выводы, проблемы) / В. И. Юрин // Экология древних и современных обществ : тез. докл. конф., посвященной 275-летию РАН. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. — С. 24–28.
 8. Юрин, В. И. Комплексное изучение подземных полостей Южного Урала в последние годы / В. И. Юрин // Вестник ЧГПУ. Серия 10. — 1999. — № 1. — С. 67–81.
 9. Юрин, В. И. Спелеоархеологическое обследование территории Южного Урала в последние годы (итоги, выводы, проблемы) / В. И. Юрин // XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. — Челябинск, 1999. — С. 52–54.
 10. Юрин, В. И. Спелеоархеологические исследования на Южном Урале / В. И. Юрин // Пещеры : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. — Пермь, 2001. — С. 135–137.
 11. Юрин, В. И. Сикийз-Тамакский пещерный комплекс: 6 лет исследований / В. И. Юрин // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. междунар. науч. конф. — Оренбург, 2001. — С. 34–36.
 12. Юрин, В. И. Итоги и выводы пятилетних комплексных исследований подземных полостей Южного Урала / В. И. Юрин // Проблемы экологии и экологического образования Челябинской области : материалы конф. — Челябинск : ЧГПУ, 2001.
 13. Юрин, В. И. Сикийз-Тамакский пещерный комплекс: 6 лет исследований / В. И. Юрин // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. междунар. науч. конф. — Оренбург, 2001. — С. 34–36.
 14. Юрин, В. И. Сикийз-Тамакский пещерный комплекс: перспективы и проблемы изучения, использования, охраны / В. И. Юрин // Природное и культурное наследие Урала: материалы I рег. науч. конф. — Челябинск, 2003. — С. 48–50

15. Юрин, В. И. Пещера имени П. С. Палласа / В. И. Юрин // Вестник Челябинского областного общества краеведов. — Челябинск : Челябинское общество краеведов, 2004. — Вып. 6.
16. Юрин, В. И. Увельский карстовый участок — редкий уголок природы Урала / В. И. Юрин // Экологическая политика в обеспечении устойчивого развития Челябинской области : материалы межрегион. науч.-практ. конф. — Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2005. — С. 274–277.
17. Юрин, В. И. 10 лет карстового, спелеоархеологического и спелестологического изучения территории Южного Урала (1995–2004 гг.) / В. И. Юрин // Природное и культурное наследие Урала : материалы III регион. науч.-практ. конф. — Челябинск, 2005. — С. 238–248.
18. Юрин, В. И. Старообрядческие скиты на озерах Челябинской области / В. И. Юрин // Природное и культурное наследие Урала : материалы III регион. науч.-практ. конф. — Челябинск, 2005. — С. 231–237.
19. Юрин, В. И. Разведки на территории Челябинской области // Археологические открытия 2004 года / В. И. Юрин ; ИА РАН. — Москва : Наука, 2005. — С. 384–387.
20. Юрин, В. И. Пещерные комплексы Южного Урала / В. И. Юрин // Природное и культурное наследие Урала : материалы IV регион. науч.-практ. конф., 17 мая 2006 г. / сост.: Н. А. Ваганова, Н. С. Расказова; науч. ред. Н. Г. Апухтина. — Челябинск : ЧГАКИ, 2006. — С. 116–121.
21. Юрин, В. И. Спелеоархеологические экспедиции «Сим 1998–2002» / В. И. Юрин // Природное и культурное наследие Урала : материалы IV регион. науч.-практ. конф. — Челябинск, 2006. — С. 121–122.
22. Юрин, В. И. Новые физико-географические объекты Южного Урала / В. И. Юрин // Южноуральская топонимика / Министерство по радиационной и экологической безопасности Челябинской области, Челябинская областная общественная организация «Центр детско-юношеского туризма и краеведения “Наследие”». — Мисс : Геотур, 2007. — С. 171–173.
23. Юрин, В. И. Пещерные комплексы / В. И. Юрин // Челябинская область : энциклопедия. В 7 т. Т. 5. / редкол.: К. Н. Бочкарев (гл. ред.) [и др.]. — Челябинск : Каменный пояс, 2008. — С. 173.
24. Юрин, В. И. Археологический пещерный комплекс // Челябинская область : энциклопедия. Т. 1 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. — Челябинск : Каменный пояс, 2008. — С. 198.
25. Юрин, В. И. Новый уникальный природно-исторический комплекс Верхнеуральского района // Город в верховьях Урала : сб. докл. участников науч.-практ. конф., посвященной 275-летию г. Верхнеуральска, 18 дек. 2009 г. — Челябинск, 2010. — С. 10–15.

26. Юрин, В. И. Из опыта исследований спелеообъектов Южного Урала и Зауралья : сб. науч. ст. / В. И. Юрин. — Челябинск : Цицеро, 2010. — 420 с.
27. Юрин, В. И. Саткинский район — пещерный край (по материалам работы Сикияз-Тамакской комплексной научной экспедиции (СТ-КНЭ) за период 1995–2010 гг.) / В. И. Юрин // Перекресток-2011 : краевед. альманах : по материалам краевед. конф. «Перекресток-2011». — Сатка, 2011. — С. 17–27.
28. Юрин, В. И. Из опыта исследований спелеообъектов Южного Урала и Зауралья: сб. науч. ст. / В. И. Юрин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Ч. 1. — Челябинск : Цицеро, 2011. — 276 с.
29. Юрин, В. И. Из опыта исследований спелеообъектов Южного Урала и Зауралья : сб. науч. ст. / В. И. Юрин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Ч. 2. — Челябинск : Цицеро, 2011. — 256 с.
30. Юрин Владимир Иванович : библиогр. указатель / Челяб. обл. универс. науч. б-ка, Отд. краеведения; [сост. Т. Н. Кичёва]. — Челябинск, 2011. — 116 с.
31. Юрин, В. И. Пещерные памятники и объекты Кыштымского городского округа / В. И. Юрин // Прошлое — в настоящем : сб. докл. участников обл. науч.-практ. конф., посвященной 255-летию г. Кыштыма. 22 мая 2012 г.- Челябинск, 2012. — С. 67–70.
32. Юрин, В. И. Баландинский пещерный комплекс: история открытия, изучения и использования / В. И. Юрин // Пещеры : сб. науч. тр. / Естественнoнауч. ин-т Перм. гос. нац. иссл. ун-та; ГИ УрО РАН — Пермь, 2019. — Вып. 42. — С. 88–96.
33. Юрин, В. И. Пещеры Челябинской области: история открытий и результаты исследований. 2011–2020 : сб. материалов / В. И. Юрин. — Челябинск : Край Ра, 2020. — 440, [32] с.
34. Юрин, В. И. Пещерные комплексы Кизильского района Челябинской области / В. И. Юрин // Географическое пространство: сбалансированное развитие природы и общества : материалы II междунар. науч.-практ. конф. — Челябинск : Край Ра, 2021. — С. 170–178.
35. Юрин, В. И. Уникальный природно-исторический комплекс в Карталинском районе / В. И. Юрин // Течет, течет река Миасс : краевед. альманах. Вып. 46 / сост. С. О. Кирочкина. — Челябинск : Край Ра, 2021. — С. 216–226.

Сведения об авторах

Аксентьева Юлия Сергеевна (Свердловская обл., г. Асбест) — студентка, консерваторский факультет, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: yulechka.aksenteva05@mail.ru

Безносова Елизавета Владимировна (г. Челябинск) — студентка, направление обучения «Культурология» («Арт-проектирование»), Челябинский государственный институт культуры
E-mail: lizbeznos1309@yandex.ru

Богдан Светлана Владимировна (г. Челябинск) — доцент кафедры социально-культурной деятельности, кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: bogdansveta@gmail.com

Божбанбаев Бауыржан Муратбекович (г. Алматы) — кандидат философских наук, доцент кафедры «История Казахстана и социальные науки», Казахская национальная академия искусств имени Тамирбека Жургенова
E-mail: bbozhbanbaev@mail.ru

Бортников Матвей Павлович (г. Челябинск) — студент, историко-филологический факультет (педагогическое образование по профилям: история и обществознание), Челябинский государственный университет
E-mail: bortnikov.matvei@yandex.ru

Бубенщиков Андрей Владимирович (г. Екатеринбург) — аспирант, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: vpandrey@mail.ru

Бурматнова Анна Андреевна (г. Екатеринбург) — артист балета, Свердловский государственный академический театр музыкальной комедии; магистр (кафедра педагогики хореографии), Челябинский государственный институт культуры
E-mail: annaburmatnova@mail.ru

Вагапова Варвара Сергеевна (г. Челябинск) — студентка, историко-филологический факультет (педагогическое образование по профилям: история и обществознание), Челябинский государственный университет
E-mail: chanbinseo@mail.ru

Вашкау Нина Эмильевна (г. Липецк) — профессор, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
E-mail: vaschkau@mail.ru

Верестюк Инна Юрьевна (г. Челябинск) — студентка, направление обучения «Культурология» («Арт-проектирование»), Челябинский государственный институт культуры
E-mail: ms.sinner@inbox.ru

Галимова Диана Максимовна (г. Челябинск) — студентка, кафедра режиссуры театрализованных представлений и праздников, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: galimovadiana61@gmail.com

Гейль Вера Васильевна (г. Челябинск) — доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Челябинского государственного института культуры, член Ассоциации искусствоведов России

E-mail: gieil83@mail.ru

Глухова Алина Олеговна (г. Полевской, Свердловская область) — балетмейстер МБУ «Центр культуры и народного творчества»; магистрант, Челябинский государственный институт культуры

E-mail: alina.kozyrina@mail.ru/ hf1@chgaki.ru

Гордеев Александр Сергеевич (г. Липецк) — студент, кафедра отечественной истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

E-mail: sashagordeev@mail.ru

Гришина Наталья Владимировна (г. Челябинск) — доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежный стран, декан историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет

E-mail: istfak@csu.ru

Густоварова Анастасия Владимировна (г. Челябинск) — студентка, направление подготовки «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм», Уральский государственный университет физической культуры

E-mail: turizm-chair@uralgufk.ru

Гушнинская Анна Ивановна (г. Коркино, Челябинская область) — студентка, кафедра режиссуры, театрализованных представлений и праздников, Челябинский государственный институт культуры

E-mail: anna.gushnyanskaya.03@gmail.com

Демаков Владислав Германович (г. Челябинск) — научный сотрудник, Государственный исторический музей Южного Урала

E-mail: demakoff@inbox.ru

Дёмин Пётр Вячеславович (г. Челябинск) — студент, кафедра истории России и зарубежных стран (педагогическое образование по профилям: история и обществознание), Челябинский государственный университет

Email: deminpeter365@gmail.com

Долдо Наталья Валентиновна (г. Челябинск) — заведующий кафедрой философии и культурологии, кандидат культурологии, доцент, Челябинский государственный институт культуры

E-mail: natalia_doldo@mail.ru

Дубских Татьяна Максимовна (г. Челябинск) — профессор, кандидат педагогических наук, Челябинский государственный институт культуры

E-mail: hf2@chgaki.ru

Ершова Дарья Олеговна (Челябинская область, г. Миасс) — студентка, направление подготовки «Искусство народного пения», Челябинский государственный институт культуры

E-mail: dashkaaaaa_16@mail.ru

Заднепровский Андрей Павлович (г. Челябинск) — студент, историко-филологический факультет (педагогическое образование по профилям: история и обществознание), Челябинский государственный университет

E-mail: Andreyyzyu@mail.ru

Зарипова Луиза Рамилевна (г. Челябинск) — магистрант, направление подготовки «Народная художественная культура», Челябинский государственный институт культуры

E-mail: luiza_zaripova_83@mail.ru

Захаров Николай Андреевич (г. Оренбург) — аспирант (5.10.1 Теория и история культуры, искусства), Челябинский государственный институт культуры

E-mail: web56@mail.ru

Захарова Полина Витальевна (г. Челябинск) — студентка, направление подготовки «Культурология» («Арт-проектирование»), Челябинский государственный институт культуры

E-mail: chess_cupcake@mail.ru

Иваныш Алёна Евгеньевна (с. Глинское, Свердловская область) — студентка, направление подготовки «Искусство народного пения», Челябинский государственный институт культуры

E-mail: aivanish19@gmail.com

Ивашкевич Дарья Олеговна (г. Челябинск) — студентка историко-филологического факультета (педагогическое образование по профилям: история и обществознание), Челябинский государственный университет

E-mail: daria.eremina@icloud.com

Инчина Юлия Константиновна (г. Карталы, Челябинская область) — студентка, направление подготовки «Искусство народного пения», Челябинский государственный институт культуры

E-mail: yulya.inchina.05@mail.ru

Ишимова Олеся Александровна (с. Фершампенуаз, Челябинская область) — директор МКУК «Дом творчества» Нагайбакского муниципального округа

E-mail: olesya.ishimova.80@mail.ru

Казакова Галина Михайловна (г. Челябинск) — профессор, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

E-mail: kazakovagm@mail.ru

Камалова Иветта Ирековна (г. Челябинск) — студентка, направление подготовки «Культурология» («Арт-проектирование»), Челябинский государственный институт культуры

E-mail: Kamaliva25i06@gmail.com

Качалова Ксения Александровна (г. Челябинск) — магистрант, кафедра режиссуры театрализованных представлений и праздников, специальность «праздничная культура», Челябинский государственный институт культуры

E-mail: kachalova-ksyushenka@mail.ru

Кваснина Анастасия Дмитриевна (г. Копейск, Челябинская область) — студент, направление подготовки «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм», Уральский государственный университет физической культуры

E-mail: nastya.kvasnina@mail.ru

Клевляник Вероника Олеговна (г. Челябинск) — студентка, историко-филологический факультет (педагогическое образование по профилям: история и обществознание), Челябинский государственный университет

E-mail: vklevlyanikk@mail.ru

Климаков Сергей Алексеевич (г. Челябинск) — кандидат исторических наук, самозанятый
E-mail: ksa74@bk.ru

Королёв Никита Сергеевич (г. Челябинск) — доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения, Челябинский государственный институт культуры, лектор Российского общества «Знание»
E-mail: korolev_ns_@mail

Кособуцкая Наталья Юрьевна (г. Челябинск) — доцент, кандидат культурологии, профессор кафедры педагогики хореографии, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: nkosobutskaja@mail.ru

Краснопольская Марина Юрьевна (г. Челябинск) — кандидат педагогических наук, доцент кафедры народного хорового пения, Челябинский государственный институт культуры; МБУ ДО «ДШИ № 5» г. Челябинска, МАУ ДО «Центр детского творчества «Гармония» г. Челябинска
E-mail: mpf2@chgaki.ru

Крупа Милена Викторовна (г. Челябинск) — студентка, историко-филологический факультет (педагогическое образование по профилям: история и обществознание), Челябинский государственный университет
E-mail: milenakrupa_210406@mail.ru

Крыгина Екатерина Дмитриевна (г. Оренбург) — научный сотрудник, МАУК «Орский краеведческий музей»
E-mail: krygina@ogikm.ru

Кутепова Ольга Евгеньевна (г. Челябинск) — кандидат педагогических наук, доцент кафедры туризма и сервиса, Уральский государственный университет физической культуры
E-mail: kutepova-olga@mail.ru

Лазарева Людмила Николаевна (г. Челябинск) — профессор, кандидат педагогических наук, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, Челябинский государственный институт культуры; заслуженный работник культуры Российской Федерации
E-mail: mailto:prazdnik-50@yandex.ru

Ланганс Елена Геннадьевна (г. Челябинск) — доцент, кандидат философских наук, кафедра философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: kf4@chgaki.ru

Левченко Мария Александровна (г. Челябинск) — кандидат культурологии, доцент, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: rkt@chgaki.ru

Лешуков Алексей Григорьевич (г. Челябинск) — кандидат культурологии, доцент, декан факультет декоративно-прикладного творчества Челябинского государственного института культуры
E-mail: leshukov.chgaki@yandex.ru

Лукина Кира Валентиновна (г. Ялта) — магистрант, специальность «народная художественная культура», хореографический факультет, Челябинский государственный институт культуры, ИП Лукина Кира Валентиновна
E-mail: kirakadastr@gmail.com

Лушникова Алла Вячеславовна (г. Челябинск) — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: lusha-9494@mail.ru

Морозова Ирина Николаевна (г. Челябинск) — доцент, кандидат культурологии, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: mo-rel@mail.ru

Москаленко Полина Ярославовна (г. Челябинск) — студентка, направление подготовки «Культурология» («Арт-проектирование»), Челябинский государственный институт культуры
E-mail: eiiqlakkk@yandex.ru

Муратбеков Магжан Бауыржанович (Республика Казахстан, г. Алматы) — PhD-докторант кафедры «Политология и социально-философские дисциплины», Казахский национальный педагогический университет имени Абая
E-mail: bbozhbanbaev@mail.ru

Мухаметдинова Лилияна Ахсановна (г. Межгорье, Республика Башкортостан) — студентка, направление подготовки 51.04.02 «Народная художественная культура» («Теория и практика педагогической деятельности и руководства хореографическим коллективом»), Челябинский государственный институт культуры; преподаватель МБУДО Детская школа искусств № 1 г. Межгорье
E-mail: liliyana.sakhautdinova@mail.ru

Невзоров Сергей Геннадьевич (г. Оренбург) — доцент, кандидат исторических наук, доцент военного учебного центра при ОГУ, Оренбургский государственный университет
E-mail: sg-nevzorov@mail.ru

Нурмагамбетова Айсанем Шиназбаевна (Республика Казахстан, г. Алматы) — PhD-докторант кафедры «Политология и социально-философские дисциплины», Казахский национальный педагогический университет имени Абая
E-mail: aysa_kz@mail.ru

Овчинникова Зоя Александровна (п. Увельский, Челябинская область) — директор МБУК «Краеведческий музей им. М. А. Тренина» Увельского муниципального округа
E-mail: muzey-uvelka@mail.ru

Пильзак Мария Валентиновна (Республика Казахстан, г. Петропавловск) — артист-танцор, преподаватель дополнительного образования (хореография), Областная филармония имени Аканы серы Управления культуры, развития языков и архивного дела акимата Северо-Казахстанской области; КГУ «Первая гимназия»; магистрант, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: pilzak2002@mail.ru

Подшумляк Вячеслав Иванович (г. Челябинск) — магистрант, кафедра истории, музеологии и документоведения, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: bars2929@mail.ru

Порошина Анастасия Ивановна (г. Челябинск) — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, Челябинский государственный институт культуры, член Союза писателей России
E-mail: marta_sneg@mail.ru

Рассказова Надежда Степановна (Турция, г. Аланья) — профессор, доктор географических наук, Аланийский университет Х. Эмина Паши
E-mail: nsrass@mail.ru

Рушанин Владимир Яковлевич (г. Челябинск) — профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории музеологии и документоведения, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: troma1956@mail.ru

Семенова Елена Викторовна (г. Челябинск) — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск
E-mail: selenavik@mail.ru

Соковиков Сергей Степанович (г. Челябинск) — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: sokovik49@mail.ru

Солнышкина Дарья Романовна (г. Челябинск) — магистрант, направление подготовки 54.04.01 Дизайн (профиль «Дизайн и визуальный коммуникации в архитектурной среде»), Челябинский государственный институт культуры
E-mail: solnyskinadara668@gmail.com

Степанова Александра Павловна (г. Стерлитамак, Республика Башкортостан) — педагог дополнительного образования, Студия современного танца «Диалог», Казанский технологический колледж ФГБОУ ВО «КНИТУ»; магистрант, направление подготовки «Народная художественная культура» (Теория и практика педагогической деятельности и руководство хореографическим коллективом), Челябинский государственный институт культуры
E-mail: alya.stepanova.00.00@mail.ru

Титов Николай Николаевич (г. Снежинск, Челябинская область) — краевед
E-mail: nikolay.titov.1958@mail.ru

Уварова Кристина Викторовна (г. Челябинск) — студентка, кафедра социально-культурной деятельности, Челябинский государственный институт культуры
E-mail: gravity-falls2017@yandex.ru

Усольцева Алёна Владимировна (г. Челябинск) — студентка, направление подготовки «Культурология» («Арт-проектирование»), Челябинский государственный институт культуры
E-mail: avusoltseva@mail.ru

Устьянцева Мария Александровна (г. Екатеринбург) — педагог дополнительного образования, МАУ ДДТ Октябрьского района; обучающаяся по направлению подготовки «Народная художественная культура», Челябинский государственный институт культуры
E-mail: mashkarmanova@yandex.ru

Фадеева Дарья Семеновна (г. Челябинск) — студентка, направление подготовки «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм», Уральский государственный университет физической культуры
E-mail: Dfadeeva07@gmail.ru

Харитоновна Елена Анатольевна (Республика Казахстан, г. Костанай) — заведующая отделом информационно-библиографического обеспечения

и краеведения, Областная библиотека для детей и юношества имени И. Алтынсарина; соискатель, аспирантура Челябинского государственного института культуры

E-mail: alen-5368j@mail.ru

Харькова Ольга Юрьевна (г. Челябинск) — студентка, направление подготовки «Культурология» («Арт-проектирование»), Челябинский государственный институт культуры

E-mail: kharkovaol25@gmail.com

Хлебалова Кристина Ивановна (г. Челябинск) — студентка, направление подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», кафедра истории, музеологии и документоведения, Челябинский государственный институт культуры

E-mail: kristina.khlebalova@mail.ru

Царьков Александр Валерьевич (г. Чебаркуль, Челябинская область) — студент, направление подготовки «Социально-культурная деятельность» (профиль «Менеджмент социально-культурной деятельности»), Челябинский государственный институт культуры; концертмейстер, преподаватель гитары и раннего фортепиано Детской школы искусств Чебаркульского городского округа

E-mail: avttsarkov@yandex.ru

Черепанова Ангелина Дамировна (г. Челябинск) — студентка, направление подготовки «Искусство народного пения», Челябинский государственный институт культуры

E-mail: evvivi22@gmail.com

Чумак Антон Андреевич (г. Челябинск) — студент, направление подготовки «Культурология» («Арт-проектирование»), Челябинский государственный институт культуры

E-mail: anton.chymak.06@gmail.com

Шагина Снежана Владимировна (г. Челябинск) — студентка, кафедра режиссуры театрализованных представлений и праздников, Челябинский государственный институт культуры

E-mail: snezhanashagina@yandex.ru

Шульга Арсений Александрович (г. Челябинск) — студент, историко-филологический факультет (педагогическое образование по профилям: история и обществознание), Челябинский государственный университет

E-mail: MrArsG@list.ru

Шушарина Надежда Петровна (г. Челябинск) — краевед

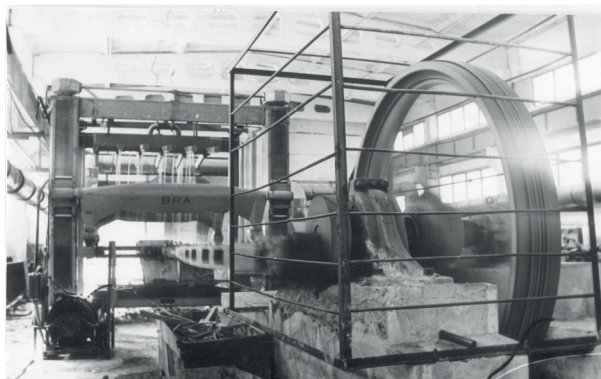
E-mail: Nani_NP@bk.ru

Юрин Владимир Иванович (г. Челябинск) — старший научный сотрудник Центра историко-культурного наследия г. Челябинска, директор АНО «Южно-Уральский центр комплексного изучения пещер “Следопыт”»

E-mail: v_yurin@mail.ru

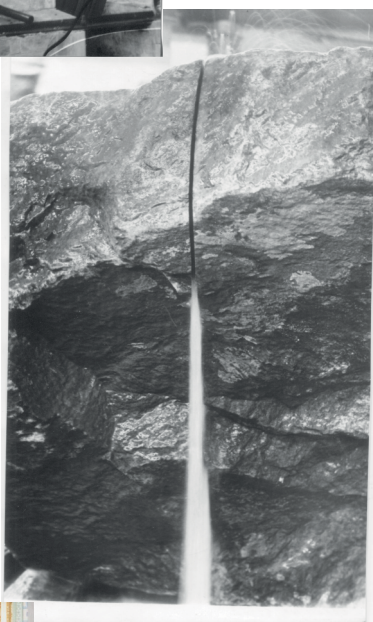
Япринцева Кира Львовна (г. Челябинск) — доцент, кандидат культурологии, доцент кафедры педагогики и этнокультурного образования, Челябинский государственный институт культуры

E-mail: kira7373@mail.ru

- 1** Станок итальянский фирмы BRA для распиловки яшмы.
Орская ГРП, 1987

**Фото 1–3
из фондов
Орского
краеведческого
музея**

2

Распиловка
яшмы

3

Камин парадной спальни из яшмы, малахита, лазурита, мрамора.
Перенесен из Михайловского замка после пожара в 1803 г.

4 Яшмовая гора Полковник
в районе Старой биофабрики Орска, 1987

Ваза из орской яшмы.
Петергофская фабрика, 1803

Нагрудный знак «Мэр города Орска».
Из коллекции
Орского краеведческого музея

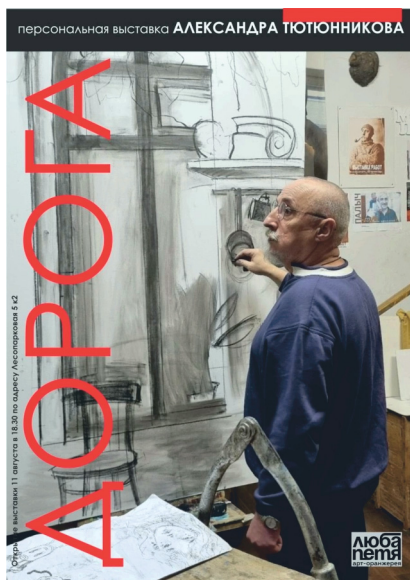
**Фото 4–5 из фондов
Орского краеведческого музея**

Храмова А. В. Уральская краса.
Витражная живопись

Афиша выставки
«Союзники», январь 2026

Афиша выставки
А. П. Тютюнникова «Дорога».
Арт-пространство «ЛюбаПетя»,
август 2025

1. Геолокация стены с нетипичной кладкой
2. Фрагмент стены с нетипичной кладкой
3. Фрагмент стены с нетипичной кладкой
4. Отверстия для соединения блоков друг с другом с помощью стержней
5. Отверстия для соединения блоков друг с другом с помощью стержней

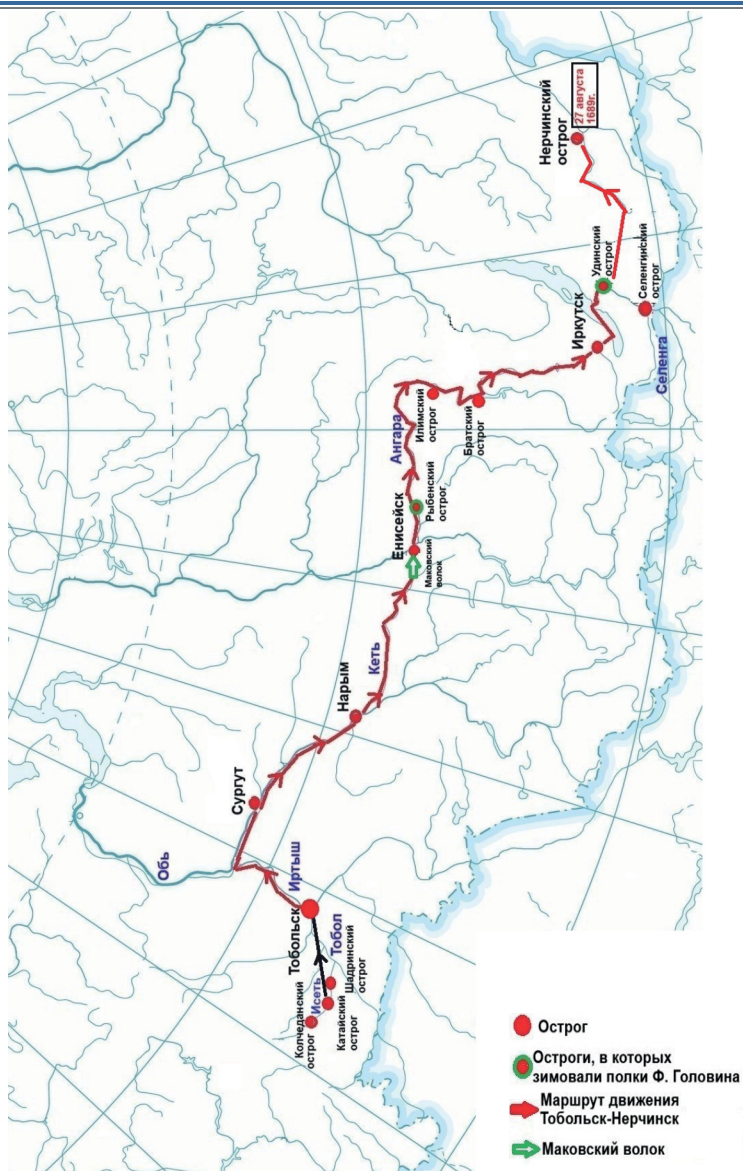
6. Пристань в г. Кыне на р. Чусовой
7. Фундамент храма Живоначальной Троицы в г. Кыштыме
8. Билимбаевская пристань на р. Чусовой. Отправка каравана из Билиба (фотооткрытка, нач. XX в.)
9. Корпуса завода в г. Шайтанке (фото С. М. Прокудина-Горского, 1912)
10. Карта территории Шайтанского завода XVIII в.
11. Памятная доска на стене

Поселения на реках
Ница, Исеть, Миасс
в конце XVII в.

- граница территорий русского заселения и башкирских земель к концу 17 века
- △ - монастыри
- ⬠ - остроги
- - слободы

Маршрут перехода Тобольск – Удинск (1686–1687)

К станице
З. А. Овчинниковой

Иван Васильевич
Гладышев

К станице
Н. Н. Тупова

Михаил Федорович Рогачев

Николай Семенович
Рябокoнь

Анна Алексеевна
Суханова

ISBN 978-5-94839-913-3

9 785948 399133